

БелГУ
БелГУ
BELGOROD STATE
UNIVERSITY (BSU)

ЛЕКСИКОГРАФИЯ И КОММУНИКАЦИЯ - 2015

Материалы I Международной научной конференции

*23 - 24 апреля 2015 г.
г. Белгород*

2015

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

ЛЕКСИКОГРАФИЯ И КОММУНИКАЦИЯ – 2015

Материалы I Международной научной конференции

г. Белгород, 23 – 24 апреля 2015 г.

Белгород
2015

УДК 81'1
ББК 81.0
Л 63

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Педагогического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета

Редакционная коллегия

А.П. Седых, доктор филол. наук, профессор (отв. редактор)
И.А. Котенева, кандидат филол. наук, доцент
Ю.Н. Мельникова, кандидат филол. наук, доцент
С.Н. Степаненко, кандидат филол. наук, доцент

Л 63

Лексикография и коммуникация – 2015: материалы
I Междунар. науч. конф. (г. Белгород, 23-24 апреля 2015 г.) / под
ред. А.П. Седых. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ»,
2015. – 212 с.

ISBN 978-5-9571-1100-9

В сборнике представлены материалы докладов I Международной научной конференции «Лексикография и коммуникация – 2015». Сборник призван способствовать обмену новейшей информацией в области теории и практики лексикографии и коммуникации, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает три основных раздела: «Методологические и лингвистические аспекты лексикографии», «Словарный текст и дискурс: категории описания», «Когнитивно-коммуникативный анализ словарного материала».

Адресуется учителям школ и преподавателям вузов, студентам, аспирантам, магистрантам филологических специальностей и всем, кто интересуется проблематикой взаимодействия словарного дискурса и коммуникации.

УДК 81'1
ББК 81.0

ISBN 978-5-9571-1100-9

© Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Методологические и лингвистические аспекты лексикографии

Pruvost Jean (Paris, France) LES DICTIONNAIRES, ENTRE CODES ET INTERPRÉTATIONS: UNE BELLE AVENTURE!	8
Аматов А.М., Свищев Г.В. (Белгород, Россия) ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА: К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКОВОГО ПРОТЕКЦИОНИЗМА	15
Dekhnich O.V., D.V. Trofimova (Belgorod, Russia) TIME CATEGORY IN ENGLISH AND GERMAN LANGUAGE WORLD VIEWS THROUGH METAPHOR TRANSLATION ANALYSIS IN “MOMO” BY M. ENDE.....	21
Ермакова Л.Р., Хворостьяная Н.В. (Белгород, Россия) ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ СЛОВАРЕЙ	25
Красавский Н.А. (Белгород, Россия) ТИПЫ СЛОВАРНЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ НОМИНАНТОВ ЭМОЦИЙ	33
Кудрявцева Н.Б., Безрукова Е.И. (Белгород, Россия) ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В АСПЕКТЕ ЛЕКСИКОГРАФИИ	41
Кураш С.Б. (Мозырь, Беларусь) ПОНЯТИЕ «МЕТАФОРА»: ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЕ vs. ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ	45
Скокова Т.Н., Ярыгина О.Н. (Белгород, Россия) КАТЕГОРИИ РЕЛЯЦИОННОСТИ КАК БАЗИС СОСТАВЛЕНИЯ ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЕЙ	54
Sedykh A.P. (Belgorod, Russie) VOCABULAIRE DES FRANÇAIS D’AUJOURD’HUI: PRÉFÉRENCES PHRASÉOLOGIQUES	58
Тимошилова Т.М., Вальчук Т.Г. (Белгород, Россия) РОЛЬ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ПРИ РАСКРЫТИИ ЗНАЧЕНИЙ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН В РОМАНЕ БАРРИ АНСВОРТА «МОРАЛИТЕ»	61
Трубаева Е.И., Федорова И.А. (Белгород, Россия) К ВОПРОСУ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗГРАНИЧЕНИЯ НЕКОТОРЫХ СЛОВАРНЫХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	69
Федотов А.Б. (Белгород, Россия) ДЕФИНИЦИЯ СЛОВА «ПИАР» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИКЕ	75
Харченко В.К. (Белгород, Россия) О ДЕМОНСТРАЦИОННОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА	79
Янутик С.Я. (Белгород, Россия) ПРОИЗВОДНОЕ СЛОВО КАК ЕДИНИЦА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ НОМИНАЦИИ В ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ	88

2. Словарный текст и дискурс: категории описания

Correll P. (Stuttgart, Deutschland) ERFAHRUNGSBERICHT: DREI SPIELE ZUR FÖRDERUNG VON KOMMUNIKATION IM SPRACHUNTERRICHT	92
Maiaux C. (Cergy-Pontoise, France) L’IMAGINAIRE DE LA LANGUE FRANÇAISE COMME SOURCE DE CRÉATIVITÉ LITTÉRAIRE: ARGUMENTS ET CONTRE-ARGUMENTS D’ÉCRIVAINS FRANÇAIS ET FRANCOPHONES	95
Meierhofer C. (Bonn, Deutschland) ZEICHENHANDEL. NOTIZEN ZU INTERKULTURALITÄT, LITERARISCHER KOMMUNIKATION UND INGO SCHULZES 33 AUGENBLICKE DES GLÜCKS	104
Strömsdörfer D. (Kiel, Deutschland) ZUR GRAMMATIK GESPROCHENER SPRACHE IM DAF-UNTERRICHT.....	112
Балабаева Ю.Е., Профатилова С.М. (Белгород, Россия) – ПРЕЗЕНТНЫЕ ФОРМЫ КОНЪЮНКТИВА В ФУНКЦИИ ГРАММАТИКАЛИЗОВАННЫХ МАРКЕРОВ	

ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (на материале научного текста)	117
Безрукова Е.И., Кудрявцева Н.Б. (Белгород, Россия) СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДЕФИНИЦИОННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ	121
Бондарева М.М. ТЕМАТИЧЕСКИЙ ВОКАБУЛЯРИЙ: НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ	127
Кривчикова Н.Л., Трещёва Н.В. (Белгород, Россия) АНГЛИЙСКАЯ ЛЕКСИКА КАК ИСТОЧНИК ПОПОЛНЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО СЛОВАРЯ XX ВЕКА	130
Лагоденко Д.В., Лагоденко Ж.М. (Белгород, Россия) ИДИОМАТИКА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕВОДА	135
Моисеева С.А., Котенева И.А. (Белгород, Россия) ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ФРАНЦУЗСКИХ ДЕГУСТАТОРОВ И СОЗДАТЕЛЕЙ ПАРФЮМЕРНОЙ ПРОДУКЦИИ	141
Огнева Е.А., Куценко А.А. (Белгород, Россия) ДИСКУРС КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРМАТ РЕАЛЬНОСТИ	147
Пичугина К.И. (Белгород, Россия) ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	154
Чужикова Д.С. (Белгород, Россия) ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛОВ ДЛЯ ЖЕНЩИН: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	159
Щербинина Е.М. (Белгород, Россия) К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ И ХАРАКТЕРЕ ДИСКУРСА КАК ЭЛЕМЕНТА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	164
3. Когнитивно-коммуникативный анализ словарного материала	
Голубева Ю.В. (Белгород, Россия) ИЗУЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ СЕМАНТИКИ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЖЕСТЫ, В СОВРЕМЕННОЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ ПОСРЕДСТВОМ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ И ТЕЗАУРУСА	167
Дехнич О.В., Ярыгина О.Н. (Белгород, Россия) ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖУЛИАНА БАРНСА)	172
Каблучко А.О. (Белгород, Россия) К ВОПРОСУ ОБ АРСЕНАЛЕ ДИСКУРСНЫХ СРЕДСТВ РОССИЙСКОГО УЧИТЕЛЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА	176
Мельникова Ю.Н., Шигорева Е.С. (Белгород, Россия) СТАТУС ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С ИМЕНАМИ НАРИЦАТЕЛЬНЫМИ)	181
Найденова М.В. (Белгород, Россия) ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ НЕМЕЦКИХ СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ПЕРВЫМ КОМПОНЕНТОМ – ИМЕНЕМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ В РАННЕНОВОВЕРХНЕНЕМЕЦКИЙ ПЕРИОД	188
Сапронова Е.А. (Белгород, Россия) ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-НЕОЛОГИЗМОВ В СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	194
Седых А.П., Сосоенко С.С. (Белгород, Россия) СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОКАБУЛЯРИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	199
Сергей В.Н. (Мозырь, Республика Беларусь) НЕМЕЦКИЙ ГЛАГОЛ ANZIENEN: СЛОВАРНЫЕ ДЕФИНИЦИИ И РЕЧЕВЫЕ ПРАКТИКИ	203
Цзиншэнь Гэ (Белгород, Россия) АНТРОПОЦЕНТРИЗМ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ФРАЗЕОЛОГИИ	207

CONTENT

1. Methodological and linguistic aspects of lexicography

Pruvost Jean (Paris, France) DICTIONARIES BETWEEN CODES AND INTERPRETATION: BEAUTIFUL ADVENTURE!	8
Amatov Alexander, Svishchev Gennady (Belgorod, Russia) LEXICOGRAPHY AND LANGUAGE POLICY: ON THE ISSUES OF LINGUISTIC PROTECTIONISM	15
Dekhnich O.V., D.V. Trofimova (Belgorod, Russia) TIME CATEGORY IN ENGLISH AND GERMAN LANGUAGE WORLD VIEWS THROUGH METAPHOR TRANSLATION ANALYSIS IN “MOMO” BY M. ENDE	21
Ermakova L.R., Hvorostjanaya N.V. (Belgorod, Russia) TYPOLOGICAL FEATURES OF DICTIONARIES	25
Krasavskii N.A. (Belgorod, Russia) TYPES OF DICTIONARY DEFINITIONS OF NOMINEES EMOTIONS	33
Kudryavtseva N.B., Besrukova E.I. (Belgorod, Russia) TERMINOLOGICAL VOCABULARY IN LEXICOGRAPHIC ASPECT	41
Kurash S.B. (Mozyr, Republic of Belarus) NOTION «METAPHOR»: LEXICOGRAPHYING vs. DISCOURSE	45
Skokova T.N., Yarygina O.N. (Belgorod, Russia) CATEGORIES OF RELATIONS AS THE BASIS OF COMPILING BILINGUAL DICTIONARIES	54
Sedykh A.P. (Belgorod, Russia) FRENCH VOCABULARY TODAY: PHRASEOLOGICAL PREFERENCES	58
Timoshilova T.M., Valchuk T.G. (Belgorod, Russia) THE SIGNIFICANCE OF THE ETYMOLOGICAL DICTIONARY IN ANALYZING PERSONAL NAMES IN ‘MORALITY PLAY’ BY BARRY UNSWORTH	61
Trubayeva E. I., Fedorova I. A. (Belgorod, Russia) TO THE QUESTION OF SOME PECULIAR DISTINCTIVE FEATURES OF THE VOCABULARY TERMINOLOGICAL NOTIONS IN MODERN COGNITOLOGY	69
Fedotov A.B. (Belgorod, Russia) DEFINITION OF THE WORD «PR» IN RUSSIAN LEXICOGRAPHY	75
Kharchenko V.K. (Belgorod, Russia) ON THE DEMONSTRATIVE DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE	79
Yanutik S.Y. (Belgorod, Russia) DERIVATION AS A UNIT OF WORD-FORMING NOMINATION IN BILINGUAL DICTIONARIES	88

2. Vocabulary, Text and Discourse: descriptions categories

Correll P. (Stuttgart, Deutschland) ERFAHRUNGSBERICHT: DREI SPIELE ZUR FÖRDERUNG VON KOMMUNIKATION IM SPRACHUNTERRICHT	92
Mayaux C. (Cergy-Pontoise, France) L’IMAGINAIRE DE LA LANGUE FRANÇAISE COMME SOURCE DE CRÉATIVITÉ LITTÉRAIRE: ARGUMENTS ET CONTRE-ARGUMENTS D’ÉCRIVAINS FRANÇAIS ET FRANCOPHONES	95
Meierhofer C. (Bonn, Deutschland) ZEICHENHANDEL. NOTIZEN ZU INTERKULTURALITÄT, LITERARISCHER KOMMUNIKATION UND INGO SCHULZES 33 AUGENBLICKE DES GLÜCKS	104
Strömsdörfer D. (Kiel, Deutschland) ZUR GRAMMATIK GESPROCHENER SPRACHE IM DAF-UNTERRICHT	112

Balabaeva J.J., Profatilova S.M. (Belgorod, Russia) THE PRESENT FORMS OF CONJUNCTIVE AS GRAMMATICALIZING MARKERS OF THE CATEGORY OF EVIDENTIALITY (in the German scientific literature)	117
Besrukova E.I., Kudryavtseva N.B. (Belgorod, Russia) SEMANTIC-SYNTACTIC ASPECT OF DEFINITIONAL SENTENCES.....	121
Bondareva M.M. SUBJECT VOCABULARY: NATIONAL AND CULTURAL ASPECT	127
Krivchikova N.L., Treshcheva N.V. (Belgorod, Russia) ENGLISH LEXICON AS A SOURCE OF REPLENISHMENT OF THE FRENCH DICTIONARY OF 20th CENTURY	130
Lagodenko J.V., Lagodenko J.M. (Belgorod, Russia) IDIOMS IN LEXICOGRAPHICAL DISCOURSE IN THE CONTEXT OF TRANSLATION	135
Moisseeva S.A., Koteneva I.A. (Belgorod, Russia) FEATURES OF TERMINOLOGICAL DICTIONARY OF THE FRENCH TASTERS AND CREATORS OF PERFUMES	141
Ogneva E. A., Kutsenko A.A. (Belgorod, Russia) DISCOURSE AS THE LINGUO-CULTURAL FORMAT OF REALITY	147
Pichugina K.I. (Belgorod, Russia) PRAGMATIC CHARACTERISTICS OF A LEXICOLOGICAL DISCOURSE	154
Chuzhikova D.S. (Belgorod, Russia) LANGUAGE FEATURES OF GLOSSY MAGAZINES FOR WOMEN: LEXICOGRAPHIC ASPECT	159
Shcherbinina E.M. (Belgorod, Russia) ABOUT THE STRUCTURE AND CHARACTER OF DISCOURSE AS AN ELEMENT OF INTERDISCIPLINARY STUDY	164

3. Cognitive and communicative analysis of the vocabulary material

GOLUBEVA J.V. (Belgorod, Russia) STUDYING OF SEMANTIC FEATURES OF THE VERBS OF GESTURES IN MODERN COGNITOLOGY BY MEANS OF EXPLANATORY DICTIONARY AND THESAURUS	167
Dekhnich O.V., Yarygina O.N. (Belgorod, Russia) SOME PECULIARITIES OF IDIOM TRANSLATION (BASED ON JULIAN BARNES'S NOVELS)	172
Kabluchko A.O. (Belgorod, Russia) ABOUT THE ARSENAL OF DISCURSIVE MEANS OF THE RUSSIAN TEACHERS OF FRENCH	176
Melnikova Y.N., Shigoreva E.S. (Belgorod, Russia) STATUS OF PROPER NAMES IN THE LEXICAL SYSTEM (COMPARED WITH COMMON NAMES)	181
Naydenova M.V. (Belgorod, Russia) CHANGES IN THE STRUCTURE OF GERMAN COMPOUND NOUNS WITH THE FIRST COMPONENT – NOUN IN THE EARLY-NEW-HIGH-GERMAN PERIOD	188
Sapronova E.A. (Belgorod, Russia) FEATURES OF FUNCTIONING OF THE INTERNET NEOLOGISMS IN THE VOCABULARY OF THE ENGLISH LANGUAGE	194
Sedykh A.P., Sosenko S.S. (Belgorod, Russia) SPECIFIC CHARACTER OF PHRASEOLOGICAL VOCABULARY IN MODERN FRENCH LANGUAGE AND CULTURE	199
Sergey V.N. (Mozyr, Belarus) GERMAN VERB <i>ANZIEHEN</i> : DICTIONARY DEFINITIONS AND SPEECH PRACTICE	203
Czinshjen Gje (Belgorod, Russia) ANTHROPOCENTRISM OF CONTEMPORARY STUDIES OF PHRASEOLOGY	207

Предисловие

Создание словарей – древнейшее занятие человечества. Термины «глоссарий» и «вокабулярий» использовали древние шумеры для обозначения списка малопонятных слов и выражений. Появление словарей в форматах, приближенных к современному восприятию, может быть отнесено к XIV веку. Прошое столетие и начало второго тысячелетия отмечено бурным развитием лексикографической практики, опыт которой требует описания и обобщения в рамках организованного знания.

В настоящем сборнике представлены материалы докладов первой Международной научной конференции «Лексикография и коммуникация – 2015», организованной Белгородским государственным национальным исследовательским университетом (Россия), Мозырским государственным педагогическим университетом имени И.П. Шамякина (Беларусь), Университетом Сержи-Понтуаз (Франция) и Бременским университетом (Германия).

Конференция объединила языковедов и гуманитариев различных школ и направлений для обсуждения и обмена мнениями по актуальным вопросам современной лексикографии и коммуникации, изучения перспектив адекватного словарного отражения состояния национального языка и коммуникативного поведения. В ходе дискуссий был рассмотрен широкий круг вопросов функционирования словарного дискурса, исследования его коммуникативных, информационных, культурологических аспектов. Важным направлением обсуждений стали следующие темы: метаязык лексикологии и лексикографии, теория и практика экспериментальной лексикографии, национальная специфика языка и её отражение в нормативном словаре.

В работе конференции приняли участие ведущие учёные Беларуси, Германии, России, Франции, что нашло своё отражение в публикуемых работах, касающихся актуальных методологических и лингвистических аспектов лексикографии, категорий описания словарного текста и дискурса, когнитивных и коммуникативных исследований словарного материала. Свои материалы представили учителя школ и преподаватели вузов, аспиранты, магистранты.

Помимо чисто лексикографической и терминологической проблематики в сборнике представлены результаты исследований по лингвистике, культурологии, литературоведению, переводоведению.

Надеемся, что первый сборник Международной научной конференции «Лексикография и коммуникация – 2015» найдёт своего заинтересованного читателя.

Оргкомитет

Раздел 1. Методологические и лингвистические аспекты лексикографии

LES DICTIONNAIRES, ENTRE CODES ET INTERPRÉTATIONS: UNE BELLE AVENTURE!

Jean PRUVOST

Directeur du laboratoire CNRS LDI-Cergy.
Professeur des universités en Sciences du langage.
Cergy-Pontoise, France

Жан ПРИОВО

Руководитель лаборатории
Национального центра научных исследований
Профессор университета
Сержи-Понтуаз, Франция

«Depuis le début du siècle dernier, les dictionnaires font de l'objectivité une vertu cardinale. Nul mouvement d'humeur, nulle opinion un peu originale ne doit troubler le défilement bien huilé des lettres de l'alphabet » déclare Françoise Guerard dans un ouvrage paru en 2015 chez Honoré Champion, sous ma direction, le *Dictionnaire, miroir du monde, mémoire des hommes*.

C'est ainsi qu'effectivement, le dictionnaire paraît représenter un code aux définitions objectives et aux informations ne se prêtant pas à l'interprétation du lexicographe. Pourtant, même si d'évidence la part personnelle du lexicographe doit être réduite le plus possible, un dictionnaire restera toujours un lieu d'interprétation parce que l'être humain en reste le concepteur, avec une interprétation qui se fait même à son insu en fonction de son époque, de ses perceptions, de son expérience et de son tempérament.

On se contentera de citer l'article « zénitude » entré dans le millésime 2015 du *Petit Larousse illustré* et de lire l'exemple donné : « Le lâcher-prise est l'une des conditions de la *zénitude* au bureau. » pour comprendre qu'aussi objective que puisse souhaiter être une équipe de lexicographes, vient toujours le moment où on exprime un point de vue personnel, une sorte d'état d'âme qui échappe à la pure objectivité.

«Le dictionnaire est un code»: ce sera donc notre premier argumentaire, pour ensuite démontrer que ce type d'ouvrage est aussi une œuvre d'interprétation. À dire vrai, affirmer que le dictionnaire est un code est presque de l'ordre du truisme. Citons, pour lui rendre hommage, Alain Rey, qui dans un document consacré à Paul Robert, dans le cadre d'un petit film où nous étions tous deux interrogés sur la genèse des dictionnaires, déclarait que « dans une certaine mesure, chaque langue est un code secret pour tous les gens qui l'utilisent. C'est un code qu'ils maîtrisent, mais seulement en partie. Et quel est le but du dictionnaire? C'est de donner une plus grande maîtrise du code et de permettre de comprendre mieux ce qui se dit, ce qui s'écrit, ce qui s'imprime, ce qui se commente avec les images de télévision et tout le trafic que permet une langue, en l'occurrence la langue française. »

J'ajouterai que la naissance des dictionnaires est parallèle à la naissance des nations qui prennent conscience de leur force linguistique et du rayonnement qui peut

en découler. Ainsi, est-ce bien au Grand siècle, sous Louis XIII et par le truchement de Richelieu, qu'une volonté d'État s'exprima par la création de l'Académie française en 1635. Tout comme sous l'impulsion du Général de Gaulle seront relancés le CNRS et ce très grand projet auquel a correspondu le *Trésor de la langue française*, commencé en 1971 et achevé en 1994. De fait, le Roi ou le Président ne sont pas censés faire usage d'une langue morte ou d'une langue étrangère : ils doivent s'exprimer dans leur langue et faire en sorte que cette langue appartienne et participe du code commun. À être encore plus précis, si Charlemagne a compris que les capitulaires devaient être rédigés dans une langue indiscutée et universelle, le latin, il en va de même pour nos grands rois successifs, et l'on pense entre autres à Louis XI et François Ier. Ce dernier réussissait en effet à installer en somme la langue française comme langue d'État avec l'ordonnance de Villers-Cotterêts, acte fondateur de la primauté du français dans les documents relatifs à la vie publique du royaume. Le français devenait ainsi la langue officielle du droit et de l'administration.

Ce n'est évidemment pas sans parallèle direct avec le développement des dictionnaires, à commencer par le *Dictionnaire françoislatin* de Robert Estienne, en 1539, belle convergence, qui offre la langue française en première place dans la nomenclature. De fait, Robert Estienne bénéficiait de l'appui de François Ier, ce dernier lui rendait en effet visite de temps à autre, en compagnie de sa sœur, séduits qu'ils étaient tous deux par le modernisme – celui de l'Imprimerie – et le vent nouveau qui soufflait en ces lieux où naissaient les premiers hommages à la langue française. Quelques décennies plus tard, dans son sillage venait le *Trésor de la langue françoise tant ancienne que moderne* de Jean Nicot, sans plus aucune allusion au latin dans son titre, premier faux bilingue comme le définit Bernard Quemada. L'essentiel allait désormais porter sur la description de la langue française et on ne s'étonnera pas que son auteur, Jean Nicot, soit fils de notaire et diplomate. Le besoin d'un code au service de la nation devenait impérieux, Jean Nicot mourait en 1600, mais son projet le dépassait déjà – un code linguistique appartient en définitive à une nation – et le dictionnaire sera publié en 1606 par le libraire David Douceur.

Viendrait ensuite la centralisation de la monarchie absolue se concrétisant avec la première commande d'État pour un projet lexicographique. On a reconnu, à la suite de la création de l'Académie française en 1635, la commande du dictionnaire de l'Académie, explicitement énoncée dans l'article 24 des statuts de l'Académie française: «La principale fonction de l'Académie sera de travailler avec tout le soin et toute la diligence possibles, à donner des règles certaines à notre langue et à la rendre pure, éloquente et capable de traiter les arts et les sciences».

À l'instauration d'un État fort est centralisé, correspondraient en fait trois dictionnaires parus au cours des deux dernières décennies du XVIIe siècle, le *Dictionnaire françois* de Richelet en 1680, le *Dictionnaire universel* de Furetière en 1690, le *Dictionnaire de l'Académie française* en 1694, celui de l'usage, auquel il faudrait ajouter, paru aussi en 1694 et au nom de l'Académie, celui du frère de Pierre Corneille, le *Dictionnaire des Arts et des sciences* dévolu aux vocabulaires de spécialités.

Il n'est pas indifférent de relire la première définition du mot *dictionnaire* dans le premier dictionnaire monolingue de la langue française, celui de Pierre Richelet :

« Dictionnaire : Livre qui contient les mots d'une langue, d'un art ou d'une science par ordre alphabétique. *Un bon dictionnaire est très difficile à faire. Un dictionnaire de droit, un dictionnaire de médecine, un dictionnaire de rimes.* » Au-delà de la remarque offerte sous la forme d'un soupir quant à la difficulté de l'élaboration d'un tel « livre », on remarquera que le tout premier exemple donné par Richelet, avocat au Parlement de Paris (encore le Droit), est justement celui du *dictionnaire de droit*. On passe ainsi d'un code à l'autre, du *code* des mots au *code* des lois. Et à sa façon Richelet présente le tiercé gagnant des dictionnaires : – tout d'abord le dictionnaire en tant que code de la langue générale ; – puis celui des spécialités, en citant le Droit et la Médecine, il s'agit alors du code définitoire de deux disciplines indispensables au fonctionnement d'un État (ses règles de vie commune, avec le droit, et le soin apporté aux organismes physiologiques de ses membres, avec le médecine) ; enfin, pour finir, un dictionnaire spécialisé de la langue française, celui des rimes, indispensable aux hommes de lettres du moment.

Quant à Furetière, il y définit le dictionnaire comme « recueil fait en manière de catalogue de tous les mots d'une Langue, ou d'une ou plusieurs sciences ». Même dichotomie. Et en tant que dictionnaire encyclopédique on bénéficie d'un commentaire de trente-cinq lignes sur l'histoire des dictionnaires : de fait, le genre « dictionnaire » est déjà illustre. On remarquera que Richelet et Furetière poussent à l'exhaustivité, il s'agit de rassembler « les mots » d'une langue pour Richelet, et « tous les mots d'une langue » pour Furetière.

Et si l'on consulte maintenant la première édition du *Dictionnaire de l'Académie française*, en voici la définition : « Vocabulaire, recueil par ordre de tous les mots d'une langue. », de nouveau l'exhaustivité, définition suivie d'exemples précis. « *Dictionnaire François. Dictionnaire Latin. Dictionnaire François-Latin, dictionnaire par ordre alphabétique. Dictionnaire par ordre des racines, par racines, bon dictionnaire, ample dictionnaire. On dit aussi, Dictionnaire Poétique-historique, historique-Geographique etc.* ».

On n'ira pas plus loin dans la notion de dictionnaire en tant que code, le ton était donné par les trois premiers dictionnaires monolingues de la langue à la fin du Grand Siècle. On rappellera que les Préfaces sont sans ambiguïté : il convient d'installer la langue française comme code premier et même comme code universel. La langue française, insiste Richelet dans sa Dédicace au Prince Ferdinand, « est aujourd'hui [...] l'amour des Nations les plus polies ; & elle dispute de la beauté avec toutes les langues mortes ». Comprendons qu'au code universel qu'était le latin devait désormais se substituer le français. Par ailleurs dans la préface, on relèvera cette volonté de faire du dictionnaire *françois*, un dictionnaire du français langue étrangère (FLE) avant l'heure : « En faveur des Étrangers, on a ajouté aux mots, & aux phrases des bons Écrivains le genre de chaque nom avec la terminaison féminine des adjectifs, & l'on en a donné des exemples ».

C'est nous faire remarquer que le locuteur français n'avait nul besoin d'exemples et de marques grammaticales. Pour prendre par exemple l'un des premiers mots, le locuteur natif n'a pas besoin qu'on lui dise que le mot « abaïe » est féminin et qu'il se prononce « abéïe », il le sait parfaitement, et l'exemple ajouté « Une bonne abéïe » ne lui apporte rien, il ne lui est pas utile de disposer d'un dictionnaire pour

prendre conscience qu'il faut mettre l'adjectif ici avant le substantif et de le donner au féminin. Sans parodier le sketch célèbre de Muriel Robin sur le mot *aquarium*, on pense à la remarque spontanée des enfants qui disent savoir très bien que l'on dit « un chien » et « une chienne » et non « une chien ». Le dictionnaire est en réalité à 80 % constitué d'informations inutiles pour le locuteur de même langue. En vérité, le côté systématique de l'information apporté pour chaque mot relève de deux dynamiques : la première qui a été un peu oubliée à propos des premiers dictionnaires est celle qui correspond alors au service rendu aux étrangers pour que le code linguistique soit bien maîtrisé ; la seconde, devenue inconsciemment une règle, consiste en la description systématisée de tous les mots, à la manière d'un code sur lequel tout le monde doit s'entendre pour communiquer, sans aucune distinction entre les mots difficiles et les mots les plus courants. On fixe alors dans un état de langue donné les caractéristiques grammaticales dudit code linguistique. En fin de compte, que vaudrait le code Napoléon, s'il n'y avait un autre code, celui que représente le dictionnaire de la langue française, pour garantir somme toute légalement la forme et le sens de chaque mot ?

Passons maintenant au dictionnaire en tant que lieu d'interprétation. Il y a quelques années, je m'étais intéressé à la notion d'interprétation en fonction de l'ouvrage d'Umberto Eco paru sur « Les limites de l'interprétation » en 1990. La formule m'avait plu et je l'appliquais immédiatement au sujet qui nous rassemble, les dictionnaires. Je fus surpris alors de constater combien ce terme même d'*interprétation* était à l'honneur dans les dictionnaires et leur préface. Ainsi que déclare Paul Imbs en 1971 dans la préface du *Trésor de la langue française* ? « Le dictionnaire de langue est d'abord un dictionnaire de lecture, d'**interprétation**, de décodage ». Et il prend bien soin en l'occurrence d'offrir en caractères gras le mot même d'*interprétation*. De fait, insistance consciente ou inconsciente, dès les deux premières pages de la Préface, Paul Imbs usera à sept reprises des vocables « interpréter » et « interprétation », avec même des formules autonymiques : « un dictionnaire de langue, c'est-à-dire d'interprétation » (Préface p. XII).

Lorsque Paul Imbs caractérise ainsi le dictionnaire, il pense tout d'abord au rôle joué par les dictionnaires de langue auprès des lecteurs et donc au fait que l'« objet positif » des dictionnaires est « d'aider leurs usagers à interpréter correctement ce qu'ils entendent dire ou lisent, et à dire et à écrire correctement et *recevablement* ce qu'ils veulent faire entendre ou lire. » Mais, s'il s'agit là de l'aval du dictionnaire, il n'en oublie pas pour autant qu'en amont, celui qui élabore le dictionnaire, le dictionnariste, doit aussi interpréter la langue. Ainsi, Paul Imbs mentionne-t-il au passage une distinction possible entre les dictionnaires simplement descriptifs, mais nous savons qu'ils n'existent pas, et les dictionnaires « visant à donner du fonctionnement de la langue une interprétation linguistique ». Par ailleurs, le public ayant petit à petit accepté puis finalement souhaité que les dictionnaires de langue soient l'œuvre de linguistes, il fait, dit-il, pleine confiance à ces derniers et les institue même « garants de l'authenticité de la documentation, de la vérité de l'interprétation, et, s'il se peut, de la pénétration des analyses ».

Il y a donc bien une continuité entre la langue observée et décrite par le dictionnariste et cette même langue qui, coulée dans un moule dictionnairique formel (le dictionnaire alphabétique) ou sémantique (le dictionnaire analogique par exemple)

est consultée par le lecteur à des fins de décodage ou d'encodage. Et à chaque étape de la transaction s'impose tout un ensemble d'interprétations dont il faudrait repérer l'amplitude des limites, marges ou frontières, pour éviter que de la langue observée et décrite à la langue décodée ou encodée, il n'y ait des écarts : il s'agit en théorie de la même langue. Et l'on rejoint alors Umberto Eco déclarant dans *Les limites de l'interprétation* que « quand un texte est mis en bouteille, c'est-à-dire qu'il est produit non pour un destinataire isolé mais pour une communauté de lecteurs [...] l'auteur sait qu'il sera interprété non selon ses intentions mais selon une stratégie complexe d'interactions impliquant les lecteurs et leur compétence de la langue comme patrimoine social. » C'est un fait : les dictionnaires monolingues, objets de transaction du langage sont d'un bout à l'autre du processus dictionnaire, c'est-à-dire de la langue décrite à la langue consultée – des auteurs à leurs lecteurs – l'objet et l'enjeu de nombreuses interprétations. Des interprétations qu'il faut tout en même temps limiter, pour garantir la représentativité du produit, celle-ci restant en effet la condition indispensable de sa survie.

Avant d'évoquer les auteurs de dictionnaires, interprètes et maîtres d'œuvre, puis le dictionnaire en tant que lieu d'interprétations calculées et enfin, les lecteurs, derniers interprètes, une réflexion s'impose quant à la langue à interpréter.

La langue dans ses composantes lexicales intéresse en fait aussi bien le lexicographe que le dictionnariste et il est clair que si l'un et l'autre se confondent souvent, on ne peut amalgamer les objectifs, d'un côté purement scientifiques pour le lexicographe, de l'autre, pratiques et concrets pour le dictionnariste, qui doit élaborer un dictionnaire de taille précise pour un public donné à un coût donné. Le premier point délicat est que l'on a affaire à un lexique illimité pour un produit limité. « Qui pourrait tracer la limite où s'arrête le lexique d'un idiome encore vivant ? » s'exclamaient Hatszfeld et Darmsteter au seuil de leur *Dictionnaire général de la langue française* en 1890. « Les limites dans lesquelles un Dictionnaire de la langue française doit être renfermé sont encore une question à résoudre », insistait F. Raymond en préfaçant en 1832 son Dictionnaire. À Littré de renchérir : « C'est en essayant de dresser le catalogue des mots que l'on reconnaît bien vite qu'une langue vivante est un domaine flottant qu'il est impossible de limiter avec précision. », rappelle-t-il en préface. En fait, la première interprétation consiste bien à tracer les limites de l'ouvrage, combien de mots combien de pages ? combien de signes ? Et c'est un sujet qui marque chaque auteur de dictionnaire. André Goose rappelait avec humour que les lexicographes ont toujours été fâchés avec les chiffres et, par exemple, souligne-t-il, Littré se trompait-il quand il évaluait à 37 kilomètres 325 mètres le ruban que constituerait son dictionnaire si on mettait les colonnes bout à bout, en fait la virgule mal posée le réduit, si l'on peut dire à un peu plus de trois kilomètres. Chacun le sait, l'enthousiasme du projet commencé rend souvent hypertrophique la rédaction du dictionnaire dans ses premiers volumes, les premières lettres sont privilégiées... En fait, devant le vertige de l'illimité et la tentation inflationniste, l'interprétation des limites s'impose, limites à corriger au fur et à mesure de l'avancée du dictionnaire.

Autre élément de la langue à interpréter : le contexte. Le dictionnaire n'échappe pas effectivement à son époque. À la période romantique correspondent les dictionnaires que Bernard Quemada qualifiait d'accumulateurs de mots, répertoires

brouillons et compilateurs. C'est l'époque des dictionnaires qualifiés de « nationaux » ou encore de *Dictionnaire des dictionnaires*. Un siècle plus tard, au moment du structuralisme triomphant, avec le rejet de l'histoire, de la recherche en diachronie, naîtront des dictionnaires pourvus de titres que l'on peut aujourd'hui interpréter en fonction de ladite époque : *Dictionnaire du français contemporain* (le *DFC*), le *Dictionnaire du français primordial* (le *Micro Robert*), au reste tous excellents, puis viendront au XXIe siècle les dictionnaires *culturels*, *historiques*, et les dictionnaires *amoureux*... démarquant de nouvelles ouvertures, un nouveau contexte d'interprétation. Sans oublier le *wiki* – qui veut significativement dire « vite » –, avec *Wikipedia*, et le *Wiktionnaire*.

Encore une dimension à prendre en compte, l'incontournable interprétation des limites de la période décrite. Quel état de langue décrire ? Celui de l'époque concernée par le dictionnaire, mais alors quelle épaisseur synchronique donner à cet état de langue ? Ou bien tous les états de langue, comme l'*Oxford English Dictionary*. Enfin, au-delà de la tranche de vie lexicale choisie par le dictionnariste, les mots eux-mêmes, « interprétants de la société » dixit Benveniste, ne se laissent pas saisir facilement sur l'axe des temps. En partant des mots enfouis dans le passé et de leurs survivants au parfum d'autrefois, les archaïsmes, pour aboutir aux néologismes, mots nouveaux d'hier ou d'avant-hier, nouveaux nés dont on n'assure pas la survie demain, les frontières ne sont pas intangibles. Aucun doute, comme en témoigne Littré dans sa préface « une part est laissée au jugement est à l'initiative du lexicographe ». Chaque lexicographe l'a remarqué, l'interprétation est là, et elle est toujours risquée. Bernard Quemada évoque « un drame existentiel tant que la définition résultera des emplois observés » car ; précise-t-il, selon la date des attestations, « l'on peut être amené à modifier une définition », le plus difficile restant d'ailleurs à déterminer « le moment du figement d'emplois ou d'expressions plus ou moins complexes ». Villemain dans sa préface offerte pour la sixième édition du *Dictionnaire de l'Académie française* l'affirmait : « Rien n'est plus trompeur que la date apparente d'un mot ».

Parmi les éléments de la langue à interpréter, il faut aussi signaler le choix des strates de la langue. Benveniste le rappelait : « la langue n'est pas donnée toute faite bien faite », comme un « français du dimanche », selon sa formule, que l'on prendrait pour « le français ». Même encore aujourd'hui, la langue parlée n'a pas toutes ses lettres de noblesse dans nos dictionnaires. Pierre Rézeau signalait la difficulté à faire entrer dans le dictionnaire général des expressions familières mais connues de tous comme « en béton » pour un argument, sans penser même à « laisse béton », ou encore « arrête ton cinéma », « être dans le cirage ». Ces mots ont certes fini par entrer dans les articles, mais avec bien du retard. Il en irait de même aujourd'hui avec par exemple une expression populaire en vigueur chez les jeunes, « c'est dar » qu'on m'a par exemple demandé d'explicitier à Radio France pour *Mouv'*.

Enfin, autres limites d'interprétation, celle de la délimitation du mot, véritable lieu de bataille, qui fit rage dans les années 1970 et 1980. Les mots *clou*, *créneau*, *cœur*, *classe*, correspondent-ils à un mot à plusieurs sens, un grand polysème selon la perspective guillaumienne à laquelle Jacqueline Picoche a redonné souffle, avec un « signifié de puissance », ou bien au contraire à une série d'homonymes distingués par leur distribution, *taper sur un clou*, *applaudir le clou du spectacle*, et l'on se trouve

alors du côté des structuralistes et de Jean Dubois ? Les deux ont raison bien sûr, c'est une question d'interprétation.

On le perçoit, si la langue est à interpréter, les lexicographes sont aussi à considérer donc comme les grands interprètes. Est-ce un hasard si un grand nombre d'entre eux sont bilingues, d'abord jadis par formation, le latin étant la langue d'étude privilégiée, puis par goût pour les langues étrangères, Oudin, Vaugelas, sont ainsi plurilingues à l'échelle de l'Europe. Au XVIIIe siècle, Diderot est d'abord connu des éditeurs comme traducteur de l'anglais, Littré est un efficace traducteur de l'œuvre d'Hippocrate, Boissière est confronté à l'anglais avant de proposer son dictionnaire analogique, Paul Imbs est un romaniste, parlant l'alsacien couramment, Bernard Quemada est espagnol de naissance, Paul Robert vient au dictionnaire français en commençant par se passionner pour l'anglais. Les exemples des lexicographes bilingues de naissance ou de formation sont de fait innombrables.

Au-delà de la formation même d'interprète, il va de soi qu'être un homme ou une femme joue aussi un rôle. Tout le monde se souvient combien les définitions de la femme par les hommes, voir Richelet, Furetière et même l'Académie, sans oublier Pierre Larousse et Richelet, n'est guère valorisante, et même humiliante parfois. C'est aux directeurs du *Trésor de la langue française* et à Paul Robert qu'on doit la première réflexion sur le fait qu'il serait opportun qu'une femme rédige plutôt tel ou tel article, Josette Rey-Debove se voyant par exemple confier l'article « femme ».

Un constat s'impose : l'auteur d'un dictionnaire, l'auteur d'un article de dictionnaire, n'est jamais absent de son œuvre.

Enfin le texte lui-même du dictionnaire est l'objet de choix interprétatifs. C'est un « jeu de construction » dit Paul Robert, qui se compare à un architecte avec des idées précises du monument à construire, c'est un « cocktail », un « montage » déclare Bernard Quemada. Le dictionnaire sera-t-il plutôt *de langue* ou *encyclopédique*, *général* ou *spécifique*, *diachronique* ou *synchronique*, *normatif* ou *descriptif*, *sélectif* ou *extensif*, *ordinaire* ou *d'apprentissage*, *novateur* ou *prudent* ? Le dictionnaire est de fait protéiforme parce que les formules du cocktail sont illimitées. Et quand bien même des règles sont fixées dans le « cahier des charges », elles restent à interpréter. À commencer par les marques d'usage : crétin, par exemple, est-il un mot familier ou neutre et dont la marque serait seulement fonction du contexte. D'un dictionnaire à l'autre les marques d'usages varient.

Enfin, il ne faudrait pas oublier les lecteurs et leur interprétation. Pour certains, l'image qui domine est celle du « dictionnaire oracle », d'une bible, d'où « le » Littré longtemps perçu comme l'alpha et l'oméga. Pour d'autres, c'est le « dictionnaire loi », voir la définition de la jambe qui s'arrête au genou dans la 8e édition du *Dictionnaire de l'Académie française* selon la règle équestre et le jeu des assureurs ne voulant pas rembourser les dégâts causés à la cuisse d'une artiste, ou bien encore la définition de l'*empoisonnement* mise en avant dans différents procès. Pour d'autres encore, le dictionnaire est un « tranquillisant », si le mot est présent dans le dictionnaire il existe, s'il est absent on affirme contre toute raison qu'il n'existe pas.... D'autres encore appréhendent le dictionnaire comme « intemporel » : on consulte au XXIe siècle un *Petit Larousse* ou un *Petit Robert* des années 1970 comme si rien n'avait changé. C'est aussi parfois le dictionnaire « à contrepied », avec par exemple, pour savoir si tel ou tel

champignon est comestible, la consultation du *Petit Robert* en s'attendant à y trouver une planche. Enfin il y a le dictionnaire « sous-utilisé » ou « épinglé », on n'a pas repéré tout ce qu'il offrait, racines latines, étymologies, etc. Ou bien on le critique à tour de bras sans discernement et sans avoir lu la préface..

Ainsi, que nos petits et grands dictionnaires réputés soient une référence et ce faisant un code « en partage », comme cette langue française en partage qu'évoquait Maurice Druon, c'est indubitable. Mais que dans le même temps, ils représentent aussi un lieu d'interprétation, multiples, tant du côté des lexicographes que des lecteurs, reste indéniable.

«Un dictionnaire, par la puissance de sa force de légitimation, est un instrument de pouvoir redoutable... » affirmait Pierre Dumont dans *Le français, langue africaine* (L'Harmattan, 1990). Et dans le même temps, comme le souligne Salah Mejri, en 2010, au Séminaire de Sousse, « le dictionnaire, c'est comme une mer à plusieurs plages. On sait toujours par où on embarque, mais on ne sait jamais où l'on débarque... » Sans aller jusqu'au propos de Georges Perec dans *Penser/Classer* (2003), affirmant qu'un Dictionnaire « c'est aussi et surtout, affaire de montage, de distorsion, de contorsion, de détours, de miroir, voire de formule », nous reconnaissons tous que c'est œuvre profondément humaine. Ce qui fait tout son charme : un code d'origine humaine à interpréter par des êtres humains !

Bibliographie

- Jean PRUVOST, *Dictionnaires et nouvelles technologies*, PUF, 2000.
Jean PRUVOST, *Les dictionnaires français : outils d'une langue et d'une culture*, Collection L'Essentiel, Ophrys, 2006.
Jean PRUVOST, *Le Dico des dictionnaires, Histoire et anecdotes*, JC Lattès, 2014.

УДК 81-22

ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА: К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКОВОГО ПРОТЕКЦИОНИЗМА

Аматов А.М.

профессор кафедры английского языка и методики преподавания,
доктор филологических наук, профессор
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
amatov@bsu.edu.ru

Свищёв Г.В.

доцент кафедры романо-германской филологии и
межкультурной коммуникации, кандидат филологических наук,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
svishchev@bsu.edu.ru

Аннотация

Языковое регулирование – это постоянный, непрерывный процесс, реагирующий на происходящие в языке изменения. Научно-технический прогресс и политические события XX века привели к тому, что англицизмы проникают во многие сферы общественной жизни и как следствие в тот или иной язык. В статье рассматриваются некоторые аспекты языкового

регулирования с учетом социальных, экономических и политических факторов, а также их отражение в любительских и академических словарях английского и французского языков.

Ключевые слова: языковая политика, языковой протекционизм, пуризм, заимствования, лексикография.

LEXICOGRAPHY AND LANGUAGE POLICY: ON THE ISSUES OF LINGUISTIC PROTECTIONISM

Amatov A.M.

Professor of Department of English Language
and Methods of Teaching,
Doctor of Philology, Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
amatov@bsu.edu.ru

Svishchev G.V.

Associate Professor of Department of Roman and
German Philology and Intercultural Communication,
PhD in Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
svishchev@bsu.edu.ru

Abstract

Language regulation is a continuous process that comprises any changes to a natural language. The information revolution at the turn of the 20th century brought about the facts of English lexicon penetrating throughout quite a few of industries and other areas of public life. The paper deals with some aspects of language regulation under the pressure of social, economic, and political issues as parts of national language policies as well as their actualization in modern amateur and academic dictionaries of English and French.

Key words: language policy, linguistic protectionism, linguistic purism, adopted words, lexicography.

Проблема «чистоты» родного языка, его избавления от иноязычных заимствований не нова и является актуальной в современных условиях глобализации, когда англицизмы проникают во многие языки.

1. Тем не менее, хотя английский язык обычно обвиняют в такого рода «вторжениях» в другие языки (прежде всего в их словарь), примерно до XIX века ситуация была скорее обратной. Дело в том, что в процессе экономического и политического развития языки могут меняться ролями, «доноры» периодически становятся «реципиентами» и наоборот. В частности, английский язык лишь в XX веке начал своё беспрецедентное распространение в мире. На протяжении нескольких столетий до этого английский язык был скорее «импортёром», нежели «экспортёром» лексики. Это наглядно демонстрирует тот факт, что только 25% лексики современного английского языка имеют германское происхождение, причём не обязательно англосаксонское (сюда также входят слова немецкого, нидерландского, норвежского, датского происхождения). Для сравнения, латынь и французский язык как источники дают более 28% современного английского словаря каждый [Finkenstaedt, 1973].

2. Поскольку подавляющее большинство заимствований пришло в среднеанглийский язык, идея о том, что исконные слова англосаксонского

происхождения должны иметь приоритет в употреблении перед иностранными (в основном романскими, латинскими и греческими) высказывалась уже в ранненовоанглийский период. Так, Джон Чик, известный английский учёный, государственный деятель и писатель, сообщал в своём письме Томасу Хоби в 1561 году: «Я придерживаюсь того мнения, что писать на нашем родном языке надлежит чисто, без примесей и заимствований из других языков, ибо если мы всё время будем брать и не будем отдавать, язык наш станет банкротом» [Langer, Winifred, 2005].

В XIX столетии ряд английских лингвистов и писателей выступили с попыткой «очистить» язык от иностранных наслоений. Наибольшую известность в этой связи приобрёл Уильям Барнс, разработавший и применивший для этого ряд методов, в частности, возвращение устаревших слов взамен заимствований, кальки с заимствованных слов при помощи английских морфем и создание новых слов с использованием английских корней и аффиксов.

С тех пор сторонники «чистоты» английского языка (впрочем, довольно немногочисленные) развили методы Барнса, реконструировав значительную часть вокабуляра и даже несколько изменив грамматику (преимущественно морфологию). В частности, одной из последних крупных работ в этом направлении можно назвать книгу Дэвида Коули «Как бы мы говорили, если бы англичане победили в 1066 году?» [Cowley, 2009].

Термин *Anglish*, введённый первоначально в шутку английским юмористом Полом Дженнингсом в далёком 1968 году, в настоящее время часто используется (в противоположность официальному English) для обозначения той или иной формы «чистого» английского языка (прежде всего, словаря), воссозданного на основе корней и морфем германского (преимущественно англосаксонского) происхождения. Существуют сайты, на которых представлены достаточно сложные системы лексической деривации и соответствующие словари «правильного» английского языка (например [The Anglish Moot], [Ednew English]).

В частности, кардинальному пересмотру подвергаются названия наук, в подавляющем большинстве представляющие собой интернационализмы на основе латинских и греческих корней. Наиболее продуктивным здесь выступает элемент *lore* (устар. «знание, учение, искусство»), которым заменяются греческие и латинские элементы (*-logy*, *-istics* и т.д.). Так, лингвистика в словарях *Anglish* обычно обозначается как *speechlore* – сложное слово из исконных английских компонентов. Здесь следует отметить, что корректность самого термина вызывает нарекания: поскольку объектом языкознания всё-таки является не речь, а язык, то можно предложить более адекватный термин *tunglore*. Составными частями лингвистики, соответственно, являются *wordsetting* (синтаксис), *wordlinglore* (морфология), *meaninglore* (семантика), *dinlore* (фонетика). Сюда же примыкают смежные и междисциплинарные области знания, такие, как *mindspeechlore* (психолингвистика), *guildspeechlore* (социоллингвистика), *speechgaining* (преподавание языков) и т.д.

Среди прочих названий наук и отдельных направлений можно отметить *lifelore* (биология), *littlifelore* (микробиология), *landshape* (география), *telcraft* (математика), *shapelore* (геометрия) и другие.

Ономастика также не избежала внимания пуристов: так, существенным трансформациям подверглись наименования многих стран, в особенности те, где содержались нарицательные имена. Так, Соединённые Штаты Америки в *English* получили название *Banded Folkdoms of Americksland*, Россия – *Russland* (практически идентично немецкому), Беларусь – *White Russland*, Франция – *Frankland*, Япония – *Dawnland* («Страна зари», т.е. «восходящего солнца»), Корея – *Mornfrithland* («Страна утренней свежести») и т.д.

Тем не менее, хотя подобные попытки воссоздания «чистого» английского языка нередко представляют весьма любопытные решения нетривиальных лингвистических задач, в целом они не вызывают сколько-нибудь заметного интереса с точки зрения языковой политики англоговорящих стран. Люди, которые посвящают себя подобной работе, обычно действуют из чисто научного (а иногда и паранаучного) интереса либо же просто тоскуют по «красоте подлинно английского языка».

Иначе складывается ситуация вокруг французского языка, где к решению проблем языкового протекционизма подключены весьма влиятельные политические силы. Ситуация интересна ещё и в том аспекте, что современный французский язык в значительной степени «получает сдачу» теми самыми словами, которые он в своё время щедро раздавал в другие языки, прежде всего в английский.

Научно-технический прогресс XX века привел к тому, что англицизмы проникли во многие сферы общественной жизни Франции. Как следствие Французская Академия публикует официальные рекомендации для замены того или иного английского термина. Например, в сфере Интернет-технологий появились эквиваленты для электронной почты *e-mail* – *courriel* (от *courrier électronique*), для именованного хакера *hacker* – *fouineur* (от глагола *fouiner* ‘всюду совать свой нос; лезть не в свои дела’). Следует отметить, что некоторые из рекомендованных неологизмов ещё не фигурируют в словарях. Так, существительное *fouineur* имеет значение ‘любитель [любительница] ходить по барахолкам, магазинам случайных вещей’.

Начиная с 1970-х годов правительство Франции законодательно закрепляет термины, которые следует употреблять, избегая иностранных. Так, термин *logiciel* ‘программное обеспечение’, предложенный Комиссии по информатике, полностью вытеснил менее чем за десять лет английский *software*. А сам термин *informatique*, неологизм, созданный в 1962 году Филиппом Дрейфюсом из слов *information* ‘информация’ и *automatique* ‘автоматика’, не имеет точного эквивалента в английском языке. Наиболее близкие концепты – *information technology*, *computer science* или *data processing*.

К работе по искоренению англицизмов привлекается и широкая общественность. Так, Государственный секретариат по франкофонии объявил 15 января 2010 года конкурс на лучший инновационный перевод английских слов *buzz*, *chat*, *newsletter*, *talk*, *tuning*, прочно закрепившихся во французском языке.

Такая же ситуация складывается в Квебеке, где для английских терминов уже были найдены французские эквиваленты: *chat* – *clavardage* (от *clavier* ‘клавиатура’ и *bavardage* ‘болтовня’), *newsletter* – *lettre d’information*, *talk (show)* – *interview-variétés*. Некоторые технические термины были переведены следующим образом: *podcast* – *baladodiffusion*, *scanner* – *numériseur*.

В результате жюри конкурса выбрало варианты, наиболее полно отражающие понятия, представленные английскими терминами. Для слова *chat* предложены существительные *tchatche* и *éblabla*. Очевидно, что *tchatche* напоминает английский термин *chat*, но он представлен во французском написании. Вторым вариантом *éblabla* содержит в своем составе начальный звук [e], говорящий об электронном общении *électronique* и французское существительное *blabla* ‘болтовня’. Эти варианты членам жюри показались более адекватными в отличие от существительного *dialogue* ‘диалог’, предложенного Комиссией по терминологии.

Для существительного *newsletter* ‘информационный бюллетень’ был выбран вариант *infolettre* в отличие от канадского варианта *lettre d’information*. Стоящий отдельно от новых технологий термин *talk* представлен французским существительным *débat* ‘обсуждение; дискуссия; спор’. Комиссия по терминологии предлагает заменить английский термин сложным существительным *émission-débat* (от французских существительных *émission* ‘радио- или телепередача’ и *débat* ‘обсуждение’).

Что касается такого понятия, как тюнинг – *tuning* ‘доработка (с целью улучшения потребительских качеств) автомобилей’ был предложен вариант *personnalisation* ‘персонализация; индивидуализация; направленность на каждого отдельного человека’, который не в полной мере отражает суть понятия. В результате жюри остановилось на варианте *bolidage*, что представляется вполне логичным, хотя это существительное и не зарегистрировано в словаре. Оно образовано от спортивного термина *bolide* ‘скоростная, гоночная машина’ и суффикса *-age*, передающего некий процесс или действие, совершаемое над автомобилем.

Языковое регулирование во Франции – это постоянный, непрерывный процесс, реагирующий на происходящие в языке изменения. Так, в связи с началом широкого распространения Интернет-технологий Комиссия по терминологии 16 марта 1998 года опубликовала официальный список французских терминов, которые должны соответствовать английским. Например, *World Wide Web* – *toile d’araignée mondiale*, *toile mondiale*, *toile n. f. sg.*, *T.A.M.*, *site (de la toile, sur la toile)* – *website*, *web site*, *browser* – *logiciel de navigation*, *navigateur*. Влияние английского языка зачастую вызвано в этой сфере влиянием «ложных друзей» переводчика. Так, в информатике английское *library* ‘библиотека’ переведено на французский как *librairie* ‘книжный магазин’ вместо *bibliothèque*. При полном графическом совпадении английского и французского *agenda* происходит неправильное его употребление в контексте, поскольку в английском это ‘программа (работы), план (мероприятий); повестка дня’, тогда как во французском – ‘записная книжка’, например: *L’examen et l’approbation du budget proposé sont inscrits à l’agenda de la réunion mensuelle*.

Вместе с этим мы наблюдаем и обратные процессы. В 2015 году во французские словари будут включены около 150 новых лексических единиц, среди которых и заимствования из английского языка [Andy, 2015]. Рассмотрим некоторые примеры.

Так, если существительное *hamburger* – гамбургер уже зафиксировано в словарях несколько десятилетий назад, то с появлением в меню ресторанов нового блюда *burger* – бургер, *burger de poulet, au poulet* – бургер с цыплёнком, существительное *burger* найдет свое место в словарях французского языка. Это американизм, который является сокращением от *hamburger* – гамбургер.

Не остались в стороне и термины, связанные с Интернет-технологиями. Короткая и забавная циклическая анимация передается существительным *gif* – гиф, образованным от английского *Graphic Interchange Format* – формат графического обмена.

В связи с развитием микроблогов социальных сетей появился термин *hashtag* – хэштег или хештег, метка (от англ. *hashtag* от *hash* – символ «решетка» + *tag* – тэг), который позволяет объединить группу сообщений по теме или типу.

Еще одно существительное, заимствованное из английского языка, *troll* – троль означает с середины 2000-х годов человека-зануду, известного своими неуместными комментариями и обсуждениями на форумах или в социальных сетях в Интернете.

Несколько существительных, включаемых в словари, передают некоторые реалии социальной среды и культуры. Молодой городской житель с особым вкусом в одежде в противоречие массовой культуре – это *hipster* – хипстер. Для него также характерны фуражка, большие очки, окладистая борода. Изначально в 1950-е годы в английском языке хипстером называли любителя джаза. Ещё одно явление захлестнуло мир социальных сетей в 2013 году. Это цифровой автопортрет, т.н. *selfie* – селфи (от англ. сам).

Ещё одно заимствование, входящее в новые словари французского языка, связано с советской жидкостной одноступенчатой баллистической ракетой Р-11 и её последующими модификациями. По натовской классификации это изделие именовалось как *SS-1 Scud-A* (англ. Шквал). Остается догадываться, каким образом название ракеты, применяемой во многих военных конфликтах, вошло в язык как существительное *scud* со значением ‘резкая критика’, ‘нагоняй’. Например: *La candidate a envoyé un bon scud à son adversaire* – Кандидат жёстко раскритиковала своего противника; *Je me suis pris un scud pour 4 minutes de retard* – Я получил нагоняй за 4 минуты опоздания.

Таким образом, бурное развитие международных отношений, межъязыковые контакты, внедрение технологических новинок, например, SMS, ICQ, Facebook, ведут к обоснованному появлению в том или ином языке лексики, отражающей эти реалии. В процессе их функционирования происходит ассимиляция данных терминов, но иногда исчезает само явление и вместе с ним и лексическая единица как, например, пейджер. Тем не менее, вопросы языкового регулирования являются неотъемлемой частью государственной политики в области языка с учетом социальных, экономических и политических факторов.

Литература

1. Andy, David. Les nouveaux mots du dictionnaire 2015. URL: <http://www.linternaute.com/actualite/societe-france/les-nouveaux-mots-du-dictionnaire-2015>.
2. Cowley, D. How we'd talk if the English had won in 1066. – London: Bright Pen Books, 2009.
3. Ednew English. URL: <http://ednewenglish.tripod.com/index.htm>
4. Finkenstaedt, T., D. Wolff Ordered profusion; studies in dictionaries and the English lexicon. – Heidelberg: C. Winter, 1973.
5. Langer, N., Winifred, V. Davies. Linguistic purism in the Germanic languages. – Dordrecht: Walter de Gruyter, 2005.
6. The English Moot. URL: http://english.wikia.com/wiki/Main_leaf

References

1. Andy, David. Les nouveaux mots du dictionnaire 2015. URL: <http://www.linternaute.com/actualite/societe-france/les-nouveaux-mots-du-dictionnaire-2015>.
2. Cowley, D. How we'd talk if the English had won in 1066. – London: Bright Pen Books, 2009.
3. Ednew English. URL: <http://ednewenglish.tripod.com/index.htm>
4. Finkenstaedt, T., D. Wolff Ordered profusion; studies in dictionaries and the English lexicon. – Heidelberg: C. Winter, 1973
5. Langer, N., Winifred, V. Davies. Linguistic purism in the Germanic languages. – Dordrecht: Walter de Gruyter, 2005.
6. The English Moot. URL: http://english.wikia.com/wiki/Main_leaf

Dekhnich O.V.
Trofimova D.V.
Belgorod, Russia

TIME CATEGORY IN ENGLISH AND GERMAN LANGUAGE WORLD VIEWS THROUGH METAPHOR TRANSLATION ANALYSIS I N “MOMO” BY M. ENDE

Abstract: This paper is devoted to the linguistic analysis of the time metaphors translation based on the novel of the 20th century German writer. There presented groups of metaphors most occurring in the work and characterizing the author's view on time category. A number of characteristic features which time possesses in the representation of native English and German language speakers is listed here.

Keywords: metaphor, concept of time, language, translation, time, source language (SL), translating language (TL).

Time concept is one of the most significant in English and German language consciousness. It is also possible to claim that time and space concepts are fundamental in a person's exist. Therefore, it is easy to explain an undying researcher's interest to the time concept representation problems in language and speech. The sign theory of the time was formed in the late seventies and in the early eighties of the 20th century in works on semiotics (St Augustine, Ch. Pearce) [Merrell 1985: 5-21; Uspensky 1979: 142-148]. Linguistic time (lexical, grammatical and syntactic) also receives semiotic interpretation. Linguistic time is the language form and concept unity consisting of a certain space-time event. Time concept is not homogeneous. It contains different representations belonging to the physical, spiritual, ordinary, scientific, verbal worlds. But it is not a set or sum of separate representations, but the unity synthesizing material (external) and ideal (internal) experience of a person.

The concept "time" is multifaceted. It is confirmed by existence of various time interpretations occurring in the statements of different times and nations, and in time images created by authors. [Nilsen 2006: 50]. As a whole, the noun "time" is an

extremely abstract name. It means the taking by trust the designation by native speakers because through empirical way this essence cannot be comprehended. "Abstract grounding" and abstract adaptation to its concrete happens in metaphor. [Cherneyko 2009: 200] Charles Fillmore they claim that time appears to have two contradictory organizations. In the first, the future is in front and the past is behind.

In the weeks ahead of us ... (future)

That's all behind us now. (past)

In the second, the future is behind and the past is in front:

In the following weeks ... (future)

In the preceding weeks ... (past)

Moreover, English time is structured in terms of the TIME IS A MOVING OBJECT metaphor, with future moving towards these, time receives a front – back orientation facing in the direction of motion, just as any moving object would [Lakoff, Johnson 1980: 41-42].

These is also one more way in which we conceptualize the passing of time: TIME IS STRATIONARIS AND WE MOVE THROUGH IT. [Lakoff, Johnson 1980: 43-44].

We have chosen the German writer's book of the 20th century Michael Ende "Momo" because of the use of various metaphors and symbols. "Time" is the central theme of novel-tale, a fight subject of the main character and gray men stealing the people's time. "The Living time", according to M. Ende is one of the main values of the person. "Time" in M. Ende's novel "Momo" is represented by different essences and introduced in various deployed metaphors, which can be divided into two big metaphorical blocks: 1) Time – the living being and Time – the lifeless object; 2) Time – the non-material value and Time – the material value with some allocated subgroups. [Trofimova 2013: 191]

The article purpose is to answer the question how the translator transfers various time metaphors from German into English taking into account the writer's idea and temporary category features of each language. Do the original sense change by its transferring to the other language? Is it possible completely transfer the essence of the time representation of one culture to other language without losing all connotations?

I. Let's consider the first metaphor group "Time – the living being and Time – lifeless object".

1) "Time as the living being" blossoms all colours and represents the living being.

A) *"Aber die Stunden-Blumen, die so herausgerissen sind aus dem Herzen eines Menschen, koennen nicht sterben, den sie sind ja nicht wirklich vergange. Sie koennen aber nicht leben, den sie sind ja von ihrem wirklichen Eigentuemmer getrennt..."* [Ende 1973: 198]. This metaphor enlivens time in an image of "Stunden-Blumen", drawing a parallel between the nature and abstract concept, and in that way representing and giving it features of the living being.

In English-speaking translation, this metaphor sounds so:

B) *"But hour-lilies plucked from a person's heart can't die, because they've never really withered. They can't live, either, because they've been parted from their rightful owner."* [Ende /Brownjohn 1973: 195]

In translation from German into English, we can pay attention to the sentence volume of SL and TL. The original is more widespread due to the sentence creation, inserting interjection “so” and connective words “die, den”; the TL is more squeezed due to laconic phrases and linguistic economy of the English language. In the SL the author uses Perfect in the first attributive clause (*die so herausgerissen sind*) and then Presents (*koennen nicht sterben*). In English it is rendered with a passive construction (*plucked from a person's heart*), thereby the translator avoids uses a passive construction common for the English language. The meaning is rendered correctly, but the events in SL are more colorful then in TL. Despite the usage of different grammatical time categories in the English and German languages, the general feeling of time prevails both in SL and in TL.

This is definitely an original author’s metaphor. However, the translator preserves of the time concept in TL. It "goes, flows, leaves" and so on, it can't be stopped as it is always on the move. Probably, such time idea is the most frequent and most visual analogy of time in many cultures.

For example: A) 1. *die Zeit fließt*; [Ende 1973: 110] B) 1. *the time flows*; [Ende /Brownjohn 1973: 100]

These metaphors are equally widespread in both languages. That is way there are difficulties in translation.

II. Let’s consider the second group of metaphors "Time – the non-material value; Time – the material value".

Along with the connection of nature and man, “I we time” is attributed movement.

1) "Time – the material value" (The value that can be counted, saved up, economized.) Many scientists noted the frequency of metaphorical transfer "time – money" both in English and in German [Lakoff 2007: 391-392]. It, in particular, is reflected in proverb *Time is money*. In the novel time is represented as something important, having the price. It can be compared with money, gold, natural resources, valuable things, etc.

A) 1. «*Nimand wusste den Wert einer Stunde, einer Minute, einzigen Sekunde*», [Ende 1973: 264]

B) 1. "*Nobody knew the value of an hour or a minute, or even of a single second.*"; [Ende /Brownjohn 1973: 261]

This metaphor draws our attention to the importance of each interval of time in human life. This metaphor is not difficult for translation and it does not lose any additional shades of metaphor.

A) 2. "*die Zeit-Spar-Kasse*", [Ende 1973: 86] B) 2. "*The Timesaving Bank*"; [Ende /Brownjohn 1973: 84]

In our opinion, the translation of this metaphor is correct; it is capable to create a similar image in TL.

A) 3. "*ZEIT IST KOSTBAR – VERLIERE SIE NICHT! ZEIT IST (WIE) GELD – DARUM SPARE!* ", [Ende 1973: 227]

B) 3. "*TIME IS PRECIOUS – DON'T WASTE IT! TIME IS MONEY – SAVE IT!*" [Ende /Brownjohn 1973: 226]

This metaphor is an appeal, direct comparison or a parallel between time and money, as though concepts “time” and money are synonyms. We will pay your attention to a choice by the translator of the word "WASTE" – to spend empty, to waste, lose. In German “VERLIERE” – to lose. It seems these words, are synonyms, however, their meanings have a small difference that can change the perception of the reader. The same happens with words "SPAREN" – "SAVE" in this and subsequent example of this section "time-non-material value". The German word SPAREN means not to waste, not save; and English option “SAVE” – to keep, preserve. The meaning of metaphor is conveyed, but taking into account cultural specifics, the translator consciously changes German cultural values into English ones, thereby making it more understandable for the English renders.

2) "Time – non-material value" is considered by M. Ende as slowness, full enjoyment of life.

For example: A) 1. *"Zeit ist Leben. Und je mehr die Menschen daran sparten, desto weniger hatten sie"*, [Ende 1973: 306] B) *"Time is live. And the more the people saved it, the less they had"* [Ende /Brownjohn 1973: 308]

This metaphor is opposed to materiality, It is proved by the word “sparen”, which is used with material things (money, savings etc.), thereby the author shows that such time loses any value for a man, and she loses it irrevocably.

The subsequent examples are an addition to the first metaphor. "Time as a living being in the novel is such time which we spend on people and ourselves.

2) A) *"Wir haben im Moment wahrhaftig keine Zeit fuer dich", 4)" meine Arbeit lässt mir keine Zeit"*. [Ende 1973: 315] B) *"We have at the moment really no time for you", 4)" my work gives no time to me"* [Ende /Brownjohn 1973: 318].

Along with the models given above M. Ende describes also other models of the time. For example, concepts of ontological space and time take central part in the system of basic representations of the world order of a man. A person comprehends time intuitively rather, than by means of reason. As usual, in such situations people resort to the help of metaphors for explanation of difficult concepts; “time goes by / passes by” / “die Zeit geht" (the subjective experience of time: “die Zeit fließt / time flies / time has stopped” etc.). [Nilsen 2006: 51]

The author uses the image of arrow, as a symbol of irreversibility of time. That is typical metaphor of unidirectional vector processes – we know that time is. It has the beginning and the end. It is limited and at the same time, it has only one direction, forward, lie to the future. There is no opportunity, to repeat, to return back or to correct something. Every day, minute, hour are unique and finite. Everything that has the beginning has also the end. For example: A) *“Die Vergangenheit sind ja die gewesenen Augenblicke und die Zukunft sind die, die kommen! Also gab es beide nicht, wenn es die Gegenwart nicht gäbe ... Das heißt also, dass es die Gegenwart nur gibt, weil sich die Zukunft in Vergangenheit verwandelt!...*” [Ende 1973: 268].

B) *"The past consists of moments gone by and the future of moments to come, so neither of them could exist without the present. That's it! ... present exists only because the future turns into the past.*” [Ende /Brownjohn 1973: 266]. The translation of this metaphor into English conveyed its meaning and the author’s conception keeps without losses of any connotations.

Having analyzed these examples, it is possible to draw a conclusion that representation in the German and English languages have such characteristics as irreversibility, one-wayness, transience, value, ability to change the reality. Analyzing the translation of metaphors from German into English, we can precisely tell that those temporary grammatical categories which create the developed metaphors of time in German are not always identical in English, however they can create similar images and betray the sense hidden by the author in the original. The choice of adjectives or verbs in TL isn't always completely capable to transmit all values in lexicon chosen by the author of SL that promotes loss of individual author's style.

Both English and German are languages characterized by careful attitude to time concept because people realize its rapidity, impossibility to stop or turn back. This fact proves the inclination of these cultures to punctuality as the highest benefactor. The peoples also associate time with money, which is to be treated economical and rational. Both cultures personify time.

References

1. Egorova A.V. Putyatin I.E. (2010). Visualization of time, being cornerstone of an ontologic metaphor "Time – the living being". – TsMO Moscow State University bulletin, 3. – 55-62 p.
2. Lakoff G. Johnson M. (1985). *Metaphors We Live By*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 242 p.
3. Nilsen E. A. (2006). 212 Messenger of SAMGU, 10/2. – 50-51 p.
4. Trofimova D. V., Sherstyukova E.V. (2013). Means of expression of category time in M. Ende's novel "Momo". // Paper presented in Aspects of learning of foreign language and culture. Collection of scientific student's works on materials of student's conference., 5. T.1. – B. – Belgorod. April 17, Belgorod State National Research University, Russia. – Pp. 190-192.
5. Cherneyko L.O. (2009). Lingvofilosofsky analysis of an abstract name. M, – Pp. 200.
6. Uspensky, V.A. (1979). About real connotations of abstract nouns. *Semiotics and informatics*, 11. – Pp. 142-148.
7. Merrell, F.A. (1985). *Semiotic Theory of Texts*. – Berlin: Mouton de Gruyter. Pp. 5-21.

Sources of the actual material and dictionaries

7. Ende M.A.H. (1973). *Momo oder Die seltsame Geschichte von den Zeit-Dieben und von dem Kind, das den Menschen die gestohlene Zeit zurückbrachte*. Thienemann Verlag (German). Pp. 1-405.
8. Ende M. *Momo*. (1974 / 1984) Translated by J. Maxwell Brownjohn OCR: Yulia of Kryuchkov. Published by the Penguin Group 27 Wrights Lane, London W8 5TZ, England

УДК 811.111'374

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ СЛОВАРЕЙ

Ермакова Л.Р.

кандидат филологических наук, доцент
кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
ermakova@bsu.edu.ru

Хворостьяная Н.В.

учитель английского языка
муниципальное бюджетное образовательное учреждение
«Гимназия №5»
г. Белгород, Россия
hvorostjanaya@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена актуальной проблеме современной лингвистики – типологии словарей в рамках лексикографии, специального раздела лексикологии. Предшественники

словарей – глоссарии – появились в глубокой древности, сами же словари стали использоваться после изобретения и распространения в Европе книгопечатания в середине XV века. В статье представлен анализ некоторых авторитетных отечественных и зарубежных типологий и классификаций словарей. Также описываются типологические признаки словарей при их классификации. Утверждается, что разнообразие типов словарей объясняется сложностью и многоаспектностью языка, а «репертуар» словарей постоянно усложняется и расширяется. При этом, принцип противоположностей, как основа формирования типологии, используется исследователями для создания собственных типологий.

Ключевые слова: лексикография, словарь, противоположения, типология, многоаспектность, фасетная классификация, типологические признаки.

TYOLOGICAL FEATURES OF DICTIONARIES

Ermakova L.R.

PhD in Philology, Associate Professor
of Department of Foreign Languages and Professional Communication
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
ermakova@bsu.edu.ru

Hvorostjanaya N.V.

English Language Teacher
Municipal Budget Educational Institution «Grammar School № 5»
Belgorod, Russia
hvorostjanaya@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the actual problem of modern linguistics – typology dictionary in lexicography, special section of lexicology. Predecessors of dictionaries – Glossary – appeared in ancient times, but dictionaries themselves were used after the invention and spread of printing in Europe in the middle of the XV century. The paper presents an analysis of some of reputable domestic and foreign typologies and classifications of dictionaries. It also describes the typological features of dictionaries in their classification. It is argued that a variety of types of dictionaries due to the complexity and diversity of language, and the "repertoire" of dictionaries becomes increasingly complex and expanding. In this case, the principle of opposites, as a basis of typology is used by researchers to create their own typologies.

Key words: lexicography, dictionary, contrasts, typology, multifacets, faceted classification, typological characteristics.

Введение

Одним из интереснейших и актуальных вопросов современной лингвистики является изучение слова, его истории, этимологии, изменений. Многие отечественные и зарубежные исследователи уделяли огромное внимание этимологии германских языков, в частности английского (Амосова, 1956; Пизани, 1956; Маковский, 1986; Байн, 1990; Malkiel, 1993; Liberman, 2005).

В лексикологии существует специальный раздел – лексикография (от греческого *lixikon* – «словарь» и *grapho* – «пишу»), который занимается теорией и практикой составления словарей, их типологией и изучением. Лексикография является одной из древнейших наук, ведь первые словари были созданы для перевода текстов с латинского языка («Dictionary for foreigners and women»).

В Большом энциклопедическом словаре русского языка (БЭС) дается следующее определение понятия «словарь» [Большой энциклопедический словарь русского языка (БЭС), 1993]:

1) лексика, словарный состав языка, диалекта какой-либо социальной группы, отдельного писателя и т. д., 2) справочная книга, содержащая собрание слов (или морфем, словосочетаний, идиом и т. п.), расположенных по определенному принципу, и дающая сведения об их значениях, употреблении, происхождении, переводе на другой язык и т. п. (лингвистический словарь) или информацию о понятиях, предметах, ими обозначаемых, о деятелях в какой-либо области науки, культуры и др. (энциклопедический словарь).

В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова [Ожегов, 2010]:

СЛОВАРЬ – СЛОВАРЬ, я, муж. 1. Собрание слов (обычно в алфавитном порядке), устойчивых выражений с пояснениями, толкованиями или с переводом на другой язык. Толковый с. Энциклопедический с. Фразеологический с. Двухязычный с. Терминологический с.

В Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [Брокгауз, Ефрон, 1890-1907]:

Словарь – (греч. λεξικόν, лат. dictionarium, glossarium, vocabularium, нем. Wörterbuch) собрание слов, принадлежащих какому-нибудь языку, расположенное для более удобного пользования им в том или другом систематическом порядке, чаще всего в чисто внешнем.

Словари в том виде, к которому мы привыкли, имеют сравнительно позднее происхождение. Они появились в период, последовавший за изобретением и распространением в Европе книгопечатания в середине XV в. Однако предшественники современных словарей появились в глубокой древности. При изучении рукописей, написанных на других языках, в основном древних, люди сталкивались с новыми и необычными словами, особенно часто в сочинениях греческих и латинских классиков. Ученый или просто переписчик, определив значение незнакомого слова, писал перевод этого слова на родном для него языке между строками или чаще всего на полях манускрипта. Такая помета получила название глосса (от греч. *glossa* «язык, слово»).

Позднее, путем объединения глосс в один список, создавался список слов с переводом их на другой язык, получивший название глоссарий.

Глоссарии напоминали современные двухязычные словари. Рукописные глоссарии пользовались постоянным спросом. С них делалось много копий, а когда с появлением книгопечатания книги подешевели, словари оказались в числе первых печатных изданий.

Основная часть

Целью данной статьи является анализ авторитетных отечественных и зарубежных типологий и классификаций словарей. Материалами и методами исследования являются фасетная классификация и параметрический анализ.

«Типология словарей» – это классификация типов словарей, справочников и энциклопедий. Тип отдельного словаря определяется содержащейся в нем основной информацией, а также его общим назначением. Пионером в изучении проблемы типологии словарей в отечественной науке был Л.В. Щерба. Им была

предложена классификация словарей в работе «Опыт общей теории лексикографии» (1940), основу которой составляли 6 противоположений (противопоставлений):

1. Словарь академического типа – словарь-справочник. Словарь академического типа – это нормативный, описывающий лексическую систему данного языка словарь. Лексические единицы получают здесь всестороннее и обстоятельное толкование. Такие словари имеют значительный объем словника. В них отсутствуют факты, которые противоречат современному употреблению. В свою очередь, словари-справочники не охватывают всей системы языка и включают лишь часть слов, образующих ее. У таких словарей меньший объем словника и более краткое толкование слов. К словарям-справочникам относятся толковые словари, словари синонимов, антонимов, фразеологические, орфографические, орфоэпические и мн. др.

2. Энциклопедический словарь – общий словарь. Данное противопоставление основано на описании вещей и реалий (энциклопедические словари) и самих слов (лингвистические словари). Примерами словаря первого типа служат различного рода терминологические словари, специальные (отраслевые) и общие энциклопедии. Общий словарь раскрывает значения слов и выражений.

3. Тезаурус – обычный (толковый или переводной словарь). Тезаурус – тип словарей, в которых собраны и приводятся толкования, «языковой материал» всех слов, встретившихся в данном языке хотя бы один раз. Это – словарь-сокровищница, где фиксируется все написанное и сказанное на данном языке.

4. Обычный (толковый или переводной словарь) – идеологический (идеографический) словарь. В обычном словаре слова расположены в алфавитном порядке для удобства, такой словарь составлен из фонетических (графических) форм слова. Идеологический словарь классифицирует слова-понятия таким образом, чтобы отобразить их живую взаимосвязь, систематизирует «слова-понятия» ономаσιологически, т.е. по лексико-семантическим группам и полям.

5. Толковый словарь – переводной словарь. Толковый словарь объясняет значения слов какого-либо языка и предназначен в первую очередь для носителей данного языка; содержит их грамматическую и стилистическую характеристику, примеры употребления в речи и другие сведения. В противоположность толковым словарям переводные словари необходимы для понимания текстов на иностранном языке представляют планомерное сопоставление словарных составов двух или более языков (в той или другой их части или во всей их совокупности).

6. Неисторический словарь – исторический словарь. Исторический словарь – словарь, содержащий историю слов (их появление, развитие значений, изменение словообразовательной структуры и т.д.), таким образом, отражая последовательно происходящие изменения системы языка в целом.

В лексикографии любой нации можно найти десятки и сотни словарей разных типов. Это разнообразие говорит о сложности и многоаспектности самого объекта лексикографического описания – языка.

Говоря словами самих классификаторов, деление словарей на типы происходит по различным основаниям и зависит от цели словаря, его объема, расположения слов и т.д. Созданием типологии словарей занимались многие лингвисты – Л. В. Щерба, П. Н. Денисов, Б. Кемада, Я. Малкил и др. Однако, общепринятой типологии словарей в науке о языке пока еще нет.

Сегодня различают огромное количество словарей, и вопрос о типологии в лексикографии является одним из важных. Классифицируя словари необходимо учитывать ряд определенных типологических признаков.

1. С точки зрения отбора лексики выделяют: словари тезаурусного типа и словари, где лексика отбирается по: *сфере употребления* (разговорный, просторечный, диалектный, арго, терминологический, поэтической лексики и т.п.); *по исторической перспективе* (архаизмов, историзмов, неологизмов); *по происхождению* (иностранных слов, интернационализмов); *по характеристике типов слов* (сокращений, ономастические, окказионализмов); *по источнику* (словари отдельных авторов);

2. С точки зрения раскрытия отдельных аспектов (параметров) слова (этимологические, грамматические, орфографические, орфоэпические, словари служебных слов и т.п.);

3. С точки зрения раскрытия системных отношений между словами (гнездовые, словообразовательные, омонимические, паронимические, синонимические, антонимические);

4. С точки зрения функционального аспекта словари различаются: по частотности (частотные, редких слов); по стилистическому использованию (метафор, эпитетов, сравнений, экспрессивной лексики); по нормативной характеристике (трудностей, правильностей);

5. По направлению изложения материала различают: исходя из формы (оборотные, рифмы); исходя из содержания (идеографические, тематические);

6. С точки зрения выбора (морфем, корней, сочетаний, цитат, фразеологические).

В плане общей типологии словари принято делить на одноаспектные и многоаспектные. По количеству признаков слова различают синхронические (отражающие определенный временной срез языка) и диахронические, например, этимологические (берут во внимание развитие языка). Существуют энциклопедические и лингвистические словари.

Энциклопедические (от греческого *enkyklios paideia* – «обучение по всему кругу знаний») словари содержат экстралингвистическую информацию об описываемых языковых единицах; они дают сведения о научных понятиях, терминах, исторических событиях, персоналиях, географии и т.д. В энциклопедическом словаре нет грамматических сведений о слове, а дается информация о предмете, который обозначен словом.

В лингвистических (по большей степени толковых) словарях слово характеризуется с разных сторон, в зависимости от целей, объема и задач словаря: с точки зрения смыслового содержания, словообразования, орфографии,

орфоэпии, правильности употребления. Среди прочих типов словарей, относящихся к лингвистическим, интересны фразеологические словари.

Фразеологический словарь – словарь устойчивых словосочетаний (фразеологических единиц), которые сравнительно легко выделяются из контекста как единое целое, состоящее из нескольких слов, в отличие от свободных сочетаний слов, где каждое слово самостоятельно. Фразеологические словари бывают: *однойзычные* (на материале одного языка), *двухязычные* (на материале двух языков), *многоязычные* (на материале нескольких, но не более пяти, языков). Как правило, во фразеологических словарях единицы располагаются в алфавитном порядке, но не по первому слову, а по ядерным в смысловом отношении словам словосочетания – вокабулам. В конце фразеологического словаря обычно приводится список тех же самых фразеологических единиц в алфавитном порядке по первому слову со ссылкой на страницу, где приведено объяснение такой фразеологической единицы.

Существующие типы словарей бесконечно разнообразны. Это разнообразие объясняется, прежде всего, сложностью и многоаспектностью языка. Помимо этого, многочисленные потребности общества в получении необходимой информации усложняют и расширяют «репертуар» словарей. Практически невозможно дать в одном словаре всю информацию, которая удовлетворила бы в равной степени общество в целом и отдельные его слои в частности. Именно поэтому с каждым днем появляется все больше новых типов словарей.

Говоря о системе классификации словарей принято использовать термин «фасет» (facet – рамка). Каждый фасет содержит совокупность однородных значений данного классификационного признака. Причем значения в фасете могут располагаться в произвольном порядке, хотя предпочтительнее их упорядочение» [БЭС, 1993].

Как уже было сказано выше, первым в отечественной науке к проблеме типологии словарей обратился Л.В. Щерба, который предложил выделить типы словарей на основании 6 противоположений [Щерба, 1974].

Фасетная классификация, основанная на выделении типа словаря по соответствующему набору признаков, заданному фасетами, разработана В.Ф. Роменской [Роменская, 1978: 186-187].

В.Ф. Роменская выделяет 8 фасетов и именует их согласно различным признакам:

№ Наименование признака
фасета

Фасет 1 по принципу определения
значения единиц
словника

энциклопедический	филологический	энциклопедично-филологический
-------------------	----------------	-------------------------------

Фасет 2 по способу организации
лексики

алфавитный	гнездовой	и тому подобное
------------	-----------	-----------------

Фасет 3 по объему словника

	большой	малый	и т.д.
Фасет 4 по отношению к типу языкового общения			
	общий	областной	и т.д.
Фасет 5 по отношению к языковой норме			
	нормативный	ненормативный	
Фасет 6 по способу представления лексического значения слова			
	одноязычный	многоязычный	
Фасет 7 по отношению к синхронии и диахронии			
	исторический	неисторический	этимологический
Фасет 8 по назначению			
	справочник	учебный	информационно-поисковый

Классификация терминологических словарей, составленная З.И. Комаровой, включает 11 признаков, В.В. Дубичинский [Дубичинский, 2008] разработал типологию словарей с целью анализировать и классифицировать лексикографические произведения в учебных и других практических целях.

По А.С. Герду, специальные словари делятся на словари, адресованные человеку, и словари, ориентированные на ЭВМ [Герд, 1996]:

словари, адресованные человеку словари, ориентированные на ЭВМ

одноязычные информационно-поисковые тезаурусы для информационных систем разных типов

переводные

терминологические

словари идентификаторов разные типы собственно машинных словарей

частотные словари терминов

рубрикаторы

классификаторы

И.С. Куликова, Д.В. Салмина выделяют типологические оппозиции словарей лингвистических терминов [Куликова, 2002: 58]:

1 энциклопедия	словарь	справочник
2 академический	учебный	-
3 алфавитный	тематический	-
4 оригинальный (русский) переводной		-
5 словарь метаязыка	словарь метадиалекта	-
6 общий словарь	отраслевой словарь	-

7 словарь	справочник	-
8 цитатный	нецитатный	-
9 одноязычные	двухязычные (многоязычные) словари	-

Зарубежные лексикографы также уделяют внимание вопросу типологии словарей. Так, Reinhard Rudolf Karl Hartman, рассматривая словарь (Dictionary) в качестве лексикографической практики, справедливо полагает, что словарь является одним из нескольких доступных справочных работ (справочников) [Hartman, 2001: 4-5]:

лексикографические
справочные работы
(Lexicographic
Reference Works)

словарь (Dictionary)	тезаурус (Tesaurs)	энциклопедия гибриды (Encyclopedia) (Hybrids)
-------------------------	-----------------------	--

словари для носителей языка	словари для изучающих английский язык	энциклопедические словари
одноязычные общие	многоязычные специальные	

Заключение

Анализ типологических признаков словарей показал, что принцип противоположностей, взятый в качестве основания для формирования типологии, активно используется исследователями для создания собственных типологий.

В.Д. Табанакова утверждает, что «<...> в настоящее время в отечественной теории лексикографии разработано две типологии словарей оппозиции Л.В. Щербы и параметрическое описание Ю.Н. Караулова и большое количество классификаций как обобщающего, так и частного характера. Любая классификация сегодня не может быть универсальной, поскольку практическая лексикография постоянно пополняет перечень параметров. В то же время параметрический анализ наиболее эффективный инструмент типологического описания и универсален в том смысле, что позволяет бесконечно пополнять список параметров» [Табанакова, 2001].

Изучение лексикографии тесно связано с проблемами, рассматриваемыми в лексикологии. Выделение значений многозначных слов и способы их представления в словарях, разграничение омонимии и полисемии, синонимия лексических единиц – только немногие из проблем, решением которых занимаются как специалисты в области лексикологии, так и лексикографы.

Составители словарей используют в своих трудах достижения лексикологии, а лексикологи очень часто обращаются к данным словарей в своих исследованиях.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь русского языка (БЭС), гл. ред. А.М.Прохоров. М.: Советская Энциклопедия, Фонд «Ленинградская галерея», 1993. – 1632 с.
2. Брокгауз, Ф.А., Ефрон, И.А. Энциклопедический Словарь в 86 полутомов с иллюстрациями и дополнительными материалами. СПб.: Акционерное издательское общество Ф.А. Брокгауз – И. А. Ефрон, 1890-1907, т.59.
3. Герд, А.С. Научно-техническая лексикография // Прикладное языкознание. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. – С. 287-301.
4. Дубичинский, В.В. Лексикография русского языка: учеб. пособие. М.: Наука; Флинта, 2008. – 432 с.
5. Куликова, И.С. Введение в металингвистику: системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии / И.С. Куликова, Д.В. Салмина. СПб.: Сага, 2002. – С. 58.
6. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского язык. М.: Оникс, 2010. – 736 с.
7. Роменская, В.Ф. О классификационной схеме «тип словаря» // Структурная и прикладная лингвистика. Л, 1978. – С.186-187.
8. Табанакова, В.Д. Идеографическое описание научной терминологии в специальных словарях: дис. ... д-ра филол. наук. Тюмень, 2001. – 281 с.
9. Щерба, Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. – С. 265-304.
10. Hartman, R.R.K. Teaching and Researching Lexicography. Harlow: Pearson Educated Limited, 2001. – P. 4-5.

References

1. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka (BJeS), gl. red. A.M.Prohorov. M.: Sovetskaja Jenciklopedija, Fond «Leningradskaaja galereja», 1993. – 1632 s.
2. Brokgauz, F. A., Efron, I. A. Jenciklopedicheskij Slovar' v 86 polutomah s illjustracijami i dopolnitel'nymi materialami. SPb: Akcionernoe izdatel'skoe obshhestvo F. A. Brokgauz – I. A. Efron, 1890-1907., t.59.
3. Gerd, A.S. Nauchno-tehnicheskaja leksikografija // Prikladnoe jazykoznanie. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1996. – S. 287-301.
4. Dubichinskij, V.V. Leksikografija russkogo jazyka: ucheb. posobie. M.: Nauka; Flinta, 2008. – 432 s.
5. Kulikova, I. C. Vvedenie v metalingvistiku: sistemnyj, leksikograficheskij i kommunikativno-pragmaticheskij aspekty lingvisticheskoj terminologii / I.S. Kulikova, D.V. Salmina. SPb.: Saga, 2002. – S. 58.
6. Ozhegov, S.I. Tolkovoj slovar' russkogo jazyk. M.: Oniks, 2010. – 736 s.
7. Romenskaja, V.F. O klassifikacionnoj sheme «tip slovarja» // Strukturnaja i prikladnaja lingvistika. L, 1978. – S.186-187.
8. Tabanakova, V.D. Ideograficheskoe opisanie nauchnoj terminologii v special'nyh slovarjah: dis. ... d-ra filol. nauk. Tjumen', 2001. – 281 s.
9. Shcherba, L.V. Opyt obshhej teorii leksikografii // Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'. M.: Nauka, 1974. –S. 265-304.
10. Hartman, R.R.K. Teaching and Researching Lexicography. Harlow: Pearson Educated Limited, 2001. – P. 4-5.

УДК 811.11

ТИПЫ СЛОВАРНЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ НОМИНАНТОВ ЭМОЦИЙ

Красавский Н.А.

заведующий кафедрой немецкой филологии,
доктор филологических наук, профессор,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Волгоградский государственный социально-педагогический университет», г. Волгоград, Россия

nkrasawski@yandex.ru

Аннотация

На материале немецкого языка обсуждается проблема лексикографической репрезентации слов, обозначающих эмоции. Данные слова обладают диффузной семантикой, что значительно затрудняет их лексикографическое описание. Основная проблема состоит в том, как оптимально описать значение номинантов эмоций, соблюдая при этом ограниченный объем словарной дефиниции, с одной стороны, а с другой – максимально полно раскрыть смысл интерпретируемого слова. Существует два подхода к толкованию значения номинантов

эмоций – смысловой и метафорический. Метафорическое толкование значения номинантов эмоций применяется в иллюстративной части словарной статьи. Смысловой подход к определению номинантов эмоций применим в дефиниционной части словарной статьи. Выявлены следующие типы словарных определений немецких номинантов эмоций: релятивный, отсылочный и комбинированный. Последний из них является наиболее распространенным. Предлагается усовершенствовать словарные определения номинантов эмоций за счет привлечения семантических признаков, содержащихся в энциклопедических (психологических) дефинициях.

Ключевые слова: лексикография, словарное определение, номинант эмоции, эмоция, семантика, репрезентация, модель, словарь, система.

TYPES OF DICTIONARY DEFINITIONS OF NOMINEES EMOTIONS

Krasavskii N.A.

Head of Department of German Philology, Doctor of Philology, Professor,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «Volgograd State Socio-Pedagogical University», Volgograd, Russia
nkrasawski@yandex.ru

Abstract

Considered is the problem of the lexicographic representation of words denoting emotions based on the German language. These words have diffuse semantics, which significantly complicates their lexicographic description. The main problem is how to optimally describe the meaning of nominees of emotions taking into account the limited amount of the dictionary definitions, on the one hand, and to fully reveal the meaning of the interpreted words – on the other. There exist two approaches to the interpretation of the nominees of emotions – semantic and metaphorical. Metaphorical interpretation of the nominees of the emotions is used in the illustrative part of the dictionary entry. A semantic approach as used to determine the nominees of emotions is applicable in the definitional part of the entry. The following types of the dictionary definitions of the German nominees of emotions have been identified: relative, reference and combined. The latter is the most common. It is proposed to improve the dictionary definitions of nominees emotions by involving semantic features contained in encyclopedic (psychological) definitions

Keywords: lexicography, lexical definition, nominee of emotions, emotion, semantics, representation, model, dictionary, system.

В лингвистике можно выделить ряд проблем, принципиально не теряющих своей актуальности, несмотря на их постоянное обсуждение учеными. К таким проблемам следует отнести «лексикографический вопрос», оказывающийся в поле зрения многих лингвистов [Каменева, 2015: 86-89; Колпакова, 2007: 52-62; Комарова, 1991; Abel, 2000: 163-169], что обусловлено самыми различными факторами, причем не только интралингвистическими, но и экстралингвистическими. При этом имеется в виду, в первую очередь, не только практическая польза словарного дела, но и его безусловная теоретическая ценность, в частности важность создания специального метаязыка, позволяющего объяснять языковые значения, а значит, и сам мир. Можно с уверенностью прогнозировать сохранение актуальности «лексикографического вопроса» в филологии в будущем, что объясняется перманентно протекающим процессом освоения человеком мира, постоянно увеличивающегося (на определенных этапах развития цивилизации в геометрической прогрессии) багажа его знаний.

Лексикография успешно и интенсивно развивалась в XX столетии, особенно в его второй половине, объяснение чему видится во все более

существенном углублении человеческого знания, в расширении его границ. Процесс активного распремечивания человеком действительности предполагает появление новых понятий, их признаков, которые «обречены» на свою вербализацию, прежде всего на уровне лексемной номинации. Их оязыковление является одним из условий человеческой коммуникации, обеспечивающей полноценную жизнедеятельность Homo sapiens. Эффективность человеческого общения посредством вербальных знаков во многом зависит от адекватности, степени полноты определения существующих понятий, концептов, в целом – любых наших ментальных поступков. Вербализация и соответствующее определение последних – это безусловная прерогатива естественного и семантического языка (т.е. языка описания семантики, метаязыка).

Результаты дефинирования ментальных операций, совершаемых человеческим сознанием при освоении им как реального, так и виртуального мира, фиксируются специальным объяснительным текстом, представляющим собой, согласно лексикографической терминологии, словарную статью. Словарная статья – ключевое понятие лексикографии. Она, по сути, фиксирует собой «алфавит идей», биографические данные того / иного понятия, мыслительных образований, и, следовательно, в целом и историю развития человеческой цивилизации. Лексикографы (см., например [Kühn, 1987: 267-278; Schäder, 1987]) словарную статью квалифицируют как самостоятельный тип текста, обладающий соответственно специфической архитектоникой и содержанием. Словарная статья состоит из двух узловых частей – собственно дефиниционной и иллюстративной. Сущность понятия раскрывается в первой из них. В ее дефиниционной части должны быть определены объем и содержание понятия.

В нашей статье ставится следующая задача – установить и охарактеризовать типы определений слов, обозначающих эмоции (номинанты эмоций) в немецком языке. Эти слова, как известно, имеют диффузную семантику [Вежбицкая, 1997: 328-330; Jäger, Plum, 1989: 849-855; Kühn, 1987: 267-278], что объясняется природной сложностью соответствующих денотатов. Номинанты эмоций – это лексические единицы абстрактного характера. Их сложно эксплицировать на уровне метаязыка, поскольку они обозначают нечеткие множества.

Лексикографам хорошо известны предложения по поиску метаязыка, позволяющего компактно и глубоко объяснять значения слов, в том числе и значения номинантов эмоций [Апресян, 1995: 453-465; Воркачев, 1995: 125-132]. Рассуждая о технологиях толкования лексики эмоций, А. Вежбицкая считает возможным сочетание классических, традиционных и прототипных способов их лексикографической репрезентации. Уместно привести ее пример со словом *зависть*. Пользуясь терминами прототипической ситуации, она обращается к следующей схеме: «X испытывает зависть. = Иногда человек думает что-то вроде этого: “что-то хорошее происходит с другим человеком, это не происходит со мной, я хочу, чтобы вещи вроде этого происходили со мной”, из-за этого этот человек испытывает какие-то плохие чувства. X чувствует что-то вроде этого» [Вежбицкая, 1997: 216].

Характеризуя состояние вопроса лексикографической репрезентации лексики эмоций, Ю.Д. Апресян отмечает два возможных подхода – смысловой, сторонниками которого являются А. Вежбицкая, Л.Н. Иорданская, и метафорический, предлагаемый Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Каждая из названных методик определения содержания эмоциональных понятий имеет ряд недостатков; и та, и другая не позволяют лексикографически полно и адекватно представить наши знания об эмоциях (см. подробнее: [Апресян, 1995: 454-457]).

Далее остановимся на вопросе анализа толкования номинантов эмоций в немецкой лексикографии. Их определения, как показывают результаты нашего лексикографического анализа, по своей сути традиционны. Известные прототипные модели (суть смыслового подхода), предлагаемые, в частности, А. Вежбицкой, составителями филологических (толковых) словарей не используются, что, на наш взгляд, объясняется следующей причиной. Прототипные модели недостаточно технологичны в смысле своей адресности. Наивный среднестатистический носитель языка объективно стремится к толкованиям, даваемым на естественном, а не на «особом» языке (языке семантических примитивов). Язык семантических примитивов, несмотря на свою дискретность и как будто бы исчерпывающую объяснительную силу, не совсем удобен в его практическом использовании. Он, на наш взгляд, слишком формален, формульно сложен, что затрудняет его осмысление носителем языка. Более живыми, не столь формализованными и на первый взгляд более понятными, когнитивно доступными для обычных носителей языка можно было бы считать метафорические модели толкования номинантов эмоций (см.: [Лакофф, Джонсон, 1990: 396-404, 410-415]). В основу метафорической модели толкований американские исследователи кладут ряд принципов: 1) фундаментальные человеческие понятия организуются в терминах одной или нескольких ориентационных метафор; 2) метафора служит средством осмысления того или иного понятия (*concept*) только благодаря ее эмпирическому основанию; 3) в основе метафоры лежат разные физические и социальные явления [Лакофф, Джонсон, 1990: 400-401]. В качестве иллюстрации данных положений приведем пример дефинирования концептов *счастье* и *грусть* из цитируемой работы: «Happy is up; sadness is down (счастье – верх; грусть – низ). I 'm feeling up. – ‘Я в *приподнятом* настроении’. That boosted my spirits. – ‘Это *подняло* мое настроение’. My spirits rose. – ‘У меня *поднялось* настроение’. You are in *high* spirits. – ‘Вы в хорошем (букв. *высоком*) настроении’. Thinking about her always gives me a *lift*. – ‘Мысли о ней всегда одушевляют (букв. *приподнимают*) меня’. I 'm feeling down. – ‘Я *пал* духом’ (букв. чувствую себя *внизу*)’ [Лакофф, Джонсон 1990, с. 396-397]. Комментируя применение метафорического подхода к толкованию номинантов эмоций, Ю.Д. Апресян указывает как на его достоинства, так и на недостатки. К первым, на взгляд ученого, относится его возможность «отразить внутреннюю семантическую компаративность слов, обозначающих эмоции, и ввести в описание, помимо самих этих слов, большие группы связанных с ними метафорических выражений» <...> и соответственно ко вторым – то обстоятельство, что «метафора принимается за конечный продукт лингвистического анализа, и

собственно семантическая мотивация того, почему та или иная метафора ассоциируется с определенной эмоцией, отсутствует; между физической мотивацией и самой метафорой отсутствует языковое, семантическое звено» [Апресян, 1995: 456]. Использование метафоры как метаязыкового средства экспликации содержания эмоций при всей своей на первый взгляд нерациональности, нетехнологичности (громоздкость семантической записи, возможная двусмысленность толкования, базирующаяся на определенных объективно существующих различиях в лингвокультурном фонде каждой языковой личности и т.п.) вместе с тем удобна в том смысле, что позволяет обнажить тончайшие, труднопередаваемые (более того, нередко трудноуловимые для самого говорящего / пишущего) на логическом уровне оттенки выражаемой мысли. Данное замечание, как кажется, особенно актуально применительно к экспликации такого структурно-сложного, пестрого, мозаикоподобно оформленного полотна, как эмоциональная картина мира. Метафора, принципиально построенная на образном сравнении, апеллирует прежде всего к *чувственному* языковому опыту читателя (слушателя), вызывая тем самым у него определенные ассоциации, помогающие его языковому сознанию рефлексировать принимаемое сообщение (текст). Общеизвестна в человеческой культуре (по крайней мере, европейской) распространенная традиция (норма) оформлять аффекты (т.е. внутренние переживания) посредством реальных действий (т.е. внешне эксплицируемых поступков). Так, анализируя европейские языки художественного дискурса в диахронической плоскости, А.Н. Веселовский указывает на совершенно четкое исключительно внешнее оформление человеческих переживаний: «Человек печалится – падает, клонится долу; сидит, пригорюнившись. *Сиденье*, и именно *на камне*, стало формулой грустного, тиховдумчивого настроения. <...> Любить значит склоняться, виться...» [Веселовский, 1997: 96-97]. Вне всяких сомнений, эти культурные поведенческие образцы устойчиво закреплены в языковой памяти их носителей, что и позволяет, с одной стороны, активно продуцировать образно оформленные тексты, а с другой – успешно их десемантизировать в человеческой коммуникации. В практической же деятельности смысловой подход к толкованию номинантов эмоций традиционен; он оказывается более приемлемым для лексикографов, что при этом не обязательно исключает применение и метафорических моделей, способных в отдельных случаях дополнять словарные дефиниции, базирующиеся на традиционных, классических моделях. Заметим, что только *эпизодически* метафора используется при объяснении значений слов, называющих эмоции. Она не применяется в «чистом» виде, но выступает иногда, так сказать, в качестве дополнительной дистрибуции, как необходимая иллюстрация употребления, отражающая собой семантическую валентность той / иной лексической единицы, а значит, и содержание концепта (ср.: *seine Liebe war erkältet, erloschen* [Duden, 1989: 835]). Применение метафор в лексикографии, по нашему мнению, действительно целесообразно при описании сущности концептов эмоций. Метафорический способ толкования последних, однако, никак не заменяет непосредственно самой словарной *дефиниции*, эксплицирующей на уровне логики то / иное понятие. Метафорические же описания того / иного социального

и, в особенности, культурного феномена, его национальной специфики могут и должны использоваться в *иллюстративной* части словарной статьи.

Анализ словарных дефиниций немецких номинантов эмоций позволяет выявить следующие способы их лексикографической репрезентации: 1) комбинированные определения (родовидовые и релятивные в их совокупности), 2) релятивные определения, 3) отсылочные определения. Остановимся на их характеристике.

Сущность родовидовых определений заключается в принципе гипергипонимической организации лексической языковой системы. Логической категории рода соответствует лингвистический эквивалент – термин «гипероним», а категории вида – термин «гипоним». Считается, что «в правильной логической дефиниции предикат состоит из родового признака и видовой характеристики» [Карасик, 1990: 62]. Таким образом, одним из требований к словарной дефиниции является интродуктивность самого определения, т.е. наличие в нем родового и видового признаков. Последний из них вскрывает различия между родственными понятиями, а первый позволяет установить принадлежность толкуемого понятия к тому / иному фрагменту действительности. Родовидовое определение – это классический способ толкования, традиционно и успешно используемый при интерпретации лексико-семантических парадигм, в особенности тех из них, которые относительно дискретны, имеют четко очерченные сознанием человека границы в общей языковой картине мира (например, лексико-семантическая группа родства). Данный способ интерпретации слов особенно успешно используется при описании значений терминологических единиц, терминологических систем. Родовидовой способ не используется в «чистом» виде. Он дополняется другим, а именно – релятивным способом, выполняющим уточняющую функцию. Релятивные определения – это такой вид толкования, в котором нет прямого раскрытия содержания понятия, выраженного толкуемым словом, нет непосредственной характеристики значения денотата, а значения слов толкуются через отношения к другим словам, преимущественно через синонимические отношения [Комарова, 1991: 55]. Этот лексикографический способ толкования слов часто критикуется лексикографами [Шелов, 1990: 29-30; Abel, 2000: 166-167] прежде всего в силу его редуцированного объема. Вместе с тем он используется в лексикографической практике, поскольку представляет собой компактную семантическую запись дефинируемого слова.

Анализ материала показывает, что при помощи комбинированных определений (родовидовой и релятивный типы) дефинируются многие немецкие номинанты эмоций, например, *Angst, Freude, Trauer*. В качестве родовых сем при этом выступают слова, обладающие самой широкой семантикой – *Gemütszustand, Gefühl, Schmerz, Sorge, Unruhe*. При релятивном способе значения слов толкуются через отношения к другим словам, преимущественно через синонимические отношения. Приведем в качестве примера словарные дефиниции номинаций эмоций, которые сочетают родовидовой и релятивный способы: «*Angst – mit Beklemmung, Bedrückung, Erregung einhergehender Gemütszustand angesichts einer Gefahr; undeutliches Gefühl des Bedrohtseins*» [Duden, 1989: 111]; «*Freude –*

hochgestimmter Gemütszustand; das *Froh-* und *Beglücktsein*» [Duden, 1989: 538]; «Trauer – Schmerz um etwas Verlorenes, tiefe *Betrübnis*» [Wahrig, 1992: 1291]. (Здесь сплошной линией выделены родовидовые, а курсивом – релятивные семы.). Релятивный способ не указывает на родовую сему, и в этом состоит его главный лексикографический недостаток. В релятивных определениях эксплицитно не фиксируется денотативная принадлежность толкуемого понятия, что может затруднять его узнавание читателем. Например, «Entsetzen – mit Grauen u. panikartiger Reaktion verbundener Schrecken» [Duden, 1989, с. 439]. В данном случае слову *Entsetzen* даются синонимы *Grauen*, *Schrecken*. Релятивный способ толкования актуален для таких номинантов эмоций, как *Entsetzen*, *Grauen*, *Hochgenuss*, *Vergnügen*, *Rage*, *Gram*, *Kummer*, *Melancholie*, *Trübsinn*, *Zorn*. Приведем пример: «Zorn – heftiger *Unwille*, aufwallender *Ärger*» [Wahrig, 1992: 1470]. Релятивный способ толкования номинантов эмоций менее продуктивен по сравнению с комбинированным. Существенным недостатком релятивного типа является то обстоятельство, что содержание толкуемого понятия эксплицируется далеко недостаточно полно. Словарная дефиниция, основывающаяся на релятивном способе толкования понятия, включает в себя минимальное количество семантических *дифференциальных* признаков, которые далеко не всегда позволяют различать родственные эмоциональные феномены (на уровне языка – идеографические синонимы).

Релятивному типу определения слова во многом аналогичен отсылочный тип, представляющий собой, как правило, ссылку на синонимичные или иногда на *антонимичные* лексические единицы. В отличие от релятивного данный способ толкования слов менее информативен, поскольку ограничивается всего лишь ссылкой на другое, обычно синонимичное дефинируемому понятию слово. При помощи отсылочного типа определения получают толкование такие номинанты эмоций, как *Grauen*, *Schauder*, *Schreck*, *Furor*, *Ingrimm*, *Jähzorn*. По своей сути, этот тип дефиниции представляет собой логический круг. При этом не дается удовлетворительная характеристика значению определяемого слова. Его использование лексикографами обусловлено исключительно компактностью семантической записи содержания дефинируемого феномена. Указанные лексикографические техники на практике нередко используются в комплексе, что обусловлено стремлением составителей словарей найти оптимальные средства описания значений слов.

Резюмируем изложенное выше.

Релятивный и отсылочный типы толкования номинантов эмоций имеют лексикографические недостатки, заключающиеся в неточной экспликации на уровне объяснительной словарной дефиниции содержания определяемого понятия. Предлагаемые составителями филологических словарей дефиниции нередко содержат минимум информации, не позволяющий читателю увидеть различия между толкуемыми родственными понятиями. Это происходит потому, что в семном наборе той / иной лексики не указываются дифференциальные семы, которые могли бы позволить отличить одно понятие от другого. Наиболее оптимальным с точки зрения лингвистической передачи глубины, полноты содержания, объема толкуемых понятий следует признать комбинированный

способ толкования. Комбинированное определение как способ лексикографической репрезентации номинантов эмоций представляет собой использование лексикографом сочетаний различных типов толкования (родовидового и релятивного). Эти два способа интерпретации мира эмоций находятся в отношении дополнительной дистрибуции. Безусловно, подобного рода лексикографический симбиоз можно только приветствовать. Однако комбинированный способ толкования номинаций эмоций, как показывают результаты анализа словарных дефиниций, используется не так часто, как следовало бы, что является значительным недостатком немецкой лексикографической практики применительно к рассматриваемому материалу.

Изложенное выше приводит к мысли о необходимости внесения коррекции в практику лексикографирования слов, обозначающих эмоции. Как можно, на самом деле, улучшить технику описания их содержания? Мы считаем, что для этого как минимум необходимо выполнить следующую работу. Во-первых, на основании анализа словарных дефиниций, предлагаемых в *самых разных* филологических словарях, вывести общий список семантических компонентов, представляющих суммарно метаязык эмоций. Во-вторых, при всем понимании и учете *адресатности филологических словарей* мы считаем целесообразной попытку минимизированного, фрагментарного использования информации, содержащейся в словарях психологических, более удовлетворительно раскрывающих содержательные характеристики концептов эмоций. Другими словами, мы считаем лексикографически оправданным использование не только перечня семантических компонентов, эксплицируемых в филологических, но и в энциклопедических (психологических) определениях. Возможно, подобного рода операция приведет к более глубокой репрезентации семантики номинантов эмоций на уровне филологических словарей.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Т. 2. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
2. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
3. Веселовский А.Н. Язык поэзии и язык прозы // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 85-112.
4. Воркачев С.Г. Семантизация концепта любви в русской и испанской лексикографии (сопоставительный анализ) // Язык и эмоции: сб. науч. тр. – Волгоград, Перемена, 1995. – С. 125-132.
5. Герд А.С. Научно-техническая лексикография // Прикладное языкознание. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. – С. 287-307.
6. Каменева Н.А. Компьютерная лексикография и составление электронных словарей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Вып. 3 (45), 2015. – С. 86-89.
7. Карасик В.И. Значение слова: определение и толкование // Коммуникативные аспекты значения: сб. науч. тр. – Волгоград, Перемена, 1990. – С. 58-67.
8. Колпакова Г.В. О различиях немецких словарей синонимов // Антропологическая лингвистика: сб. науч. тр. / Под ред. Н.А. Красавского и А.П. Седых. Вып. 8. – Волгоград, Колледж, 2007. – С. 52-62.
9. Комарова З.И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. – Свердловск, Уральский университет, 1991. – 155 с.
10. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387-415.
11. Шелов С.Д. Об определении лингвистических терминов (опыт технологии и интерпретации) // Вопросы языкознания. №3, 1990. – С. 21-31.
12. Abel A. Das lexikographische Beispiel in der L2-Lexikographie // Deutsch als Fremdsprache. 3 Quartal, Heft 37, 2000. – S. 163-169.
13. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. – Mannheim – Wien – Zürich. – Dudenverlag, 1989. – 1816 S.
14. Jäger L., Plum S. Probleme der Beschreibung von Gefühlswörtern im allgemeinen einsprachigen Wörterbuch //

Wörterbücher. Dictionaries. Ein internationales Handbuch zur Lexikographie. Bd. 5. – Berlin, 1989. – S. 849-855.

15. Kühn P. Bedeutungserklärungen im Wörterbuch: Angaben zum Verwendungsdurchschnitt oder zur Verwendungsvielfalt? Ein Beitrag zur Lexikographie des Gefühlswortschatzes am Beispiel Eifersucht // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. Bd. 40. 1987. – S. 267-278.

16. Schäder B. Germanistische Lexikographie. – Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 1987. – 189 S.

17. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. – Gütersloh – München; Bertelsmannlexikonverlag, 1992. – 1493 S.

References:

1. Apresyan Y.D. Integral description of the language and systematic lexicography. Vol. 2. – M.: Shkola "Languages of Russian culture", 1995. – 767 p.

2. Verbitskaya A. Language. Culture. Cognition. – M.: Russian dictionaries, 1997. – 416 p.

3. Veselovskii A.N. The language of poetry and the language of prose // Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text. Anthology. – Moscow: Academia, 1997. – Pp. 85-112.

4. Vorkachev S.G. Semantization of Concept of love in Russian and Spanish lexicography (comparative analysis) // Language and emotions: collected papers. – Volgograd, Peremena, 1995. – Pp. 125-132.

5. Gerd A.S. Scientific and technical lexicography // Applied linguistics. – SPb.: publishing house of St. Petersburg University, 1996. – Pp. 287-307.

6. Kameneva N.A. Computer lexicography and compilation of electronic dictionaries // Philological Sciences. Issues of theory and practice. Vol. 3 (45), 2015. – Pp. 86-89.

7. Karasik V.I. The meaning of the word: definition and interpretation // Communicative aspects of meaning: collected papers. – Volgograd, Peremena, 1990. – Pp. 58-67.

8. Kolpakova G.V. About the differences between German dictionaries of synonyms // Anthropological linguistics: collected papers. Vol. 8. – Volgograd, College, 2007. – Pp. 52-62.

9. Komarova Z.I. Semantic structure of the words and its lexicographic description. – Sverdlovsk, Ural University, 1991. – 155 p.

10. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by // The Theory of metaphor. – M.: Progress, 1990. – Pp. 387-415.

11. Shelow S.D. On Definition of linguistic terms (the experience of the technology and interpretation) // Problems of linguistics. No. 3, 1990. – Pp. 21-31.

12. Abel A. The lexicographical example, in the L2 – lexicography // German as a foreign language. 3 Quarter, No. 37, 2000. – Pp. 163-169.

13. Duden. German General dictionary. – Mannheim – Vienna – Zurich. – Dudenverlag, 1989. – 1816 p.

14. Jäger L., Plum S. Problems of description of feeling words in the General monolingual dictionary // Dictionaries. Dictionaries. An international guide to lexicography. Vol. 5. – Berlin, 1989. – Pp. 849-855.

15. Kühn P. Explanation of the Meanings in the Dictionary: Information on Average use or on the variety of use? A Contribution to the Lexicography for the Vocabulary of the Feelings-Words based on the Example of "Jealousy" // Journal of Phonetics, Linguistics, and Communication Studies. Vol. 40. 1987. – Pp. 267-278.

16. Schäder B. German Lexicography. – Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 1987. – 189 p.

17. Wahrig G. German Dictionary. – Gütersloh, Germany – Munich, Germany; Bertelsmannlexikonverlag, 1992. – 1493 p.

УДК 81

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В АСПЕКТЕ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Кудрявцева Н.Б.

кандидат филологических наук, доцент
Белгородский национальный научный исследовательский университет
Белгород, Россия
nkud@mail.ru

Безрукова Е.И.

кандидат филологических наук, доцент
Белгородский национальный научный исследовательский университет
Белгород, Россия
besrukova@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматриваются основные вопросы, связанные с лингвистическим осмыслением терминов. Дается описание подходов к терминологии и в, частности, ее системному статусу. Формулируются задачи современной теории терминографии.

Ключевые слова: лексикография, терминография, терминология, термин, терминосистема.

TERMINOLOGICAL VOCABULARY IN LEXICOGRAPHY ASPECT

Kudryavtseva N.B.

Candidate of Philology, Associate Professor
Belgorod National Scientific Research University
Belgorod, Russia
nkud@mail.ru

Besrukova E.I.

Candidate of Philology, Associate Professor
Belgorod National Scientific Research University
Belgorod, Russia
besrukova@bsu.edu.ru

Annotation

In the article the main questions connected with the linguistic comprehension of terms are considered. Description of approaches to terminology and particularly to its system status is given. The problems of the modern theory terminography are formulated.

Keywords: lexicography, terminography, terminology, the term, term system.

В последнее время появилось большое количество электронных словарей, что является подтверждением того факта, что лексикография переживают новый этап своего развития. Однако возникает вопрос о том, насколько современные словари, соответствуют требованиям времени. Особые требования предъявляются к терминологическим словарям, в которых фиксируются результаты научного познания и систематизируется терминологическая лексика. Вот почему необходимо разработать принципы построения современного словаря как способа лексикографического описания специальной лексики, с учетом экстралингвистической информации.

Разработкой принципов классификации и типологии терминологических словарей, разработкой критериев отбора, толкования, перевода и описания терминологической лексики занимается терминография – направление научноприкладной дисциплины – терминоведения. Вопросы, связанные с лингвистическим осмыслением терминологической лексики, занимают важное место в современном языкознании. Теоретические проблемы терминологии тщательно исследовали в своих трудах многие отечественные и зарубежные лингвисты: Д.С. Лотте, Г.О. Винокур, А.А. Реформатский, Р.Г. Пиотровский, В.В. Виноградов, Р.А. Будагов, О.С. Ахманова, В.П. Даниленко, Б.Н. Головин, К.-D. Baumann, С. Fraas, W. von Hahn, L.Hoffmann, M. Pinkal, R. Thorsten, W. Sigurd, W. Wolski, E. Wüster и др. В их работах освещается широкий комплекс вопросов, связанных с формированием, развитием и функционированием терминов и терминосистем. Разрабатываются также философские основы терминообразования и функционирования терминосистем в рамках гуманитарных, естественных и технических наук.

Следует отметить, что вплоть до середины XX века изучение терминологии осуществлялось в рамках двух фактически не взаимосвязанных подходов: в рамках научной парадигмы соответствующей науки либо в рамках той или иной

лингвистической концепции. Однако в полном объеме проблемы терминологии не могли быть рассмотрены в силу «узкой», односторонней специализации исследователей, в то время как терминология предполагает анализ не только с позиций лингвистики или конкретной специальной отрасли знаний, но также и с позиций многих других смежных наук: философии, гносеологии, когнитологии, прагматики, психолингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии и др.

В связи с этим в 50е гг. XX в. формируется новая дисциплина на «стыке» наук – терминоведение, перед которым ставится задача систематизации накопленных знаний и комплексного, всестороннего анализа терминосистем (их история, принципы терминообразования, стандартизация терминологического аппарата, терминология и номенклатура, словообразовательные модели, основные требования к структуре и семантике термина, структура научной картины мира, ее взаимосвязи с концептуальной и языковой картинами мира и многое другое). В «идеале» научная парадигма предполагает исследование проблемы термина и терминосистем специалистами, имеющими глубокие познания, с тем, чтобы четко отграничить терминологию от общеупотребительной. Именно в опоре на подобную концепцию, выдававшую желаемое за действительное [Свадост, 1968: 46-48], многие лингвисты XX в. вплоть до последнего времени подчеркивали прежде всего свойство однозначности термина: считалось, что именно это свойство отличает или должно отличать термин от общелитературной и обиходно-разговорной лексики.

Однако вместе с тем уже в первые десятилетия XX в. была высказана прямо противоположная точка зрения на соотношение терминологии и общелитературного пласта лексики. Ярким представителем этого нового направления в лингвистике стал Г.О. Винокур, который одним из первых отметил, что «в роли термина может выступать всякое слово ... Термин – это не особое слово, а слово в особой функции» [Винокур, 1939: 5]. Этот тезис, ставший затем афористичным, и определил новое направление исследований: мнение о функциональной природе терминов на долгие годы стало ведущим в отечественной лингвистике. Так, А.А. Реформатский также отмечает, что специфика термина лежит в сфере его употребления и все, что касается слова вообще, обязательно и для термина, если термин слово [Реформатский, 1968: 121]. Р.Г. Пиотровский в качестве основного признака терминологии отмечает ее системность, что и может превратить любое слово в термин: «Термином может стать любое слово или словосочетание языка при условии, что его значение включается в некоторую, достаточно четко определенную систему понятий, относящихся к определенной систематизированной предметной области» [Пиотровский, 1981: 29].

В рамках данной концепции признается фактор асимметрии формы и содержания (функций), обуславливающий полисемию, омонимию и синонимию терминов, поскольку термин, восходя к общелитературной лексике, заимствует как «достоинства», так и «недостатки» национального языка, что, в частности, отмечается в работах В.Г. Гака: «специфика термина лежит не в сфере его свойств, но в сфере функций лексической единицы, и на него неизбежно распространяются все особенности лексической единицы вообще и, в частности, те, которые вытекают из асимметрии, полисемии и синонимии языкового знака»

[Гак, 1971: 70]. Таким образом, термин оказывается системным вдвойне, выступая как член определенной терминосистемы и как элемент системы языковой: функцию термина, ее специфичность и направленность «диктует» система терминологии, которая, в свою очередь, является частью системы общего языка, и обе эти системы служат средством научного мышления [Александровская, 1973: 5].

Системный подход к анализу как лексического состава языка в целом, так и терминологии (в плане ее специфики и внутренних взаимосвязей либо в плане ее места в общей лексической системе и взаимосвязей с другими группами лексических единиц) ставит исследователей перед необходимостью разграничения, сопоставительного анализа и адекватного описания слов, перешедших в разряд терминов, и слов, относящихся к общелитературному слою лексики национального языка. Таким образом, возникла необходимость разграничения терминов и номенов.

Терминология (в широком смысле слова: как научная/понятийная и как предметная/научно-техническая) дефинируется в терминоведении следующим образом: «Терминология – это соотнесенная с профессиональной сферой деятельности (областью знания, техники, управления, культуры) совокупность терминов, связанных друг с другом на понятийном, лексико-семантическом, словообразовательном и грамматическом уровнях [Головин/Кобрин, 1987: 5], а номенклатура получает (со ссылкой на энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона) следующую дефиницию: «Номенклатура есть собрание терминов для всех низших видов предметов, рассматриваемых данной наукой» [Головин/Кобрин, 1987: 5].

Значительное внимание уделяется системному статусу терминологии: «Место терминологии в системе языка должно учитывать все сферы функционирования языка и все разновидности речи: литературный язык, язык науки и техники, разговорно-просторечную форму и литературно-разговорную форму языка, территориально-социальные диалекты» [Головин/Кобрин 1987: 9]. Терминология трактуется как подсистема литературного языка, обеспечивающая специальную профессиональную коммуникацию, являющуюся важнейшей социальной функцией языка и определяющей способы номинации профессиональных предметов, признаков, действий, явлений [там же: 11-12]. Терминология четко отграничивается от диалектов, жаргона, просторечия, однако она связана с другими функциональными стилями и «подъязыками» наличием общих слов, которые могут выступать в качестве межстилевых синонимов и омонимов либо полисемантов, что требует своего рассмотрения с позиций систематики лексического состава языка.

Для данной концепции характерен реалистический подход к анализу терминологии, со всеми ее достижениями и недостатками. Одним из актуальных вопросов является проблема взаимодействия терминологии с другими слоями лексики в плане выявления межстилевых синонимов, полиноминативности и гетерономинативности, т.е. номинаций различной функционально-стилистической принадлежности, обозначающих один и тот же предмет на основе означивания различных признаков.

В основные задачи современной теории терминографии входит создание типологии и классификации специальных словарей, их описание, создание методологической базы отбора и организации терминологической информации в пределах словаря.

Литература

1. Александровская Л.В. Семантика термина как члена общелитературной лексики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1973. – 24 с.
2. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИФЛИ. – Т.5. – М., 1939. – С.3-54.
3. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. – М.: Высшая школа, 1987. – 104 с.
4. Пиотровский Р.Г., Рахубо Н.П., Хажинская М.С. Системное исследование лексики научного текста. – Кишинев: Штиинца, 1981. – 159 с.
5. Реформатский А.А. Мысли о терминологии // Современные проблемы русской терминологии. – М, 1968. – С.163-198.
6. Сवादост Э.П. Как возникает всеобщий язык? – М: Наука, 1968. – 287с.

References

1. Alexandrovskaya L.V. The semantics of the term as a member of commonliterary lexis: Synopsis, dis. ... Candidate of Philology. – M., 1973. – 24 p.
2. Vinokur G.O. Some phenomena of word formation in Russian technical terminology // Proceedings MIFLI. – V.5. – M., 1939. – p. 3-54.
3. Golovin B.N., Kobrin R.Y. Linguistic basis of the doctrine of the terms. – M. : Higher School, 1987. – 104 p.
4. Piotrowski R.G., Rakhuba N.P., Hazhinskaya M.S. Systematic study of the vocabulary of the scientific text. – Chisinau: Shtiintsa, 1981. – 159 p.
5. Reformatskiy A.A. Thoughts about the terminology // Modern problems of Russian terminology. – M, 1968. – p.163-198.
6. Svadost E.P. How does the universal language arise? – Moscow: Nauka, 1968. – 287p.

УДК 811.161.1

ПОНЯТИЕ «МЕТАФОРА»: ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЕ vs. ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ

Кураш С.Б.

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой русского языка
Учреждение образования
«Мозырский государственный педагогический университет
имени И.П. Шамякина»,
Мозырь, Республика Беларусь
+375292321705
text2005@mail.ru

NOTION «METAPHOR»: LEXICOGRAPHYING vs. DISCOURSE

Kurash S.B.

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Russian Language
Institution of Learning
«Mozir State Pedagogical University
named after I.P. Shamyakin»,
Mozir (Republic of Belarus),
+375292321705,
text2005@mail.ru

В структуре гуманитарных учений теория метафоры является настолько молодой, насколько и старой, и в первую очередь это касается лингвистической

науки, история которой – «это в каком-то отношении и история постоянного обращения к феномену метафоры» [Кулиев, 1987: 81].

Изучение метафоры насчитывает более чем 2000-летнюю историю. В течение этого времени содержательное наполнение понятия «метафора» менялось, дополнялось, трансформировалось, обогащалось. Феномен метафоры стал центром приложения рефлексивных сил представителей разных сфер гуманитарной деятельности: философии, литературы, культуры, искусства, психологии, педагогики, социологии, медицины, политики и др. Вряд ли можно даже приблизительно исчислить количество высказываний о метафоре, сочинений, посвящённых ей, выдвинутых критериев её типологизации и классификации и даже концепций, теорий, которые вновь и вновь предлагаются как своеобразный логический итог метафорологических изысканий. И уж тем более не поддаётся подсчёту количество дефиниций данного понятия, зафиксированных к данному моменту в многочисленных словарях, справочниках, энциклопедиях.

Известно, что одно из первых известных определений метафоры принадлежит Аристотелю, определившему её как «перенесение слова с изменением значения из рода в вид, из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» [Аристотель, 1983: 669]. Античной метафорологии известен и ряд иных высказываний о метафоре: «Квинтилиан полагал, что «метафора дарована нам самой природой» и «содействует тому, чтобы ни один предмет не остался без обозначения». Это же утверждает Деметрий: «обиходная речь создала такие хорошие метафоры для некоторых понятий, что мы уже не нуждаемся для них в точных выражениях, такая метафора утвердилась в языке, заняв место буквального обозначения». Цицерон трактует метафору как способ формирования недостающих языку значений – перенос по сходству производится «ввиду отсутствия в языке соответствующего понятию слова». Теофраст также признавал за метафорой право пополнять недостаток слов в языке» [Скляревская, 1993: 6].

Современное учение о метафоре, опирающееся на весьма длительную традицию изучения данного феномена, представляет собой комплекс различных направлений, подходов, дисциплин, объединяемых на данном этапе под знаменем особой междисциплинарной отрасли знания – метафорологии, практически сформировавшейся в качестве самостоятельной научной дисциплины. Лингвистическое ответвление метафорологии – лингвометафорология – является центральным и наиболее разработанным в кругу иных направлений науки о метафоре.

В рамках данной работы мы ставим целью осуществить попытку типологического обзора дефиниций и описаний понятия «метафора», представленных в лексикографических изданиях XX-XXI вв., в проекции на функционирование данной терминологической функции в современных дискурсивных практиках, в том числе вне собственно терминологической функции. Материалом для анализа послужили более 70 энциклопедий, словарей, справочников по различным отраслям, прежде всего гуманитарного знания, изданных на русском языке или переведённых на русский язык с других языков, в том числе с

использованием Интернет-ресурса «Словари и энциклопедии на Академике» (www.dic.academic.ru). Поскольку перечисление всех проанализированных лексикографических изданий заняло бы значительную часть объёма данной публикации, в тексте статьи будем называть лишь некоторые источники из привлечённого круга. Кроме того, для анализа концептуализации понятия «метафора» как фигуранта современного коммуникативного пространства привлечены отдельные интернет-ресурсы – Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru) и поисковые системы Яндекс.ru и Google.com.

Результаты проведённого анализа показали следующее.

1. Все описания понятия «метафора» в лексикографических изданиях XX-XXI вв. можно разделить на собственно **дефиниционные** (краткие, сводимые, как правило, к 1-2 предложениям, определения данного термина) и **статейные** (содержащие, помимо дефиниции, сведения из истории изучения метафоры, краткий обзор её различных теорий, освещающие эволюцию взглядов на природу данного феномена, включающие трактовки отдельных разновидностей метафор, выделенных по различным критериям и пр.). Некоторые примеры подобных изданий приводим ниже:

Дефиниционные толкования (примеры словарей)	Статейные описания (примеры словарей)
<p>Большой словарь иностранных слов. – Издательство «ИДДК», 2007.</p> <p>Князев А.А. Энциклопедический словарь СМИ. – Бишкек: Издательство КРСУ, 2002.</p> <p>Михельсон А.Д. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. 1865.</p> <p>Новый толково-словообразовательный словарь русского языка; под ред. Т.Ф. Ефремовой, 2000.</p> <p>Ожегов С.И. Словарь русского языка (1949, 22-е издание, 1990; с 1992 – Толковый словарь русского языка, совместно с Н.Ю. Шведовой).</p> <p>Павленков Ф. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 1907.</p> <p>Словарь лингвистических терминов: изд. 5-е, испр. и доп. –</p>	<p>Грицанов А.А. Новейший философский словарь. 3-е изд., исправл. — Минск: Книжный Дом. 2003.</p> <p>Гудков Л.Д. Метафора // Культурология. XX век. Энциклопедия. 1998.</p> <p>Гусев С.С. Метафора // Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под редакцией В.С. Стёпина. 2001.</p> <p>Интернет-энциклопедия «Википедия»</p> <p>Интернет-энциклопедия «Кругосвет»</p> <p>Котюрова М.П. Метафора // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: "Флинта", "Наука". Под ред. М.Н. Кожинной. 2003.</p> <p>Стариченок, В.Д. Большой лингвистический словарь. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008.</p> <p>Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. – СПб.: Брокгауз-Ефрон. 1890–1907.</p> <p>Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация». И.Т. Касавин. 2009.</p> <p>Эстетика: Словарь. — М.: Политиздат. Под общ. ред. А.А. Беляева. 1989.</p>

<p>Назрань: Изд-во "Пилигрим". Т.В. Жеребило. 2010.</p> <p>Толковый словарь иностранных слов Л.П. Крысина. – М: Русский язык, 1998.</p> <p>Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 1910.</p> <p>Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. – СПб.: Брокгауз-Ефрон. 1890-1907.</p>	
--	--

2. Что касается дисциплинарных сфер научного дискурса, в терминологию которых входит анализируемое понятие, то, помимо общеэнциклопедических и собственно филологических лексикографических источников, в их числе представлены, прежде всего, словари и справочно-энциклопедические издания по социально-философским наукам, психологии и педагогике, а также прикладным ответвлениям последних, представленные в основном отдельными терапевтическими практиками. См. таблицу ниже:

Науки (отрасли)	Лексикографические издания
Философские	Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. – М.: Гуманит, изд. Центр ВЛАДОС, 1997. Современный философский словарь. – М.: Панпринт / В.Е. Кемеров (отв. ред.). М., 1998. Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под редакцией В.С. Стёпина. 2001. Касавин И.Т. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. Вестминстерский словарь теологических терминов. – М.: "Республика". Мак-Ким Дональд. К., 2004. Лебедев С.А. Философия науки: Словарь основных терминов. – М.: Академический проект, 2004. – 320 с.
Психолого-педагогические	Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. 2013.
Медико-физиологические	Словарь по гештальт-терапии. Вит Ценёв. 2003. Новый гипноз: глоссарий, принципы и метод. Введение в эриксоновскую гипнотерапию. – М.: Издательство Института психотерапии. Жан Годэн. 2003

3. Анализ исходных позиций при трактовке содержания понятия «метафора» выявляет три основных подхода: 1) метафора-результат, 2) метафора-процесс, 3) метафора-подход. При этом каждый из них представлен типичными начальными (=сильными) позициями микротекстов-дефиниций. В максимально сжатом виде они систематизированы в таблице, приводимой ниже:

Исходная позиция дефиниции	
Характер	Ключевые слова
Результат	<i>Вид тропа...</i>
	<i>Форма речи...</i>
	<i>Символическое выражение...</i>
	<i>Простейший художественный образ...</i>
Процесс	<i>Непрямое выражение смысла...</i>
	<i>Способ выражения мысли...</i>
	<i>Применение описательной фразы...</i>
	<i>Перенос свойств одного предмета на другой...</i>
	<i>Употребление слова в непрямом значении...</i>
	<i>Определение и изучение одного путём обращения к образу другого...</i>
	<i>Образная передача некоего смысла...</i>
Подход	<i>В терапии</i>
	<i>Лингвистический приём...</i>
	<i>Способ эстетического мировосприятия...</i>

4. Анализ словарно-энциклопедических дефиниций и статей, посвящённых метафоре, позволяет выявить и парадигматико-синтагматические связи данного понятия как предмета научного лексикографирования. Под парадигматикой лексикографической репрезентации данного термина мы понимаем различного рода ассоциативные связи, вводящие его в круг иных терминологических единиц. Под синтагматикой – вхождение слова *метафора* в аналитические терминопозначения, также фиксируемые словарями и справочно-энциклопедическими изданиями. Часть иллюстративного материала, собранного в ходе исследования, представлена в нижеприведённой таблице.

Парадигматика	Синтагматика
<p>Синонимы: <i>перенесение, троп, сравнение, олицетворение, прозопопея</i> (Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / под ред. Н. Абрамова, М.: Русские словари, 1999.); <i>иноречие, инословие, иносказанье; обиняк</i> (Толковый словарь Даля. В.И. Даль. 1863-1866.)</p>	<p><i>Метафора оптическая, метафора сновидения, метафора о разбитом окне, метафора в современной науке, метафора рабочего стола, метафора гипнотической ситуации, компьютерная метафора, абсолютная метафора, телесная метафора, гендерная метафора, сексуальная метафора, звуковая метафора, неудачная метафора</i> и др.</p>
<p>Смежные понятия: <i>аллегория, катахреза, притча, синекдоха, аналог, модель, метонимия, сравнение, синтез, научное творчество</i> и др.</p>	
<p>Типы:</p>	

эпифора vs. диафора, метафора когнитивная, метафора образная, метафора номинативная, метафора стертая, метафора художественная, метафора эмоциональная, метафора языковая, метафора развёрнутая, метафора простая и др.	
--	--

В результате обобщения достаточно обширного и – есть основания утверждать – репрезентативного круга лексикографических источников, фиксирующих терминологическую метакатегорию *метафора* (при этом автор ни в коей мере не претендует на количественную полноту такого анализа), можно засвидетельствовать, что:

- метафора – одно из самых разработанных понятий в системе филологических и иных гуманитарных наук за более чем последнее столетие;
- метафора – понятие межнаучное и дискурсивно актуальное;
- понимание метафоры эволюционирует от чисто риторического (поэтологического) подхода к ней к её осмыслению в качестве глубинного «пускового механизма» при порождении семиотически усложнённых форм речи. Ср. ключевые положения ряда современных лингвометафорологических исследований: «Категория метафоричности представляет собой феномен, онтологически связанный с человеком и языком; она отражает взаимообусловленность мышления с особенностями языковой реализации. ... Категория метафоричности относится к одному из наиболее общих и фундаментальных понятий, отражающему существенные всеобщие свойства и отношения явлений действительности и познания по признаку нахождения ассоциативных связей между ними» [Вардзелашвили, 2003: 26]; «Метафора – это не образное средство, связывающее два значения слова, а основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы. Метафора – это проявление аналоговых возможностей человеческого мышления. Метафоры заложены уже в самой понятийной системе мышления человека, это особого рода схемы, по которым человек думает и действует» [Чудинов, 2001: 33] и т.п. При этом в лексикографических изданиях, даже самых последних, исходная позиция дефиниции «вид тропа» остаётся доминирующей.

Нельзя сказать, что на отмеченный «сверхстатус» метафоры никогда ранее не указывалось, всё же справедливым будет отметить отсутствие серьёзной научной проработки данной проблемы в рамках создания некоей целостной концепции, раскрывающей сущностные аспекты метафоры на современном этапе развития гуманитарных наук, в том числе и филологических, и в частности – лингвометафорологии.

В ещё меньшей степени изучено функционирование анализируемого слова-понятия вне пределов филологического дискурса, вне собственно

терминологической функции, хотя утверждения типа «X – это метафора» и «X – это не метафора» весьма частотно представлены в различных дискурсивных практиках коммуникативного пространства современного русского языка [Кураш, 2014: 8]. Можно даже утверждать, что метафора в этом плане занимает лидерские позиции по своей представленности в неспециальных дискурсивных практиках среди всех филологических понятий. Об этом, в частности, говорит московский исследователь Д.В. Сичинава со ссылкой на нашу работу [Кураш, 2012], исследуя подобное функционирование термина *плюсквамперфект*: «Любопытно, что из классического терминологического наследия определённую самостоятельную метафорическую жизнь обрёл сам греческий термин *метафора*, связанный не только с лингвистикой как таковой, но и с теорией литературы (...). Более привычная славянизированная терминология тоже с трудом поддаётся такому осмыслению. Отметим фразеологизмы типа *история не терпит сослагательного наклонения*, а также окказиональные авторские употребления, например, название книги Г. Брускина «Прошедшее время несовершенного вида» (между прочим, это образ с содержанием, близким стандартной «метафорике плюсквамперфекта»)» [Сичинава, 2014: 93]. Пожалуй, сюда можно добавить лишь широко распространённую в русском коммуникативном пространстве базовую метафору *текста* и её производные типа *кульминация событий*, *сюжет матча*, *автор гола* и т.п. [Кураш, 2006].

Анализ подобных контекстов употребления слова *метафора* (более 200), зафиксированных в разговорной, публицистической, религиозной, педагогической и др. сферах дискурсивных практик (для этого использовался Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru), а также поисковые системы Яндекс.ру, Google.com и др.), позволяет констатировать следующее.

Ряд высказываний, основанных на модели «**X – это метафора**», наделяется функцией утверждения обобщающего характера. В них понятие «метафора» становится синонимом понятий «знак», «модель», «образ»: *Я понял, что такое участие в «Тур де Франс». Это метафора жизни.* [«Может быть, я даже умру на велосипеде...» // *Советский спорт*, 2005.01.15]; *И об этом мой фильм. Для меня фильм — это метафора жизни.* [Галкина Галя. СЭР ЭНТОНИ ХОПКИНС: 'Я ЛЕНТЯЙ И СЛАДКОЕЖКА' // *Труд-7*, 2007.12.28]; *Указка — метафора, такой символ жестких мер со стороны учителя.* [Сегодня в топе блогов *история учительницы (блог) (2008)*]. Характерно, что в ряде этих примеров в ближайшем контексте со словом *метафора* появляются слова типа *символ*, *образ* и т.п. Наиболее частотным здесь является употребление словосочетания *метафора жизни*, что говорит об оценке метафоры как одного из основных средств смыслопорождения в осмыслении отдельных жизненных реалий и концепта «жизнь» в целом.

В примерах иного рода акцентируются другие смысловые множители анализируемого слова-концепта, ср.: *Свобода слова в известной степени — просто красивая метафора, наподобие "именин сердца" или "поступи эпохи".* [СВОБОДНА ЛИ СВОБОДА СЛОВА? // *Труд-7*, 2000.06.01]. Здесь мы видим восприятие концепта «метафора» как словесной уловки (тех самых «блуждающих огней»), за что метафоре, как уже отмечалось выше, досталось в своё время

немалое количество критических стрел.

Примерно в таком же ракурсе метафора рефлексивируется в контекстах, основанных на модели «**X – это не метафора**» [Подробнее см.: 7]. Здесь выявляются следующие антиподы данного понятия:

- **метафора vs. реальность вообще:** *А для религиозного человека — это, конечно, не затрепанная метафора, а реальность.* [Поэт и толпа (2003) // «Театральная жизнь», 2003.07.28].
- **метафора vs. реальность объекта:** *Это была не метафора, если под копеекой понимать тогдашний круглый бронзовый французский франк.* [Н. Н. Берберова. Курсив мой (1960-1966)].
- **метафора vs. реальность события:** *Из рваной воронки в асфальте бил гейзер. Настоящий фонтан горячей воды—не метафора. Это происходило на левосторонней набережной имени И.В. Сталина, в двух шагах от Дворца бракосочетаний, которому Салам...* [Теймураз Мамаладзе. «Здравствуй, осел!» (1999) // «Дружба народов», 1999.07.15].
- **метафора vs. реальность ощущения:** *это не метафора, не образ, — где его «душа», где тело? — но опять физическое, телесное ощущение холода, — ощущение смерти.* [З.Н. Гиппиус. Задумчивый странник (о Розанове) (1923)].
- **метафора vs. научное мышление и его репрезентативы:** *Выражение "любовная лихорадка", таким образом, не метафора, а точный медицинский "диагноз"* [Лескова Наталия. ФОРМУЛА ЛЮБВИ // Труд-7, 2006.03.09].
- **метафора vs. реальность (буквальность) смысла:** *Расхожее выражение — найти свою половину — это ведь не просто метафора, она имеет вполне реальный смысл.* [Илона Броневицкая: «У меня всегда было обостренное чувство собственного дома» (2004) // «Мир & Дом. Residence», 2004.04.15].
- **метафора vs. иное поэтическое (риторическое) средство:** *Важно понять, что здесь «море» не отвлеченная метафора, а вполне конкретный образ.* [М.М. Морозов. Язык и стиль Шекспира (1941)].

Характерны и такие контексты, когда метафора ставится в один синонимический ряд с такими понятиями, как *воображение, выдумка* и пр., ср.: *То есть стихи... да, это не метафора и не воображение* [Людмила Улицкая. Медя и ее дети (1996)]; *Тогда лишь поймете вы, что выражения — «волосы становятся дыбом», «руки опускаются» — не метафоры, а истинная правда, — то что бывает в жизни, что рассказы о том, как в одну ночь седеют люди — не выдумка.* [Л.И. Шестов. Шекспир и его критик Брандес (1898)].

И хотя в большинстве случаев вне филологического дискурса метафора концептуализируется со знаком «минус» (как антипод либо самой реальности, либо адекватному способу её осмысления и т.д., что идёт ещё от европейской традиции прошлого (ср. взгляды Т. Гоббса, Дж. Локка и др.) [см. подробнее: 5; 6; 8]), столь частотное и концептуально разнообразное апеллирование к данному понятию заставляет ещё раз убедиться в том, что метафора – не просто термин, не просто языковое средство, – это, безусловно, сложный и семантически амбивалентный концепт, характерный для языкового (и метаязыкового) сознания образованного носителя русского языка. Поэтому задачу фиксации всего объёма

концептуального наполнения анализируемой терминологемы нельзя признать решённой в полной мере, – это одна из перспектив как для научной (терминологической) лексикографии, так и для теоретической метафорологии, поскольку сегодняшнее положение дел выявляет по отношению к понятию «метафора» явное противоречие между опытом его лексикографирования и реальными дискурсивными практиками.

Литература

1. Аристотель. Поэтика // Собр. соч. в 4 томах. – Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 645 – 686.
2. Вардзелашвили Ж. Метафорическая картина мира в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.03; Тбилис. гос. ун-т им. И.Джавахишвили. – Тбилиси, 2002. – 32 с.
3. Кулиев Г.Г. Метафора и научное познание. – Баку: Элм, 1987. – 156 с.
4. Кураш С.Б. Базовая метафора текста и её производные в современных речевых практиках // Язык – текст – дискурс: картина мира в свете разных подходов: сб. науч. ст. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. – С. 103-109.
5. Кураш С.Б. Канцэптуалізацыя тэрміналексемы метафара ў сучасных дыскурсіўных практыках: кантэкстны аналіз // Лінгвістычныя гарызонты: міжнарод. сб. науч.ст.; отв. ред. Е.А. Огнева, Е.А. Карабутова, Л.Н. Мирошниченко. – Вып. 2. – Белгород: НИУ «БелГУ», 2014. – С. 216-219.
6. Кураш С.Б. Метафора и смыслопорождение: pro & contra // Язык – текст – дискурс: проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах: матер. междунар. науч. конф., Самара, 12-14 мая 2011 г.. – Самара: Изд-во «Универс групп», 2011. – С. 144 – 148.
7. Кураш С.Б. Фрагмент корпусного исследования концепта «метафора»: метафора и её антиподы // Компьютерная лингвистика научное направление и учебная дисциплина; отв. ред. В.И. Коваль. – Вып. 2. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2012. – С. 63—67.
8. Кураш С.Б. Функционирование концепта метафора в различных дискурсивных практиках (по данным Национального корпуса русского языка) // Современная филология в контексте взаимодействия языков и культур: сб. м-лов междунар. науч.-практ. конф.; отв. ред. А.Л. Фатыхова. – Стерлитамак: СГПА им. З. Бишовой, 2011. – С. 174-180.
9. Сичинава Д. В. «Увы, для них это всё плюсквамперфект»: лингвистический термин как языковой образ // Русский язык в научном освещении. – 2014. – № 27. – С. 90-121.
10. Склярёвская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб: Наука, 1993. – 150 с.
11. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

References

1. Aristotel'. Poetika // Sobr. sotch. V 4 tomah. – T. 4. – M.: Myesl'. – 1983. – S. 645 – 686.
2. Vardzelashvili G. Metaforitsheskaja kartina mira v russkom jazyke: avtoref. dis. ... d-ra filol.nauk: 10.02.03; Tbilis. gos. un-t im. I. Djavahishvili. – Tbilisi, 2002. – 32 s.
3. Kuliev V.G. Metafora i nautchnoje znanie. – Baku: Elm, 1987. – 156 s.
4. Kurash S.B. Bazovaja metafora teksta I eje proizvodnye'e v sovremennyeh retchevyeh praktikah. Jazyek – Tekst – diskurs: kartina mira v svete raznyeh podhodov: sb. nautch. st.; pod red. N.A. Iljuhinoj. – Samara: Izd-vo «Samarskij universitet», 2013. – S. 103-109.
5. Kurash S.B. Kantseptualizatsyjeja terminosistemye metafora I sutchasnih diskursivnyeh praktikah: kontekstye analiz: Lingvistitsheskije gorizontye: sb. nautch. st. – Vyep. 2. – Belgorod: NIU «BelGU», 2014. – S. 216-219.
6. Kurash S.B. Metafora ismyeslorogdenije: pro & contra / Jazyek – Tekst – diskurs:problemye interpretatsyei vyeskazyevanija v raznyeh kommunikativnyeh sferah: mater. mejdunar. nautch. konf., Samara: Izd-vo «Samarskij universitet», 2011. – S. 144 – 148.
7. Kurash S.B. Fragment korpusnogo issledovanija kontsepta «metafora»: metafora i eje antipodye / Kompjuternaja lingvistika nautchnoje napravlenije I utchebnajia disstyeplina. – Vyep. 2. – Gomet: GGU im. F. Skorinye, 2012. – S. 63—67.
8. Kurash S.B. Funktsionirovanije kontsepta metafora v razlitchnih discursivnyeh praktikah (po dannjem Natsyeonal'nogo korpusa russkogo slovarja) / Sovremennaja folologija v kontekste vazaimodejstvija jazyekov i kul'tur: sb. mater. mejdunar. nautch. konf. – Sterlitamak: SGPA im. Z. Biishevij, 2011. – S. 174 -180.
9. Sitchinava D.V. Uvye, dlja nih eto vsje pluskvamperfekt: lingvistitsheskij termin kak jazyekovoj obraz / russkij jazyek v nautchnom osvetchenii. – 2014. – № 27. – S. 90-121.
10. Skljjarjevskaya G.N. Metafora v sisteme jazyeka. – SPb: Nauka, 1993. – 150 s.
11. Tchudinov A.P. Rossia v metaforitsheskom zerkale: kognitivnoje issledovanie polititsheskoj metafory. – Ekaterinburg, 2001. – 238 s.

КАТЕГОРИИ РЕЛЯЦИОННОСТИ КАК БАЗИС СОСТАВЛЕНИЯ ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЕЙ

Скокова Т.Н.

доцент, кандидат филологических наук, доцент
кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
г. Белгород, Россия
Skokova@bsu.edu.ru

Ярыгина О.Н.

ассистент кафедры иностранных языков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
г. Белгород, Россия
Yarygina@bsu.edu.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению возможности составления одной из разновидностей системно-семантического двуязычного словаря, базу которого образует категория реляционности. Выявление «точек» в лингвоконцептуальном целом – это выявление особых кодов отношений. Отношения рассматриваются как надъязыковая мыслительная категория, которая в языке может быть обнаружена как в парадигматике, так и в синтагматике.

Ключевые слова: релятивность, реляции, коды отношений, лексикографический метод, экспликация значений.

CATEGORIES OF THE RELATIONAL AS THE BASIS OF COMPILING BILINGUAL DICTIONARIES

Skokova T.N.

Associate Professor, Candidate of Philology
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
Skokova@bsu.edu.ru

Yarygina O.N.

Assistant Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
Yarygina@bsu.edu.ru

Abstract

The article is devoted to the consideration of the opportunity of compiling a bilingual dictionary with due regard for the systemic and semantic relations. The base of such a dictionary is formed by the category of the relational. The revealing of the “points” in the conceptual integrity is the revealing of special codes of relations. The relations are regarded as an overlinguistic thinking category which can be found both in the paradigmatics and in the syntagmatics of the language.

Keywords: relativity, codes of relations, lexico-graphic method, explication of the meanings.

Реляционность (нем.: *Relationsfundamente*) – это система реляций, воспринимаемых по-разному: 1) в формальном смысле как объективно существующие в пространстве и во времени, 2) в содержательно-сущностном,

3) в функциональном. Реализация самодостаточного отношения или попавшего в зависимость от других осуществляется в результате того, что оно подчинено законам мышления, эмоциональной и психической деятельности человека, его ценностно-смысловым ориентирам и интересам. Таким образом, реляционность базируется на когнитивных способностях человека и связана с совершаемыми в процессе концептуализации действиями: отождествлением, сравнением, установлением сходств и различий.

В словарной статье могут отображаться свойства слова содержательного и формально-структурного характера, а именно:

1) семантические *реляции*, используемые с целью экспликации лексического значения;

2) отношения *тождества, включения и обладания*, выполняющих роль дополнительной информации при определении значений слова. Исключение в этом разделе составляет лексикографирование терминологии [см. об этом: Spitzmüller, 2004: 177];

3) дискурсивно-контекстуальные пояснения и уточнения с помощью всевозможных синтагм, включая устойчивые словосочетания, фразеологизмы, типичные производные образования, при учете когнитивных аспектов.

Нами разработана модель словарной статьи слова-концепта *«мысль»*. Концептуальное целое *«мысль»* имеет вполне конкретный логический смысл. Данное понятие, как собственно и другие, представляется в форме строгих форм мышления, а в ходе концептуального мышления порождаются новые понятия. (*Alle Sprache ist Bezeichnung der Gedanken.* E. Kant.) «Эта возможность конструктивного мышления связана с тем, что концептуально «схваченные» явления всегда содержат в себе множества, поскольку отражают нечто тождественное в разном, то есть сущность. Это обстоятельство – возможность для порождения нового» [А.Г. Теслинов, см. электронный ресурс].

1. Прежде всего, при составлении словарной статьи приходится решать проблему *отношения тождества*. Необходимость определения тождественных понятий и тождественных или близких лексических значений состоит в том, что в процессе их лексикографической репрезентации важно располагать некой определенностью, а ещё лучше – однозначностью, так как при изменении семантического объема связывание лексических значений не может осуществляться без установления тождественности.

Мысль = Gedanke, der; -ns, -n = то же, что мышление, убеждения, способ понимания чего-н. = das Denken; дума; то, что заполняет сознание, продукт деятельности разума = was jmd. denkt oder gedacht hat: невероятные (фантастические, авантурные, бунтовские (подстрекательские), еретичные, отважные (смелые, удалые, дерзкие, отчаянные), опасные, честолюбивые, странные (поражающие, удивительные), сковывающие, горькие, сердитые, мрачные, серьезные, мучительные, критичные, креативные, счастливые M. = abenteuerliche, aufreißerische, freiheitliche, ketzerische, verwegene, gefährliche, hochfliegende, befremdliche, beklemmende, bittere, böse, düstere, ernste, wehmütige, kritische, schöpferische, glückliche Gedanken; они не могли справиться с M.; иметь свои собственные M. о чем-либо; об этом у меня те же M., что и у него; предаваться мрачным M.; кого-то мучат полные отчаяния, ужасные M. = sie

konnten keinen klaren Gedanken fassen; seine eigenen Gedanken über etw. haben; ich habe darüber die gleichen Gedanken wie er; sich trüben Gedanken hingeben; jmdn. quälen verzweifelte, schreckliche Gedanken; мысль восхищает, охватывает кого-то; мысль пронеслась, промелькнула у меня в голове = ein G. durchzuckt, erfasst jmdn.; ein G. schoß, fuhr, ging mir durch den Kopf; чья-то М. подкупает, напрашивается = ein G. besticht, drängt sich auf; чьи-то М. работают, кружатся вокруг чего-то, путаются, текут медленно, путаются = jmds. Gedanken arbeiten, kreisen um etw., verwirren sich, gehen langsam, irren; не быть в состоянии отделаться от какой-то М. = sich eines Gedanken nicht erwehren können; поймать себя на М. = sich bei einem Gedanken ertappen; sich an einen Gedanken klammern; привыкнуть к М. = sich mit einem Gedanken befreunden; быть погруженным в свои М. = in Gedanken verloren, versunken, vertieft sein; ganz in Gedanken sein; привыкнуть к М. = sich mit einem Gedanken vertraut machen; отклониться от М. = mit den Gedanken abschweifen; weit fort mit den Gedanken sein; mit den Gedanken (nicht) bei der Sache (unkonzentriert) sein; М. выразить, развивать = äußern, ausspinnen, ausführen, weiter verfolgen, weiterführen, aufgreifen; подавить; отбросить М. = niederkämpfen, unterdrücken, abschütteln, abtun, fallenlassen, verwerfen; расточать М. = Gedanken verwenden, verschwenden; пришла в голову М. = auf einen Gedanken verfallen; ausschalten; обмениваться мыслями о книге = Gedanken über ein Buch austauschten; доверять свои М. бумаге = seine Gedanken dem Papier anvertrauen; не уметь выразить свои М. = seine Gedanken nicht ausdrücken können; направить чьи-то М. в определенное русло = jmds. Gedanken auf etw. lenken; уметь читать М. = Gedanken lesen können и др.

«Связывание» слов в содержательные отношения одновременно сопровождается объединением в сознании элементов их объемов (ср., например, как передается значение слова «мысль» Львом Фельдманом в переводе стихотворения И.В. Гете «К Шарлотте фон Штейн» (1759–1805): *Мои влечения, помыслы, печали / к тебе одной стремятся все сильней, / Вся жизнь моя привязана к твоей = Aber freilich tausend und tausend Gedanken steigen in mir auf und ab. Meine Seele ist wie ein ewiges Feuerwerk ohne Rast.* (Goethe, «An Charlotte von Stein»). При этом каждый элемент объема некоторого денотативно-сигнификативного содержания значения слова является его интенционалом. Причём по отношению к исходному родовому интенционалу, в объеме которого выделяются конкретные семы, эти денотативно-сигнификативные элементы являются видовыми. Таким образом, в границах уже одной концептуально созданной системы сразу же возникают различные по степени конкретности отношения: родовое и видовые отношения (Н.Н Карпицкий и др.).

2. При составлении словарной статьи используется также **инклюзивное отношение**, выявление которого осуществляется с помощью идентификации. На основании имеющейся информации лексикографу необходимо идентифицировать (распознать и выделить) слово (объект), которое в нашем языковом сознании включено в некое лексическое подмножество. Как утверждал Х. Бринкман, идентификация – это узнавание, которое проникает в связь между данностями. Идентифицирующее включение имеет несколько подвидов, одним из которых является «дефиниционное включение». Необходимость отображения данного вида включения в структуру словарной статьи обуславливается, кстати,

разработанным в теоретической семасиологии интегральным подходом к значению слова. Так, согласно И.А. Стернину, значение слова включает большое количество минимальных смысловых элементов, а структурно организованная совокупность элементарных смысловых элементов образует системное значение. В словаре важно адекватно представить когнитивный уровень оформления отношения включения. В нашей классификации – это разновидность **метаноминативного** включения. Оно характерно для случаев, когда включающее относится не к первичному референту, а к его номинанту, являющемуся метареферентом включения.

Между включающим (**Мысль = *Gedanke***) и включаемым устанавливается отношение, при котором: а) включаемое охватывает определенный аспект включающего: **представление**: *мне пришла мучительная, ужасная, невыносимая М. о том, что... = Vorstellung: es ist mir ein peinlicher, schrecklicher, unerträglicher G., dass ...; привыкнуть к М. = sich an einen Gedanken gewöhnen; соображение*: *это спасительная, хорошая, отличная, неплохая, внезапная М. = Einfall: das ist der rettende, erlösende, ein guter, ausgezeichnete, kein schlechter G.; ein plötzlicher G.; беспокойство*: *иметь тяжелые, тревожные, беспокойные М. о ком-то, о чем-то = Sorge: sich /Dat./ schwere Gedanken machen и др.;*

б) включаемое в большинстве случаев – это неотъемлемый элемент при формулировании обобщений: **умственный расчет, план, намерение**: *носиться, играть с М. = Plan, Absicht: sich mit einem Gedanken tragen; mit einem Gedanken spielen и др.;*

в) включаемое не является новым понятием, а представляет собой название класса, с помощью которого обозначается включающее: **Убеждения, способ понимания чего-н. идея; суждение, мнение, соображение и заключение**: *М. о свободе, мире; служить той же М.; основная М. произведения; догадаться о чьих-то М.; облекать М. в слова = Begriff, Idee: der G. der Freiheit, des Friedens; demselben Gedanken dienen, der tragende G. des Werkes; jmds. Gedanken ahnen, erraten; einen Gedanken in Worte kleiden и др.*

3. Концептуальное целое «**Мысль = *Gedanke***» может быть определено как «точечное множество», для которого возможна индивидуализация всех элементов этого множества. Точки смыслового континуума должны рассматриваться лексикографом как особые коды определения отношений. В этом случае важным оказывается рефлексивность отношений, проявляющаяся в двунаправленности реляций. **Отношение обладания** фиксируется в границах уже концептуально созданной системы (или ориентируется на нее), в основе которой – отношение тождества или включения. Создание методики лексикографического описания подобного типа демонстрирует, что процесс порождения смысла идет не по восходящей, а по нисходящей линии. Причём чем он глубже, тем более дробной классификации подвергается данное лексическое подмножество. Категория обладания наиболее чётко выявляется в той области, где наиболее глубоко и полно эсплицируются личностные смыслы, обнаруживающие понимание значения слова тем или иным носителем языка в связи с его этническим менталитетом. Да собственно и сама *мысль* индивида участвует в освоении мира. Именно на этих путях, как считает М.М. Новосёлов, в ходе развития сознания и его категорий, возрастает внутреннее содержание идеи обладания.

Мысль = *Gedanke, der; -ns, -: умная, новая, разумная, заманчивая, интересная, ясная, привычная* *M. = ein kluger, neuer, vernünftiger, verlockender, interessanter, einleuchtender, gewohnter G.; M. осеняет, приходит, рождается = ein G. taucht auf; ein G. kommt.; M. принадлежит ему = der G. ist von ihm ausgegangen; M. подхватить, иметь, преследовать = aufgreifen, aufnehmen, einen Gedanken fassen, haben, einem Gedanken nachjagen; его M. причудливы = seine Gedanken gehen seltsame Wege; что-то останется только M. (не станет явью) = etw. bleibt nur G. (wird nicht Wirklichkeit); иметь что-то только в M. = etw. ist nur in Gedanken vorhanden; мучиться M. = von einem Gedanken gepeinigt sein; следовать своим M. = seinen Gedanken nachgehen; остаться наедине со своими M. = sich seinen Gedanken überlassen; собраться с M. = seine Gedanken konzentrieren, sammeln, zusammennehmen; упорядочить, изложить, развивать M. = ordnen, darlegen, entwickeln; соглашаться с чьей-то M. = auf jmds. Gedanken eingehen; читать чью-то M. у кого-то на лице = jmdm. die Gedanken vom Gesicht ablesen; на M. запрета нет, мыслить не запретишь = Gedanken sind zollfrei; Das Band, die Gedanken zu binden, soll man noch finden и др.*

Итак, эффективность данного лексикографического метода, на наш взгляд, определяется очевидным логическим основанием. Он полностью соответствует самому лингвокогнитивному процессу динамики формирования и развития семантической структуры слов, их свойств, качеств и признаков.

Литература

1. Дорошевский, В. Элементы лексикологии и семиотики / В. Дорошевский. – М.: Прогресс, 1973. – 285 с.
2. Карпицкий, Н.Н. Трансцендентальное предчувствие как феномен человеческой субъективности [Электронный ресурс] / Н.Н. Карпицкий. – Режим доступа: <http://hpsy.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. Новосёлов, М.М. Абстракция в лабиринтах познания / М.М. Новоселов. – М.: Идея-Пресс, 2010 – 410 с.
4. Теслинов, А.Г. Концептуальное мышление как конструктивная философия. [Электронный ресурс] / А.Г. Теслинов – Режим доступа: <http://www.teslinov.ru/public/tekushee/index.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Spitzmüller, J. Semantik / J. Spitzmüller // Studienbuch Linguistik. – Max Niemeyer Verlag Tübingen, 2004. – S. 153-192.

References

1. Doroshevskii, V. Elements of Lexicology and Semiotics. – Moscow: Progress, 1973. P. 285.
2. Karpitskii, N.N. Transcendental Presentiment as Phenomenon of Human Subjectivity. URL: <http://hpsy.ru>.
3. Novoselov, M.M. Abstraction in Knowledge Labyrinths. – Moscow: Ideya-Press, 2010. Pp. 153-192.
4. Teslinov, A.G. Conceptual Thinking as Constructive Philosophy. URL: <http://www.teslinov.ru/public/tekushee/index.html>.
5. Spitzmüller, J. Semantics. – Max Niemeyer Verlag Tübingen, 2004. Pp.153-192.

VOCABULAIRE DES FRANÇAIS D’AUJOURD’HUI: PRÉFÉRENCES PHRASÉOLOGIQUES

Arkadiy Sédykh

Belgorod, Russie
Université de recherches de Belgorod
sedykh@bsu.edu.ru

Les observations des discours français de ces dernières décennies montrent que les Français ont repris goût à l'utilisation des expressions figées. Ce phénomène ne

concerne pas seulement les médias, les discours institutionnels et artistiques, mais aussi le discours quotidien des Français.

Afin d'identifier les paramètres dominants du discours idiomatique contemporain, *Le Point* a mené une enquête auprès de plus de 1000 répondants pour qui le français est la langue maternelle. Les expressions les plus couramment employées ont été réparties comme suit: *Les chiens ne font pas des chats* (32%); *Ne pas être sorti de l'auberge* (20%); *Se faire l'avocat du diable* (16%); *Donner de la confiture aux cochons* (16%); *Jeter l'argent par les fenêtres* (13%); *Mentir comme un arracheur de dents* (14%); *Mettre du beurre dans les épinards* (13%) [Le Point 2014, hors serie].

Dans l'espace phraséologique français d'aujourd'hui on peut dégager un certain nombre de groupes thématiques dominants: mythologie, religion, physiologie, zoomorphisme, toponymie:

Mythologie: *La corne d'abondance; Se croire sorti de la cuisse de Jupiter.* Religion: *Être aux anges; On lui donnerait le bon Dieu sans confession.* Corps humain: *Avoir le coeur sur la main; Couper les cheveux en quatre.* Faune: *Être le dindon de la farce; Tuer un âne à coups de figues molles.* Géographie: *La perfide Albion; Ce n'est pas le Pérou.*

En tant que perspectives d'étude, on peut présenter en termes généraux les degrés de l'activité phraséologique dans certains types de discours français.

Discours institutionnel.

Les hommes politiques français se tournent souvent vers des utilisations de la phraséologie expressive pour exprimer la joie ou la foi en un avenir radieux. Dans la plupart des cas ils emploient des expressions neutres et positives, en s'adressant souvent à eux-mêmes à la troisième personne. Il est à ajouter aussi l'emploi des constructions anaphoriques et des mots-clés réitérés, des néologismes: *Valls a pris le taureau par les cornes* (Jean-Christophe Cambadélis); *Le conducteur qui a versé sa voiture dans le fossé* (François Mitterrand); *Un chef, c'est fait pour cheffer* (Jacques Chirac) [Top 25 2014].

Le discours institutionnel des présidents français et des personnalités politiques de la République française dispose d'un ensemble de composants standard inhérents à tout discours politique (le pragmatique du pouvoir, la communication théâtrale, la souplesse des moyens et méthodes d'influence). Dans le même temps, chaque président se reconnaît à travers un matériel linguistique récurrent: phraséologie, structures syntaxiques et rhétoriques, tics de langage.

Discours médiatique.

À l'heure actuelle, la presse française a une place spéciale dans l'espace mondiale de l'information. Les médias français ne couvrent pas seulement des problèmes intérieurs de la France, mais ils touchent aussi le domaine des relations étrangères et, par conséquent, restent toujours en contact avec d'autres langues. Ce processus favorise l'interaction active des mots et des phrases, l'émergence et la propagation de la nouvelle phraséologie: *faire du foin; aller avec tout; pacte anti-crise.*

Discours de l'entreprise française.

L'étude du discours des hommes d'affaires français a permis de mettre en relief de différents les types de phraséologie:

a) idiomes (*faire son beurre; cela fait bouillir la marmite; mettre du foin dans ses bottes; coûter les yeux de la tête*).

b) idiomes terminologiques (il s'agit des concepts terminologiques spéciaux, des catégories qui ont des qualités phraséologiques particulières, dont la structure sémantique est dominée par le sème conceptuel abstrait, qui établit la définition exacte du terme): *voyage en étoile; être sous le coup de onze heures*.

c) phraséomatismes (expressions figées avec une valeur transposée partielle): *mettre à la porte; régler son compte à qn; apporter une boîte de chocolats*.

d) idiomes comparatifs: *des économies de bout de chandelle; action de père de famille*.

Une des façons répandues pour structurer le discours idiomatique français moderne est l'utilisation de la phraséologie tronquée ou déformée. En voici quelques-unes:

Mettre des bâtons dans l'aile → Mettre des bâtons dans les roues.

Prendre une année sympathique → Prendre une année sabbatique.

Si je ne m'amuse → Si je ne m'abuse.

Faute de vivres, on mange des merles → Faute de grives, on mange des merles.

Le bouquet de misère → le bouc émissaire.

Avoir un objet chétif → Avoir un objectif.

On voit que presque toutes les unités phraséologiques jouent sur la ressemblance phonétique des mots: sympathique ↔ sabbatique; m'amuse ↔ m'abuse; bouquet misère ↔ bouc émissaire; objet chétif ↔ objectif. L'effet comique est atteint par le croisement (transposition) de la sémantique de l'expression originale et la tournure nouvelle: la septième année devient une année agréable, le bouc émissaire est transformé en un pauvre bouquet, le but est divisé en deux vocables difficilement compatibles.

Evoquons une des expressions les plus vivaces du discours français idiomatique: *Fier comme Artaban* (synonyme de «fierté poussée à l'extrême», voire d'«arrogance»). Cette locution proverbial est le «champion» des transformations: *fier comme un p'tit banc; fier comme d'Artagnan; fier comme un char-à-bancs; faire comme l'appât blanc; fier comme bar-tabac ou Bartabas; fier comme un caban; fier comme herr Trabant*. Selon Alain Rey cette expression a traversé des siècles et reste toujours d'actualité dans le discours français moderne [Rey 1989].

Ainsi, la typologie du discours phraséologique français repose sur la diversification communicationnelle et culturelle des outils de formation et de création. La créativité phraséologique des Français est un phénomène mystérieux qui reste insuffisamment étudié. Notre objectif n'est pas d'avancer une théorie de l'innovation phraséologique. Nous nous proposons plutôt de considérer le matériel de cet article en tant qu'approche d'un problème d'examen discursif et culturel des unités phraséologiques en vue d'essayer d'expliquer comment une expression inédite peut s'intégrer dans le système lexico-grammatical de la langue nationale.

Bibliographie

1. Les expressions préférées des Français. Le Point – Hors-série, avril-mai 2014. – P.: Éditions de l'Opportun, 2014. – 82 p.

2. Mazars E.T. Quelques expressions et locutions figées en langue commerciale, 1993 Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://paremia2.site11.com/pdf/P2-32.pdf>

3. Rey A. Dictionnaire des expressions françaises. – P.: Éd. Le Robert, 1989.

4. Top 25 des meilleures punchlines de Jacques Chirac, 2014 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.topito.com/top-phrase-citation-chirac>.

УДК 822. 111-32

РОЛЬ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ПРИ РАСКРЫТИИ ЗНАЧЕНИЙ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН В РОМАНЕ БАРРИ АНСВОРТА «МОРАЛИТЕ»

Тимошилова Т.М.

доцент кафедры английского языка и методики преподавания, кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
timoshilova@yandex.ru

Вальчук Т.Г.

старший преподаватель
кафедры английского языка и методики преподавания
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
valchuk@bsu.edu.ru

Аннотация

Статья рассматривает роль личных имен в художественной литературе, раскрываемых с помощью использования этимологического словаря. Затрагиваются социальные, лингвокультурные особенности личных имен, зависящих от таких факторов как культура, личностные ценности, отношение к людям и обществу. В современном романе Барри Ансворта «Моралите» анализируется профессиональная, религиозная, культурная идентичность личных имен.

Ключевые слова: идентичность, лингвокультурный, собственные имена, современный британский роман, Барри Ансворт, «Моралите».

THE SIGNIFICANCE OF THE ETYMOLOGICAL DICTIONARY IN ANALYZING PERSONAL NAMES IN 'MORALITY PLAY' BY BARRY UNSWORTH

Timoshilova T.M.

Associate Professor of Department of English Language and Methods
of Teaching, PhD in Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
timoshilova@yandex.ru

Valchuk T.G.

Senior Lecturer
of Department of English Language and Methods of Teaching
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
valchuk@bsu.edu.ru

Abstract

The article deals with the significance of the etymological dictionary in analyzing personal names in fiction. It touches social, linguocultural features of individual's names which depend on many factors such as belonging to a definite culture, individual's values, attitudes towards people, society. The professional,

national, religious and cultural identities on the social and language levels are analysed in the contemporary British novel of Barry Unsworth "Morality play".

Key words: identity, linguocultural, personal names, contemporary British novel, Barry Unsworth, "Morality Play".

The personal name is an element of discourse the same as it is a component of communication and it is a unique phenomenon. It is difficult for individual beings to exist without some kind of identifying label such as the name. Personal names depend on social, cultural and historical background. The personal name symbolizes anthroponymic identity of the human being. And here we can't but use etymological dictionaries because as we know personal names have deeply rooted historical and biblical origin.

"Identity is the concept of who we are. Characteristics of identity may be understood differently depending on the perspectives that people take. ... The social psychological perspective emphasizes that identity is created in part by the self and in part in relation to group membership. ... The communication perspective emphasizes that identities are not created by the self alone but are co-created through communication with others. ... The critical perspective is the attempt to understand identity formation within the contexts of history, economics, politics and discourse" [Martin, Nakayama, 2000: 111-116, 341].

Thus, names serve to identify persons by singling them out from other persons. "When an individual calls himself ... John Jones, he is symbolizing parts of complex images he has of himself and that are likewise recognizable by others" [Adler, 1976: 366]. So, the "keyword" of the individual's identity is his name. "The most important anchorage to our self-identity throughout life remains our own name" [Allport, 1961: 117].

The aim of the present research is the disclosure of the significance of personal names in the novel *Morality Play* by Barry Unsworth by analyzing the interaction between the historical meaning of the personal names and the characters of the heroes. For this purpose there were used such methods as the etymological method, the contextual method.

The novel *Morality Play* is set in the second half of the fourteenth century, a dangerous time beset by war and plague. Barry Unsworth's aim is to present realistically the mediaeval England. He tells us almost all we need to know about the mediaeval England. In order to convince the reader that it is the fourteenth century the author uses vocabulary, phraseology, word order. Even the personal names of his heroes: Brendan, Stephen, Nicholas, Martin, Tobias, Margaret and others serve this aim.

We won't dwell on all personal names in the novel but choose only the names of the travelling players.

Personal names in every language are easily recognized. Proper names are culturally and linguistically specific. The first names of the players originating from biblical persons (Christian names) and saints are the most widespread. The main aim of the use of these names is to present the life of the mediaeval England, different inhabitants, a variety of professions and different social classes.

The Church was the most important institution in mediaeval Europe. Christians in the fourteenth century were brought up on Bible stories, so they know the names of

saints. Among all categories of names the religious name is a name-image or name-symbol which has a specific meaning and markers and underlines the anthroponymic identity of the individual. "A belief in the power and significance of the name of the God is fundamental to the Christian faith. The names of Jesus, the Virgin Mary, and numerous saints are also taken to be potent forces in themselves" [Dunkling, 1982: 34].

Among the players of the novel only Nicholas Barber, Martin Ball and Margaret Cornwall have a combination of names (a first name and a family name in combination with a professional title).

As the etymological dictionary shows the family name 'Barber' is taken from late Latin 'barbarous', a derivative of barba 'beard'. In the Middle Ages barbers not only cut hair and shaved beards, but also practiced surgery and pulled teeth. Nicholas's family name allows us to guess that his father was not a farmer and could raise enough money to educate his son.

The family name 'Ball' is a topographic name for someone who lived on or by a knoll or rounded hill, from the Middle English word bal(le) and from Middle High German bal 'ball', possibly applied as a metonymic occupational name for a juggler. Martin's family name points out the place where his family lived or hints at his occupation. The text proves it.

He was proud of his art and passionate in its defence – everything with him was passionate. His father before him had been a player and had brought him up to it [Unsworth 1995: 20].

The Cornwall family originally lived in the county of Cornwall in southwest England. The Atlantic Ocean to the north and west and the English Channel to the south borders Cornwall, the homeland to the Cornwall family. It is named from Old English 'corn', a metathesized form of corn, cran, crane+well(a) 'spring'/'stream'. The latter meaning of Margaret's family name emphasizes her light and energetic character the girl who was not tied to any special place or person.

So, we see that English people were known not only by their single names in early times but even the usage of surnames was common during the Middle Ages. It is connected with the characters' social background. All these family names are quite specific for the given historical period.

The etymological aspects of the names are not actualised in the narration, but, on the contrary, they are associated strongly with the cultural background and the main purpose of the book. Taking the etymology of English personal names into consideration, we find out that first and family names may contribute a lot of information to a connotative level as well.

The names of the players have Greek (Margaret, Nicholas, Stephen, Tobias), Latin (Brendan), Roman (Martin) origin. These names were popular in the Middle Ages and widespread. The origin of the names shows the development of the language and other contacts, tells us about the relationships between people from different cultures.

Latin borrowings are connected with Christianity which was introduced by the clergy at the end of the 6th century AD. Latin was the language of the Catholic Church and contained a great number of words connected with religion. Some of these words

are actually Greek by the origin, but they came into English through the medium of Latin.

Many Greek words were borrowed in the epoch of Renaissance. Of Greek origin are also such indispensable names as Alexander, Catharine, Christopher, Dorothea, Eugene, George, Helen, Irene, Margaret, Myron, Nicholas, Peter, Philip, Sophia, Stephen, Theodore. The fourteenth century was very productive in borrowing words.

The name as an anthropocentric phenomenon can influence some situations of the individual's life. A "proper" content or effect of the name on the name-bearer is rather significant "the surname...refers to man's natural history, his past legacy and his involvement in an impersonal process; his first name...refers to his unique qualities as an individual, and points to the future" [Jacobs, 1958: 25]. The adult reader might receive a lot of contextual hints from the names.

The name of the hero who died at the beginning of the novel is Brendan. It originates from Brendanus, the Latinized form of the Irish name Bréanainn which was derived from a Welsh word meaning "prince". There are at least seventeen saints who bear the name but St Breandan the Navigator is probably the best known. He was a 6th century Irish abbot. He was born in County Kerry, set sail in a small boat with 17 other monks in the early 6th century, visited an island inhabited by birdmen, rode on the back of a whale and was the first European who crossed the Atlantic and reached North America, nearly a thousand years before Columbus. St Breandan is venerated in Ireland as the patron saint of seafarers and travellers. Brendan and his friends in the novel like St Breandan the Navigator travelled a lot in order to earn some money to survive as they depended on the patronage of Robert Sandville who was fighting in France (the time of the Hundred Years' War between England and France) and did not pay them while he was away.

Most of the year they were obliged to travel. They had Sandville's warrant but he gave them no money while they were outside his lands [Unsworth 1995: 22-23].

Some traces of this name meaning we can find in the life of our hero Brendan. Among his travelling players he was like a prince, they respected and loved him. They crouched around him in a circle, huddling close as if he was a fire to give warmth to them on this winter day, six persons, four men, a boy and a woman [Unsworth 1995: 2]. They were in grief for the dead man, they loved him [Unsworth 1995: 6]. <...> and drew the eyelids down and turned the face aside, very gently,... [Unsworth 1995: 7]. 'Brendan was a marvel in song,' he said. 'He outdid the nightingale.' 'He would sing like an angel' <...> He would plant his feet and raise his head; it was as if a tree sang with its leaves' [Unsworth 1995: 8].

They wanted a church burial for him though it was rather dangerous and expensive. The matter is that homeless people were not allowed to be buried in churchyards, and Brendan had never had a home of his own. 'Brendan died unshriven. We must bury him in hallowed ground' [Unsworth 1995: 14]. 'He was like all of us. While he lived he never sat at his own hearth or ate at his own table. <...> he will have a home properly made in the earth for him, deep enough, and a roof over his head at last' [Unsworth 1995: 15].

People with this name have a deep inner desire for a stable, loving family or community (his companions were his family) and a need to work with others (their

performances) and to be appreciated (reaction of the spectators). Brenden was really a talented actor.

He was ready of speech and full of jokes' [Unsworth 1995: 9].

But drunk or sober he played the Devil's Fool better than anyone you ever saw [Unsworth 1995: 15].

He made his own songs. He made the words himself [Unsworth 1995: 16].

He took care of his companions 'Brendan taught me to tumble and stilt and play the woman' [Unsworth 1995: 16].

After Brendan's death Martin and the other six players had to wander the country performing plays from bible stories on their way not to die of hunger because the wife of their lord, Sir Robert, had 'sent them as a Christmas gift' to her cousin, Sir William Percy.

Martin originates from the Roman name *Martinus*, which was derived from *Martis*, the genitive case of the name of the Roman god of war, MARS. Saint Martin of Tours was a 4th century bishop who is the patron saint of France. According to the legend, he came across a cold beggar in the middle of winter, the saint ripped his cloak in two and gave half of it to the beggar. He was a favourite saint during the Middle Ages (this period is shown in the novel), and his name became common throughout the Christian world.

In the novel Nicholas Barber's life depends on Martin's decision.

But he was looking at me in a different way now, on his face had appeared an expression of considering. He had heard the need in my voice, fear too perhaps ... [Unsworth 1995: 8].

But there was something in him, some power of spirit, that made me want to please him [Unsworth 1995: 10].

Martin was a master-player of this company 'He was the leader but he needed still to persuade them' [Unsworth 1995: 10].

Like Saint Martin of Tours he allowed Nicholas to live with them and take part in their performances.

During all this time Martin was tireless in teaching me [Unsworth 1995: 19].

He was as relentless in his schooling as in all else [Unsworth 1995: 20].

Later Martin tried to save the Weaver's daughter, Jane Lambert, a young woman who was to be hanged for the murder of a twelve-year-old boy, though she was innocent, she didn't kill Thomas Wells. People with the name Martin value truth, justice, and discipline, and maybe quick-tempered with those who do not.

<...> and I heard – and surely the others did also – the tremor in his voice of feeling barely held in check. His right hand clenched and the knuckles had whitened. <...> this passion was strangely sudden and strong, as if not only his plan for Brendan was being questioned but with it some cherished vision of the world. No one answered at once, such was the fierceness in him [Unsworth 1995: 15].

As we can see the name conjures subconscious associations and images, which strike us at a deep level.

The story is told from the person of Nicholas who is in confused state of mind throughout the novel. He is an educated priest who had studied Church doctrine. His

name is from the Greek name Νικόλαος (*Nikolaos*) which meant “victory of the people” from Greek νίκη (*nike*) “victory” and λαός (*laos*) “people”. Saint Nicholas was a 4th century bishop from Anatolia who, according to the legend, saved the daughters of a poor man from the lives of prostitutes. He is the patron saint of children, sailors and merchants, as well as Greece and Russia. He formed the basis for the figure known as Santa Claus (created in the 19th century from Dutch *Sinterklaas*), the bringer of Christmas presents.

Due to the renown of the saint, this name was widely used in the Christian world. The customary English version of spelling “Nicholas”, using “h”, first came in the 12th century and was firmly established after the Reformation, though “Nicolas” is occasionally used. The name was borne by five popes and two czars of Russia.

In the novel his name is used to highlight some ideas. People with this name have a deep inner need for quiet, and a desire to understand and analyse the world they live in, and to learn the deep truths. Nicholas, from the first page, is confusedly struggling to define his own moral position in relation to the church and to ordinary human beings. He worries, accuses himself, tries to justify the Church in difficult circumstances. People with this name are usually humanitarian, broadminded, generous and tend to follow professions where they can serve humanity ‘I am only a poor scholar, open-breeched to the winds of heaven as people say ...’ [Unsworth 1995: 1].

I meant no harm. I am only a poor priest [Unsworth 1995: 4].

Nicholas is young, romantic and easily falls in love sometimes it causes him problems.

<...> Then by ill-luck the husband returned before expected and I had to escape through the cow-shed <...> [Unsworth 1995: 1].

<...> was not the first time I had left without permission but the third, and always in the Maytime of the year at the stirring of the blood [Unsworth 1995: 13].

Like Saint Nicholas he saved the Weaver’s daughter, Jane Lambert, and his friends from death for them it was like a Christmas Santa Clause’s present (The wife of Sir Robert had ‘sent them as a Christmas gift’ to her cousin, Sir William Percy).

The fourth name is Stephen. It is from the Greek name Στεφανός (*Stephanos*) meaning “crown”. Stephen had no such skill in playing as Martin and Springer but the name meaning was reflected in the roles he played.

But he was tall and deep voiced and had a memory for his lines. He did parts requiring dignity and state, God the Father, King Herod in rage, the Archangel Michael [Unsworth 1995: 21].

Saint Stephen was a deacon who was stoned to death, as it is told in Acts in the New Testament, and he is regarded as the first Christian martyr. Due to him, the name became common in the Christian world. It was popularized in England by the Normans. This was the name of kings of England, Serbia, and Poland, as well as ten popes.

The fifth name is Tobias. Tobias (Τοβίας) is a Greek version of the Hebrew ‘*Toviyah*’ (טוביה) biblical name, meaning ‘The goodness of God’, ‘The Lord is good’,

‘God is good’. The name was also borne by Saint Tobias, a 4th century martyr at Sebaste. In the Middle Ages, it was most famous from the tale of ‘Tobias and the Angel’ in the apocryphal Book of Tobit (in many English versions of the Old Testament). It recounted how Tobias, accompanied by his dog (it coincides with the novel ‘We took Margaret because Stephen wanted her, and a stray dog for Tobias’ [Unsworth 1995: 10]), met the archangel Raphael and through the latter’s help, eventually collected a debt for his father Tobit, drove away a demon who had been plaguing Sarah, who subsequently became his wife, and also cured his father’s blindness. This story was popular in the Middle Ages, and the name came into occasional use in parts of Europe at that time. In England it became common after the Protestant Reformation.

People with this name tend to be creative and excellent at expressing themselves. They are drawn to arts, and often enjoy life immensely. They are often the center of attention, and enjoy careers that put them in the limelight. Tobias in the novel enjoys playing both main and minor personages ‘Tobias, who played Mankind and doubled the small parts and did attendant demons’ [Unsworth 1995: 22].

They tend to become involved in many different activities ‘He also could play the drum and the bagpipes. He was our handyman, seeing to the horse, keeping the cart in repair....’ [Unsworth 1995: 22] and are sometimes reckless of their energies and money.

Margaret is the name of the only woman in this company. It is a female first name, derived from Latin Margarita, which was from Greek μαργαριτης (*margarites*) meaning ‘pearl’, probably ultimately a borrowing from Sanskrit मञ्जरी (*manyari*). Alternately, it might be of Persian origin, derived from the Persian language *marvârid* (مروارید), a pearl or daughter of light. The word is related to Marg from Marq or Marka meaning ‘chicken’ (مرغ), probably because pearls looked like small bird eggs. Saint Margaret, the patron of expectant mothers, was martyred at Antioch in the 4th century. Later legends told of her escape from a dragon, with which she was often depicted in medieval art. The saint was popular during the Middle Ages, and her name was widely used in the Christian world. Margaret had been an English name since the 11th century, and remained popular throughout the Middle Ages.

Other saints with this name include a queen of Scotland and a princess of Hungary. It was also borne by Queen Margaret I of Denmark, who united Denmark, Sweden, and Norway in the 14th century.

The author chose the name Margaret in order to show her inner state, her ability to work well with other people, to understand them and be sensitive to their needs. In the novel after Brendan’s death all his companions refused to undress him but only Margaret did it ‘But I watched, she was deft and tender with him and there was kindness in her face’ [Unsworth 1995: 14].

The author underlines the medieval way of thinking when women were given subordinate roles limited to cooking, washing, and mending.

She was harsh-tongued and gentle-handed. ... She earned her place by washing and mending for all and cooking when there was something for the pot [Unsworth 1995: 22].

‘Margaret has no voice in this,’ Martin said. ‘She is not of the company’ [Unsworth 1995: 15].

She had no part in the playing and very little in the counsels we took among us [Unsworth 1995: 22].

Though Margaret as a woman had no rights in this society she was rather pragmatic that’s why she was eagerly looking for a way out of the dangerous circumstances, aware that her future life was in her own hands. She found the way out taking care of Flint ‘I found the man Flint ... He is a widower, a mild man enough. He lives alone’ [Unsworth 1995: 76].

I will go to Flint. He came at noon to ask for me. ... He wants to take me into his house [Unsworth 1995: 178].

‘If Stephen escapes hanging,’ she said, ‘tell him Flint is big and strong and has both his thumbs and plenty of gristle in them’ [Unsworth 1995: 179].

As the result of the analysis we come to the conclusion that in dealing with such investigations we can’t do without reference to the etymological dictionary. The use of it allows us to clear up the meaning and the origin of personal names and the actions in the novel prove that the meanings of their personal saints’ names are justified. It seems that all the players bearing saints’ names appeared in this town just in time to prevent injustice, to help the innocent girl and to disclose the crime. We may conclude that the form and contents of personal names in the novel is tightly governed by the purposes of the literary text.

The name with its semantic meaning is a significant criterion in the selection of a name for a particular narrative context. The semantics of names provide significant clues to the interpretation; they help to provide the intended effect of the message of the text, present the characters to the reader through their names. Personal names of the novel reflect geographical positions, social differences and professions.

From a cultural point of view, as it was shown, name use in literature and names in general interact with each other. The two most important criteria for proper names are their uniqueness and their function as the identification marks of individuals.

Thus the reference to the etymological dictionary helps us to reveal all the peculiarities of the use of the personal names in the novel.

References

1. Adler, P.S. *Beyond Cultural Identity: Reflections on Cultural and Multicultural Man // Intercultural Communication: A Reader*. – Belmont: Wardsworth Publishing Company, 1976. – 392 p.
2. Allport, G.W. *Pattern and Growth in Personality*. – N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1961. – 594 p.
3. Dunkling, L. *Our Secret names. What Names Reveal and Conceal*. – Eaglewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1982. – 140 p.
4. Jacobs, N.J. *Naming-Day in Eden. The Creation and Recreation of Language*. – N.J. The Macmillan Company, 1958. – 160 p.
5. Martin, J.N., Nakayama T.K. *Intercultural Communication in Contexts*. – California: Mayfield Publishing Co., 2000. – 364 p.
6. Unsworth, B. *Morality Play*. – England: Penguin Books, 1995. – 188 p.

К ВОПРОСУ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗГРАНИЧЕНИЯ НЕКОТОРЫХ СЛОВАРНЫХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Трубаева Е.И.

доцент кафедры английского языка и методики преподавания,
кандидат филологических наук
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
trubaeva@bsu.edu.ru

Федорова И.А.

старший преподаватель
кафедры английского языка и методики преподавания
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
IFedorova@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности разграничения таких словарных терминологических понятий, как “фрейм”, “концепт”, “сценарий”, “слот” и “топик” в когнитивной лингвистике. Анализ выявляет, что возможность использования информации обусловлена фреймовыми языковыми структурами, представляющими собой своего рода «концентрат повествования», контекст энциклопедического типа в символической кодировке. Так, интерпретация и верификация аксиологических основ фреймовых структур могут способствовать лучшему пониманию любого художественного текста.

Ключевые слова: концепт, фреймовая структура, кодирование, слот, топик.

TO THE QUESTION OF SOME PECULIAR DISTINCTIVE FEATURES OF THE VOCABULARY TERMINOLOGICAL NOTIONS IN MODERN COGNITOLOGY

Trubayeva E.I.

Associate Professor of Department of English Language
and Methods of Teaching, PhD in Philology
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
trubaeva@bsu.edu.ru

Fedorova I.A.

Senior Lecturer
of Department of English Language and Methods of Teaching
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
IFedorova@bsu.edu.ru

Abstract

The article deals with the peculiarities of differentiation of such vocabulary terminological notions as “frame”, “concept”, “script”, “slot” in cognitive linguistics. The analysis reveals that the possibility of using of information is caused by the frame language structures representing a kind of «narration concentrates», the contexts of encyclopedic type in the symbolical coding. So the interpretation of the axiological bases of frames may contribute to better understanding of any fiction.

Key words: concept, frame structure, coding, slot, topic.

Введение

В конце XX – начале XXI вв. когнитивная лингвистика приобретает характер метадисциплины, что в значительной мере было обусловлено развитием гуманитарных и точных наук, занимающихся поиском новых методов познания мира, способных наиболее эффективно обеспечить доступ к пониманию механизмов обработки, хранения и передачи информации. В частности, на становление и выделение из ряда прочих дисциплин когнитивной науки повлияли, прежде всего, работы программистов, освещающих проблему искусственного интеллекта. Лингвистика, оперирующая в анализе текста понятиями *символа* и *знака*, приняла в свой терминологический аппарат понятия *фрейма*, *сценария*, *слота*, *топика*, *гештальта*, *концепта*.

Цель работы состоит в выявлении механизмов взаимодействия и особенностей разграничения рассматриваемых словарных терминологических дефиниций.

Материалы и методы исследования. В целях выявления непротиворечивых определений, мы, прежде всего, провели анализ словарных дефиниций *знака*, *символа*, *фрейма*, *топика*, *слота*, *гештальта* и *концепта* а затем обратились к работам ведущих семиологов и теоретиков языка. Методика нашей работы носит комплексный характер и включает описательный метод, контекстуальный, а также метод семиотического анализа.

Основная часть

Художественное произведение основано на языковой игре. Языковая игра становится одной из главных характеристик языкового процесса, что указывает на особые условия осуществления коммуникативных актов. В постмодернистском восприятии мира игра важна для воспринимающего информацию субъекта, поскольку феномен заведомого недоверия к реальности компенсируется более внимательным отношением к декодированию смысла слова. Слова, составляющие эстетическую сторону наличного бытия, и само активное бытие человека смешиваются, о чем свидетельствует неумение и нежелание современного человека разграничивать этическое и эстетическое. Единственным «достоверным» способом «проверки» реальности на истинность становится самостоятельная, а значит субъективная дешифровка игровых символов – слов. Осуществляя проявление когнитивной функции, слово приобретает статус «обучающей игрушки». Чем сложнее и замысловатее комбинация слов, тем сильнее искушение ее декодировать, тем самым моделируя игровую псевдореальность.

Насыщенность ткани текста символами, трактующимися уже не в одном ключе, а, как бы это ни было парадоксально, по-разному, ставит вопрос, по какой причине происходит столь разный анализ текста и по каким сценариям он может разворачиваться. Так, мы приходим к изучению когнитивных процессов и сталкиваемся с проблемами хранения, упорядочивания информации у носителя языка, восприятия и «воспринятия» в личную языковую картину мира данного текста и использования в дальнейшем полученной из него информации.

В этой связи оказывается бесценным вклад в когнитивную лингвистику ученых, разрабатывающих направление «искусственный интеллект». Термин «фрейм» был предложен М. Мински в работе «Фреймы для представления знаний» [Minsky, 2005]. Согласно автору, любое «осмысленное» поведение искусственной системы в условиях реального внешнего мира требует наличия у этой системы специально организованной модели мира: «The knowledge must be embodied in some form of mechanism, data-structure, or other representation». Знания в фрейме хранятся в виде подструктур, представляемые в виде «стереотипных ситуаций».

Мысль о том, что человек тоже является своего рода компьютером, в котором процессы восприятия, узнавания и познания происходят аналогично тому, как работает компьютерная система, активно муссировалась учеными, исследующими сферу информационных технологий (Minsky 1968, 1982, 2005; McCarthy, Hayes 1969, Winograd 1987-1988, S. Russell и др.).

Идеи о механизмах хранения и переработки информации были с готовностью восприняты учеными-лингвистами, особое внимание уделяющими разработке семантического и семиотического направлений. Термины М. Мински – фрейм, слот, скрипт, семантическая сеть, трансфрейм, фрейм-картинка – получили вторую жизнь в когнитивной лингвистике.

Краткий, но точный обзор понятия «фрейм» в современной когнитивной науке представлен В.З. Демьянковым в «Кратком словаре когнитивных терминов». Ученый не приводит своего определения «фрейма», но закономерно ссылается на других исследователей, утверждающих (J. Hayes, L. Flower), что понятие «фрейм» в фреймовой семантике является одновременно набором предположений об устройстве формального языка для выражения знаний, набором сущностей, существующих в описываемом мире и организацией представлений, хранимых в памяти вместе с организацией процессов обработки и логического вывода, оперирующих над этим хранилищем [Демьянков, 1996: 188].

Столь разнообразное дефинирование одного термина, несомненно, отражает еще не закончившийся процесс становления когнитивной лингвистики как науки.

Ближе всего нашей точке зрения на проблему фрейма теория У.Эко, который, в свою очередь, описывает фрейм как представление «энциклопедического знания» о ситуации в особой структуре ассоциативно связанных между собой семных компонентов. У.Эко приходит к выводу, что фрейм, таким образом, является «уже потенциальным текстом или концентратом повествования», но уточняет, что «то же можно сказать и об отдельной семеме, представленной в формате энциклопедии» [Эко, 2005: 321].

Большинство ученых, разрабатывающих теорию фреймов, соглашались с тем, что реципиенту информации очень сложно, а подчас невозможно вычленив правильное значение слова в своеобразном информационном вакууме – вне доступа к контексту энциклопедического типа, ко всему знанию, относящемуся к данному слову. Понимание слова, определение актуализации семы складывается из опыта, наработанного человечеством или группой людей и известного реципиенту в языковом выражении – то есть символической кодировке.

Способность декодирования, с одной стороны, обусловлена социальными факторами, а, с другой, – индивидуальными особенностями восприятия реципиента, а также его пресуппозиционной ситуацией. Воспринятое слово включено во фрейм семантически организованного знания, базирующегося и высвечивающего определенный концепт. Фреймы, таким образом, представляют собой когерентную структуру взаимосвязанных концептов, понимание одного из которых вне знания остальных невозможно.

Основываясь на дефинициях М. Мински, и У. Эко, мы выводим определение **фрейма** как *структуры данных, которая служит для представления стереотипных ситуаций, организованной по семному принципу вокруг определенного концепта*. Объемы разных фреймов, по нашему мнению, пересекаются, актуализация того или иного концепта зависит от фокуса внимания субъекта.

Фрейм задается ТОПИКОМ, задающим то, что называется западными лингвистами как «aboutness» текста – «In themselves, thematic progression and semantic progression tell us nothing about the topic of a text as a whole. There is a distinction between the extentional aboutness of a text and its intentional aboutness. The former is defined by the topics of component parts of a text, the topics of its paragraphs, sections, chapters, etc. The latter is the topic of the text as a whole, representing something more than the topics of its parts» [Hutchins, 1977: 28].

Фрейм, по устоявшемуся мнению, состоит из СЛОТОВ.

Термин «слот», как и «фрейм», был заимствован учеными-когнитивистами из сферы исследований по искусственному интеллекту. Предполагается, что фрейм как структура, представляющая знания, хранит единицы информации в ячейках – слотах.

Мы принимаем определение **слота** как *ячейки, за которой закреплена определенная сема*. Каждый слот базируется на максимуме грамматических категорий, в которых может актуализироваться сема.

В этом случае, по нашему мнению, фрейм представляет собой максимальный объем знаний о ситуации, который выражен, прежде всего, лексически (инвариант лексемы хранится в слоте) и связан ассоциативно (по частотности, признаку максимальных совпадений) и грамматически.

Фрейм может выражаться в различных СЦЕНАРИЯХ.

В отличие от фрейма, сценарий демонстрирует развитие фрейма во времени. Сценарий, таким образом, представляет собой вариант фрейма. Он сиюминутен, то есть его актуализация зависит от решений, которые принимает реципиент, выбирая релевантный топик, а также от особенностей концептуальной парадигмы реципиента.

Сценарий, по нашему мнению, структурируется по типу фабулы из слотов своего общего и данного фрейма в зависимости от вскрытых реципиентом / читателем топиков.

Для сценария, таким образом, характерно описание некой последовательности событий, обусловленной рекуррентной ситуацией (ситуациями); в широком смысле слова они включают очередности сцен, событий или действий, имеющие полностью или частично ритуализованную

природу, например, светские, религиозные и военные церемонии. Поведение человека в этом смысле зависит от его привычки к тому или иному сценарию и его интерпретации. С общей коммуникативно-прагматической точки зрения сценарий моделируется в соответствии с конвенциональными установками.

Таким образом, сценарий может быть использован либо поведенчески, либо когнитивно: в первом случае человек реально проигрывает его, строя свое поведение в соответствии с конкретным сценарием; во втором – мысленно, например, интерпретируя текст.

Мы принимаем рабочее определение **сценария** как одного из возможных вариантов реализации фрейма, репрезентирующих тот или иной КОНЦЕПТ.

И.А. Стернин отмечает динамическую роль концепта, который «все время функционирует, актуализируется в разных своих составных частях и аспектах, соединяется с другими концептами и отталкивается от них» [Стернин, 2001: 60].

В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин выделяют тип лингвокультурного концепта, отличающегося от когнитивного «наличием ценностного отношения к описываемым феноменам» [Карасик, 2001: 75]. Мы не отграничиваем когнитивный концепт от лингвокультурного, считая, что чем ярче выражена аксиологическая компонента концепта, тем более значимым предстает для индивида и социума концепт.

По мнению Н.Н. Болдырева, «наше мышление невербально по своей природе. И это уже достаточно доказанный факт» [Болдырев, 2001: 26]. Однако можно с трудом принять положение автономности концептов от языка. Концепт не существует вне языка, языковых репрезентаций. Вне языка он являл бы собой безуровневую структуру, наглядный образ, подобно образам, возникающим у животных. Нам представляется не вполне доказанным факт, что мышление человека имеет невербальную природу. Мышление на абстрактном уровне концептов, по нашему мнению, невозможно без слов, без языка – будь то естественный язык или язык жестов.

По нашему мнению, образование концепта во фреймовой структуре происходит следующим образом: впервые воспринимаемое явление обозначается словом, но и другие слова, которые использовались при его описании и репрезентирующие всевозможные примеры, аналогии, предостережения, эмоции формируют, в нашей терминологии, **коннотативный шлейф** вокруг ядра концепта. Переживаемые в тот и последующие моменты ситуации остаются включенными во фрейм концепта. В этом случае можно проследить связь теории концепта с психологической теорией архетипа.

Таким образом, мы выводим определение **концепта** как смыслового объема понятия с его коннотативным шлейфом, то есть «проверенного» опыта определенной социокультурной группы, касающегося данного понятия, зафиксированного в словаре, и личного опыта человека. Опыт социокультурной группы по энциклопедическому типу структурируется в различные фреймы. Проявление того или иного концепта во фрейме зависит от фокуса внимания субъекта.

Концепты, базирующиеся на аксиологических основаниях, составляют **ИДЕАЛЬНЫЙ ФРЕЙМ**. Изменяя компоненты значения в слотах данного типа

фрейма, изменяя выработанные стереотипные сценарии, можно изменить весь аксиологический фон субъекта/реципиента/читателя.

Результаты исследования

Понимание и интериоризация любого художественного текста определяется узнаванием в нем тех или иных сценариев, фреймов, концептов, гештальтов, а особенности разграничения этих понятий помогают лучше понять концептуальную структуру текста и дают возможность проанализировать его с позиций когнитивной лингвистики. Неправильное или недостаточное разграничение рассматриваемых терминологических понятий может повлиять на изменение аксиологических основ концептуальной системы художественного текста.

Заключение, перспективы развития

Концептуальные понятия всегда содержат в себе психологические, аксиологические и идеологические составляющие. Изменение аксиологического полюса в пределах той или иной структуры, а также их ошибочное разграничение, могут способствовать смене картины мира. По нашему мнению, использование рассмотренных выше терминов, вошедших в терминологический аппарат когнитивной лингвистики, в анализе художественного текста, может привести в дальнейших исследованиях к более корректному изучению таких феноменов, как потенциал текста, его многозначность и игровая структура.

Литература

1. Болдырев, Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 26-36.
2. Демьянков, В.З. Фрейм // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. – М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – С.187-189.
3. Карасик, В.И. / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Лингвокультурный концепт как единица исследования. – Воронеж, 2001. – С. 75-79.
4. Стернин, И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 58-65.
5. Эко, У. / У. Эко // Роль читателя. Исследования по семиотике текста. – Санкт-Петербург: «Симпозиум», 2005. – 502 с.
6. Hutchins, W.J. On the Problem of 'Aboutness' in Document Analysis // Journal of Informatics, vol.1, no.1, April 1977, pp.17-35.
7. Minsky, M. / M. Minsky // The Emotion Machine. – 2005. – <http://web.media.mit.edu/~minsky/eb8.html>

References

1. Boldyrev, N.N. Koncept i znachenie slova // Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki. – Voronezh, 2001. – S. 26-36.
2. Dem'jankov, V.Z. Frejm // Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / Kubrjakova E.S., Dem'jankov V.Z., Pankrac Ju.G., Luzina L.G. – M.: Filologicheskij fakul'tet MGU im. M.V. Lomonosova, 1996. – S.187-189.
3. Karasik, V.I. / V.I. Karasik, G.G. Slyshkin // Lingvokul'turnyj koncept kak edinica issledovanija. – Voronezh, 2001. – S. 75-79.
4. Sternin, I.A. Metodika issledovanija struktury koncepta // Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki. – Voronezh, 2001. – S. 58-65.
5. Jeko, U. / U. Jeko // Rol' chitatelja. Issledovanija po semiotike teksta. – Sankt-Peterburg: «Simpozium», 2005. – 502 s.
6. Hutchins, W.J. On the Problem of 'Aboutness' in Document Analysis // Journal of Informatics, vol.1, no.1, April 1977, pp.17-35.
7. Minsky, M. / M. Minsky // The Emotion Machine. – 2005. – <http://web.media.mit.edu/~minsky/eb8.html>

ДЕФИНИЦИЯ СЛОВА «ПИАР» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИКЕ

Федотов А.Б.

аспирант

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

г. Белгород, Россия

fedotoff_2006@bk.ru

DEFINITION OF THE WORD «PR» IN MODERN RUSSIAN LEXICOGRAPHY

Fedotov A.B.

Post Graduate Student

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia

fedotoff_2006@bk.ru

Выражение “паблик рилейшнз” дословно означает публичные, общественные отношения. В настоящее время в соответствующей литературе России можно встретить два равнозначных названия одного понятия – “паблик рилейшнз” и “связь с общественностью”, “общественные связи”, «пиар». PR помогает обществу функционировать более эффективно, обеспечивая необходимый уровень взаимодействия между различными группами и общественными институтами. Задача PR – добиться гармонии между общими и частными интересами.

Без PR невозможно представить себе функционирование любого значимого бренда. Каждая из знакомых Вам торговых марок ежегодно расходует на PR-программы значительные суммы. Каков результат? Увеличение стоимости бренда, возможность увеличить прибыльность бизнеса и укрепить свои позиции на рынке или завоевать новые. В современном стремительно меняющемся мире уже не вещь обладает ценностью, а легенда, служащая упаковкой для вещи. Автоматизированные технологии производства удешевили стоимость создания массовых продуктов, и центр прибыли сместился в те сферы, которые ранее рассматривались лишь как вспомогательные – в частности, сферу PR.

Родиной паблик рилейшнз как области знаний и сферы профессиональной деятельности считаются Соединенные Штаты, а непосредственным автором термина – Томас Джефферсон, третий американский президент.

В России же первые статьи на эту тему принадлежат доценту Московской государственной академии управления С. Худякову. Они были опубликованы в "Российском экономическом журнале" в январе и ноябре 1993 года. Автор дает следующее определение PR: "...особая функция менеджмента, представляющая собой систему управления связями с общественностью". Роль PR в организациях, по мнению автора, заключается в создании "гибкой и эффективной системы коммуникаций".

Не единожды были предприняты попытки найти замену английскому выражению «PR», которые были трансформированы в многочисленные варианты перевода: связи с общественностью, отношения с общественностью, отношения с

публикой, общественные связи, связи с обществом, общественная коммуникация, развитие общественных связей, сфера общественных связей, служба по связям с общественностью, контакты с общественностью и др.

В целом отечественный PR-рынок уже сформировался. Отечественные предприниматели признают, что ПР в России – это не просто дань моде, а незаменимое оружие в конкурентной борьбе и эффективное средство для создания деловой репутации.

В отличие от рекламы и прямой пропаганды ПР-мероприятия оказались деликатнее в средствах по достижению целей и имеют большее влияние на общественное мнение. На современном этапе без хорошо сформированной и высокопрофессиональной системы общественных связей невозможны по-настоящему демократическая деятельность и работа в рамках рыночной экономики.

В современной лексикографии имеется огромное множество определений понятия «пиар». Но мы предлагаем взять во внимание только электронные источники, чтобы выявить наиболее полную дефиницию этого понятия.

Первую дефиницию, которую мы рассмотрим, дает словарь Yandex. С 2006 года на платформе интернет-портала yandex была введена вкладка «словари», переходя в которую, желающие могут воспользоваться услугами энциклопедии, толкового словаря, словарей-переводчиков и сервисом машинного перевода.

ПИАР, а, *мн.* нет, *м.* [*<*англ. PR – сокр. словосочетания public relations связи с общественностью]. Вид информационной деятельности, направленной на формирование общественного мнения о ком-чем-л. (напр., в области политики, бизнеса и т. п.). **Черный п.** (создание негативного представления о ком-чем-л.). Пиарщик (*разг.*) – тот, кто профессионально занимается такой деятельностью. Пиаровский (*разг.*) – относящийся к пиару.

Следующую дефиницию дает электронный словарь С.А. Кузнецова.

ПИАР -а; *м.* [от англ. сокр. PR (public relation) – связи с общественностью]. Практика создания и внедрения в сознание людей привлекательного образа кого-, чего-л. **Черный п.** (действия направленные на создание крайне отрицательного мнения о конкуренте).

Пиар, *неизм.*; в зн. прил. **Использовать п. технологии.** Пиаровский, -ая, -ое. **Провести пиаровскую акцию.**

Третья дефиниция взята из электронного словаря «Академик».

ПИАР *м.* Система информации и способов информирования общественности о ком-либо или о чем-либо (*политических или иных деятелях, деятельности каких-либо организаций и т.п.*), включающая в себя множество конкретных технологий, разработанных специалистами (*в том числе и психологами*), осуществляемая служащими властных структур и преследующая достижение главной цели – создать позитивное общественное мнение и благоприятный имидж, нейтрализовав негативные сведения; борьба за репутацию.

Еще одну дефиницию дает электронный толковый словарь русского языка. Это единственный в Интернете бесплатный словарь русского языка с поддержкой полнотекстового поиска и морфологии слов. Этот толковый словарь

является некоммерческим онлайн проектом и поддерживается специалистами по русскому языку, культуре речи и филологии.

ПИАР. 1. Информация, распространяемая с целью популяризации образа фирмы, бренда либо конкретной личности, а также область деятельности, связанная с распространением такой информации. *Черный пиар – роспуск негативных слухов о ком-либо или о чем-либо, чаще с целью устранения конкурентов.* 2. То же, что реклама.

Следующее определение дает свободная энциклопедия – Википедия. Википедия (Wikipedia) – одна из крупнейших интернет-энциклопедий, содержимое которой пополняется добровольцами-энтузиастами и доступно на некоммерческой основе. В проекте участвует более тысячи активных волонтеров.

Связи с общественностью, пиар (англ. *Public Relations* — связи с общественностью, отношения с общественностью, общественные связи, общественное взаимодействие; сокращенно: PR – пиар) – технологии создания и внедрения при общественно-экономических и политических системах конкуренции образа объекта (идеи, товара, услуги, персоналии, организации – фирмы, бренда) в ценностный ряд социальной группы, с целью закрепления этого образа как идеального и необходимого в жизни. В широком смысле – управление общественным мнением, выстраивание взаимоотношений общества и государственных органов или коммерческих структур, в том числе, для объективного осмысления социальных, политических или экономических процессов.

Анализируя данные определения, можно сделать вывод, что ключевым словом во всех дефинициях является «информация». Ведь пиар – это, по большому счету, просто информационный обмен для создания определенного образа. Президент США Томас Джефферсон в 1807 году дал определение понятию PR как деятельность, связанная с воздействием на общественное мнение людей. Как мы видим сейчас, современные источники дают более конкретное и детальное определение такому понятию как пиар. Во многих дефинициях использовано слово «имидж» или «репутация». Последняя четверть 20-го века – время, когда компании, корпорации и просто мелкие фирмы открыли для себя силу репутации или, как её иногда принято называть, имиджа. Сейчас говорят, что имидж можно определить как одну из основных причин победы или поражения в бизнесе и общественной жизни. Именно поэтому грамотно выстроенный пиар важен как для организаций, так и для отдельных людей.

Рассматривая определение, данное словарем Yandex, который рассматривает пиар как вид информационной деятельности, можно сделать вывод, что определение является неполным. Деятельность в данном случае рассматривается исключительно, как передача информации, в то время как словарь С.А. Кузнецовой рассматривает пиар как практику создания и внедрения в сознание людей привлекательного образа кого-либо или чего-либо.

Электронный словарь «Академик» пишет, что целью пиара выступает создание позитивного общественного мнения и благоприятного имиджа и нейтрализация негативных сведений; борьба за репутацию. Данный источник рассматривает это понятие лишь с одной стороны, исключая такое понятие как «черный пиар», который используется ничуть не реже. Черный пиар – это

деятельность, направленная на ухудшение имиджа какого-то одушевленного или неодушевленного объекта. Термин «черный PR» российского происхождения. В иностранной практике встречается только в смысле PR в поддержку афро-американцев. Термин появился в конце 80-х начале 90-х для обозначения политической и коммерческой информации распространяемой через заказные публикации в СМИ и листовки, оплачиваемые неофициально. Часто этим термином в России обозначают распространение компромата или информации, негативно влияющей на имидж персоны или объекта.

Электронный толковый словарь русского языка рассматривает пиар как информацию, распространяемую с целью популяризации образа фирмы, бренда либо конкретной личности, а также как область деятельности, связанную с распространением такой информации. Но ведь целью пиара может быть не только популяризация. Целью пиара может быть привлечение внимания, предотвращение кризисных ситуаций, лоббирование своих интересов, установление и поддержание связей с прессой и др. Таким образом, нельзя сказать, что целью PR является исключительно популяризация.

Наиболее полным и объемным является определение, данное свободной энциклопедией Википедия. Пиар – это технологии создания и внедрения при общественно-экономических и политических системах конкуренции образа объекта. Под это определение подойдет как белый так и черный пиар, провокации, всевозможные акции и простой традиционный обмен информацией.

В июне 2000 года Генеральная ассамблея CERP (Европейской конфедерации «паблик рилейшнз») рекомендовала всем практикам в Европе использовать следующее определение: «PR – это сознательная организация коммуникации. PR – одна из функций менеджмента. Цель PR – достичь взаимопонимания и установить плодотворные отношения между организацией и ее аудиториями путем двусторонней коммуникации». PR – это управление восприятием с помощью сознательно организованных коммуникаций.

Исходя из этого определения, можно сделать вывод, что наиболее верным является определение, данное электронным словарем Yandex.

Литература

1. Беленкова А. А. PRостой пиар. – Москва. – НТ Пресс, 2009. – 256 с.
2. Бочаров М. А. История паблик рилейшнз. Нравы, бизнес, наука. – Москва. – РИП-Холдинг, 2007. – 184 с.
3. Горкина М.В., Мамонтов А. Б., Манн И. Н. PR на 100%. Как стать хорошим менеджером по PR.- Москва. – Альпина Бизнес Букс, 2009. – 269 с.
4. Марлоу Юджин Пиар в электронных СМИ. – Москва. – Мир, 2002. – 236 с.
5. Ушанов П.В. Медиа рилейшнз. Основные аспекты взаимодействия СМИ и Public Relations. – Москва. – Флинта, Наука, 2009. – 80 с.
6. URL: <http://enc-dic.com/kuzhecov/Piar-26585/>
7. URL: <https://slovari.yandex.ru>
8. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/>
9. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/PR>

References

1. Belenkova A. A. Simple PR/ – Moscow/ – NT Press, 2009. – 256 p.
2. Bocharov M. A. History of PR. Manners, business, science. – Moscow. – RIP-Holding, 2007. – 184 p.
3. Gorkina M. V., Mamontov A. B., Mann I. N., 100% PR. How to become a good PR manager. – Moscow. – Alpina Business Books, 2009. – 269 p.
4. Marlow Eugene PR in electronic mass media. – Moscow. – Mir, 2002. – 236 p.
5. Ushanov P. V. Media relations. Main aspects of cooperation of Mass Media and Public Relations. – Moscow. – Flinta, Nauka, 2009. – 80 p.
6. URL: <http://enc-dic.com/kuzhecov/Piar-26585/>

7. URL: <https://slovari.yandex.ru>
8. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/>
9. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/PR>

УДК 811.161.1

О ДЕМОНСТРАТИВНОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Харченко В.К.

заведующий кафедрой филологии,
доктор филологических наук, профессор,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
wera_kharchenko@mail.ru
www.kharchenkovk.ru

Аннотация

Характеризуемый словарь нового типа напечатан в 2003 в Белгороде (2003 г.) и в переработанном виде в Москве (АСТ: Астрель, 2009 г.) и обозначен автором-составителем как демонстрационный словарь. Полнота демонстрационного словаря заключается в демонстрации богатств языка, полноте учета источников возможного обогащения речи через обращение к старинному слову, современному термину, интересному образу, загадочной пословице, хорошо употребленному заимствованному слову, к афоризму из художественного текста, к биографеме (микронарративу из семейной родословной). Демонстрационный словарь приглашает «просто читать», погружаться в словарную статью, примерять слово к своей речи. Хрестоматийный характер чтения не свидетельствует о подмене жанра: издание является словарем, не хрестоматией, поскольку каждая словарная статья составлена с ориентацией на языковую форму выражения мысли.

Ключевые слова: словарь нового типа, демонстрационный, афоризм, метафора, цитата, биографема.

ON THE DEMONSTRATIVE DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Kharchenko V.K.

Head of the Department of Philology,
Doctor of Philology, Professor,
Belgorod State National Research University (NRU "BelSU")
Belgorod, Russia
wera_kharchenko@mail.ru
www.kharchenkovk.ru

Abstract

The reviewed dictionary of the new type was first published in 2003 in Belgorod, the revised second edition was issued in Moscow (AST: Astrel, 2009), being characterized by its author as a demonstrative dictionary. The purpose of the book is to demonstrate the treasures of the Russian language. The comprehensiveness of the demonstrative dictionary is determined by the complete sources of possible speech enrichment via ancient expressions, modern terminology, interesting figures of speech, enigmatic riddles, wisely chosen and appropriately used loanwords, aphorisms taken from literary texts, biographemes (micro narrative texts from family history and genealogy messages). The demonstrative dictionary invites the reader to read "freely", to emerge in the dictionary entry, to compare the collected expressions with the ones of their own speech. This type of

reading does not cause the change of genre: the edition is undoubtedly a dictionary, and not a chrestomathy, due to the fact that every dictionary entry is based on linguistic means of expressing thoughts.

Keywords: a dictionary of the new type, demonstrative, aphorism, metaphor, quotation, biographeme.

Наряду с приёмами изучения русского языка целесообразно, по-видимому, накапливать способы и приёмы лексикографической презентации языка, формирования полнокровного представления о русском языке, что исключительно важно в свете оптимизации национального самосознания. Такое представление может стать предметом особой заботы исследователя, и учителя-словесника, и преподавателя русского языка как иностранного, поскольку эти категории пользователей-профессионалов к родному русскому языку сохраняют благоговейное отношение, пытаюсь такое отношение передать своим обучаемым, в том числе иностранным гражданам. Насыщенное оценками представление о родном языке формируется не только на занятиях, не только при чтении художественных и публицистических текстов, но и стихийно, в ежедневном континууме слышимой русской речи.

Полагаем, что хорошим подспорьем коррекции и обогащения представления о русском языке может стать разработанный нами в рамках Федеральной целевой программы «Русский язык» (2003 г.) новый тип словаря – Словарь богатств русского языка. Поделимся опытом подготовки и издания словаря, обозначенного нами как демонстрационный словарь или словарь демонстрационного типа [Харченко 2003, 2006].

Демонстрационная направленность, с одной стороны, снимает наиболее важное лексикографическое требование – требование полноты словаря. По своему стержневому жанровому параметру любой словарь претендует прежде всего на полноту материала. С другой стороны, демонстрационный прицел налагает и новое стержневое требование – требование выразительности словарных статей. Показать путем создания специального словаря, что русский язык глубже, гибче, интереснее и ярче наших привычных представлений – значит напомнить читателю о тех колоссальных резервах, которые могут и должны быть пущены в ход, задействованы в речи.

В демонстрационном словаре полнота материала – это полнота иного порядка по сравнению с толковыми словарями. Это полнота учета максимума источников возможного обогащения собственной речи, будь то обращение к старинному слову и суперсовременному термину, к красивому или интересному образу, к редко звучащей, загадочной пословице, к хорошо употребленному заимствованному слову, к афоризму, рожденному в рассказе или повести.

Такой словарь, естественно, является словарем заведомо субъективным, если не сказать сильнее – любительским. На протяжении многих десятилетий в отечественной лингвистике практика составления официальных, типизированных словарей исключала творческое своеволие, субъективный подход, хотя составителями словарей всегда были высококвалифицированные филологи. Вопрос о типичном в языке, как правило, решался коллегиально, вопрос о смысловых и формальных ценностях, остававшихся за бортом словаря и, как

следствие, за бортом родного языка, вообще не ставился. Так было и так есть, поскольку требование научной точности, исследовательской корректности не может быть отменено.

Авторитет толковых словарей русского языка был и остается высоким и прочным. Мы сами были счастливыми свидетелями почета, выражаемого преподающими и изучающими русский язык в адрес Словаря русского языка под редакцией С.И.Ожегова, когда в 1978-1979 учебном году преподавали русский язык в Ханойском педагогическом институте иностранных языков (СРВ). Что же касается личных предпочтений и пристрастий, то все субъективно творимое или субъективно ценное сосредоточивалось, оседало в сборниках крылатых слов и афоризмов, в словарях языка писателей, в материалах многочисленных диссертаций по языку художественных произведений, в картотеках устной разговорной речи. Субъективный, любительский подход к созданию словарей продемонстрирован, в частности, в словаре крылатых слов Дж. Грина: «Эти цитаты остаются моими любимыми строками из моих любимых книг. Я взял их из источников, которые сам отобрал для изучения. Благодаря этому книгу можно назвать бессовестно идиосинкразической. Я выбрал те строки, фразы и отрывки, которые понравились мне, и, надеюсь, понравятся более широкой аудитории [Green 1982: V]. «Словарь может восприниматься как инструмент для понимания другого текста и как самостоятельный текст. Отбор материала словаря – неизбежно субъективный процесс», – подчёркивает в диссертации «лексикографирование цитат» Ю.А. Лысикова [Лысикова 2005], предвзято свою оценку словаря Дж.Грина.

Целью составления и издания двухтомного демонстрационного словаря (общим объемом около 40 печ.л.) явилась актуализация тех смысловых достижений, щедрот отечественного слова, которые, как нам представляется, заслуживают внимания, анализа и поощрения к их использованию, к более широкому включению их в речь, текст.

Запретительная стратегия культуры русской речи (табу на использование грубых, нецензурных слов и фразеологизмов, всего того, что оскорбляет достоинство и адресата и адресанта речи) по идее должна сопровождаться поощрительной стратегией пропаганды и использования того ценного, что есть в языке, для чего и нужны словари, отслеживающие наиболее удачные, талантливые словоупотребления. «Все то, что не функционально, начинает выполнять этические или эстетические функции». Отсюда интерес составителя к старинным, редким словам, могущим помочь в эстетике или этике речи.

Идея словаря, обреченного на неполноту (реально ли в одном издании осветить массивы талантливого, эвристического, художественно-образного использования слов русского языка?), парадоксально соотносится с реальной возможностью показа, демонстрации богатств родного языка.

Строжайшее, жесткое разграничение языка и речи, отсутствие практики составления тезаурусных словарей привели к искусственному обеднению русского языка в восприятии не только его исследователей, но практически каждого русскоговорящего. Типичное и традиционное в значительной мере

срабатывало как тормоз, блокиратор, враг расширенного, эвристически ёмкого словоупотребления.

В данном словаре неоднократно демонстрируется, как новизна словоупотребления, авторская интерпретация слова не только снимают пейоративную коннотацию с семантического фонда слова, но превращают слово в инструмент взаимопонимания и взаимоподдержки. ««К будущему, оказывается, надо готовиться. / Как? Искать контакт с теми, кто рядом. <...> Отсутствие контакта с ближними – нонсенс, вроде рояля, от которого утерян ключ. Невозможен диалог – и всё обесмысливается» [Шапиро 2013: 145-146].

Коннотативная эвристика может стать новым направлением отечественного лингвокультуроведения. Например, «умный контекст», творческое проникновение в слово может снять отрицательный оттенок с таких, например, слова, как *дилетант*, *фигурант*, *нарциссизм*, и, наоборот, приуменьшить положительное восприятие таких традиционно положительных слов, как *романтик*, *традиция*, *коллектив*. Автор текста не ставит целью манипуляции с оценками, заключёнными в слове, но затверделость оценок нередко воспринимается как барьер и потому становится объектом коррекции.

Наш словарь в принципе не завершен. Он будет иметь большую лексикографическую ценность, если послужит стимулом для других потенциальных издателей, если и другие филологи подключатся к систематизации и публикации того, что есть в языке замечательного, симпатичного, доброго, достойного, привлекательного для расширенного внедрения. Внедренческий характер словаря требует особой организации и словника, и словарной статьи. Словник словаря составляют:

- редкие слова, почерпнутые нами из текстов и исторических словарей предшествующих эпох, свидетельствующие о лексической сокровищнице родного языка и в принципе допустимые к повторному кругу использования;
- метафоры, оригинально отражающие эвристичность смыслопорождения, словоиспользования; в таких случаях стоит помета «образно»;
- афоризмы, извлеченные из произведений отечественных авторов, в основном 70-90-х годов XX века, как правило, неизвестные широкому кругу носителей языка;
- цитаты из художественных, научно-популярных и научных текстов, в которых наблюдается красивое, выигрышное, яркое или оригинальное словоупотребление того или иного слова.
- биографемы, т.е. извлечения из текстов семейных родословных.

Разумеется, это не полный перечень включаемого материала, хотя этот перечень отражает приоритеты включения. Помимо указанных единиц, в словарь богатств входят диминутивы и фразеологизмы, пословицы и имена собственные, индивидуально-авторские слова и термины. Объектом наблюдения, исследования и коллекционирования (сбора высказываний) служили:

- тексты художественных, научно-популярных и научных произведений (в скобках указывается автор и /или журнал, где зафиксировано

словоиспользование); в круглых скобках указана фамилия автора высказывания.

- собранный нами фонд семейных родословных – сочинений на тему «История моей семьи» (ИМС).
- В значительно меньшей степени представлены записи устных высказываний.

Охарактеризуем каждый из трех векторов поиска высказываний. В одной из статей нами было предложено понятие «лексикографические ниши художественного текста» [Харченко 1999: 5-12]. Многие в литературном произведении так и просится в словарь, причем в виде уже почти готового, не требующего без правки фрагмента. Мы встречаем в том или ином тексте самый настоящий гимн слову или внезапно обнаруживаем готовую словарную статью, где слово истолковано прелестно и понятно. В отрывках из художественной или публицистической, научно-популярной или мемуарной литературы можно обнаружить все виды вербальных дефиниций.

Тексты художественных произведений достаточно часто содержат выигрышные, готовые, блестящие пояснения к толкованию того или иного слова. Определенная часть словаря составлена из таких писательских дефиниций. Лингвистически иногда это уязвимо, писатели не лексикографы, у авторов художественных текстов свои макро- и микроцели, но строя тот или иной текст, его автор достаточно часто открывал в семантике слова некий оригинальный смысл, и упускать такой материал, мы, естественно, не могли. Это аспект мы называем явной художественной лексикографией. Но в свой словарь мы включали и скрытую лексикографичность: когда писатели приводили в своих произведениях пример выразительного словоупотребления, своего рода акмэ слова. Стояла задача – найти наиболее выигрышный контекст, высвечивающий наглядный образ, стоящий за словом: зрительный, или слуховой, или кинетический, или вкусовой, или обонятельный. Не в равной степени, но плоды работы всех пяти органов чувств запечатлелись в словах языка.

Выше мы употребили слово «найти» контекст, но реально все обстояло с точностью до наоборот. Контексты у нас уже были. Не один десяток лет мы выписывали из книг всё, что нас тогда привлекало для нужд внутреннего пользования, для себя, не помышляя о словаре. Теперь предстояло перевести стрелку внимания на слово – опорное для данного контекста, найти вербальный стержень контекста и обработать материал лексикографически, выяснив границы контекста, а в афористическом материале по возможности смягчить интонацию назидания (как правило, путем расширения контекста). Собранную в те годы коллекцию выписок пришлось существенно дополнить новым материалом.

Стремление к новизне срабатывало уже при выборе текстов первой группы в выше приведенном перечне. Относясь с постоянно увеличивающимся пиететом к золотому и серебряному веку отечественной литературы, прочитывая и перечитывая классиков прошлых эпох, мы находили много ценного и в текстах писателей второго ряда, и в текстах советских и постсоветских авторов, считая, что выписки из таких произведений также открывают нечто новое в русском языке.

Семейные родословные впервые вводятся в оборот лексикографической практики. Авторами сочинений являются лица двух возрастных групп: студенты (в основном старшекурсники, а также заочники) и взрослая категория граждан, получающих второе высшее образование. По количеству представленных в словаре микроотрывков последняя группа информантов численно лидирует. Отрывки из сочинений, а также из писем печатаются с разрешения авторов. Указываются, за редким исключением, инициалы и фамилия, тогда как устные высказывания, как правило, в словаре представлены инкогнито.

Итак, впервые в словарь русского языка вводится то, что Р.Барт удачно называет биографемами: «...Если бы я был писателем, уже покойным, как любил бы я, чтобы моя жизнь сводилась благодаря заботам дружелюбного и раскованного биографа к каким-то деталям, вкусам, склонностям... короче, к «биографемам», различие и подвижность которых могли бы путешествовать вне всякой судьбы...» (Р.Барт) Согласимся, что «бессмертие даже в мелочах» – это не только мечта писателя, о чём пишет Р.Барт, но и мечта любого живущего. Память дискретна, прошлое представлено яркими точками, дорогими рассказчику, почему такие отрывки и дают материал для словаря богатств русского языка. Когда человек пишет творческую работу «История моей семьи», ретроспекция превалирует над синхронным срезом, поэтому неудивительно, что о 30-х годах рассказывается выразительнее, чем о 90-х. Каждое сочинение (а их было проанализировано свыше 500) – это сюжетная канва истории рода, расшитая великим и скорбным узором «биографем».

Что касается устной разговорной речи, то примеров талантливого словоупотребления в словаре на несколько порядков меньше, чем примеров из текстов, и, тем не менее, можно, читая словарь, рассматривать, как блистает то или иное слово в устах говорящего.

Как пользоваться словарем? Строго говоря, в силу своей «нестрогости» таким словарем целесообразнее, естественнее пользоваться не как словарем, а как книгой для чтения, своего рода хрестоматией русского языка на уровне текстовых микроиллюстраций. Это не словарь-справочник. Это словарь, приглашающий «просто читать», погружаться в словарную статью, вдумываться в слово, примерять слово к своей речи, строить собственные параллели, сопоставлять, запоминать метафору, или иностранное слово, или афоризм, усваивая языковую информацию, не столь нужную сейчас, сегодня, сколь сориентированную в завтрашний день. Тогда слово из океана бессознательного по зову необходимости в нужный момент всплывет на поверхность, поможет выразить мысль, позволит создать новый замечательный образ. Хрестоматийный характер чтения не свидетельствует о подмене жанра. Издание является словарем, не хрестоматией, поскольку каждая словарная статья составлена с ориентацией на языковую форму выражения мысли. Как бы не был интересен содержательный план высказывания, главным в словаре остается способ трансляции этого содержания, отчего содержание микроотрывка становится еще ярче и явственнее. Подбором иллюстративного материала нам хотелось продемонстрировать, что на русском языке *есть что читать*.

Мы уже упоминали, что язык изучают тогда, когда уровень развития науки и культуры поставляет щедрый материал для изучения, заимствования и подражания. Словарь отличается своим материалом не только потому, что создает цитатный коллаж из текстов, которые лексикографически еще не проштудированы (например, написанные замечательным языком письма П.А. Флоренского, воспоминания Ф. Перченка о А.В. Темировой, статьи эколога Кирилла Ефремова). Словарь включает также принципиально новый материал из текстов семейных родословных и, в меньшей степени, – из записей устной речи. Русский человек не только интересно пишет, но весьма интересно иногда и говорит. Суммируя сказанное, перечислим элементы новизны предлагаемого вниманию читателя словаря.

На уровне сбора материала в словаре представлены наряду с известными именами новые авторы, наряду с известными текстами новые тексты (научно-популярная литература, переписка), наряду с известными жанрами новые жанры (жанр семейных родословных, записи устных высказываний). На уровне транспортировки материала в словарь мы стремились продемонстрировать возможности русского языка

- через использование потенциальных слов,
- через оригинальное употребление привычных слов,
- через поиск выигрышного для слова контекста, высвечивающего сенсорику слова, то есть зрительные, звуковые, осязательные, вкусовые, и/или обонятельные образы,
- через поиск контекста, который разъяснял бы значение заимствованного слова, создавал для читающего прецедент грамотного употребления такого слова в речи,
- через включение биографем,
- через подачу афоризмов, накопленных в жанровой кладовой художественного текста,
- через цитатный слой, показывающий, что на русском языке опубликовано много весьма интересного, достойного внимания и запоминания, что русский язык богаче наших о нем мнений и оценок, что именно язык и есть микровселенная личности – от А и до Я (ego).

В заключение приведём фрагмент Словаря богатств:

Оазис. *Образно.* ...Чтобы спасти *оазис* своей индивидуальности (А.И.Титаренко).

Обвод. По мысли Леонардо да Винчи, первый рисунок – это тень предмета, освещенного костром. Первобытный человек начинает рисовать, осваивая технику «*обвода*». Пещеры сохранили десятки таких примеров (В.Н.Дублянский).

Обгонять. Поменьше запретов – запреты уменьшают самостоятельность, ухудшают мышление, снижают ответственность. «Уверен – *обгоняй*» (Ю.Крелин).

Обезлюдеть. Дедушка рассказывал, что он отчетливо помнит два дня войны – начало и Победу. Он так описывал начало войны: «Из окна было видно море, легкий туман над ним. Солнце. Мы с ребятами проснулись рано, сидели за книжками. И вдруг за городом забухали пушки, зенитные разрывы в синеве неба, вой самолетов. Самым тягостным и тревожным было в тот день то, что Феодосия, казалось, враз *обезлюдела*. На улицах только военные» (ИМС, М.Полякова).

Оберегать. «Ей просто нужно было научиться *оберегать* своего мужа, находясь в разлуке с ним и пребывая на значительном расстоянии от него... Для этого царица должна была думать о муже во все время их разлуки без каких-либо отрицательных эмоций, без обиды за то,

что он оставил ее одну и без жалости к себе. Она должна была верить в то, что встреча близка, что ее любовь сохранит его в пути и сократит тяжкую разлуку. Ей нельзя было предаваться мыслям о том, как ей плохо, одиноко и страшно жить без него в его доме, нельзя было ощущать себя покинутой и несчастной” (Л.Седакова).

Обертон. *Христианские обертоны в поэзии.* «Зеленый шум» – этот маленький роман в стихах, и *христианские обертоны* и, конечно, весна (молоком облитые), какая даже Пушкину не снилась (В.Марков).

Обессмертить. Живи и распложай науки; / Живи и обессмерть себя... (Г.Державин).

Обессудить. Угощали пастуха: Ты уж извини, коль что не так, где чем не угодила. *Не обессудь* (В.Чугунов).

Обжить. *Обжитый дом.* ...Талант устраивать дом. Баулы, погребцы с посудой, пестери с нотами и книгами, портпледы распаковывались и превращали не слишком светлые комнаты флигеля в как бы давно *обжитый* дом. Вещи находили свои места. Запахло свежевыглаженным и подкрахмаленным бельем, цветами, лавандой. Из кухни потянуло чем-то печеным... (Е.Вечмотова).

Обида. Это особенность *обиды* – она всегда сегодняшняя. Иногда боль, казалось бы забытая, неожиданно всплывает. <...> Ум пестует, выискивает новые, наиболее острые грани этой обиды (С.Есин).

Обидеть. Через кого мир свет увидел – того и *обидел* (Пословица). Из семерых детей у прабабушки осталось пятеро. Двоих спасти не удалось. <...>Так и прожила прабабушка, никого *не обидев* и никакого слова гадкого ни разу не сказав, и внуков вырастила, и любила всех до последнего (ИМС).

Обидеться. Ведь *обидеться* иногда очень приятно, не так ли? И ведь знает человек, что никто не обидел его, а что он сам себе обиду навдумывал и налгал для красоты, сам преувеличил, чтобы картину создать, к слову привязался и из горошинки сделал гору, – знает сам это, а все-таки самый первый обижается, обижается до приятности, до ощущения большого удовольствия, а тем самым доходит и до вражды истинной... (Ф.Достоевский).

Обидный. *Обидное слово.* ...Моя бабушка закончила торговый техникум, вышла замуж и родила двоих детей. Проработала до пенсии в торговле, в сельском магазине. <...> Это высококультурный человек. Я никогда не видела ее в плохом настроении и никогда не слышала *обидных слов* (ИМС, С.Лютлова).

Обидчивость. Повышенная *обидчивость* здесь – оборотная сторона возвышенного мира отношений, сконструированного, держащегося тоже словами, но оттого ничуть не менее реального и эффективного (Л.М.Баткин).

Обижаться. ...Игоря любить неинтересно. Он умел слышать только себя, а на всех остальных за что-то *обижаться*. И чем больше ему делаешь, тем больше он *обижается* (В.Токарева).

Обиталище. ...Окна моего московского *обиталища*... (Б.Ахмадулина).

Обитель. *По отношению к обиталищам животных.* Горы – дом снежного барса и дом человека; это *обитель* кеклика и медведя, птицы счастья – улара, таящейся под снегами, и красного волка (В.Личутин).

Обкатывать. *Образно.* У Баси Абрамовны другой вид материнской любви. Это любовь тихая и глубокая, давящая в одну сторону. Она *обкатывала* ее сына так, что ему казалось: мать вообще его не воспитывает, как камню в реке кажется, что воды вообще нет, так она незаметно струится (Н.Горланова, В.Букур).

Облако. *Старинное:* Темна вода в облацех.

Облаковато. Когда солнце заходило «*облаковато*», крестьяне ожидали дождя. По наблюдениям крестьян, дождливую погоду обещал и «*облаковатый*» месяц (Н.А.Миненко).

Обласкать. ...*Обласкать* гостя улыбкой... (И.Грекова). Помню его большую шершавую руку, в которой доверчиво помещалась моя маленькая ручонка. Эти руки строили дом моих родителей, каждое дерево, положенное в основу дома, было *обласкано* этими руками (ИМС, Л.Н.Науменко).

Облепиховый. Утром я увидела, что все нитки выброшены из гнезда, а птица [голубка] смотрела на меня *облепиховыми* глазами с укором (З.Воскресенская).

Обложной. На небе – паводок, на земле – пасмур. С утра бусит мокрик-снопогной. <...> Снова затянет поморок, начнет дождь накрапом... *обложной*, неперемежный, занудливый (Г.Николаева).

Обмануться. ...Я постоянно держал в комнате, в бутылке из-под итальянского вермута, ольховые либо черемуховые ветки, которые, *обманувшись* теплом, распускали листья и даже цвели... (В.Солоухин).

Обнаженность. Как сочетать эмоционально-нравственную *обнаженность* в контакте с элементарным тактом, этикетом? (А.И.Титаренко).

Обнимать. ...Откликнулась близким, *обнимающим* голосом (Б.Ахмадулина).

Обниматься. Все обезьяны легко возбудимы, раздражительны, агрессивны, обидчивы и злопамятны. И при этом очень общительны. Весьма противоречивое сочетание, не правда ли? Неудивительно, что у них есть много способов смягчать конфликты. Среди ритуалов приветствия, улыбок, похлопывания по спине и наделения пищей особую роль играют объятия. Наши ближайшие из ныне живущих родственников – шимпанзе – очень любят *обниматься*. Они могут подолгу сидеть, обняв друг друга и получая от этого удовольствие и успокоение. Но еще чаще обезьяны обнимают один другого, чтобы снять или предотвратить раздражение и обиду. И вполне успешно (В.Р.Дольник).

Обнищание. ...Чтобы не допустить перехода достойной бедности в неприличное *обнищание* (Ф.Перченок).

Обновитель. *Обновитель музыкального языка.* ...В оценке тех или иных явлений литературы и вообще искусства народное признание ни в коем случае не следует сбрасывать со счетов. А то ведь нередко получается, что всеобщий восторг словно бы обесценивает творение, снижая соответственно репутацию автора. Это испытал на себе Александр Дюма-отец, которого провалили во французскую Академию. Это отравляло жизнь великого Верди. Ему не прощалось, что любой уличный мальчишка насвистывал «Сердце красавицы», а любой гондольер распевал арии из «Трубадура». Но вот такой *обновитель* музыкального языка, как Игорь Стравинский, мог позволить себе восторгаться мелодическим гением Верди (Ю.Нагибин).

Обнять. Да [купленную] за такую цену, хоть и через десять лет, разве сумочку выкинешь? Ее *обнимешь* и будешь с ней ходить! (Устн.).

Обогатиться / обогащаться. *Обогатиться рассказами. Образно.* Не смог я «*обогатиться*» рассказами о жизни моего рода и от бабушки по маминой линии. Судьба! Ее звали Ольга. Умерла она, когда мне было шесть лет (ИМС, В.А.Паньков). Господь ставит нас друг около друга в семье, в обществе, чтобы мы один от другого обогащались, чтобы, прикасаясь друг к другу, люди трением возжигали блески света (Архиепископ Сергей Пражский).

Обогнать. Догнать Искандер-бека было можно, *обогнать* – никогда (А.Бестужев-Марлинский).

Литература

1. Лысикова Ю.А. Лексикографирование цитат. Дис. ...канд.филол.наук. – Орел, 2005. – 191 с.
2. Харченко В.К. Словарь богатств русского языка. Редкие слова, метафоры, афоризмы, цитаты, биографемы. В 2 тт. – Белгород: Изд-во Белгородск. гос. ун-та, 2003. Том 1. А-М. – 304 с. Том 2. Н-Я. – 314 с. Удостоен медали ВВЦ (ВДНХ) 2004 г.
3. Харченко В.К. Словарь богатств русского языка: ок. 7000 единиц. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 843 с.
4. Харченко В.К. Лексикографические ниши художественного текста (примечания или словарь?) // Лексикографические этюды. – Белгород: Изд-во Белгородск. гос. ун-та, 1999. – С. 5-12.
5. Шапиро А.Я. Простая жизнь гения. Главы из будущей книги // Дружба народов, 2013, № 11. – С. 129-153.
6. A Dictionary of Contemporary quotations. Compiled By Jonathon Green. London, Sidney: Pan Books, 1982. – 454 p.

References

1. Lisinkova U.A. Leksikografirovanie tsyetat. Dis. ...kand.filol.nauk. – Oriol, – 2005. – 191 s.

2. Khartchenko V.K. Slovar' bogatstv russkogo jazyka. Redkie slova, mataforye, aforismye, tsyetaty, biografemye. V 2 tt. – Belgorod: Izd-vo Belgorodsk. gos. un-ta, 2003. Tom 1. A-M. – 304 c. Tom 2. N-Ja. – 314 s. Oudostoien medali VVTS (VDNH) 2004.
3. Khartchenko V.K. Slovar' bogatstv russkogo jazyka. 7000 jedinit. – M.: AST: 2006. – 843 s.
4. Khartchenko V.K. Leksikograficheskie nishi hudojestvennogo teksta (primetchanie ili slovar'?) // Leksikograficheskie etjudy. – Belgorod: Izd-vo Belgorodsk. gos. un-ta, 1999. – S. 5-12.
5. Shapiro A. Ja. Prostaja gizn' genija. Glavye iz budutchej knigi // Drujba narodov, 2013, № 11. – S. 129-153.
6. A Dictionary of Contemporary quotations. Compiled By Jonathon Green. London, Sidney: Pan Books, 1982. – 454 p.

УДК 811.111'373.6:811.124

ПРОИЗВОДНОЕ СЛОВО КАК ЕДИНИЦА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ НОМИНАЦИИ В ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ

Янутик С.Я.

старший преподаватель
кафедры английского языка и методики преподавания
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
г. Белгород, Россия
8-909-205-45-52
yanutik@bsu.edu.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению языковых процессов и созданию новых лексических единиц. Рассматривается аффиксация, её грамматические и деривационные функции, их роль и значение в английском языке.

Ключевые слова: аффиксация, префикс, словообразовательная модель, производное слово, английский язык.

DERIVATION AS A UNIT OF WORD-FORMING NOMINATION IN BILINGUAL DICTIONARIES

Yanutik S.Y.

Senior Lecturer
of Department of English Language and Methods of Teaching
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
8-909-205-45-52
yanutik@bsu.edu.ru

Abstract

The article describes the semantics of Romance suffixes in the English language. Affixation, its grammatical and derivational functions, their role and meaning are in the focus of our attention.

Key words: affixation, prefix, derivational model, word-forming nomination, English.

Как известно, значительное число слов в очень многих языках являются производными. В нашей статье мы рассмотрим часть слов, а именно те, которые образованы при помощи средств, продуктивных в настоящее время в английском языке, и значение которых выводимо из значения производящей основы и данного словообразовательного показателя-аффикса. Такие слова легко образуются и легко понимаются. По словам В. П. Беркова они “называются регулярными производными формами” [Берков, 2004: 35]. В соответствии с целью

нашего исследования методом сплошной выборки были отобраны все “регулярные производные формы” [там же], а также образованные от них производные, маркированные как различные части речи.

В данном исследовании показателем общеизвестности считается регистрация слова и образованного от него производного в используемых словарях.

Методика исследования представлена комплексом методов, включающих деривационный анализ, метод непосредственных и конечных составляющих трансформационный анализ, анализ словарных дефиниций, элементы компонентного анализа, лексико-семантический анализ, сравнительный анализ, а также метод количественных подсчётов.

Производная лексика занимает в английском языке весьма видное место. В развитых языках она обычно превалирует над непроизводной, составляя, как правило, не менее 60%. Практически в каждом словаре многие из регулярных форм отсутствуют. Это вполне понятно: за этот счет достигается значительная экономия места в словаре. Компрессия словаря осуществляется за счёт регулярных производных слов следующими способами: 1) слово может полностью отсутствовать в словаре и 2) слово может приводиться с отсылочным определением или отсылкой. Для возможности такой компрессии в двуязычных словарях необходимо ещё одно дополнительное условие – регулярный характер образования эквивалента в выходном языке – это регулярный характер образования слова во входном языке словаря.

Говоря о роли производной лексики в формировании языковой картины мира, следует охарактеризовать ее место в лексической системе языка. Под производным словом в лингвистике понимается “любая вторичная, т.е. обусловленная другим знаком или совокупностью знаков единица номинации со статусом слова независимо от структурной простоты или сложности последнего. Производными мы считаем и производные аффиксального типа, и сложные слова, и производные, созданные путем конверсии или же усечения и т.п.” [Кубрякова, 1981: 5].

Такое широкое понимание “производного” слова позволяет использовать этот термин для всех видов словообразовательных единиц: аффиксальных образований, сложных слов, семантических дериватов, конвертированных единиц и всех прочих видов вторичных словообразовательных конструкций. Предметом настоящего исследования являются аффиксальные производные, которые проявляют, с одной стороны, черты, характерные для всей системы производных единиц, а с другой – черты, специфические только лишь для аффиксальных образований. Остановимся вначале на описании тех формальных и семантических признаков, которыми должны обладать производные слова вообще. Особо следует отметить и динамическое, активное начало в производной лексике – именно с ним связано появление новых лексических единиц.

Основой для выделения слов, образованных от них производных послужил словарь The Oxford Dictionary of English Etymology [The Oxford Dictionary of English Etymology, 1966] и Новый Англо-Русский Словарь [Мюллер, 2004].

В соответствии с целью нашего исследования методом сплошной выборки были отобраны, а также образованные от них производные, маркированные как различные части речи.

В данном исследовании показателем общеизвестности считается регистрация слова и образованного от него производного в используемых словарях. Одним из самых продуктивных аффиксов английского языка, обладающих широкой сочетаемостью следует выделить латинские аффиксы. Это можно рассмотреть на примерах.

Латинские морфемы представлены следующими частицами:

Just-L. *justus* (как раз, точно). *right*-L. *rectus* (прямо); *exactly*-L. *exectus* (именно, да, совершенно верно). Частица подчёркивают некое слово и ограничивает выражаемую им идею. Они (частицы) не изменяются и не имеют грамматических категорий и не являются членами предложения. Но следует отметить то, что их семантическое подразделение весьма зыбко и возможно пересечение отдельных типов. Функция частицы состоит в уточнении значения тех членов предложения, к которым они относятся. А в некоторых случаях в существенном изменении смысла высказывания. Чтобы определить значение производного слова, необходимо понять, какое значение имеют суффиксы и что они вносят в смысл лексического значения производного слова.

Суффиксальная последовательность в основах на *-ere* имеет следующие семантические функции: значение – ломкий, хрупкий *frangible* – *f. frangere*;

Глаголы на *-re* в английском языке, которые перешли из латинского и несут следующее значение: *prelate* – *L. præltus* – *sb use of pp. corr. to præferre* – *прелат*.

Глаголы на *-are* из латинского при переходе в английский язык приобрели:

1) существительные на *-ion*: *litigation* – *late L. litigation(n-)* – *тяжба, судебный процесс*;

2) глаголы: *figure* – *L. figurare* – 1) *фигура, внешний вид*;

3) прилагательные: *tolerable* – *L. tolerābilis, f. tolerāre* – *сносный, терпимый, удовлетворительный*

Глаголы с формантой на *-ari* имеют значения в английском языке:

premeditate – *L. præmediari* – *обдумывать, продумывать заранее*.

Существительные: *malversation* – *L. male versari* – *злоупотребление, присвоение общественных или государственных сумм*.

Прилагательные: *inscrutable* – *L. inscrūtābilis, f. IN, scutāri* – *непостижимый, загадочный, непроницаемый*;

medical – *f. medicāri* – *врачебный, медицинский*

При переходе одной части речи в другую новое значение у производного слова возникает как следствие перемещения исходного слова в другую часть речи.

Глаголы на *-ura* в английском языке приобрели следующие значения из латинского: *tincture* – *L. tinctura* – *слегка окрашивать, придавать (запах, вкус и т.п.)*,

Префикс *ex-* возник из латинского языка и в настоящее время он является живым и продуктивным в английском языке, например *explain* – *объяснять, оправдывать* – *l. explanare*.

В результате анализа слов в английском языке было выявлено 33,2% производных слов от общего количества заимствований в словаре.

Исследование указывает на то, что значительная часть словарного состава английского языка составляют заимствования из латинского языка.

Наибольшее количество производных образовано от глагольных основ. Основы глаголов, от которых образованы суффиксальные СЛ по морфологической структуре подразделяются на простые и сложные. Основной группой являются простые глагольные основы. Основы прилагательных также участвовали в образовании производных СЛ.

Мы рассмотрели и провели анализ морфологических изменений в английском языке лишь на нескольких примерах. Ожидаемый результат предполагает вывод о том, что большая часть этих формантов содержит в себе указания на определенную часть речи, т.е. существительные, глаголы, прилагательные и частицы. Таким образом, новые слова создаются не из произвольно взятых звуковых комплексов, а из уже имеющих в языке морфем и опираются на действующие морфологические закономерности. Нами выделены и описаны структурные типы производных слов и их своеобразие в латинском и английском языках с различным грамматическим, фонетическим строем, а также выявлена их семантическая специфика.

Литература

1. Берков, В.П. Двужычная лексикографія: Учебнік / В.П.Берков. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004. – 236,[4] с.
2. Кубрякова, Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. – 200с.
3. Мюллер, В.К. Новый англо-русский словарь М.: Рус. яз. – Медиа, 2004. – 946 с.
4. The Oxford Dictionary of English Etymology / edited by C. T. Onions. – Oxford, 1966. – 1026 p.

References

1. Berkov, V.P. Dvujazychnaja leksikografija: Uchebnik / V.P.Berkov. Izd. 2-e, pererab. i dop. М.: ООО «Izdatel'stvo Astrel'»; ООО «Izdatel'stvo AST»; ООО «Tranzitkniga», 2004. – 236,[4] s.
 2. Kubrjakova, E.S. Tipy jazykovyh znachenij. Semantika proizvodnogo slova. М.: Nauka, 1981. – 200 s.
 3. Mjuller, V.K. Novyj anglo-russkij slovar' М.: Rus. jaz. – Media, 2004. – 946 s.
- The Oxford Dictionary of English Etymology / edited C. T. Onions. – Oxford, 1966. – 1026 p.

**ERFAHRUNGSBERICHT: DREI SPIELE ZUR FÖRDERUNG
VON KOMMUNIKATION IM SPRACHUNTERRICHT**

Correll Peter

Lektor der Robert Bosch Stiftung, Stuttgart, Deutschland,
Deutschlehrer der Staatliche Nationale Forschungsuniversität Belgorod,
peter-c@web.de

Eine Situation, die jedem Sprachlehrer vertraut ist: Textarbeit funktioniert problemlos, die Grammatikübungen zeigen gute Ergebnisse, die Hausaufgaben sind weitestgehend gelungen – doch sobald der Lehrer vom klassischen Pfad abweicht, um ein Gespräch mit den Schülern zu beginnen, herrscht in der Klasse Schweigen. Eine der wichtigsten Barrieren, die es beim Erlernen einer Sprache zu überwinden gilt, ist die des freien Sprechens. Dabei ist diese Barriere in den seltensten Fällen fehlenden Sprachkenntnissen geschuldet. Vielmehr sind zwei andere Faktoren entscheidend.

Einerseits ist das Gehirn schlicht nicht gewöhnt, den vorhandenen Wortschatz in der für ein Gespräch erforderlichen Geschwindigkeit bereitzustellen. Zu Beginn des Sprachlernprozessen ist dieser zwangsläufig sehr schriftbasiert. Bei schriftlichen Übungen bleibt jedoch deutlich mehr Zeit zum Nachdenken. Des weiteren werden die Lerner meist von einer psychologischen Barriere zurückgehalten. Die Angst Fehler zu machen, nicht verstanden zu werden oder in der Mitte des Satzes hängen zu bleiben, lähmt und führt zu Sprachlosigkeit.

Wie im Sprachunterricht üblich, ist dieser Problematik mit speziellen Übungen beizukommen. Diese müssen jedoch die besonderen Gegebenheiten der fremdsprachlichen Kommunikation beachten. Im Gegensatz zu grammatischen Übungen gibt es kein Richtig und Falsch. Bei der freien Sprache führen viele Wege zum Ziel. Kommunikation funktioniert über Kreativität und Spontaneität. Zudem kann der Lernende kaum zum Sprechen gezwungen werden, stattdessen müssen Reize geschaffen werden, die seinen Willen zur Kommunikation fördern.

Gerade im Bereich der Sprachpraxis wird im Sprachunterricht deswegen vermehrt auf Spiele gesetzt. Der natürliche Spieltrieb des Menschen scheint die perfekte Motivation zur Übung der freien Sprache und zur Überwindung der psychologischen Sprachbarriere zu sein. Dies bestätigen auch meine persönlichen Erfahrungen als Lehrer für Deutsch als Fremdsprache an der Nationalen Staatlichen Forschungsuniversität Belgorod.

Im folgenden Bericht möchte ich drei Spiele zu Förderung von fremdsprachlicher Kommunikation vorstellen. Dabei sollen sowohl Erklärungen zu Aufbau und Durchführung der Spiele als auch meine Eindrücke bei der Anwendung berücksichtigt werden. Zudem decken die Spiele verschieden „klassische“ Themenbereich aus dem Sprachunterricht ab. Die Spiele wurden im Übrigen nicht von mir persönlich erdacht, sondern stehen auf verschiedenen Plattformen für Deutschlehrer in verschiedenen Versionen und Konstellationen kostenfrei zur Verfügung.

Das Fallschirm-Spiel

Teilnehmer: ca. 4-12

Niveau: ab A2

Zeit: 45 Minuten

Themenfeld: Berufe, Arbeit

Material: Karte mit Berufen

Ablauf: Jeder Mitspieler zieht eine Karte mit einer Berufsbezeichnung. Im Laufe des Spiels nehmen die Teilnehmer den Beruf ein, der auf der von ihm gezogenen Karte geschrieben steht. Nun erklärt der Spielleiter die Situation: Alle Teilnehmer befinden sich in einem Flugzeug, dem das Benzin ausgegangen ist und das nicht notlanden kann. Die Passagiere müssen sich per Fallschirm aus dem Flugzeug retten. Doch an Bord befindet sich genau ein Fallschirm zu wenig. Nun müssen alle Spieler an Hand ihrer Berufe begründen, warum sie für die Gesellschaft so wichtig sind, dass sie einen Fallschirm erhalten sollten. Die Spieler erhalten 5-10 Min um ein Eingangsplädoyer in eigener Sache vorzubereiten. Diese werden dann der Reihe nach vorgetragen. Zwischenfragen der anderen Teilnehmer sind erlaubt. Danach muss die Gruppe diskutieren, wer es verdient hat, einen Fallschirm zu erhalten und wer nicht. Am Ende wird abgestimmt, wer in dem Flugzeug bleiben muss. Jeder Teilnehmer muss seine Wahl begründen.

Persönliche Erfahrung: Das Spiel ist thematisch sicher etwas makaber, doch womöglich genau aus diesem Grund sind Spaß, Engagement und Ideenreichtum stets groß. So empfand eine Mitspielerin ihren Beruf für gesellschaftlich nicht relevant genug und hielt stattdessen ein ebenso herzergreifendes wie erfolgreiches Plädoyer darüber, warum sie noch nicht sterben möchte. Eine andere Teilnehmerin hatte das gleiche Problem und wählte die Taktik, aktiv von ihrem Recht auf Zwischenfragen Gebrauch zu machen. Ihre Chancen erhöhte das nicht. Ein weiterer Mitspieler hatte den Beruf Polizist gezogen und droht schlicht mit Verhaftung, sollte er keinen Fallschirm bekommen. Ein Techniker hingegen dachte pragmatisch und bot an, nach der Rettung ein Auto aus den Resten des abgestürzten Flugzeugs zu basteln. Letztendlich entstanden also eine Menge kuriose Situationen und Konversationen, auf die die Teilnehmer spontan und kreativ reagieren mussten.

WG-Casting

Teilnehmer: ca. 5-10

Niveau: ab B1

Zeit: 90 Minuten

Themenfeld: Wohnen, WG

Material: evtl. Arbeitsblätter mit Kriterien zu Charakteren und WG-Eigenschaften, Bilder von Menschen

Ablauf: Wohngemeinschaften bzw. in der Kurzform „WGs“ sind die dominierende Wohnform unter deutschen Studenten. Die ungewöhnlichste und lustigste Begleiterscheinung, die diese Wohnform hervorbringt, ist das „WG-Casting“. Dabei suchen bestehende WGs neue Mitbewohner, indem sie eine bestimmte Anzahl Bewerber einladen, um sie in lockerer Atmosphäre kennenzulernen und – wie bei einem Casting – den bestmöglichen neuen Mitbewohner auszuwählen. Dieses

„Bewerbungsgespräch“ soll mit den Studenten nachgespielt werden, wobei nicht nur die freie Sprache gefördert wird, sondern auch das landeskundliche Wissen über Deutschland.

Wichtig ist eine gewisse Vorentlastung. Die Studenten müssen verstehen, was WGs sind und welche spezifischen Problematiken (Putzplan? Gemeinsames Einkaufen? Lautstärke?) WG-Bewohner beschäftigen. Zudem macht es Sinn, wenn die Studenten im Rollenspiel nicht sich selbst spielen, sondern sich einen Charakter ausdenken. Beim Erdenken von Charakteren können beliebige Bilder von Menschen oder ein Arbeitsblatt mit bestimmten Kriterien helfen. Folgende Kriterien könnten dabei abgefragt werden: Name, Alter, Beruf/Studium, Hobby, lustige Angewohnheiten. Nachdem sich jeder Student einen Charakter ausgedacht hat, werden zwei Gruppen – fiktive WGs – gebildet, die sich über die Gepflogenheiten ihrer WG beraten. Auch hier können bestimmte Kriterien vorgegeben werden, zum Beispiel: Putzplan, besondere Regeln, Partys/Gäste, Intensität des Zusammenlebens. Nun schickt jede WG jeweils ein Mitglied zur anderen WG, wo es sich als neuer Mitbewohner bewirbt. Dies wird so lange wiederholt, bis sich jeder Student einmal bei der anderen WG beworben hat. Zum Abschluss setzen sich die WGs noch einmal zusammen und beraten, wer ihr neuer Mitbewohner werden darf. Natürlich muss die Wahl begründet werden.

Persönliche Erfahrung: Vor allem Kriterien wie „lustige Angewohnheiten“ bei den Charaktereigenschaften oder „Party/Gäste“ bei den WG-Besonderheiten haben für lustige und kreative Momente gesorgt. So bestand eine Mitbewohner darauf nachts das Licht anzulassen, während ein anderer jeden Sonntag seine Mutter zum Großputz einladen wollte. Auch fanden sich potentielle Mitbewohner, die beschlossen eine gemeinsame Band zu gründen oder sich sofort zum Fußball gucken verabredeten. Gerade die vielen humorvollen Ideen mancher Studenten förderten die Motivation – auch die anderen Studenten wollten mit besonderen Aussagen gleichziehen. Aus eigener Erfahrung kann ich zudem bestätigen, dass viele der Dialoge und Gesprächsthemen auch in echten deutschen WG-Castings vorkommen. Der landeskundliche Lerneffekt ist somit durchaus real.

Speed-Dating

Teilnehmer: ca. 6-12

Niveau: ab A2

Zeit: 60 Minuten

Themenfeld: Kennenlernen, Beziehungen

Material: evtl. Arbeitsblätter mit Kriterien zu Charakteren oder Bilder von Menschen

Ablauf: Speed-Dating lautet der Name einer neuen Form der Partnervermittlung. Dabei werden viele Singles in einem Raum versammelt, die gleiche Anzahl an Männern und Frauen. Die Frauen sitzen fest an einem Tisch, während die Männer mobil sind. Zu Beginn setzt sich jeweils ein Mann zu einer Frau an den Tisch. Das Paar hat nun fünf Minuten Zeit, um sich kennenzulernen und sich einen ersten Eindruck zu verschaffen. Nach Ablauf der Zeit ertönt ein Signal – nun rücken alle Männer einen Tisch weiter, so dass neue Paare entstehen. Dementsprechend geht es weiter bis sich alle Singles im Raum kennengelernt haben. Am Ende darf jeder Teilnehmer eine oder mehrere Personen nennen, die wieder treffen und besser kennenlernen möchte.

Damit das Speed-Dating mit den Studenten nachgespielt werden kann, macht es Sinn, einige Vorbereitungen zu treffen. So sollten sich die Studenten eigene Charaktere ausdenken. Hier helfen – wie beim WG-Casting – Bilder von Menschen, die die Studenten auswählen können und/oder ein vorgegebener Katalog an Kriterien, die der Student sich ausdenken soll: zum Beispiel Name, Alter, Beruf/Studium, Hobby, lustige Angewohnheiten. Wenn jeder Teilnehmer seinen Charakter erstellt hat, kann das Speed-Dating genau wie oben beschrieben, durchgeführt werden. Wichtig ist es, die Studenten ausdrücklich zum Nachfragen zu animieren. Erwähnt ein Spieler beispielsweise seinen Beruf, so kann sein Gegenüber fragen, ob der Beruf Spaß mache oder wie viel Geld man dabei verdiene. Nach dem Speed-Dating soll jeder Student im Plenum erklären, welchen „Single“ er wieder treffen möchte. Natürlich muss er seine Entscheidung begründen.

Persönliche Erfahrung: Das Speed-Dating kann auch als klassisches Kennenlern-Spiel genutzt werden, in dem die Studenten sich selbst vorstellen. Wenn die Studenten wie in Russland in Gruppen organisiert sind, sich meist seit Jahren täglich treffen und sich somit sehr gut kennen, sind ausgedachten Charaktere jedoch sinnvoller. Als besonders wirksam hat sich in der Praxis erwiesen, dass die Studenten sprechen, während weder der Lehrer noch das ganze Plenum zuhört. Die Hemmschwelle zu Sprechen erwies sich vor allem bei schwachen Studenten als wesentlich niedriger. Besonders bei den überwiegend weiblichen Sprachlerner-Gruppen kommt das Thema zudem gut an. Weil die Anzahl der Männer und Frauen in meiner Gruppe nicht gleich war, mussten manche Teilnehmer in die Rolle des anderen Geschlechts schlüpfen. Der Rollenwechsel brachte in der Praxis jedoch viel schauspielerisches Talent zum Vorschein.

L’IMAGINAIRE DE LA LANGUE FRANÇAISE COMME SOURCE DE CRÉATIVITÉ LITTÉRAIRE: ARGUMENTS ET CONTRE-ARGUMENTS D’ÉCRIVAINS FRANÇAIS ET FRANCOPHONES

Catherine Mayaux
Université de Cergy-Pontoise
France

Lorsque le Comte de Rivarol rédige son “Discours sur l’universalité de la langue française” en 1783, remportant le concours ouvert par l’Académie de Berlin, la suprématie de cette langue sur toutes les autres langues européennes est une idée largement acquise dans les milieux intellectuels et politiques de la fin du XVIIIe siècle. Les fastes prestigieux de la cour de Louis XIV au XVIIe siècle, ses guerres victorieuses, le désir de toutes les cours voisines ou lointaines d’imiter le monarque et de s’inspirer du bon goût parisien ont assuré le rayonnement de cette langue en Europe. Voltaire lui-même¹, après l’Académie française, veut “fixer la langue” dans l’état de pureté qu’elle

¹ Voir les articles “France, François, Français” dans *Questions sur l’encyclopédie*, 1771; et l’article “Langues” dans *Mélanges*, 1756, cité dans *Dictionnaire de la pensée de Voltaire par lui-même*, André Versaille éd., Éditions Complexe, 1994, pp. 463-468, pp.761-771.

aurait acquise à l'époque du classicisme, selon les règles édictées par les grammairiens de l'Académie et ceux de Port-Royal. "C'est une chose bien remarquable, écrit Rivarol, fils d'immigrés italiens, qu'à quelque époque de la langue française qu'on s'arrête, depuis sa plus obscure origine jusqu'à Louis XIII, et dans quelque imperfection qu'elle se trouve de siècle en siècle, elle ait toujours charmé l'Europe [...] Il faut donc que la France ait toujours eu une perfection relative et certains agréments fondés sur sa position et sur l'heureuse humeur de ses habitants."² Rivarol insiste sur le rayonnement du Grand Siècle qui a catalysé les "idées flottantes" de l'Europe: "Paris fixa les idées flottantes de l'Europe et devint le foyer des étincelles répandues chez tous les peuples"³. Les arguments qu'il avance pour justifier du génie de la langue française sont ceux-là mêmes qu'avaient défendus les grammairiens de Port-Royal, ainsi que Vaugelas et Bossuet, et ceux-là mêmes que reprendront les adeptes de notre langue pour en justifier le choix dans leur création : son ordre, sa clarté, sa raison, sa syntaxe simple, qui, c'est là son moindre défaut en un siècle qui, dit-on, n'est pas poète, n'est pas propre à la poésie. Son harmonie enfin et le charme de son "e" muet en font une langue élégante pour la conversation, un des arts les plus prisés dans les salons. Ce sont donc en particulier ces hautes époques de la littérature française, les XVIIe et XVIIIe siècles, qui ont construit ce mythe d'une langue claire et universelle, à laquelle s'attacha ensuite le retentissement de la Révolution française et de la déclaration des droits de l'homme et du citoyen. On sait qu'un linguiste aussi averti que Claude Hagège dénonce dans *Le Français et les siècles* l'illusion que de telles qualités soient intrinsèquement propres à la langue, concluant ainsi son essai : "En définitive, le mythe de la clarté a du moins l'avantage de produire une éthique de la clarté. Les auteurs français, persuadés que cette vertu caractérise leur langue, se sont, à diverses époques, efforcés, du moins pour certains des plus grands, de trouver une expression claire, en évitant, le cas échéant, ce que le français peut avoir d'insuffisamment clair. On a pris pour une vertu de la langue ce qui est un effet du labeur d'écriture. Il convient de ne pas confondre clarté du français et clarté française, ou langue et attitude de l'esprit."⁴

Qu'elles soient vraies ou qu'elles soient fausses, les idées reçues, on le sait, ont la vie dure, mais l'intérêt dans le cas de ce "charisme" reconnu, ou contesté par certains, de la langue française, est qu'il a ensemencé l'imagination des écrivains et poètes, et a généré, par une réflexion nourrie sur la langue, ou par la conviction que son rayonnement (contre-) illuminait aussi les créations en cette langue, des œuvres, parmi les plus importantes, en langue française. Dans sa "Conférence sur la 'Francophonie'" prononcée à Paris en mars 1985, Léopold Sedar Senghor, formé à la meilleure école aux humanités classiques antiques et hexagonales, revient sur le discours de Rivarol et avance lui-même d'autres arguments en faveur du français: le caractère mélodique de la langue française tient à ses yeux au fait que toutes les lettres ne se prononcent pas; lui qui vient d'un pays d'Afrique dont la langue, le peule, ne connaît que la juxtaposition et la coordination, apprécie le jeu des nuances qu'autorise une syntaxe fondée sur la subordination; l'abondance des temps et des modes permet aussi d'affiner l'expression de la temporalité; l'emploi de la virgule, en particulier de la virgule encadrante, dont

² Antoine de Rivarol, *L'universalité de la langue française*, éd. Arléa, 1998, pp. 59-60.

³ *Ibid.*, p. 63.

⁴ Claude Hagège, *Le Français et les siècles*, Odile Jacob, 1987, p. 170.

fait un large usage le français “classique”, permet la mise en valeur subtile d’un fait ou d’un sentiment⁵.

Certes, il serait aisé de montrer, et d’autres l’ont fait, que l’argumentaire de Senghor est doublement sous-tendu, et donc biaisé, si sincère qu’il soit, par une intention politique: l’ancien colonisé a fait siennes les valeurs du colonisateur et en particulier celles que celui-ci attache à sa langue; sa quête d’une reconnaissance au-delà de l’Afrique l’incite à utiliser une langue largement parlée dans le monde; sa vision politique de l’avenir du monde, telle qu’il le voit dans les années quatre-vingt, serait de fonder une sphère économique, culturelle et politique basée sur les pays francophones. Tout ceci, de plus, serait à mettre en rapport avec les débats qui ont nourri le XIXe siècle, et également, mais autrement, le XXe siècle, sur l’origine du langage, la langue originelle et la langue parfaite d’avant la chute de Babel: les importantes recherches des grammairiens et linguistes, mais aussi celles des poètes s’interrogeaient sur la langue parfaite, langue première et adamique, dont chacun pensait l’avoir trouvée, qui dans le sanscrit, qui dans l’égyptien... qui enfin, dans le français⁶.

Pourtant, ce qu’il nous intéressera de montrer, c’est que cette idée reçue d’une qualité particulière, voire d’une supériorité, de la langue française, notamment sur les autres langues européennes, a nourri l’imaginaire et l’inventivité des écrivains, en particulier des poètes, prêts, pour la démontrer ou la contester, à créer et écrire dans une langue française redéfinie et resubstantialisée selon l’imaginaire que chacun avait de sa langue française. La relation que certains écrivains, nés ou non français, ont entretenue avec cette langue, relation qui a pu être conflictuelle ou amoureuse, explique en grande partie la nature même de l’œuvre qu’ils ont écrite. Pour l’illustrer, nous envisagerons quatre écrivains du XXe siècle, Charles-Ferdinand Ramuz, auteur suisse, et Claude Vigée, né français alsacien et qui vécut longtemps aux États-Unis puis à Jérusalem avant de s’installer à Paris; François Cheng, d’origine chinoise, et Salah Stétié, auteur libanais. Nous verrons que, de manière assez systématique, c’est toujours à partir d’un même imaginaire de la langue, celle du Grand Siècle et des qualités intrinsèques défendues par Rivarol et Voltaire, que se situe la réflexion sur la créativité et la création littéraire en langue française, que cet imaginaire féconde même jusqu’à un certain point leur entreprise littéraire.

C’est dans une lettre ouverte adressée en septembre 1928 à son éditeur Bernard Grasset que l’écrivain suisse vaudois Charles-Ferdinand Ramuz (1878-1947) défend la langue qu’il utilise dans ses romans. Cette lettre constitue une réponse indirecte à la publication en 1926 d’un volume intitulé *Pour ou contre C.F. Ramuz*⁷ dans lequel divers critiques et écrivains français et suisses prirent position pour ou contre le style et la langue de Ramuz. Comme l’explique Doris Jakubek dans l’introduction aux *Romans* rassemblés dans la bibliothèque de la Pléiade⁸, dans leurs articles, “les détracteurs,

⁵ Voir Léopold Sedar Senghor, *Liberté 5, Le Dialogue des cultures*, “Conférence sur la ‘francophonie’”, p. 269 *et sq.* L’écrivaine d’origine vietnamienne Anna Moï tient un discours très proche dans un petit article “Terres étrangères” publié dans *Écritures babéliennes*, Violaine Houdart-Mérot éd., Peter Lang, “Littératures de langue française”, vol. 2, 2006, pp. 81-83.

⁶ Voir à ce sujet, Umberto Eco, *La recherche de la langue parfaite dans la culture européenne*, Points Seuil, 1994.

⁷ *Pour ou contre Ramuz, un cahier de témoignages*, Henry Poulaille éd., Paris, Éditions du Siècle, 1926.

⁸ C.F. Ramuz, *Romans*, édition publiée sous la direction de Doris Jakubek, Paris, Gallimard, “Bibliothèque de la Pléiade”, 2005, p. XV. Nous renvoyons également dans la même édition, également de Doris Jakubek, à la “Note sur la langue romanesque de Ramuz”, p. 1737.

puristes ou grammairiens, [...] prennent violemment la défense de la langue française, au nom de la clarté et de la lisibilité, garantes de sa rationalité, de sa logique et de son universalité; ils accusent Ramuz d’“écrire mal exprès”, parlent d’incorrections, de fautes de langue, traitent son style de “charabia”, lui déniaient toute compétence langagière, du vocabulaire à la syntaxe et à la rhétorique. Pour eux la langue est une et fixée dans les limites étroites de l’usage [...] ils refusent les expériences liées à l’oralité [...]”. Dans la lettre à Bernard Grasset, l’écrivain vaudois argumente soigneusement de manière documentée et personnelle à la fois, se référant lui aussi à la langue du Grand Siècle, en se fondant sur deux types d’argument, l’un historiciste, l’autre sociologique:

Votre grand XVIIe siècle que j’aime n’a donc pas été le nôtre, [...] nous n’avons pas vécu votre XVIIe siècle; car alors nous étions Bernois, c’est-à-dire complètement muets et inexistantes. Et c’est précisément pendant ce temps [...] que la langue “française” prenait sa forme définitive [...]. Précisément parce que je respecte et j’admire ces caractères de nécessité, et par conséquent ce qu’il y a de profondément vrai et de vécu pour certains Français, dans certaines circonstances, [...] précisément pour ces mêmes raisons, je me refuse de voir dans cette langue “classique” la langue unique, ayant servi, devant servir encore, en tant que langue codifiée une fois pour toutes, à tous ceux qui s’expriment en français. [...] Et admettons encore que ce français dit “classique”, et qui ne l’est plus, soit valable même aujourd’hui pour un certain nombre de Français, disons par exemple certains bourgeois français ou parisiens, élevés dans certaines conditions et dans certains milieux; il n’en reste pas moins que je ne vois pas très bien comment il serait valable pour moi, qui ne suis pas citoyen français, qui ne suis pas Parisien, qui ne l’ai jamais été dans mes ascendants, ni sujets du roi dans mes ascendants, qui n’ai jamais fait partie héréditairement ni de la cour, ni des salons: -car la cour et les salons ont été des choses vivantes, et cette langue a donc été vivante; — mais, nous, nous ne l’avons connue que par l’école; nous ne la parlons pas naturellement; avant de pouvoir l’écrire, ou même la parler, il nous faut l’apprendre.⁹

Un impérieux besoin de soumission l’a toujours emporté en moi: de soumission à ce qui est, de soumission à ce que je suis. Il y a dans l’espace un lieu où je suis venu à la vie et j’y suis venu à la vie à un certain moment dans le temps: telles ont été d’abord pour moi les grandes réalités, et mes raisons déterminantes. [...] Cette même fidélité et cette même soumission (inconscientes encore ou du moins passives) me faisant regarder autour de moi: là, je trouvais ceux de ma race et j’éprouvais un grand malaise, voyant qu’aucun de ceux d’où je sortais, aucun de mes grands-parents, ni de mes arrière-grands-parents, ni personne derrière moi, aussi loin que je pusse voir, n’avait non seulement “écrit”, mais même songé qu’on pût “écrire” [...]. Aucun de ces vigneron¹⁰s, ni de ces paysans d’où je descends n’avait jamais songé qu’écrire pût être une vocation, un métier à l’égal du leur.

L’entreprise de Charles-Ferdinand Ramuz s’inscrit donc dans une perspective doublement patrimoniale: il s’agit de donner la parole à ce petit peuple des oubliés vaudois, paysans, éleveurs, garçons vachers, fermières, apiculteurs..., et de les faire parler de la manière la plus authentique possible, qui en tous points s’oppose au français du Grand Siècle ou au français du bourgeois parisien: “[j’ai] toujours tâché [...] d’être véridique et ne [me suis] mis à “mal écrire” que précisément par souci d’être plus vrai ou, si on veut, plus authentique [...]. “Si j’écrivais ce langage parlé, si j’écrivais notre langage...” C’est ce que j’ai essayé de faire [...] J’ai écrit une langue qui n’était pas écrite (pas encore)”¹¹ écrit Charles-Ferdinand Ramuz. D’une certaine façon, Ramuz inaugure le récit de filiation tel qu’il se développe en France depuis les années quatre-vingt¹² avec Pierre Michon et ses *Vies minuscules* (1984), Charles Juliet dans *Lambeaux* (1995), ou Richard Millet et son récit *Ma vie parmi les ombres* (2003) qui tentent de reconstruire la vie de parents et proches antérieurs qui n’ont accédé ni à la parole ni à l’écrit, ni donc à la mémoire; mais là où un Pierre Michon utilisera une langue très travaillée, presque précieuse comme pour honorer ceux qui n’y ont pas accédé, Ramuz tente au contraire de restituer la langue quasi originelle des paysans de son canton vaudois, précisément pour rendre hommage à ce qu’ils furent réellement. En

⁹ Charles-Ferdinand Ramuz, *Deux lettres*, L’Âge d’homme, 1992, pp. 35-37.

¹⁰ *Ibid.*, p. 43 et pp. 44-45.

¹¹ *Ibid.*, p. 38 et p. 42.

¹² Voir à ce sujet Dominique Viart et Bruno Vercier, *La littérature française au présent, héritage, modernité, mutations*, Bordas, 2005, chapitre “Récits de filiations”, pp. 76-98.

ce sens, il tente de doter son pays, du moins dans sa dimension francophone, d'une littérature originale, d'un langage littéraire propre qui ne doive rien à l'influence de la littérature française ni au rayonnement d'une langue française dont il conteste l'hégémonie, mais qui sorte aussi la littérature de son pays de l'esprit du génie du lieu qui avait été sa principale justification dans les siècles passés. Les personnages d'Aline et de Julien dans son tout premier roman *Aline* (1905), comme les fermiers qui se louent dans les alpages dans l'une de ses œuvres les plus connues, *La Grande Peur dans la montagne* (1926) oralisent une langue très quotidienne qui fait fi de la grammaire "classique" et s'instituent comme d'authentiques personnages romanesques vaudois, c'est-à-dire des personnages qui s'inscrivent en faux contre une certaine pratique de la langue française: ils sont des personnages romanesques linguistiquement contestataires. Ramuz, en opérant ce déplacement par rapport à la langue française héritée du Grand Siècle et apprise à l'école, opère aussi un déplacement géographique et à certains égards régionaliste ou nationaliste, sociologique, et poétique. Il institue littérairement une autre langue française qui s'invente contre et par rapport à une tradition puriste française.

C'est à une critique similaire de la langue française classique que procède Claude Vigée, né en France en 1921, mais forcé très jeune d'abandonner son yiddish alsacien maternel pour obéir aux lois centralisatrices de la République. Dans une œuvre autobiographique, *La Lune d'hiver* (1970), Claude Vigée relève les mêmes caractéristiques de la langue française que Rivarol, mais à ses yeux elles constituent de véritables obstacles à la création littéraire. Il considère en effet la langue française comme trop rationnelle, trop subtile, trop abstraite et logique pour se prêter à la poésie. Reprenant les arguments de Rivarol et de Voltaire, mais aussi de Baudelaire, selon lesquels la langue française, trop intellectuelle, ne serait pas faite pour la poésie, ses qualités de clarté et d'universalité ayant pour revers son manque d'obscurité, il en appelle à une langue de présence, qui ait une dimension originelle, charnelle, dans laquelle les mots coïncident encore avec les choses. La quête cratyléenne de Claude Vigée d'une langue qui soit d'emblée langue de création, langage poétique, prend source dans la nostalgie de sa propre langue natale, l'alsacien yiddish, celle d'une enfance choyée et heureuse d'avant le traumatisme des lois anti-juives et de l'exil forcé. On retrouve sous sa plume, et sur un ton plus amer et inquiet, les mêmes remarques que celles que formulait Ramuz près d'un demi-siècle plus tôt:

[...] Depuis la grande Révolution au moins, se célèbre en France, par le truchement des écoles, des salons, de la vie publique, un culte stérile du langage tout fait, considéré comme une fin en soi, la religion de la parole *a priori* ordonnée et formelle. Quels qu'en soient par ailleurs les mérites intellectuels ou politiques, dans un état centralisateur à outrance, ce langage uniformisé avec toute la perfection administrative imaginable, expose aux plus grands périls l'épanouissement de la sensibilité poétique.¹³

L'idéal de la langue pour Claude Vigée, un peu comme pour Ramuz, réside dans une langue fruste, proche des réalités concrètes, habitée par l'expérience du monde:

Patois et dialectes, reliquats d'une existence proche du sol natal, sont de bonnes *écoles de silence*. On y fait, mieux qu'en Sorbonne ou dans les cocktails des grands éditeurs parisiens, l'expérience originelle de l'être-au-monde humain. Cette réalité première affleure, avec une peine et une lourdeur qui sont l'indice de l'authenticité, dans notre dialecte fruste, pauvrement articulé, au vocabulaire réduit à l'essentiel (c'est-à-dire à l'immédiat quotidien), inapte à la formulation de toute notion abstraite. Langage de la présence: à peine un langage en somme... Dans la période où se forme

¹³ Claude Vigée, *La Lune d'hiver, Récit, Journal, Essai*, Champion, [1970] rééd. 2002, pp. 245-247.

l'esprit, nous sommes affligés là d'une sorte de prélangage, enfantin par nature, qui conserve à travers la désignation naïve du visible, un reste de leur dignité première aux choses d'ici-bas.¹⁴

Si le patois alsacien serait, d'après lui, un bon antidote à l'abstraction du français, Claude Vigée concède aussi que la poésie française travaille à resubstantifier le langage: "Toute l'histoire de la poésie française est celle d'une défense contre l'abstraction et l'inflation mortelle du langage. [...] La poésie seule oppose une résistance continuelle à l'invasion d'une rhétorique aussi froide qu'insidieuse"¹⁵. Quelques grands poètes français, comme Saint-John Perse, ont su selon lui "restaurer la fonction adamique du langage, ruinée par l'abstraction moderniste"¹⁶. Mais il faut aussi noter que si Claude Vigée a maintenu le patois alsacien pour quelques-uns de ses recueils, *Les Orties noires* en particulier qui furent éditées en bilingue chez Flammarion en 1984, la totalité de son œuvre a été rédigée en français, en particulier les œuvres autobiographiques comme *Un Panier de houblon*¹⁷ si pleines des réalités charnelles et concrètes d'avant-guerre et qui dépeignent un monde disparu sous l'effet de la cruauté des hommes.

Notre troisième exemple nous conduira du côté de l'Extrême-Orient puisque François Cheng, né en 1929, a quitté sa Chine natale pour la France en 1949, et qu'il a choisi ensuite d'écrire son œuvre en français. Son expérience de la langue française rappelle à certains égards les propos tenus non seulement par Rivarol, mais aussi par Senghor à propos de la syntaxe française. De siècle en siècle, les écrivains qui viennent à la langue française, semblent hériter d'un même imaginaire de la langue. "Par les vertus qui la caractérisent, par les concepts qu'elle véhicule, elle m'a été, plus qu'un outil adapté, une sorte de stimulatrice qui me poussait toujours vers plus de rigueur dans la formulation, plus de finesse dans l'analyse. En effet, si je devais décrire les vertus du français, je ne me contenterais pas du mot "clarté", trop général, trop vague. Je dirais plutôt qu'intrinsèquement il contient une série d'exigences: à l'intérieur d'une phrase et entre les phrases, exigence de cohérence d'idée par rapport au sujet-agent; sur le plan syntaxique, parmi les nombreuses possibilités, exigence d'une structure charpentée, et "ramassée"; au niveau de l'emploi des mots, exigence de précision et de justesse dans les nuances"¹⁸ écrit François Cheng dans *Le Dialogue* (2002). Il adhère aussi, par conviction ou par adhésion mimétique, à l'idée d'une langue française plus intellectuelle que poétique: "A première vue, cette langue de rigueur et de précision ne semble pas se prêter à la poésie. Il y eut certes Villon et Ronsard mais, durant les grands siècles classiques où elle brillait de ses éclats, elle s'était avant tout illustrée par d'exceptionnels prosateurs et dans l'art de la conversation"¹⁹. Mais son excellente connaissance de la littérature française le conduit à reconnaître qu'elle n'est pas réservée à la prose. Si le lecteur dresse la liste des différents poètes lus par François Cheng (d'après *Le Dialogue*, mais aussi différents textes comme son discours de réception à l'Académie française), le résultat en est très impressionnant: Villon, Ronsard, Lamartine, Hugo, Baudelaire, Laforgue, Rimbaud, Mallarmé, Apollinaire, Reverdy, les

¹⁴ *Ibid.*, p. 247.

¹⁵ *Ibidem.*

¹⁶ Claude Vigée, "La Quête de l'origine dans la poésie de Saint-John Perse", *Honneur à Saint-John Perse*, Paris, Gallimard, 1965, p. 360.

¹⁷ Jean-Claude Lattès, I, 1994, II, 1998

¹⁸ François Cheng, *Le Dialogue*, Desclée de Brouwer, Presses littéraires et artistiques de Shanghai, 2002, pp. 34-35.

¹⁹ *Ibid.* pp. 36-37.

Surréalistes; Claudel, Valéry, Saint-John Perse, Michaux, Char... Sa culture dans le domaine de la poésie française est à la fois très riche et très intime puisqu'il a traduit en chinois plusieurs de ces poètes. Sa prédilection va aux poètes de la fin du XIXe siècle et de la première moitié du XXe, aux poètes post-symbolistes et à ceux qui introduisirent la modernité: le nom de Mallarmé revient très souvent sous sa plume. Or lorsqu'il essaie de dégager une caractéristique essentielle de la poésie française, et au-delà, européenne, il en revient à deux poètes, Mallarmé et Rilke, en raison de leur conception orphique de la poésie:

[Mallarmé], cherchant à remonter à l'origine de l'inspiration poétique, à rendre leur pureté "aux mots de la tribu", affirme que la poésie –spécifiquement celle de l'Occident- est une "explication orphique de la terre". Orphée, le poète à la lyre, ordonne par son incantation le mouvement des rochers, des arbres et des animaux et, par là même, insère le destin de l'homme dans l'ordre de la Création²⁰

Contrairement à Claude Vigée pour qui la langue française n'est pas assez chargée de concrétude originelle, François Cheng décèle dans l'écriture poétique de certains poètes français un lien secret entre l'origine du monde et des choses et le langage poétique: celui-ci ordonne le monde et le met en mouvement par la magie qui imprègne le verbe. Certes le poète retrouve dans cette conception orphique de la poésie des aspects proches de la conception et pratique de la poésie chinoise, marquée en particulier par le taoïsme et dont il s'est si bien expliqué dans divers textes²¹. Mais cette conception orphique concède à la langue française dans son emploi poétique son pouvoir de communiquer avec les forces profondes du monde et du cosmos et récuse donc l'idée d'une langue par trop abstraite pour se prêter à la seule suggestion des choses. La fusion que l'écriture poétique de François Cheng réalise entre les poétiques chinoise et française²² le conduit à irriguer son langage poétique à la fois d'éléments naturels et cosmiques : arbres, rochers, vents, herbes etc., et du vide philosophique lié la dimension spirituelle, orphique et/ou taoïste, de la poésie. Dans la poétique et dans la pensée de François Cheng, il semble que ce soit parce que la langue française comporte ces deux postulats, d'une part d'universalité, d'autre part de capacité à laisser place au mystère et au secret lié aux profondeurs originelles qu'elle est et peut être langue d'accueil et source de créativité littéraire, en particulier pour le Chinois qu'il était et est encore. Voici ce dont il témoigna dans son discours de réception à l'Académie française le 19 juin 2003:

Cette langue, comment dire tout ce que je lui dois ? Elle est si intimement liée à ma vie pratique comme à ma vie intérieure qu'elle se révèle l'emblème de mon destin. Elle m'a procuré cette distanciation par rapport à ma culture d'origine et à mes expériences vécues et, dans le même temps, elle m'a conféré cette aptitude à repenser le tout, à transmuter ce tout en un lucide acte de re-création. Loin de me couper de mon passé, elle l'a pris en charge. Par ses qualités intrinsèques, elle m'a obligé à toujours plus de rigueur dans la formulation et à plus de finesse dans l'analyse. Grâce à elle, je jouis de l'accès direct à tant de chefs-d'œuvre accumulés, mais aussi à tant de pensées oralement exprimées ou de confidences murmurées, et je me suis installé, moi aussi, au cœur de l'exigence de style si propre à son génie, exigence qui dénote un constant désir de tirer vers le haut.

Tout ce que je viens d'évoquer prédispose en quelque sorte cette langue à un usage universel. Que par sa langue et sa culture, la France ait partie liée avec l'idéal de l'universel, cela paraît indéniable, même si nul n'ignore ce que cela signifie de patientes conquêtes, d'éventuelles failles aussi, en raison des faiblesses humaines. La France, à mes yeux, est bien ce « pays du Milieu » de l'Europe occidentale, ouvert à tous les orientes. Tel un immense arbre, à partir des souches originelles, elle a reçu apports et influences venus de tous côtés, constituant des contradictions ou des complémentarités.

²⁰ *Ibid.* p. 63.

²¹ Voir en particulier *L'écriture poétique chinoise*, Seuil, 1977.

²² Nous menons actuellement une réflexion sur le langage poétique franco-chinois de François Cheng que nous présenterons dans le cadre du colloque de Dublin, 14 et 15 décembre 2007, consacré à " La Migration à l'œuvre : repérages esthétiques, éthiques et politiques"

Ses penseurs ont toujours dû polémiquer ou dialoguer. Les plus grands d'entre eux ont su se rehausser à une dimension plus grande que soi, proposer des vues plus généreuses, plus générales, où d'autres peuples se retrouvaient.²³

Ainsi, tout ce que la langue chinoise idéographique comporte de lien sensuel et charnel avec l'univers vivant et dont les images continuent d'alimenter l'imaginaire du poète devenu français²⁴ est à la fois repensé et reformulé au filtre d'une langue marquée par le souci d'universalité, et hantée dans sa dimension poétique par une communication avec des forces profondes, ineffables, par un possible passage par le néant qui permet une renaissance ou illumination d'ordre quasi mystique. Bien des exemples pourraient être choisis dans l'œuvre poétique de François Cheng pour illustrer ce mariage tout à la fois de deux pratiques langagières, idéographique et monosyllabique pour le chinois, syllabique pour le français, et de deux conceptions poétiques dont François Cheng s'attache à montrer l'étonnante parenté par la fusion qu'en opèrent ses poèmes. La forte dimension rituelle du langage utilisé, avec ses mots très simples renvoyant aux réalités les plus fondamentales de la vie humaine : le minéral, le végétal, l'aérien..., le travail de la disposition des mots sur la page qui ménage une forte autonomie au mot ou au syntagme, lui donnant une résonance propre, l'importance du blanc qui détache et relie à la fois comme le souffle qui permet la circulation du sens et implique le sujet au sein du cosmos, la dimension calligraphique du poème dans sa présentation..., tout ceci rejoint l'ambition cosmogonique et le principe d'explication orphique du monde de Mallarmé dans *Un coup de dés jamais n'abolira le hasard*. L'usage, selon le mode poétique chinois, des mots pleins –les substantifs-, et des mots vides- les mots-outils-, souvent supprimés pour créer l'effet de vide et de manque, ou au contraire mis en exergue pour signifier une assomption du vide et désigner la « Voie », tous ces procédés s'associent à l'usage d'une langue française ramenée à sa plus grande transparence, ou pour utiliser le terme le plus marqué dans l'imaginaire de cette langue, à sa plus grande clarté. Les motifs mêmes auxquels recourt le poète inscrivent le sujet, presque effacé du texte, dans une communion avec le monde sans que s'exprime sa subjectivité, ce que visaient aussi les poètes français, tels Rimbaud, Mallarmé et Saint-John Perse, tant admirés par François Cheng. Nous ne citerons ici que deux textes, mais la plupart des poèmes pourraient illustrer cette langue et poétique franco-chinoise qui permet à l'exilé, « l'homme de longue errance », d'« asseoir son royaume » en créant sa propre langue et de prendre nom « François », c'est-à-dire « Français » :

Rocher propulsant arbre / Arbre aspirant rocher / Cercle établi renouant /
L'alliance terre et ciel / Cercle ouvert renouvelant / Le mystère à trois faces / Dans
l'ombre ici offerte / L'homme de longue errance / Assoit enfin royaume²⁵ / Entre / Le

²³La totalité du discours est reproduite sur le site: http://perso.orange.fr/mondalire/Cheng_discours.htm

²⁴ « Dans mes écrits, que ce soit dans ma poésie ou bien dans mes romans, toute la sensibilité, toutes les images que véhicule le chinois continuent bien sûr à m'alimenter. Parce que cette langue est porteuse elle aussi d'une pensée et d'une conception du monde. Étant idéographique, elle est reliée sensuellement et même charnellement à l'univers vivant. Cette part-là, je la porte toujours en moi, dans ma manière d'approcher la nature, l'univers vivant ou même le monde humain sur le plan affectif. /J'admets que je suis devenu un peu dédoublé. C'est-à-dire qu'il y a toujours en moi cet être qui vit et en même temps cet autre qui me regarde vivre... Je suis devenu dialogue. » Entretien avec François Cheng, émission *Double Je* du 24 avril 2003 (A2), *Le Français dans le monde*, N°328, Juillet-août 2003. Voir aussi *Le Dialogue*, op. cit., p. 38 où le poète parle de sa langue natale comme d'un «terreau», d'un «humus», d'un «substrat».

²⁵ Poème inaugural du recueil *Double chant* [Éditions Encre marine, 1998] dans *À l'orient de tout*, nrf/poésie, Gallimard, 2005, p. 17.

nuage / Et l'éclair / Rien / Sinon / Le trait / De l'oise sauvage / Sinon / Le passage / Du corps foudroyé / Au royaume des échos / Entre²⁶

Ainsi esthétique et poétique chinoises sont « transférées », « transposées » dans une langue française ramenée à sa pureté classique par son extrême simplicité et rejoignent une poétique occidentale contemporaine qui a tendu à bannir l'expression de la subjectivité, à se contruire dans la brièveté et la fragmentation. En « pays du milieu » de l'Europe selon la formule de François Cheng, la langue française accueille avec bonheur une esthétique venue d'ailleurs, en l'occurrence d'Extrême-Orient, ce que pourraient aussi montrer les expériences menées depuis le début du XXe siècle dans l'écriture de haïku sur le modèle du poème japonais traditionnel, ou encore l'étonnante vitalité actuelle des auteurs chinois de langue française.

Nous recourons pour conclure au témoignage du poète francophone libanais Salah Stétié, né en 1929, qui fut ambassadeur du Liban en Europe et au Maroc et qui dans ces fonctions, mais aussi en tant qu'essayiste et poète, a beaucoup œuvré au rapprochement des peuples autour de la Méditerranée. Précisément, la langue française lui est toujours apparue comme un des instruments privilégiés pour instaurer entre les hommes de tous bords un dialogue et pour dépasser les clivages des querelles historiques si vives autour du bassin méditerranéen. Revendiquant avec la plus grande fermeté son identité arabe et musulmane et son attachement à la langue arabe, il n'en a pas moins opté pour la langue française considérant non seulement qu'elle était la langue la plus adaptée à son accomplissement artistique personnel, mais aussi que cette langue était suffisamment structurée et solide pour se laisser « envahir » et approprier par d'autres :

Car en cela réside le plus grand pouvoir de cette langue : c'est qu'elle est si sûre d'elle-même qu'elle n'a aucune peine à se laisser apprivoiser. C'est une langue de vaste accueil que le français, et tous qui, venus de l'extérieur de la langue, se sont approchés d'elle pour se l'approprier, vous le diront : elle se laisse faire, mais à une seule condition : c'est qu'elle ne soit pas défigurée, sinon par jeu.

C'est là un des arguments essentiels de Salah Stétié qui s'appuie pour le démontrer sur une multitude d'exemples : c'est précisément parce que la langue française a connu un âge d'or qui en a fixé certains principes essentiels qu'elle peut se prêter aussi heureusement à toutes les métamorphoses, qui ne sont pas défigurations comme cela se produit dans une langue anglo-saxonne trop souvent ramenée à sa fonctionnalité, mais au contraire création, métamorphose, dynamisme à la source d'œuvres vives. Salah Stétié poursuit ainsi dans la même conférence déjà citée :

Ambiguïté de cette langue qui est, c'est évident, langue d'accueil mais qui n'en veut pas moins que soient énoncés, dans l'impertinence, un certain nombre de lois de l'hospitalité. La langue française n'est pas l'auberge espagnole de la formule : on ne peut pas y apporter ce qu'on veut soi-même, comme y consent si souvent la langue anglaise dans sa version américaine [...]. L'hôte qui accueille et l'hôte qui est accueilli ne sauraient oublier les grands lustres du Palais de Versailles, même si celui qui arrive a des pierres plein les poches pour casser du cristal. [...] Et c'est ainsi que, dans le grand jeu de la création de langue française, celle-ci [...] a accueilli le dadaïste Tristan Tzara, qui était roumain, les lettristes Gherasim Luca et Isidore Isou, qui étaient roumains eux aussi, le prestidigitateur Eugène Ionesco, roumain iconoclaste pour cause d'absurdie et pour même cause d'absurdie le très raffiné belge Henri Michaux. Mais bien des barbares étaient issus du cœur même, splendide, de la langue, André Breton et les grands surréalistes, Antonin Artaud, Aimé Césaire et tant d'autres destructeurs prophétiques. Destructeurs tous aujourd'hui intégrés, réintégrés à une langue dont ils ont repoussé les limites tout en ajoutant leur pierre à l'édifice. Édifice baroque : toute langue vivante, fût-elle celle de Racine ou de Rousseau ou de Chateaubriand ou de Claudel ou de Saint-John Perse aussi, et de René Char, de Kateb Yacine ou de Schéhadé, de Cioran aussi, qui est roumain, ou de Nathalie Sarraute, qui est russe, de Blaise Cendrars, qui est suisse, ou de Guillaume Apollinaire, qui était un mélange réussi de polonais et d'italien pontifical, toute langue vivante, sa façade fût-elle classique, est un édifice visiblement et invisiblement baroque. Le secret de toute langue vivante est dans sa

²⁶ Second poème de *Le livre du vide médian* [Albin Michel, 2004], repris dans *Ibid.*, p. 274.

capacité d'asymétrie éventuelle, elle, la langue, sachant que son équilibre à venir est au prix de ces déséquilibres successifs dont elle est la radieuse victime.²⁷

C'est le même imaginaire qui prévaut chez l'écrivain libanais contemporain que chez bien d'autres auteurs des siècles précédents : les lustres de Versailles comme les valeurs citoyennes héritées de la Révolution rejaillissent fantasmatiquement sur la langue ; mais la diversification des pratiques, la recreation de la langue sous la plume d'écrivains venus de pays lointains ou Français eux-mêmes tendent à vérifier le fantasme, à lui donner corps par les œuvres mêmes qui sont créées et à transformer une universalité sans doute plus rêvée que réelle en une universalité de fait ; mais aussi à montrer que chacun peut, à l'instar de Ramuz qui s'en croyait ou sentait rejeté, parler « sa » langue française, et se reterritorialiser, selon le terme de Deleuze, par l'invention de son propre idiome français.

En définitive, les exemples retenus ou cités dans ce parcours ne montrent-ils pas les possibilités d'une consensualité, d'une multiethnicité, d'une multiconfessionnalité par et au cœur de la littérature, dans une démarche que la société peine parfois à faire aboutir au quotidien : l'Africain Senghor, le suisse vaudois Ramuz, le poète juif alsacien, malheureusement chassé de son propre pays, Claude Vigée, l'exilé chinois François Cheng, profondément imprégné de taoïsme et de sa culture natale, et Salah Stétié, fier de son arabité comme de son Islam, ainsi que tous ceux qui ont été cités ici et là, se rejoignent dans l'échange et le partage sur le territoire à la fois virtuel et réel de la langue française. Cet imaginaire de la langue qui a marqué les esprits autant que l'héritage grammatical et logique bien réel du siècle classique, ou les effets du centralisme linguistique de la troisième République ont permis que se jouent de la langue poètes et romanciers dans une démarche qui se voulant transgressive donne précisément à la langue sa dimension vivante, ou, selon la formule de Salah Stétié, donne à sa « façade classique » une forme baroque. La règle et l'appel à une conformité linguistique semblent avoir paradoxalement été les meilleurs garants d'une créativité qui s'est au fil du temps et dans tous les sens du terme, débridée.

**ZEICHENHANDEL.
NOTIZEN ZU INTERKULTURALITÄT, LITERARISCHER
KOMMUNIKATION UND INGO SCHULZES 33 AUGENBLICKE
DES GLÜCKS**

Christian Meierhofer

Akademischer Rat auf Zeit
Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn
Institut für Germanistik, Vergleichende Literatur- und Kulturwissenschaft, Deutschland
ch-meierhofer@web.de

Zusammenfassung

Der Aufsatz schlägt vor, für die Diskussion um Interkulturalität und interkulturelle Kommunikation das kultursemiotische Konzept Jurij M. Lotmans zu berücksichtigen. Aus

²⁷ Salah Stétié, "Le français, l'autre langue", disponible sur le site internet <http://www.salahstetie.com/Francophonie/francophonie6.html>

literaturwissenschaftlicher Sicht erlaubt es, spezifische Techniken der literarischen Kommunikation genauer zu untersuchen, also der Autorinszenierung, Leseradressierung und intertextuellen Verknüpfung. Dies wird anhand von Ingo Schulzes vielbeachteter Kurzprosasammlung 33 Augenblicke des Glücks exemplifiziert.

Schlüsselwörter / Keywords: Interkulturalität, interkulturelle Kommunikation, Intertextualität, Semiosphäre, Jurij M. Lotman, Ingo Schulze

Abstract

The article proposes to consider Jurij M. Lotman's cultural-semiotic concept for the discussion about interculturality and intercultural communication. From the viewpoint of Literary Studies, it allows to examine specific techniques of literary communication more precisely, i.e. the staging of the author, addressing the readership and intertextual combination. This is exemplified by means of Ingo Schulze's widely read collection of short prose 33 Augenblicke des Glücks.

In der Diskussion um Interkulturalität und interkulturelle Kommunikation gehören das Eigene und das Fremde, Grenzziehungen und Grenzüberschreitungen, bekanntes Wissen und bewusstwerdendes Nichtwissen seit langem zu den zentralen Kategorien der Forschung. Gleichwohl gibt es im Zuge der literatur- und kulturwissenschaftlichen Auseinandersetzung eine Fülle unterschiedlicher Akzentuierungen und Definitionen dieser Termini. Ihnen haftet der Makel an, dass sie „immer noch nicht eindeutig bestimmt werden konnten“ [Földes, 2007: 8]. In der jüngsten Vergangenheit wurde deswegen eine „begriffliche Revision“ gefordert, „die das Konzept der Transkulturalität vorschlägt“ und dabei Hybridisierungen, nämlich die „kulturellen Durchdringungen und Verflechtungen“ gegenüber „klar voneinander abgegrenzte[n] Kulturen“ [Welsch, 2012: 26] – und hier vor allem der Nationalkulturen – stärker hervorhebt. Doch diese Debatte um Inter- und Transkulturalität erweist sich zuletzt als „unproduktiv“, so der Einwand, weil sie die „komplexe[n] Formen des kulturellen Austauschs“ [Langenohl, Poole, Weinberg, 2015] keiner geeigneteren Beschreibung zuführt. Interkulturalität bleibt insofern ein „Projekt“, das immer wieder neu zu entwerfen ist und das „auf einer Verschiebung beruht, die eine ‚Überschreitung von Grenzen‘ ebenso meint wie die ‚Reflexion und das Außer-Kraft-Setzen von vorausgesetzten Grenzziehungen“ [Heimböckel, Weinberg, 2014: 124].

Trotz dieser diffusen Forschungslage scheint immerhin festzustehen, dass die „Begegnung zweier Kulturen“ nicht nur „an und auf“ einer Grenze stattfindet, sondern insbesondere dann zustande kommt, „wenn eine Kultur in das abgegrenzte Terrain der anderen einbricht“ [Rieger, Schahadat, Weinberg, 1999: 11]. Denkt man Kultur auf dieser Grundlage differenztheoretisch, nämlich als „Programm der gesellschaftlich praktizierten bzw. erwarteten Bezugnahmen auf Wirklichkeitsmodelle, also auf Kategorien und semantische Differenzierungen, ihrer affektiven Besetzung und moralischen Gewichtung“ [Schmidt, 2003: 38], lässt sich verstehen, dass jenes Einbrechen weit mehr als nur topographische, sondern auch bewusstseins- und erfahrungsgeschichtliche Implikationen mit sich bringt. Aus literatur- bzw. textwissenschaftlicher Sicht überrascht es jedoch, dass in mehreren einschlägigen Einführungen und Handbüchern Jurij M. Lotmans frühes kultursemiotisches Konzept meist nicht explizit oder nur kaum merklich zur Konturierung von Interkulturalität und interkultureller Kommunikation hinzugezogen wurde. Ausgehend von Lotman – so die

zu verfolgende Überlegung – lässt sich (noch einmal) Aufschluss darüber verschaffen, wie das ‚Einbrechen ins Fremde‘ bzw. die „literarische Inszenierung von Fremdheit“ [Gutjahr, 2002: 362] erzählerisch vonstattengeht und als kultursemiotischer Vorgang, als Zeichenhandel, bestimmbar wird. Anhand von Ingo Schulzes vielbeachteten 33 Augenblicken des Glücks (1995) soll exemplarisch überprüft werden, inwieweit eine solche kultursemiotisch gerichtete Perspektive Strategien und Verfahren der Fremdheits- wie auch der Autorinszenierung freilegen kann.

Kultursemiotische Zugänge

Lotman unterscheidet zunächst drei Textfunktionen: 1. die Verbreitungsfunktion, verstanden als „Fähigkeit zur adäquaten Übermittlung einer Mitteilung“ [Lotman, 2010: 22]; 2. die kreative Funktion, die „das gesamte Ensemble der semiotischen Möglichkeiten realisiert“ und nicht zuletzt im „Übersetzungsakt“ [Lotman, 2010: 22f.] zweier Sprachen relevant ist; 3. die Gedächtnisfunktion, die die „Summe der Kontexte“ bewahrt, „in denen ein bestimmter Text interpretiert wird und die [...] in ihm inkorporiert sind“ [Lotman, 2010: 29]. Hiervon ausgehend entwickelt Lotman im Anschluss an Roman Jakobsons berühmtes kommunikationstheoretisches Grundmodell aus seinem Aufsatz „Linguistik und Poetik“ (1960) „zwei unterschiedlich konstruierte Kanäle zur Übertragung von Information“ [Lotman, 2010: 31]. Während Lotman beim Ich-Er-Kanal eine herkömmliche, je lineare Sender-Empfänger-Relation bei konstanter Informationsmenge annimmt, erfüllen Texte im Ich-Ich-Kanal „eine mnemotechnische“, vor allem aber „eine kulturelle Funktion“ [Lotman, 2010: 32]. Als Beispiel hierfür dient ein Gedicht, das, obwohl sein Mitteilungsinhalt dem Autor freilich bekannt ist, im Moment der Drucklegung und Veröffentlichung „in das neue System der graphischen Zeichen übersetzt“ wird, „die in der entsprechenden Kultur einen höheren Grad an Autorität besitzen“ [Lotman, 2010: 32]. Dieser zweite Kanal belegt folglich den hohen „Stellenwert der Autokommunikation im System der Kultur.“ [Lotman, 2010: 33] Signifikant sind nun Lotmans Konsequenzen für einen Entwurf von Autorschaft. Der Autor eines Textes oder der Sender einer Mitteilung bildet als „Persönlichkeit“ immer schon „ein individuelles Ensemble von sozial relevanten Codes“, das sich im Akt der (literarischen) Kommunikation stets verändert und eine „qualitative Transformation“ durchläuft. Diese Transformation wird zuallermeist „durch von außen eindringende Codes und äußere Impulse“ ausgelöst [Lotman, 2010: 33f]. Ist das Eindringen in einen anderen, fremden Bereich ein wichtiges Merkmal für die Makroebene interkultureller Kommunikation, so findet es sich bei Lotman bereits zur Beschreibung der Mikroebene literarischer Kommunikation und ihrer Akteure: „Der Leser trägt die eigene Persönlichkeit, das eigene kulturelle Gedächtnis sowie Codes und Assoziationen in den Text. Und diese sind niemals identisch mit denen des Autors.“ [Lotman, 2010: 113] Nicht unerheblich ist dabei, dass auch das Nichtverstehen von Mitteilungen als „notwendige und nützliche Voraussetzung für Kommunikation“ gewertet wird. Lotman spitzt zu: „Ein absolut verständlicher Text ist zugleich auch ein absolut nutzloser Text. Ein absolut verständlicher und verstehender Gesprächspartner wäre bequem, aber überflüssig, denn er wäre eine mechanische Kopie meines ‚Ich‘“ [Lotman, 2010: 114]. Lotmans Interesse an Kommunikationsprozessen

liegt im Erkenntniszuwachs des Einzelnen, der zuallererst über ein dialogisches Verhältnis der beteiligten Akteure zueinander gewährleistet wird.

Um jedoch überhaupt Verstehen zu ermöglichen (und auch Nichtverstehen als solches zu erkennen), bedarf es bereits einer ‚semiotischen Erfahrung‘ im Umgang mit Sprache und sprachlichen Erzeugnissen. An dieser Stelle soll die begriffliche Neuschöpfung der Semiosphäre, die Lotman analog zum Terminus der Biosphäre des Geologen Vladimir Vernadskij einführt, das kulturtheoretische Konzept fundamentieren. Die Semiosphäre gilt als erste Bedingung für sprachliche Funktionalität und umfasst außerdem den gesamten Bereich „von sozialen und altersspezifischen Jargons bis hin zur Mode“. Damit ist sie „zugleich Ergebnis und Voraussetzung der Entwicklung der Kultur“, also kein starrer Behälter, in dem diverse Inhalte und Gegenstände von Kultur unveränderlich aufbewahrt und hervorgeholt werden können, sondern eben der „kleinste Funktionsmechanismus der Semiose, ihre Maßeinheit“ selbst [Lotman, 2010: 165]. Dementsprechend avanciert „Heterogenität“, etwa der Sprachen, Texte, ihrer wechselseitigen Übersetzbarkeit, ihrer Funktion und Geschichte, zum obersten „Kennzeichen der Semiosphäre“ [Lotman, 2010: 166]. Gleichzeitig gelangt die Semiosphäre so zur alleinigen Voraussetzung von Grenzziehungen – des topographischen Raums, der staatlichen Hierarchie, sozialen Gruppierungen, (literarischen) Epochen, Gattungen, aber auch der wissenschaftlichen Theoriekonzepte usw. – sowie von Einteilungen zwischen dem Zentrum und der Peripherie eines jeweiligen Kulturraums. Doch Grenzen trennen nicht nur, sie verbinden auch und bilden, systemtheoretisch gesprochen, die Einheit einer Differenz. Insoweit ist der Grenzbegriff bei Lotman unweigerlich „ambivalent“ [Lotman, 2010: 182]. Und die „Grenze der Persönlichkeit“ kann nur „eine semiotische Grenze“ [Lotman, 2010: 184] sein.

Für die Konzeptualisierung von Interkulturalität verdienen nun „die semiotischen Prozesse“ Beachtung, die „im Grenzbereich der Semiosphäre“ ablaufen und dort „intensiver sind“ als im Zentrum, weil „in diesem Bereich ständig Einflüsse von außen eindringen.“ Die Grenze stellt sich als „der Ort einer konstitutiven Zweisprachigkeit“ dar [Lotman, 2010: 189]. Oder anders gewendet: „Der äußerste Rand der Semiosphäre ist ein Ort des permanenten Dialogs.“ [Lotman, 2010: 190] Von hier aus lässt sich ein Bogen schlagen zur Intertextualitätstheorie Michail M. Bachtins. Die kulturelle „Anreicherung“, die sich für Lotman am Rand der Semiosphäre vollzieht, setzt zugleich die „Textproduktions-Mechanismen“ in deren Innerem in Gang [Lotman, 2010: 193]. Besteht man mit Renate Lachmann darauf, dass die „Bachtinsche Dialogizität [...] weder für den Roman noch für die Lyrik“ oder sonst eine Gattung „exklusiv reklamiert werden kann“ [Lachmann, 1982: 62], dann lässt sich „Redevielfalt“ [Bachtin, 1979: 192] als mikrologischer Ausweis interkultureller Kommunikation in literarischen Texten festmachen. Redevielfalt meint das Kreuzen von Sprachen im weitesten Sinne. In dieser Hinsicht ist sie zu denken als eine begriffliche Variante dessen, was Lotman „das Generieren von Texten“ „im Kern der Semiosphäre“ und „die Aufnahme an deren Peripherie“ nennt [Lotman, 2010: 193]. Denn auch für Bachtin gilt: „Es ist der Vokalismus, der die Gattungsgrenzen über die hierarchisierenden, zentripetalen Tendenzen hinweg der Spontaneität der Polyphonie, der Vielsprachigkeit öffnet.“ [Lachmann, 1982: 54] Literaturwissenschaftlich besehen,

gehen Interkulturalität und Intertextualität (bzw. Dialogizität) miteinander einher, weil Interkulturalität angewiesen ist auf die literarischen Verfahren, die durch intertextuelle Bezugnahmen ausgelöst werden. Dies erzeugt eine „Zeichengemeinschaft“, in der „das soziale Ereignis der sprachlichen Interaktion“, also das Wechselspiel von „Äußerung und Gegenäußerung sich realisiert“ [Lachmann, 1982: 53]. Dabei stellt die Korrelation von Interkulturalität und Intertextualität eine autorzentrierte, autobiographisch informierte Methodik keineswegs infrage. Sie entlastet allerdings ein gutes Stück von der Frage, wie die „Hybridität der eigenen kulturellen Identität“ eines Autors seine „hybride[n] Ausdrucksweisen, die man in der Tat als interkulturelle Texte bezeichnen kann“ [Durzak, 2013: 33], hervorbringt.

Petersburger Geschichten

Schulzes Kurzprosa ist, auch begünstigt durch die literaturkritischen Würdigungen und durch zahlreiche Selbstauskünfte des Autors, immer wieder vor einem biographischen Hintergrund untersucht worden. Es kommt hier nicht darauf an, diese Methodik infrage zu stellen. Doch ergänzend dazu kann eine strukturalistisch-formalistische Perspektive erklären helfen, wie die literarischen Kommunikationsangebote, die der Autor unterbreitet, eine „Formaktivität“ [Bachtin, 1979: 140] entfalten, die den Autor ebenso wie „die Destruierung“ [Schalk, 2000: 108] oder „das Verschwinden des Autors“ [Schmitz, 2000: 135] allererst ermöglichen und „zur kulturell bedeutsamen schöpferischen Subjektivität“ [Bachtin, 1979: 151] werden lassen. Ob diese Perspektive zuletzt wiederum ein biographisches Fundament erhält, weil Schulze bekanntermaßen ein guter Kenner der russischen bzw. osteuropäischen Literatur und wohl auch Literaturtheorie ist, soll hier nicht entschieden werden. Wichtiger ist stattdessen jene Feststellung Lotmans, die er für das „Problem des Sujets“ und für den literarisch erzeugten Raum artikuliert:

Dabei ist es unwesentlich, daß manchmal [...] diese Füllung des Raumes der Tendenz folgt, sich maximal der alltäglichen Umwelt des Autors und seiner Leser anzunähern, während in anderen Fällen [...] die Tendenz besteht, sich grundsätzlich von der gewohnten „gegenständlichen“ Realität zu distanzieren. [Lotman, 1972: 329]

Insofern hängt Interkulturalität als Texteigenschaft auch und gerade bei Schulze an der Intertextualität und Dialogizität des Erzählten. Die Ereignisse, die in den 33 Augenblicken des Glücks stattfinden, sind Ereignisse im Sinne der Strukturalisten, nämlich „die kleinste unzerlegbare Einheit des Sujetaufbaus“ [Lotman, 1972: 330] und bezeichnen „die Versetzung einer Figur über die Grenze eines semantischen Feldes“ [Lotman, 1972: 332, i. Orig. kursiv]. Die Petersburger Geschichten präsentieren Petersburg immer schon als „kulturelles Zitat“ [Groys, 1995: 169] bzw. als „Stadt aus Zitaten“, so dass „das Zitieren an sich zum Zeichen des Raums wird.“ [Urupin, 2003: 32] Den „amorphen ‚wilden‘ Raum“ [Lotman, 2010: 190] außerhalb der eigenen Semiosphäre macht sich das Zitieren als Formaktivität zu eigen. Dies setzt jedoch bereits ein Kenntnis, ein Vorwissen des Anderen voraus. Die Dialogizität der Texte hebt die jeweils fremde Kultur aus ihrer amorphen Verfasstheit, ihrer Un-Form heraus. Schulzes Sammlung zieht durch die Wahl ihres semiotischen Raums eine zweifelsohne bekannte literaturgeschichtliche Traditionslinie weiter aus, wie sie durch Nikolaj Gogols Newskij-Prospekt (1835) und Andrej Belyjs Petersburg (1913) begonnen wurde. Damit verfügt Schulzes Kurzprosa über ein nicht unerhebliches

„Gattungsgedächtnis“ [Lotman, 2010: 113] und nimmt teil an jenem „epochale[n] Dialog der russischen und der westlichen Kultur“, der sich laut Lotman „im 18. und 19. Jahrhundert entfaltet“ [Lotman, 2010: 198].

Schon der Titel ist eine Anspielung, nämlich auf die sowjetische Fernsehserie Siebzehn Augenblicke des Frühlings (Семнадцать мгновений весны) von 1973, die nach dem gleichnamigen Roman von Julian Semjonow entstand und in der der russische Spion Maxim Isajew am Ende des Zweiten Weltkriegs als deutscher SS-Offizier – nicht nur auf anderem, sondern auf feindlichem Terrain – gegen das Naziregime arbeitet. Schulzes Kurzprosasammlung reflektiert bereits durch diesen Bezug die eigene Kultur im „Akt der Anwendung“ [Schmidt, 2003: 39] auf das Fremde. Die einleitende Herausgeber- und Autorfiktion präzisiert das. Jeder Text aus der „Mappe“ mit Hofmanns „täglichen Aufzeichnungen“ [Schulze, 2007: 8] ergibt – es sei noch einmal gesagt – „ein individuelles Ensemble von sozial relevanten Codes“, das jeweils auch eine interkulturelle „Umbildung“ ihres Verfassers bewirkt [Lotman, 2010: 34]. Die Einzelberichte werden in der Autofiktion durch den anonymen Herausgeber gesammelt, an „I.S.“ weitergereicht und schließlich von diesem als offenbar fingiertem Autor bzw. als Autor in Stellvertretung veröffentlicht und den Lesern übertragen. Der Ich-Ich-Kanal Hofmanns weitet sich mit der Publikation und ihrer inszenierten „kollektiven Autorschaft“ [Stockinger, 2012: 34] zum Ich-Er-Kanal, wobei die Leser diesen paratextuell verfolgbaren Schreib- und Entstehungsprozess zu reflektieren haben.

Auch der Wahrheitsgehalt der Aufzeichnungen bleibt gebrochen. Hofmann setze, so der Herausgeber, „die Erfindung anstelle der Recherche“, „etwas Ausgedachtes [sei] nicht weniger wirklich als ein Unfall auf der Straße.“ Der topographische Grenzübertritt des „Westler[s] in Rußland“ [Schulze, 2007: 8], mit dem die Sammlung interkulturelle Kuriositäten und publikumswirksame Glücksmomente verspricht, wird komplementiert durch den Übertritt der Texte in die öffentliche Sphäre, die den Zeichenhandel zwischen (fiktivem) Autor und Lesern überhaupt erst eröffnet: „Denn kein Verlag nimmt ein Buch ohne Autor. Die Leute brauchen Fotos, Interviews, sie sind hungrig nach Gesichtern und wirklichen Geschichten.“ Die Urheberchaft und Authentizität des Erzählten sind nichts als „ein erwünschter Effekt“ [Schulze, 2007: 9], ein Teil jener Vermarktungsstrategie, mit der die Erwartungsansprüche des Publikums erfüllt werden sollen.

Das Sujet des interkulturellen Kontaktes eines Deutschen in Russland scheint dafür bestens geeignet, weil mit ihm Erwartungen an das Fremde und Unbekannte gerichtet werden können. Besonders im Falle von – negativen wie positiven – Erwartungsenttäuschungen lässt sich das in Petersburg Erlebte dann auch affektiv besetzen und trägt zur Aufmerksamkeitsgenese des Publikums bei. So sorgt das Übertreten der topographischen Grenze zunächst für eine ausschließlich problematische Wahrnehmung des Fremden und für völlige Verständnislosigkeit nach dem ‚Eindringen‘: „RUSSLAND kann man nur verlassen!“ [Schulze, 2007: 32], lautet das Zwischenfazit des Erzählers nach einer Woche in Petersburg. Die Begründung für dieses Urteil stammt aus der Beobachtung zahlreicher Details des Alltagslebens, wobei die Form der Leseradressierung zunächst eine strikte Trennung zwischen eigener und fremder Kultur markiert. Der Erzähler kultiviert im Umgang mit dem Russischen eine regelrechte Abneigung:

Als wären die Leute hier erst vor kurzem von den Dörfern gekommen und wüßten nicht, wie man auf der Straße läuft. Überall trampeln sie hin, schreien, drängeln, rempeln, spucken. Keiner sagt „Verzeihung“. Sie merken es nicht oder brüllen Schimpfworte. Man muß sie treten! Kaum hast du dich befreit, schieben sie dich in einen Bus oder vor ein Auto. Oder du rettetest dich wie ein Bettler an die Hauswand und weißt auch nicht weiter. Und überall, wie eine klimatische Besonderheit, dieser Gestank von altem Quark, eingewachsenem Dreck und Zigarettenrauch. [...]

Bis auf Brot und Tee ist kaum etwas genießbar. Jeder Bissen quillt im Mund, und wieder hat man eine Sünde gegen seinen Körper begangen. Selbst die Milch ist muffig, der Sekt verzuckert, das Bier sauer. Egal, wo man sich umschaute, es gibt nichts, was nicht verbeult, defekt, geflickt, verbogen, abgeschabt, schief, locker, schmutzig ist, als stammte alles von einer Müllhalde und wäre wieder notdürftig zusammengebastelt. Nur der Import glänzt.

Der Wahnsinn des Zaren ist die einzige Kultur, die sie haben, aber auch die kriegen sie noch klein, auch das scheißen sie noch zu. Und dabei reden sie von Puschkin, dem Schicksal und der Wolga. [Schulze, 2007: 32]

Der Ich-Erzähler kann als „bewegliche Figur“ [Lotman, 1972: 338] gelesen werden, die imstande ist, nicht nur topographische, sondern auch Grenzen der alltäglichen Routinen zu übertreten. Sobald er seine referierende, auch polemisierende Beobachterposition verlässt und als Akteur in das Handlungsgefüge der russischen Kultur wechselt, findet ein semiotisches Ereignis als glückhafter Augenblick statt. Durch diese „Augenblicksfixierung“ [Höllerer, 1962: 233] kann die Kurzprosa jeweils zeitliche und räumliche Präsenz erzeugen, die in der zitierten Geschichte in eine schriftliche Fixierung des Erzähler-Körpers ausgreift. Nachdem das bessere Wetter und eine „ausgezeichnet“ schmeckende „Mohnschnecke“ [Schulze, 2007: 34] den Erzähler schnell versöhnlich stimmen, ist es der „Zehntausender“ für eine Bettlerin, die ihn vollends in die fremde Kultur inkorporiert: „Aus Dankbarkeit krallte sie beide Hände in meine Waden, daß ich vor Schmerz schluckte“ [Schulze, 2007: 35]. Darauf unterliegt der Erzähler wortgemäß einer spontanen Schreibszene. Sie steht paradigmatisch für einen gelungenen interkulturellen Kontakt überhaupt. Auf einem „rasch abgeräumten Holztisch“, auf dem sonst Melonen verkauft werden, entsteht jetzt ein unwillkürlicher Zeichenhandel. Der Erzähler wird mit „Lettern und Ziffern“ „in einer zwanglosen und fröhlichen Atmosphäre“ gänzlich mit russischen Kontaktdaten, Adressen und Telefonnummern beschriftet und zu den Passanten nach Hause eingeladen. Diese „Gastfreundschaft“ am letzten Tag in Petersburg ist für den Erzähler zuletzt „beschämend“. Ihm bleibt nur das Versprechen, „recht bald wiederzukommen.“ [Schulze, 2007: 36-38] Seine interkulturelle Erfahrung endet nicht in der anfangs erwarteten Abgrenzung, sondern in der vollständigen schriftlichen Aufnahme seiner Person. Ihr „größtes Glück“ erfährt sie in diesem Moment der „Selbstbesinnung“ [Lehmann, 2009: 409], der zugleich die Be-Sinnung, die Semantisierung ihres Selbst bedeutet. Die Versetzung der Erzählerfigur über die Grenze des semantischen Feldes ist ein strukturalistisches und ein interkulturelles Ereignis gleichermaßen, das an einem erzählerischen „Extrempunkt als Wendepunkt“ [Renner, 2004: 377] auftritt. Hier markiert die Grenze keine Trennung mehr, sondern erhält „eine vermittelnde und

verbindende Funktion“ [Todorov, 2011: 244]. Diese Neucodierung der Grenze kann aber nicht aus einer distanzierten Beobachtung und Kommentierung geleistet werden. Sie ereignet sich allein in der unmittelbaren Begegnung und im offenen Dialog.

Literaturverzeichnis

1. Bachmann-Medick, Doris: Cultural Turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften. 3., neu bearb. Aufl. Reinbek: Rowohlt 2009.
2. Bachmann-Medick, Doris: Einleitung. In: Kultur als Text. Die anthropologische Wende in der Literaturwissenschaft. Hrsg. v. ders. 2., aktual. Aufl. Tübingen, Basel: Francke 2004, S. 7-64.
3. Bachtin, Michail M.: Die Ästhetik des Wortes. Hrsg. v. Rainer Gröbel. Frankfurt a.M.: Suhrkamp 1979.
4. Bachtin, Michail M.: Probleme der Poetik Dostoevskijs. München: Hanser 1971.
5. Böttiger, Helmut: Der Ich-Jongleur. Ingo Schulzes Versteckspiele. In: Text + Kritik, H. 193: Ingo Schulze (2012), S. 19-26.
6. Dideriksen, Anne-Sofie: Grenzauflösung zwischen Provinz und Welt bei Ingo Schulze. In: Grenzen – Grenzüberschreitungen – Grenzauflösungen. Zur Darstellung von Zeitgeschichte in deutschsprachiger Gegenwartsliteratur. Bd. 3. Hrsg. v. Edgar Platen u. Martin Todtenhaupt. München: Iudicium 2004, S. 34-44.
7. Durzak, Manfred: Literatur im interkulturellen Kontext. Würzburg: Königshausen & Neumann 2013.
8. Földes, Csaba: Interkulturelle Kommunikation. Positionen zu Forschungsfragen, Methoden und Perspektiven. Wien: Praesens Verlag 2007.
9. Geiger, Thomas; Schulze, Ingo: Wie eine Geschichte im Kopf entsteht. In: Sprache im technischen Zeitalter 149 (1999), S. 108-123.
10. Groys, Boris: St. Petersburg – Petrograd – Leningrad. In: Ders.: Die Erfindung Rußlands. Tlw. übers. v. Annelore Nitschke. München, Wien: Hanser 1995, S. 167-179.
11. Gutjahr, Ortrud: Alterität und Interkulturalität. Neuere deutsche Literatur. In: Germanistik als Kulturwissenschaft. Eine Einführung in neue Theoriekonzepte. Hrsg. v. Claudia Benthien u. Hans Rudolf Velten. Reinbek: Rowohlt 2002, S. 345-369.
12. Heimböckel, Dieter; Weinberg, Manfred: Interkulturalität als Projekt. In: Zeitschrift für interkulturelle Germanistik 5, H. 2 (2014), S. 119-144.
13. Heringer, Hans Jürgen: Interkulturelle Kommunikation. Grundlagen und Konzepte. 2. durchges. Aufl. Tübingen, Basel: Francke 2007.
14. Höllerer, Walter: Die kurze Form der Prosa. In: Akzente 9, H. 3 (1962), S. 226-245.
15. Ilina, Janet: Das Russlandbild in Lothar Kusches „Kein Wodka für den Staatsanwalt“ und in Ingo Schulzes „33 Augenblicke des Glücks“. In: Russische Ansichten – Ansichten von Russland. Festschrift für Hugo Dyerinck. Hrsg. v. Elke Mehnert. Frankfurt a.M. u.a.: Lang 2007, S. 36-46.
16. Jakobson, Roman: Linguistik und Poetik [1960]. In: Ders.: Poetik. Ausgewählte Aufsätze 1921-1971. Hrsg. v. Elmar Holenstein u. Tarcisius Schelbert. Frankfurt a.M.: Suhrkamp 2005, S. 83-126.
17. Lachmann, Renate: Dialogizität und poetische Sprache. In: Dialogizität. Hrsg. v. ders. München: Fink 1982, S. 51-62.
18. Langenohl, Andreas; Poole, Ralph; Weinberg, Manfred (Hrsg.): Transkulturalität. Klassische Texte. Bielfeld: transcript 2015 [im Druck].
19. Lehmann, Harry: Geschichten aus dem blinden Fleck. Zur Erzählphilosophie von Ingo Schulze. In: Sinn und Form 61, H. 3 (2009), S. 390-410.
20. Lotman, Jurij M.: Die Innenwelt des Denkens. Eine semiotische Theorie der Kultur. Aus d. Russ. v. Gabriele Leupold u. Olga Radetzkaja. Hrsg. u. mit einem Nachw. v. Susi K. Frank, Cornelia Ruhe u. Alexander Schmitz. Berlin: Suhrkamp 2010.
21. Lotman, Jurij M.: Die Struktur literarischer Texte. Übers. v. Rolf-Dietrich Keil. München: Fink 1972.
22. Lüsebrinck, Hans-Jürgen: Interkulturelle Kommunikation. Interaktion, Fremdwahrnehmung, Kulturtransfer. Stuttgart, Weimar: Metzler 2005.
23. Maletzke, Gerhard: Interkulturelle Kommunikation. Zur Interaktion zwischen Menschen verschiedener Kulturen. Opladen: Westdeutscher Verlag 1996.
24. Renner, Karl Nikolaus: Grenze und Ereignis. Weiterführende Überlegungen zum Ereigniskonzept von J. M. Lotman. In: Norm – Grenze – Abweichung. Kultursemiotische Studien zu Literatur, Medien und Wirtschaft. Hrsg. v. Gustav Frank u. Wolfgang Lukas. Passau: Stutz 2004, S. 357-381.
25. Rieger, Stefan; Schahadat, Schamma; Weinberg, Manfred: Interkulturalität – zwischen Inszenierung und Archiv. Vorwort. In: Interkulturalität. Zwischen Inszenierung und Archiv. Hrsg. v. dens. Tübingen: Narr 1999, S. 9-26.
26. Schalk, Axel: Produktion eines Stars oder Geschichten aus der Ostzone. Überlegungen zum öffentlichen Fall von Ingo S. In: Juni. Magazin für Literatur & Politik 32 (2000), S. 105-115.
27. Schmidt, Siegfried J.: Geschichten & Diskurse. Abschied vom Konstruktivismus. Reinbek: Rowohlt 2003.
28. Schmitz, Walter: Der verschwundene Autor als Chronist der Provinz. Ingo Schulzes Erzählprosa in den 90er Jahren. In: Mentalitätswandel in der deutschen Literatur zur Einheit (1990-2000). Hrsg. v. Volker Wehdeking. Berlin: ESV 2000, S. 133-140.
29. Schulze, Ingo: 33 Augenblicke des Glücks. Aus den abenteuerlichen Aufzeichnungen der Deutschen in Piter. München: dtv 2007 [1995].

30. Schulze, Ingo: Lesen und Schreiben. Wie wird man Schriftsteller? Und warum? Auf der Suche nach Atemwende, Gleichnis, Zauberwort. In: Süddeutsche Zeitung, Nr. 153, 6.7.2000.
31. Stockinger, Claudia: „Mit Leichtigkeit und Raffinesse“. Ingo Schulzes poetisches Verfahren. In: Text + Kritik, H. 193: Ingo Schulze (2012), S. 27-37.
32. Todorov, Tzvetan: Die Angst vor den Barbaren. Kulturelle Vielfalt versus Kampf der Kulturen. Aus d. Franz. v. Ilse Utz. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung 2011.
33. Urupin, Innokenty: 33 Augenblicke des Glücks. Überlebenschancen im Raum von Sankt Petersburg. In: Germanistische Mitteilungen 57 (2003), S. 29-40.
34. Welsch, Wolfgang: Was ist eigentlich Transkulturalität? In: Kulturen in Bewegung. Beiträge zu Theorie und Praxis der Transkulturalität. Hrsg. v. Dorothee Kimmich u. Schamma Schahadat. Bielefeld: transcript 2012, S. 25-40.
35. Yousefi, Hamid Reza; Braun, Ina: Interkulturalität. Eine interdisziplinäre Einführung. Darmstadt: WBG 2011.

ZUR GRAMMATIK GESPROCHENER SPRACHE IM DAF-UNTERRICHT

Strömsdörfer Dennis M.A.

Leibniz Universität Hannover /
Christian-Albrechts-Universität zu Kiel, Deutschland
dennis.stroemsdoerfer@gmail.com

Abstract

Im DaF-Unterricht soll zwar aktuelles Deutsch vermittelt werden, aber die meisten Lehrbücher weisen oft nur wenige Bereiche auf, in denen authentische gesprochene Sprache auch vorkommt. In diesem Aufsatz wird zunächst der Frage nachgegangen, was ‚Grammatik gesprochener Sprache‘ meint. Anschließend werden einige Merkmale gesprochener Sprache an konkreten Beispielen aufgezeigt. Schließlich wird diskutiert, welche Folgen diese Überlegungen für den DaF-Unterricht haben (könnten).

I. Einführung

Seit mehreren Jahren schon wird allenthalben angemerkt, dass der Unterricht in Deutsch als Fremdsprache (DaF) zu wenig Gewicht auf die Vermittlung gesprochener Sprache lege. So stehe meist die Vermittlung von Kompetenzen in geschriebener Sprache an erster Stelle. Dennoch weiten auch die Verlage ihr Programm aus und integrieren immer mehr Aspekte der gesprochenen Sprache in ihre Lehrwerke. Auch gibt es zahlreiche, teilweise auch schon abgeschlossene Forschungsprojekte sowie wissenschaftliche Sammelbände zur „Einbindung der Forschungsergebnisse aus Gesprochener-Sprache-Forschung und Interaktionaler Linguistik [...] in den DaF-Unterricht“. Außerdem findet sich mittlerweile sogar in der Duden-Grammatik ein eigenes Kapitel zu diesem Thema. In diesem Aufsatz sollen Beispiele aufgezeigt werden, an denen deutlich wird, welche Phänomene unter einer ‚Grammatik gesprochener Sprache‘ verstanden werden könn(t)en. Schließlich werden darauf aufbauend mögliche Konsequenzen für den DaF-Unterricht vorgestellt.

II. Gibt es eine ‚Grammatik gesprochener Sprache‘?

Zunächst ist zu differenzieren, auf welche Weise die Annäherung an Phänomene geschieht, die eine ‚Grammatik gesprochener Sprache‘ beschreibt, denn „[z]wischen den grundlegenden Einheiten der geschriebenen und gesprochenen Sprache gibt es Parallelen, aber keine Deckungsgleichheit“. Eine Möglichkeit besteht darin, anhand bestehender Fachbegriffe bzw. grundlegender Einheiten (z. B. Laut, Wort, Satz und Gespräch) in Transkripten gesprochener Sprache zu suchen, die jedoch aufgrund ihrer Komplexität für didaktisch aufbereitete authentische Kommunikation oftmals nur

schwer zugänglich sind. Dabei bleibt möglicherweise der Blick auf Bereiche verstellt, die vorher so nicht benannt wurden. Es gibt also Phänomene, die zwar sprachlich als Besonderheit auffallen, für die aber nicht unbedingt Fachbegriffe aus der traditionellen, schriftsprachlich orientierten Grammatik passen (z. B. Apokoinu, s. Kapitel III). Hier müsste als zweiter, sozusagen vermittelnder Schritt zusätzlich die Beschreibung des konkreten Vorkommens treten, wie sie in für Lehrbücher in der DaF-Ausbildung bereits gefordert wird.

Zu betonen ist auch, dass die meisten Phänomene der gesprochenen Sprache auch schriftsprachlich auftauchen – wenn auch weniger häufig bzw. weniger stark ausgeprägt. Die Unterscheidung von konzeptionell mündlich/konzeptionell schriftlich nach Koch/Österreicher hilft hier weiter, um auch deutlich zu machen, dass die Grenzen zwischen gesprochener und geschriebener Sprache fließend sind. Konzeptionell mündliche Sprache (z. B. ein Gespräch unter Freunden) ist eher unstrukturiert, subjektiv und wird von Gestik und Mimik unterstützt. Außerdem ist sie dialogisch geprägt und stark kontextgebunden, was ein Verstehen trotz Unterbrechungen und Unvollständigkeiten überhaupt erst möglich macht. Dagegen ist konzeptionell schriftliche Sprache (z. B. in TV-Nachrichten) eher objektiv und klar strukturiert. Darüber hinaus ist sie eher monologisch und nicht an einen Kontext gebunden, so dass ein Verstehen durch eindeutige Formulierungen auch ohne Nachfragen oder Erklärungen möglich ist. Bei gesprochener Sprache müssen also stets die Gleichzeitigkeit von Verstehen und Sprechen sowie die Situationsabhängigkeit und damit die spezifischen Erwartungen und Funktionen berücksichtigt werden.

Die spezifischen Erwartungen zeigen sich in dem folgenden Satz (a), weil bei der Satzklammer das trennbare Verbpräfix hin am Ende des Satz erwartet wird.

(a) Ich weise seit Jahren immer wieder mit Nachdruck darauf hin.

Zu den Erwartungen kommt die Unveränderbarkeit – Fehler können nicht entfernt, sondern nur nachträglich verbessert werden (Reparaturen), was zu Sätzen führt wie (b) ...kann ich dich total gut ... nachvollziehen.

Solche Formen von Korrektur sind typisch für gesprochene Sprache und übernehmen quasi die Funktion des Radiergummis oder der Entfernen-Taste bei geschriebenen Texten.

Dennoch folgen alle SprecherInnen des Deutschen bestimmten impliziten Regeln, die jedoch teilweise von den für die Schriftsprache (konzeptionelle Schriftlichkeit) festgelegten Regeln abweichen. Das, was gesagt wird, wirkt sich auf die impliziten Regeln des Sprechens aus, auf das, was als richtig empfunden, was also befolgt wird, denn „[I]etztlich entscheidet die sozial geteilte Praxis des Regelfolgens darüber, welche Formen und Konstruktionen sich durchsetzen.“

Ein Beispiel hierfür sind die mittlerweile als veraltet geltenden Präteritalformen zu den Verben backen und bellen, die heute backte und bellte, früher jedoch buk und boll lauteten – ein treffendes Beispiel für die ständig sich im Wandel befindliche Sprache.

III. Merkmale gesprochener Sprache

Im phonetischen Bereich fallen viele Beispiele auf, da die gesprochene Sprache zu Kürzungen und Verschleifungen neigt – selten werden Laute explizit artikuliert, was aufgrund der Kontextgebundenheit und bestimmter Konventionen des Regelfolgens

auch gar nicht nötig ist, um verstanden zu werden. Dies zeigt sich in Apokopen wie ich komm/geh/sag statt ich komme/gehe/sage und Elisionen wie bringn/gutn, bei denen der Schwa-Laut nicht ausgesprochen wird. Auch Wortreduktionen wie in wir ham statt wir haben tauchen häufig auf. Daraus folgt für den DaF-Unterricht die Notwendigkeit, auf diese Phänomene im Unterricht vorzubereiten, gerade weil sie in der gesprochenen Sprache, also auch im konzeptionell schriftlichen Bereich (z. B. bei Vorträgen oder Nachrichten im TV), vorkommen. Das Verstehen und Produzieren dieser zum Regelfolgen des Sprechens passenden Äußerungen ist eine zentrale praktische Kompetenz, die DaF-LernerInnen benötigen und die in DaF-Lehrbüchern (noch) zu wenig berücksichtigt wird.

Auch auf der Wortebene sind zahlreiche Belege für die Besonderheiten gesprochener Sprache zu finden, die darüber hinaus auch funktional differieren (z. B. bei jugendsprachlicher Kommunikation wie Babo ‚Boss; hoch angesehene Person‘). Wenn diese lexikalischen Merkmale noch mit Hilfe von Wörterbüchern zu klären sind, sorgen jedoch Präfixe in Wendungen wie Riesen#/ Mords#/ Mega#hunger oder sau#doof für Verständnisschwierigkeiten, weil ihre Kombinationsmöglichkeiten nicht unbegrenzt und ihre situative Verwendung speziell ist. So könnte im DaF-Unterricht zusätzlich noch die Kreativität beim Sprechen gefördert werden. Darüber hinaus sorgen jedoch von deutschen MuttersprachlerInnen gebrauchte, grammatisch eigentlich unkorrekte Flexionsformen wie das Mädchen und ihre Mutter immer wieder für Erklärungsbedarf. Diese Inkongruenz gründet in dem Verwechseln des grammatischen (das Mädchen ist Neutrum) und des natürlichen (Femininum) Geschlechts: Das Mädchen und seine Mutter.

Im Bereich der Syntax finden sich Phänomene, die auch in geschriebener Sprache vorkommen und dementsprechend nicht ausschließlich als Merkmale gesprochener Sprache gelten können. Allerdings sind Ellipsen und Herausstellungen (das Vor-Vorfeld) und Nachstellungen in gesprochener Sprache häufiger zu finden:

(c) Der Discounter, der is mir nie aufgefallen.

(d) Der war echt gut, der Film.

Dagegen sind „Apokoinukonstruktionen [...] eine ausschließlich mündliche Erscheinung“. Das auch historische bedeutsame Beispiel von Günter Scha-bowski vom Abend des 9. November 1989, als er unbeabsichtigt die sofortige Öffnung der Grenzen für die Ausreise von DDR-BürgerInnen auf einer Pressekonferenz verkündete, möge diesen Konstruktionsabbruch darstellen:

(e) Das tritt nach meiner Kenntnis ... ist ... das sofort ... unverzüglich.

Das gemeinsame Element (Koinon) besteht aus ‚sofort‘ und verbindet gleichsam mehrere (hier unvollständige) aufeinander folgende Teile. Beim Lesen ist der Sinn nur schwer nachzuvollziehen, doch in gesprochener Sprache dient diese Konstruktion auch Reparaturzwecken, also der Veränderung von vorher Gesagtem zu einem umgeformten neuen Satz, dessen erster Teil aus einem Versatzstück des vorherigen Satzes besteht. Solche, auch unter dem Begriff „Spiegelkonstruktion“ auftauchende Hervorhebungen, werden auch im fortgeschrittenen DaF-Unterricht bisher nicht thematisiert.

Sehr wohl werden jedoch Nebensätze besprochen, in denen das Verb an zweiter Position steht (z. B. in Nebensätzen mit weil und Verbzweitstellung). Oftmals wird allerdings nur auf die standardsprachlich unkorrekte Verwendung verwiesen, ohne auf

mögliche Bedeutungsnuancierungen einzugehen. Dass dies aber sehr wohl wichtig ist, zeigt sich gut an den folgenden beiden Beispielsätzen :

(f) der hat sicher wieder gsoffen, weil...

(f1) - sie läuft total deprimiert durch die Gegend

(f2) - sie total deprimiert durch die Gegend läuft

So ist (f1) dahingehend zu interpretieren, dass der Grund für den Zustand ‚deprimiert‘ das Saufen ist, während in (f2) der Grund für das Saufen in der Tatsache besteht, dass eine weibliche Person (‚sie‘) deprimiert ist. Hier liegen also zwei unterschiedliche Bedeutungszusammenhänge oder Begründungen vor, so dass eben nicht davon ausgegangen werden kann, dass (f1) lediglich eine unkorrekte oder gesprochensprachliche Realisierung von (f2) sei.

Abschließend wird der dem Medium ‚Gespräch‘ zugrunde liegende organisatorische Ablauf betrachtet, denn insbesondere der (unausgesprochene) Ablauf des Sprecherwechsels ist ein Merkmal gesprochener Sprache. Während eines Gesprächs gibt es zahlreiche Anzeichen, wann ein Sprecherwechsel statt-finden könnte bzw. wann es sich um den Versuch der Gesprächsschrittübernahme handelt. Hier ist vor allem die große Gruppe der Partikeln mit ihren mannigfaltigen Funktionen zu nennen. Diese können zur Herstellung oder Beendigung eines kommunikativen Kontakts dienen (z. B. ‚hey‘ oder ‚okay‘). Dies zeigt die enorme Wichtigkeit von Partikeln im DaF-Unterricht, weil sie die Kommunikation be-tonen, abschwächen und organisieren. So dienen Partikeln auch zur Strukturierung von Redebeiträgen: Sie signalisieren den Start (z. B. ‚so‘, ‚also‘), eine Pause oder Zäsur (z. B. ‚äh‘), das Ende (z. B. ‚alles klar‘) oder dienen der inneren Struktur (z. B. ‚psst‘, ‚nicht wahr‘, ‚ne‘). Ebenso wichtig sind auch die Hörerrückmel-dungen, die die Äußerungen von SprecherInnen begleiten, diese unterstützen oder in Frage stellen oder die einfach den Kontakt bzw. das weitere Zuhören signalisieren.

IV. Konsequenzen für den DaF-Unterricht

Insbesondere zukünftige LehrerInnen und DolmetscherInnen müssen sich überlegen, wie sie mit den im vorherigen Kapitel angesprochenen Phänomenen gesprochener Sprache in der eigenen beruflichen Praxis umgehen wollen. Ein erster Schritt wäre getan, wenn die DaF-Lehrwerke sich noch stärker um die gesprochene Sprache kümmern, insofern sie sie auch in den Aufgaben einsetzen und als Kompetenz, die es zu erreichen gilt, festlegen. Daher sind zunächst Widerstände zu überwinden, von denen Konrad Ehlich 2007 schon einmal als Provokationen in ähnlicher Weise gesprochen hat. Einige von ihm angemerkte Herausforderungen sind auch heute noch aktuell. Ein großes Problem liegt jedoch oftmals in der fehlenden Aktualität der Lehrwerke. Hier helfen kultur- und sprach-mittelnde Organisationen wie das Goethe-Institut , der DAAD und die Zentral-stelle für das Auslandsschulwesen , die muttersprachlichen LehrerInnen ermög-lichen, Deutsch im Ausland zu unterrichten. Jüngere Nachwuchskräfte haben einen größeren Bezug zur Lebenssituation von jüngeren LernerInnen und können so bei der Vermittlung dialogischer Praktiken unterstützen. Hierbei sollten die Lehrenden, wenn möglich, auch auf digitale Lernumgebungen zurückgreifen, da sie oftmals authentische statt ausgedachter Kommunikation bieten.

V. Ausblick

Als Zusammenfassung bleibt vor allem eine zentrale Forderung : Der Einsatz authentischer Kommunikation in DaF-Lehrwerken muss gesteigert, gesprochene Sprache ein zentraler Gegenstand in der Vermittlung des Deutschen als Fremdsprache werden, so dass DaF-Lernende nicht nur theoretisch, sondern auch praktisch und mit Lebensweltbezug einen Einblick in Sprache und Kultur erhalten.

Literatur

1. Ágel, Vilmos/Henning, Mathilde [Hgg.]: Zugänge zur Grammatik der gesprochenen Sprache. Berlin 2006.
2. Böttger, Katharina: Die häufigsten Fehler russischer Deutschlerner. Ein Handbuch für Lehrende. Münster u.a. 2008.
3. Duden: Die Grammatik. Band 4. Hrsg. von der Dudenredaktion. 8., überarb. Aufl. Mannheim, Zürich 2009.
4. Ehlich, Konrad: DaF-Provokationen. Über Wege, Umwege und Holzwege. In: Ders.: Transnationale Germanistik. München 2007. 13-34.
5. Fiehler, Reinhard: Gesprochene Sprache – gehört sie in den DaF-Unterricht? In: Reeg, Ulrike et al. [Hgg.]: Gesprochene Sprache im DaF-Unterricht. [...]. Münster u.a. 2012. S. 13-28.
6. Imo, Wolfgang: Hattu Möhrchen? Gesprochene Sprache im DaF-Unterricht. In: Reeg, Ulrike/Gallo, Pasquale/Moraldo, Sandro M. [Hgg.]: Gesprochene Sprache im DaF-Unterricht: zur Theorie und Praxis eines Lerngegenstandes. Münster 2012. S. 29-56.
7. Kilian, Jörg/Niehr, Thomas/Schiewe, Jürgen: Sprachkritik. Ansätze und Methoden der kritischen Sprachbetrachtung. Berlin, New York 2010. [= Germanistische Arbeitshefte 43]
8. Koch, Peter/Oesterreicher, Wulf: Sprache der Nähe – Sprache der Distanz. Mündlichkeit und Schriftlichkeit im Spannungsfeld von Sprachtheorie und Sprachgeschichte. In: Romanistisches Jahrbuch 36, 1985. S. 15-43.
9. PONS: Wörterbuch der Jugendsprache 2014. Stuttgart 2013.
10. Schwitalla, Johannes: Das Verhältnis zwischen gesprochener und geschriebener Sprache. In: Krumm, Hans-Jürgen [et al.] [Hgg.]: Deutsch als Fremd- und Zweitsprache. Ein internationales Handbuch. Band 35, 1. Halbband. Berlin u.a. 2010. S. 425-430. [= HSK 35.1]
11. Schneider, Jan Georg: Hat die gesprochene Sprache eine eigene Grammatik? [...]. In: ZGL, 39/2011, Heft 2. S. 165-187.
12. Reeg, Ulrike/Gallo, Pasquale/Moraldo, Sandro M. [Hgg.]: Gesprochene Sprache im DaF-Unterricht: zur Theorie und Praxis eines Lerngegenstandes. Münster 2012.
13. Zitta, Eva: Bericht über die internationale Fachtagung ‚Sprache-in-Interaktion: Ansätze zur Erforschung interaktionaler Sprache und Überlegungen zur deren Didaktisierung im DaF-Unterricht‘. In: Gesprächsforschung – Online-Zeitschrift zur verbalen Interaktion, 15/2014. S. 257-263.

Internet-Links:

<http://www.gespraechsforschung-ozs.de/fileadmin/dateien/heft2014/tb-zitta.pdf>; letzter Zugriff 27.03.2015]
<http://audiolabor.uni-muenster.de/daf>[letzter Zugriff 23.03.2015]
<http://woerterbuchnetz.de/DWB/?lemma=bellen>
<http://woerterbuchnetz.de/DWB/?lemma=backen>
<https://youtu.be/TQiriTompdY>
<https://www.goethe.de/de/index.html>
<http://www.daad.de>
<http://www.daad.ru>
http://www.bva.bund.de/DE/Organisation/Abteilungen/Abteilung_ZfA/zfa_node.html

**ПРЕЗЕНТНЫЕ ФОРМЫ КОНЪЮНКТИВА В ФУНКЦИИ
ГРАММАТИКАЛИЗОВАННЫХ МАРКЕРОВ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале научного текста)**

Балабаева Ю.Е.

ассистент кафедры немецкого и французского языков
факультета иностранных языков педагогического института
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Россия
balabaeva@bsu.edu.ru

Профатилова С.М.

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры второго иностранного языка института
межкультурной коммуникации и международных отношений,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия
glushetskaya@bsu.edu.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию категории эвиденциальности в современном немецком языке, а также анализу презентных форм конъюнктива как грамматикализованных маркеров эвиденциальности, с разграничением прямой и косвенной эвиденциальности на материале немецкого научного текста.

Ключевые слова: эвиденциальность, грамматическая (морфологическая) категория эвиденциальности, прямая/косвенная эвиденциальность, презентные формы конъюнктива, научный текст.

**THE PRESENT FORMS OF CONJUNCTIVE
AS GRAMMATICALIZING MARKERS OF THE CATEGORY
OF EVIDENTIALITY (in the German scientific literature)**

Balabaeva J.E.

lecturer, NRU "Belgorod State University", Belgorod, Russia
balabaeva@bsu.edu.ru

Profatilova S.M.

senior lecturer, NRU "Belgorod State University", Belgorod, Russia
glushetskaya@bsu.edu.ru

Abstract

The article is devoted to the examination of category of evidentiality (CE) as well as to the analyses of the present forms of conjunctive as grammaticalizing markers of of evidentiality in the German scientific literature with dividing of direct and indirect evidentiality.

Key words: evidentiality, grammatical (morphological) category of evidentiality, direct and indirect evidentiality, present forms of conjunctive, scientific literature

Предметом данного исследования является категория эвиденциальности (КЭ) и средства её выражения в немецком научном тексте, так как, освещая ту или иную проблему, автор той или иной научной работы (статьи, диссертации, монографии, рецензии и т.д.) знакомит читателя с мнениями других исследователей, используя, таким образом, различные формы КЭ, призванные отграничить его мнение от мнения авторов реферируемых работ.

Согласно нашим наблюдениям, наиболее грамматикализированным средством выражения КЭ в современном немецком языке, являются презентные формы конъюнктива, поскольку они широко используются в письменной речи в Э-функции для нейтральной передачи чужих слов и мнений, при этом большое значение имеет характер получения информации, т.е. был ли сам говорящий (Г) свидетелем данной ситуации (прямая Э), передает ли Г информацию со слов какого-либо другого лица или информация получена путем умозаключений Г (косвенная Э).

На основе проанализированного материала нами было выявлено, что презентные формы конъюнктива чаще встречаются в научном тексте в случае косвенной Э, когда Г воздерживается от выражения собственного мнения (согласия/несогласия и т.п.) и нейтрально передаёт чужие слова, мнения или точки зрения. Преобладающей формой высказывания при этом является СПП с глаголами речемыслительной деятельности, пропозитивная часть Э-формы (сообщаемая информация) содержится в придаточном предложении, Э-рамка (указание на источник информации) располагается в препозиции, при этом Э-субъект (носитель/источник информации) является эксплицитным: *Sie, das heißt die Länder, die zwischen Deutschland und Russland liegen, aber auch Russland selbst, haben ein vitales Interesse daran, die Sprache jenes Landes zu verstehen, von dem Madame de Staël sagte, es sei Herz Europas: Deutschland, le coeur de l'Europe [Das Wort, 2006: 19]; Canale/Swain verwiesen allerdings auch darauf, dass es hier erst noch umfangreicher Forschung bedürfe, um die entsprechenden Fähigkeiten und Fertigkeiten überhaupt genauer bestimmen zu können [Das Geo-Heft, 1983: 134]; Vor allem ausländische Germanisten haben mich in den letzten Jahren wiederholt gefragt, wie denn diese Nebeneinander zu beurteilen sei, ob sich hier vielleicht ein Entwicklungsprozess vollziehe, ob die eine oder die andere Verwendungsweise „richtiger“ sei oder ob überhaupt nur eine der beiden Formen akzeptiert werden dürfte [Sprachpflege, 1972: 17]. Die im Gegensatz zu den Milieutheoretikern stehenden „Anlagetheoretiker“ unter den Wissenschaftlern haben zwar schon immer behauptet, dass die sprichwörtliche Ähnlichkeit den übermächtigen Einfluß der genetischen Veranlagung unübersehbar belege [Das Geo-Heft, 1983: 40]; Речь идет о несоответствиях между различными концепциями в преподавании иностранного языка. Автор, исходя из выше изложенных точек зрения, пытается доказать, что эти понятия несовместимы/ *Der funktional-notionale Ansatz basiert auf der Annahme, dass es universale Notionen und Funktionen gebe, für die man lediglich sprachliche Mittel benötigen, um hernach all das ausdrücken zu können, was man ausdrücken möchte und muss [Deutsch als Fremdsprache, 2007: 134].* – В данном случае Э-субъект – имплицитен, он ясен из предшествующего контекста. Под существительным *die Annahme – предположение* подразумеваются точки зрения ученых, которые были изложены ранее.*

Указание на источник информации может присутствовать также и в Э-форме (пропозиции) в форме речевого клише, выражающего Э-значение (*so X, Nach X, X zufolge* и т.д.): *Dass sich das Konzept „Gesetz“ im Deutschen von demjenigen im Russischen unterscheidet, findet in der jeweiligen Sprache ihren deutlichen Niederschlag. Hinsichtlich des juristischen Gesetzes kann es nur im*

Russischen heißen: жить/судить не по закону, а по справедливости (nicht nach dem Gesetz, sondern nach der Gerechtigkeit leben/richten). Das bestätigt auch Solženicyn, dem zufolge im russischen Volk statt eines Rechtsbewusstseins immer schon das Empfinden für eine lebendige Gerechtigkeit geherrscht habe: ... [3: 107]. В данном случае КЭ пересекается с категорией таксиса, поскольку Г передает чужую точку зрения при помощи формы перфекта конъюнктива, который выражает предшествование.

Презентные формы конъюнктива в функции Э могут употребляться также и в цепочке простых, осложненных или сложно-подчиненных предложений. В таком случае конъюнктив I употребляется самостоятельно, Э-субъект находится в предшествующем предложении и выражается эксплицитно посредством существительных в Им. п.: *Der griechische Historiker erörterte im fünften vorchristlichen Jahrhundert in ebenso selbstverständlicher Weise wie nüchternen Form die Vor- und Nachteile der drei Regierungsformen. Für die Demokratie sprächen die Gleichberechtigung aller vor dem Gesetz, die Besetzung der Regierungsämter durch das Los, die Rechenschaftspflicht der Amtsträger sowie die Verabschiedung wichtiger Beschlüsse durch die Gesamtheit, die Volksversammlung. Als Vorzug der Aristokratie gelte die Position der Mitte – zwischen der Willkür eines einzelnen Tyrannen und der Selbstüberhebung der zügellosen Masse. Für den Vertreter der Monokratie führt die Herrschaft der Wenigen zu Privatfehden, die wiederum nur durch einen Monarchen zu schlichten seien. In der Demokratie komme es zur Bildung von Parteiungen, welche die Ausbeutung des Gemeinwesens bezweckten. Auch diesem Treiben könne allein durch den Besten an der Spitze des Staates, den Monarchen, ein Ende bereit werden. Der monarchischen Ordnung sei deshalb der Vorzug zu geben. Mit einigem Recht ist beklagt worden, dass die „Bedeutung dieses älteren Zeugnisses [...] gegenüber den geläufigeren Darstellungen von Aristoteles bis heute wohl noch nicht voll erkannt worden“ sei [Gallus, Jesse, 2007: 24].* – Как видим, в данном случае наряду с формами конъюнктива I употребляются также формы конъюнктива II и индикатива. Замена конъюнктива I индикативом означает, что автор нейтрально передает чужие слова без субъективной оценки. Формы конъюнктива II выполняют в данном случае функции конъюнктива I, т.к. здесь форма конъюнктива I морфологически совпадает с индикативом; /Дается рецензия на работу Кристофера Бидмана „Language and Meaning. The structural creation of reality“. / Автор нейтрально передает содержание, используя СПП с пассивом в Э-рамке и формы презентного конъюнктива в Э-форме (пропозиции). Далее идут простые предложения, без вводного компонента, т.к. Э-субъект был указан имплицитно в первом СПП посредством безличного пассива: *In Kap. 3 wird postuliert, dass das Passiv, da es formale Unterschiede zum Aktiv aufweist, mit dem Aktiv semantisch nicht identisch und nicht aus diesem ableitbar sei. Das engl. mit be+V-ed gebildete Passiv habe im Gegensatz zum Aktiv eine statale Bedeutung. Passiv sei ein Aspekt wie Progressiv und Perfekt, aber keine „voice“ im Sinne einer (pragmatischen) Thema-Rhema-Analyse [Deutsch als Fremdsprache, 2007: 51].*

Значительно реже презентные формы конъюнктива встречаются в случаях с прямой Э, при этом Г чаще всего сам является «хозяином» информации и нейтрально передает факты, мнения и т.п.: *Ich sage Tom Bouchard, ich könnte mir*

beim besten Willen nicht vorstellen, dass etwa bestimmte Namen genetisch programmiert seien [Das Geo-Heft, 1983: 42]; **Ich frage** ihn, was aus dieser Überzeugung inzwischen geworden sei [Das Geo-Heft, 1983: 44].

In diesem Zusammenhang **hielte ich** für sinnvoll, das Konstrukt „language awareness“ (Gnutzmann 1995) zu erweitern zu einer „communication awareness“. Dadurch wäre es zugleich möglich, verkürzte Sprachbegriffe zu korregieren; d.h. es **ginge** nicht mehr nur um ein Bewusstheit sprachlicher – struktureller – Regelmäßigkeit (...), sondern um die Bewusstheit der Rolle von Sprache im Rahmen kommunikativer Akte und diskutiver Wirklichkeitskonstruktionen [Deutsch als Fremdsprache, 2007: 138]. – В данном случае используется форма претерита конъюнктива, поскольку Г неуверен в истинности своей точки зрения, при этом на значение Э насаивается значение модальности, т.е. Г передает данную точку зрения как возможную или вероятную. В следующих предложениях Э сочетается с оценкой точки зрения Г: *Ich gestehe*, dass ich mir mit diesem Appell öfter ein wenig wie Don Quichotte *vorkomme* [Deutsch als Fremdsprache, 2003: 77]; *Wir sagen* so leicht dahin und freuen uns darüber, dass unser vereintes Land an weltpolitischem Gewicht *gewonnen habe* [Deutsch als Fremdsprache, 2003: 79].

Относительно прямой Э следует, отметить, что Г чаще всего излагает факты, мнения и т.п., в истинности которых он не сомневается и истинность которых он стремится утвердить. В таких случаях наиболее употребительными являются СПП, в которых носителем информации является сам Г. При этом источник информации и в Э-рамке и в диктумной части репрезентируются чаще посредством форм индикатива: *Gut finde ich*, dass sowohl im KB als auch im AB jeweils die Kopfzeile einer Seite ein Zitat aus der Foto-Hoer-Geschichte *enthält*, wobei der neue Lernstoff fett markiert ist... [Deutsch als Fremdsprache, 2007: 43].

Таким образом, из вышеизложенного следует, что в современном немецком языке для выражения значения Э используются не только формы индикатива, но зачастую формы презентного конъюнктива (конъюнктива I). Мы можем согласиться, что все чаще презентный конъюнктив замещается индикативом, однако это происходит зачастую в разговорной речи. Что касается письменной речи и, прежде всего, научного стиля, то большое значение имеет характер получения информации. При косвенной Э наиболее употребительными являются формы конъюнктива, при прямой Э преобладают формы индикатива.

Литература

1. Gallus A., Jesse E. Staatsformen von der Antike bis zur Gegenwart. – Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2007. – 415 S.
2. Das Geo-Heft. 1983, №6, Hamburg: Verlag Gruner + Jahr AG & Co.
3. Das Wort. Germanistisches Jahrbuch Russland, 2006. – Moskau: RGGU, 2006 – S. 330.
4. Deutsch als Fremdsprache. 2003 №2. – Muenchen/Berlin: Herder-Institut.
5. Deutsch als Fremdsprache. 2007, №3. – Muenchen/Berlin: Herder-Institut.
6. Deutsch als Fremdsprache. 2008, №2. – Muenchen/Berlin: Herder-Institut.
7. Sprachpflege, Zeitschrift für gutes Deutsch. №8. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1972. – S. 175.

References

1. Gallus A., Jesse E. States forms from antiquity to present. – Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2007. – 415 S.
2. Das Geo-Heft. 1983, №6, Hamburg: Publisher Gruner + Jahr AG & Co.
3. Das Wort. Germanic yearbook Russian, 2006. – Moskau: RGGU, 2006 – S. 330.
4. Deutsch als Fremdsprache. 2003 №2. – Muenchen/Berlin: Herder-Institut.

5. Deutsch als Fremdsprache. 2007, №3. – Muenchen/Berlin: Herder-Institut.
6. Deutsch als Fremdsprache. 2008, №2. – Muenchen/Berlin: Herder-Institut.
7. Sprachpflege, Journal for gut German. №8. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1972. – S. 175.

УДК 81

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДЕФИНИЦИОННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Безрукова Е.И.

кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия
besrukova@bsu.edu.ru

Кудрявцева Н.Б.

кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия
nkud@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы глубинной (логической, семантической) структуры дефиниционных предложений, их синтаксическая организация. Подробно характеризуются дефиниционные предикаты, а также предикаторы. Определяются семантические признаки дефиниционных структур.

Ключевые слова: дефиниция, дефиниционное предложение, предикат, предикация, дефиниционный предикат, семантико-синтаксическая структура.

SEMANTIC-SYNTACTIC ASPECT OF DEFINITIONAL SENTENCES

Besrukova E.I.

Candidate of Philology, Associate Professor
Belgorod National Scientific Research University
Belgorod, Russia
besrukova@bsu.edu.ru

Kudryavtseva N.B.

Candidate of Philology, Associate Professor
Belgorod National Scientific Research University
Belgorod, Russia
nkud@mail.ru

Abstract

In the article the main questions are connected with the deep (logical, semantic) structure of definitional sentences and their syntactic organization. Definitsonny predicates are detailed characterized as well as predicators. The semantic features of definitional structures are determined.

Keywords: definition, definitional sentence, predicate, predication, definitional predicate, semantic-syntactic structure.

Важнейшие проблемы лексикографии не могут быть сформулированы и решены без обращения к дефиниции, как основе существования различных словарей и терминов. Но проблемы дефиниции выходят далеко за рамки

исследований лексикографов, внедряются в другие отрасли языкознания, напр. лингвистику текста, синтаксис, семантику.

В данной статье мы предприняли попытку рассмотреть семантико-синтаксическую организацию текстовых дефиниций.

Дефиниция обладает своей семантико-синтаксической структурой, которой в естественно-языковой реализации соответствуют различные виды модифицированных дефиниционных предложений. Таким образом, исходная дефиниционная структура является своего рода глубинной по отношению к своим реализациям.

Термин «глубинная структура» сформировался в рамках трансформационной порождающей грамматики, и представляет собой способ представления предложения, позволяющий отразить смысловую близость ряда предложений, которые содержат одни и те же лексические единицы и отличаются друг от друга некоторыми грамматическими значениями. В такой трактовке глубинная структура противопоставляется поверхностной, для перехода к которой используются специальные правила перестройки – трансформации [Современная американская лингвистика, 2002: 18].

Глубинная структура дефиниционных предложений является не абстрактным образованием, как это традиционно принято понимать в генеративной грамматике. Глубинная структура дефиниционных высказываний представляет собой их семантическую структуру. Такая дефиниционная структура, соотносимая с исходным семантическим представлением дефиниций, встречается и в тексте и представляет собой реально функционирующие предложения.

Дефиниционная структура предполагает в качестве основного содержания наличие таких логических отношений как тождество, включение и дистинкция, которые образуют дефиниционную предикацию. Дефиниционный предикат является основным компонентом дефиниционного высказывания. Предикаты берут на себя роль сообщаемого в высказывании [Арутюнова, 1999: 2]. В дефиниционном высказывании осуществляется предикирование определяемому (дефиниендуму) определённых признаков. Предикация дефиниционных признаков осуществляется глаголом-связкой и другими глаголами. Комплексная семантико-синтаксическая структура характерна для любого дефиниционного высказывания. Возможны случаи так называемых энтимемных (неполных) дефиниций, где может отсутствовать один из компонентов дефиниционной предикации, например в предложении дефиниционного типа *Sokratus ist ein Mensch* отсутствует прямое указание на дистинктивный признак. Несмотря на то, что дистинктивный признак здесь не эксплицирован, мы всегда можем его прогнозировать, имея определённые знания о классе, точнее, о его свойствах.

Термин дефиниционная предикация впервые вводится в диссертационном исследовании С.А.Тер-Мкртчян. Под дефиниционной предикацией понимается «особый вид предикации, который является наиболее приспособленным для рационального построения определения» [Тер-Мкртчян, 1976: 4]. Проблема дефиниционной предикации в данной работе сводится, прежде всего, к выбору дефиниционного предиката, который ассоциируется у автора с глаголом в

составе научного определения, хотя автор и оговаривает, что речь идёт не только об употреблении разных глаголов, но именно глагол, наиболее приспособлен к выполнению предизирующей функции.

Семантическая классификация предикатов разграничивает предикаты действия, состояния, свойства и отношения [Богданов, 1977: 51].

Говоря о роли предикатов в структурно-семантическом оформлении немецкого предложения, обычно выделяют следующие классы предикатов:

- родовидовые предикаты (Genusprädikate),
- предикаты действия (Aktionsprädikate),
- предикаты процесса (Prozessprädikate),
- предикаты состояния (Statusprädikate),
- предикаты качества (Qualitätsprädikate) [Peter von Polenz, 1985: 159].

В формировании структуры дефиниционных предложений участвуют все указанные выше типы семантических предикатов. Характерными для дефиниционных высказываний являются родовидовые предикаты (Genusprädikate) и предикаты состояния (Statusprädikate). Родовидовые предикаты оформляют высказывания о принадлежности того или иного объекта к определённому классу (роду) [там же: 164-166]. Такой тип предикации характерен для классической дефиниционной структуры, состоящей из имени вида, связки, родового понятия и отличительного признака. В роли связок могут выступать глагол *sein* и его функциональные синонимы.

Родовидовые предикаты выражаются с помощью глагола-связки *sein* (не имеющего значения, но вводящего подлинный предикат) и предикативных имён существительных, которые, помимо своей основной функции – предикации, выступают в роли обозначения, используются в качестве средства референции. Поэтому в предложении имена существительные совмещают уточнительно-референтную функцию и чисто предикативную функцию, и тем самым относятся к функциональному, прагматико-семантическому классу слов – к предикаторам [Peter von Polenz 1985: 164]. По мнению А.Сеше, имена существительные в этой функции являются внутренними предикатами [Сеше, 2003: 59].

Предикаты состояния (стативы) сочетаются обычно с именами идентифицирующей семантики (именами собственными, местоимениями или иными определёнными дескрипциями).

Менее характерными для дефиниционных предложений являются акциональные предикаты. В.Б. Куриленко, говоря о дефиниционном предикате, среди основных его свойств выделяет отсутствие деятельностного, акционального момента [Куриленко, 1996: 20]. Тем не менее, ряд примеров свидетельствует о наличии деятельностного компонента у таких дефиниционных предикатов как *sprechen von, es handelt sich um...* Глагол *handeln* в составе сочетания *es handelt sich um...* является глаголом ментального действия. Глагол *sprechen* относится к локутивным глаголам, выражающим речевое действие.

Кроме того, как отмечает В.Б. Куриленко, другими свойствами дефиниционного предиката являются «бытийность», своеобразии которой заключается во «вневременном, оторванном от говорящего характере»

определения и соединении двух типов предикатов – таксономических и характеризующих [Куриленко, 1996: 20].

Дефиниция представляет собой бинарное, по выражению О.Н.Селивёрстовой, «бифокальное» образование, своеобразный номинативно-предикатный комплекс [Грязнова, 1985: 122]. По своей синтаксической структуре такие предложения имеют следующую схему: подлежащее + связка + предикативный номинатив. Д.И. Изаренков квалифицирует дефиниции как «особый подкласс синтаксических структур, который соотносится с аспектом отражения мира человеком», связанным «с его теоретической познавательной деятельностью, в процессе которой формируются его понятия о мире, в которых раскрывается представление человека о классах объектов через выявление их наиболее существенных признаков» [Куриленко, 1996: 19].

Среди характеристик дефиниционных предложений Ю.Н. Караулова, в частности, называется особый характер модальности, эмоциональной характеристики, интонации: «эти свойства у данных предложений не подлежат варьированию, они фиксированы раз и навсегда в одном из своих значений. Интонация – только повествовательная, утвердительная либо отрицательная, при невозможности вопросительной и восклицательной» [Караулов, 1981: 281]. Кроме того, автор отмечает наличие у данного типа предложений противоречивых, взаимоисключающих свойств: 1) исключённые из разряда пропозиций в связи с отсутствием в их структуре глаголов пропозиционального отношения, они тем не менее широко используют различные актуализаторы, часто опираются на изъяснительные конструкции, таким образом обнаруживают пропозициональные характеристики; 2) тема-рематическое членение дефиниционных предложений противоречит принципам актуального членения, согласно которым под темой понимается уже известное, данное, а под ремой – новое, ещё неизвестное; в дефинициях тема и рема меняются местами [там же: 283-285].

Дефиниционные предложения, формируемые с помощью выше названных предикатов, это именные предложения, характеризующиеся сочетанием в предикативном ядре двух имён существительных в позиции грамматического субъекта и грамматического предиката [Герасименко, 1998: 84]. В них предикативно соотнесены два понятия, выраженные именами существительными, которые могут представлять собой также именные группы, причём одна из них будет представлять собой предикатную именную группу, которая характеризуется функцией предикатива при связочном глаголе.

Дефиниции, как изначальные формы перифразирования, можно представить в виде функционально-семантического поля, доминанту которого образуют дефиниции, основанные на отождествлении, выражаемые связочным глаголом *sein*, т.е. через род и видовое отличие. Семантика отождествления является точкой отсчёта при анализе дефиниционных предложений.

Предикат является опосредующим звеном между логическими значениями и языковыми формами. Именно на уровне предиката интересы логики и лингвистики пересекаются. Являясь, с одной стороны, формальным показателем включения дефиниционной модели в структуру предложения, предикат

приобретает одновременно различные языковые формы и соответствующие им значения, и тем самым, вводит дефиницию в текст (предложение).

В позиции предикатора может находиться то существительное, денотат которого в той или иной мере допускает сопоставление, отождествление в широком смысле с денотатом существительного, занимающего позицию субъекта. Актуализация в имени существительном признаков семы, имеющейся в семантической структуре сопоставимого понятия, способствует проявлению в связке того или иного отношения. Именно это отношение в значении связки определяет тип пропозиции и семантику дефиниционного предложения в целом, т.е. является конституирующим.

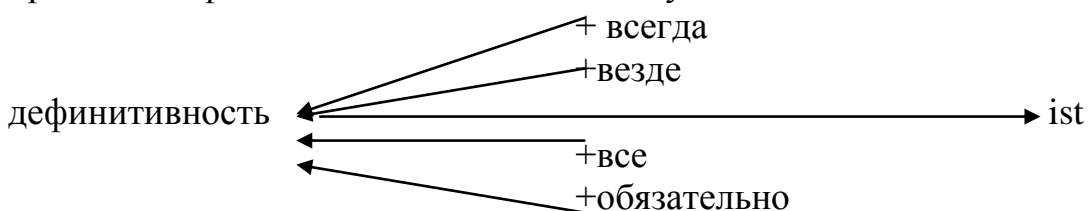
По своей семантике дефиниционные высказывания призваны оформлять общую ситуацию идентификации.

Необходимо различать ситуацию идентификации как узнавание объекта и как мысленное сравнение некоторого количества объектов. Дефиниционные предложения предполагают наличие ситуации идентификации такого типа, когда устанавливается, что объект, свойства которого уже ранее известны, является именно данным объектом с данными свойствами.

Дефиниendum представляет собой новую информацию, неизвестную реципиенту. В процессе дефинирования перцептивная информация, непосредственно наблюдаемая, сопоставляется с прежним опытом реципиента, в результате чего происходит идентификация объекта. Таким образом, дефинирование включает в себя два психологических процесса: перцепцию и апперцепцию.

Как структура, содержащая в своём составе суждение, дефиниция характеризуется модальностью, определённой степенью аподиктичности. Аподиктический характер дефиниционных высказываний обусловлен, в первую очередь, употреблением глагола «бытия», который является утверждающим, констатирующим [Ахманова 1974: 61]. Таким образом, аподиктический характер дефиниционных предложений, или дефинитивность, можно рассматривать как основное свойство дефиниций и дефиниционных перифраз.

Составляющими (их можно обозначить как семантические маркеры) признака дефинитивности являются следующие семы:

Такой набор признаков представляет собой достаточно жёсткую структуру, нечто более абстрактное, чем сама дефиниция, своеобразный семантический конструкт. Это та объективная константа, которая обеспечивает существование пропозиции дефиниционного высказывания.

Названные дефиниционные признаки имплицитно содержатся в дефиниционном высказывании, и обуславливаются presupпозицией существования, о наличии которой свидетельствует употребление связки *sein*, в которой «закодирована» дефиниционная ситуация. Они не имеют

соответствующего структурного эквивалента в исходной дефиниционной схеме. Однако, в естественно-языковом функционировании, каждый из названных признаков может иметь соответствующее выражение.

Признаки дефинитивности, эксплицированные в дефиниционном высказывании, могут подвергаться изменениям, что влечёт за собой изменение качественных и количественных характеристик дефиниционных высказываний. Изменение одного из этих признаков можно трактовать как модификацию признака дефинитивности.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – I-XV, 896 с.
2. Ахманова О.С., Тер-Мкртчян С.А. Научное определение как лингвистическая и семиотическая проблема // Проблематика определения терминов в словарях разных типов. – Л.: Наука, 1976. – с.57-63
3. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. – Л., 1977. – 204 с.
4. Герасименко Н.А. Семантика логических связей в бисубстантивных предложениях // Семантика языковых единиц: Доклады VI Межд. конф. – т.2. – М., 1998. – С.83-85.
5. Грязнова О.В. Словарная статья терминологического словаря как вид научного текста (на материале словарей английского языка): Дисс. канд.филол.наук. – М., 1985. – 216 с.
6. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М., 1981. – 366 с.
7. Куриленко В.Б. Обучение иностранных студентов технического профиля рецепции и продукции дефиниции предметного термина/понятия: Автореф.дисс. ... канд.пед.наук. – М., 1996. – 20 с.
8. Сеше А. Очерк логической структуры предложения. – М: Едиториал УРСС, 2003. – 224 с.
9. Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / Под ред. Кибрика А.П., Кобозевой И.М., Секериной И.А. – М.: изд-во Моск.гос.ун-та им. М.В.Ломоносова, 2002. – 477 с.
10. Тер-Мкртчян С.А. Глагол в составе научного определения (на материале современного английского языка): Автореф.дисс. ... канд.филол.наук. – М.: изд-во Московского Университета, 1976. – 24 с.
11. Polenz von Peter. Deutsche Satzsemantik. Grundbegriffe des Zwischen-den-Zeilen-Lesens. New York: Walter de Gruyter, 1985. – 389 S.

References

1. Arutyunova N. D The language and the world of man- 2nd edition., corrected – M. The languages of Russian culture, 1999. – I-XV, 896 p.
2. Akhmanova O. S., Ter-Mkrтчian S. A. Scientific definition as a linguistic and semiotic problem // Problems of definition of terms in dictionaries of different types. – L.: Nauka, 1976. – p. 57-63
3. Bogdanov V. V. Semantic-syntactic organization of the sentence. – L., 1977. – 204 p.
4. Gerasimenko N. A. Semantics of logical connective in besubstantially proposal // Semantics of language units: reports of the VI Int. Conf. – T. 2. – M., 1998. – P. 83-85
5. Gryaznova O. V. Dictionary entry of terminological dictionary as kind of scientific text (on materials of dictionaries of English language) : Diss. Candidate of Philology. – M., 1985. – 216 p
6. Karaulov Yu. N. Linguistic designing and thesaurus of literary language – M., 1981. – 366 p.
7. Kurilenko V. B. Training of foreign students of a technical profile the reception and production of definitions of terms/concepts: author.Diss. ... candidate of pedagogical sciences. – M., 1996. – 20 p.
8. Seshe A. Essay of logical structure of the sentence. – Moscow: editorial URSS, 2003. – 224 p.
9. Modern American linguistics: fundamental directions / edited by Kibrik, A. P., Kobozeva I. M., Sekerina I. A. – M.: publishing house of Lomonosov Moscow State University, 2002. – 477 p.
10. Ter-Mkrтчian S. A. Verb in the structure of scientific definition (on the material of modern English): author.Diss. ... candidate of Philology M. publishing house of Moscow University, 1976. – 24 p.
11. Polenz Peter. German Sentence Semantics. Basic concepts of the Between-the-lines reading. New York: Walter de Gruyter, 1985. – 389 p.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ВОКАБУЛЯРИЙ: НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Бондарева М.М.

аспирант
кафедра немецкого и французского языков,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
bondareva_m@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности тематического словаря в национальных лингвокультурах. Выявляются типологические характеристики подхода к изучению терминологических комплексов.

Ключевые слова: словарь, лексикография, лингвокультура, тематические группы, термин, номинация, значение.

SUBJECT VOCABULARY: NATIONAL AND CULTURAL ASPECT

Bondareva M.M.

Assistant
German and French Department,
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
bondareva_m@bsu.edu.ru

Abstract

The article discusses the features of the thematic vocabulary in the national linguistic cultures. Typological characteristics are identified in approaches to the study of terminology complex.

Key Words: dictionary, lexicography, linguistic culture, thematic groups, the term nomination, value.

Современные филологические исследования все более активно смещают поле своей деятельности в сферу антропологического аспекта языка. Одним из манифестаций антропоцентрической парадигмы является создание и изучение тематического словаря национальной лингвокультуры. Данный тип вокабулярия выступает с одной стороны как инструмент описания одного из видов деятельности человека. С другой стороны тематический словарь является объектом лексикографической репрезентации.

Сегодня как в отечественной, так и зарубежной лингвистике осуществляется процесс становления теоретической лексикографии как самостоятельной отрасли, и этот процесс находится на начальном этапе. Среди филологов не утихают споры об эпистемологическом и корпусном статусе лексикографии [Wiegand, 1983: 13].

Тематическая лексика национальных языков традиционно является объектом исследования в терминоведении с точки зрения базового материала для научно-технической лексикографии. При этом тематический корпус национального языка может и должен изучаться в этнокультурном аспекте с целью выявления

признаков национального менталитета. В последние десятилетия данное направление развивается в рамках экспериментальной лексикографии.

На современном этапе развития общества, в условиях глобализации остро встает вопрос о том, как сохранить национальное своеобразие и не свести достижения отдельных культур к универсальной монокультуре. Решение вопроса можно отыскать в изучении ментальных механизмов, отраженных в языке нации, а также в природе формирования национального характера. Все это можно проследить на материале словарных статей, отражающих определённые тематические группы.

Напомним, что национальный характер (менталитет) представляет собой совокупность наиболее устойчивых для данной национальной общности особенностей эмоционально-чувственного восприятия окружающего мира и форм реакций на него. Выражаясь в эмоциях, чувствах, настроениях, национальный характер проявляется в существующих языковых формах и может находить своё отражение в терминологическом корпусе тематических словарей.

В лингвистике последних десятилетий всё более актуальным становится использование этноцентрического подхода к анализу языковых данных. На первый план выходит осмысление языковой семантики через систему концептов и категорий объективно существующих предметов и явлений.

Одним из способов исследования менталитета становится изучение словарной статьи как неотъемлемой части национального дискурса. Так особенности толкований идентичных терминов разнятся в словарях разноструктурных языков. Например, термины родства в русских, французских и немецких словарях представлены в несовпадающих семантических форматах. По мысли О.В. Близнюк: «Системы терминов родства у различных народов по-разному накладываются на множество биологических отношений родства; способ этого «наложения» определяет специфику той или иной системы родства» [Близнюк 2006]. При этом лингвист подчёркивает специфику национально-культурной маркированности / немаркированности терминов на основе выделения дифференциальных семантических признаков, которые могут рассматриваться как идентификаторы национального менталитета.

Говоря о национально-культурной специфике терминологии, следует отметить, что именно национальной общностью людей, общностью свойственных им особенностей и экзистенциальных восприятий создаётся национальные тематические корпуса слов и высказываний. При этом специфические для каждой лингвокультуры признаки словарного дискурса могут быть выделены не только на уровне номинантов используемого инструментария или предметов быта, но и во фразеологии, паремии, фольклорном языковом материале.

Устойчивый характер национальных черт отражается в словарном материале, так как состояние жизненных ресурсов и потребления для каждой нации обусловлены относительно жёстко фиксированным набором культурных стандартов.

Избираемая структура словарного дискурса обладает определенным набором этнокультурных признаков, так как разные языки отражают собственные

«индивидуальные» предпочтения в плане логики, семантики и стратегии достижения целей коммуникации. Это выражается в специфике конфигураций семантических компонентов в национальных языках. Словарные пресуппозиции могут рассматриваться в качестве структурной основы реализации ценностных установок в речевом поведении и коммуникации.

Тематические словарные пресуппозиции рассматриваются как не вызывающие сомнения семантико-смысловые комплексы (отражаемые в языке), на которые однозначно реагируют представители одной и той же культуры. Речь идёт о национальных стереотипах относительно своих когнитивных способностей, а также о ментальных особенностях других народов. При помощи выявления словарных пресуппозиций исследователь может узнать об аутентичности преференций культуры. В дополнение к эпистемологической значимости моделирования пресуппозиций можно говорить о дидактической ценности подобных операций, в результате которых появляется возможность освоить представления, как о нынешней ситуации, так и об общих «правилах жизни» нации в данной области.

Итак, тематический вокабулярный трактуется как одна из форм реализации национального языка в динамике текстовой организации дискурса в русле тематической коммуникации. Коммуникативная ситуация с использованием терминологического вокабулярия этнокультурно обусловлена и имеет характерологические параметры, по которым могут быть идентифицированы менталитетные признаки нации. Тематическая составляющая дискурса базируется в первую очередь на специальной для определённого вида человеческой активности лексике, которая выступает в качестве ключевого материала для выявления признаков национального характера.

Литература

1. Близнюк О.В. Сопоставительный семантический анализ терминов родства в различных лингвокультурах: автореф. дисс. канд. филол. наук, 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. – Тверь, 2006.
2. Гак В.Г. Проблема создания универсального словаря (энциклопедический, культурно-исторический и этнолингвистический аспекты) // Национальная специфика языка и её отражение в нормативном словаре. – М.: 1988. – С.119-125.
3. Wiegand Herbert Ernst On the Structure and Contents of a General Theory of Lexicography // Proceedings Papers from the International conference on Lexicography. – Exeter 9-12 September, 1983. – P. 13-20.

References

1. Bliznyuk O.V. Comparative and semantic analysis of kinship terms in different linguistic cultures: Author. diss. cand. philol. Sciences 10.02.20 – Comparative-historical, typological and comparative linguistics. – Tver, 2006.
2. Gak V.G. The problem of creating a universal vocabulary (encyclopedic, cultural, historical and ethno-linguistic aspects) // National specificity of language and its reflection in a standard dictionary. – M.: 1988. – P.119-125.
3. Wiegand Herbert Ernst On the Structure and Contents of a General Theory of Lexicography // Proceedings Papers from the International conference on Lexicography. – Exeter 9-12 September, 1983. – P. 13-20.

АНГЛИЙСКАЯ ЛЕКСИКА КАК ИСТОЧНИК ПОПОЛНЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО СЛОВАРЯ XX ВЕКА

Кривчикова Н.Л.

доцент кафедры немецкого и французского языков,
кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия
krivchikova@bsu.edu.ru

Трещёва Н.В.

доцент кафедры немецкого и французского языков,
кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия,
trescheva@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматривается корпус заимствованной лексики французского языка. На примере английских заимствований в сфере компьютерных технологий выявляются причины их проникновения во французский язык. Выявляются функциональные характеристики, которые определяют коммуникативную направленность выделенной тематической лексики.

Ключевые слова: заимствованная лексика, термин, англицизм, значение, языковой контакт.

ENGLISH LEXICON AS A SOURCE OF REPLENISHMENT OF THE FRENCH DICTIONARY OF 20th CENTURY

Krivchikova N.L.

Associate professor, Department of German and French languages,
Candidate of philological Sciences, associate professor
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia
krivchikova@bsu.edu.ru

Treshcheva N.V.

Associate professor, Department of German and French languages,
Candidate of philological Sciences, associate professor
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia
trescheva@bsu.edu.ru

Abstract

The article deals with some peculiarities of borrowing in French language. These peculiarities are shown by the example of vocabulary of computer technology. Identifies functional characteristics that define a communicative focus dedicated thematic vocabulary.

Keywords: borrowed lexicon, term, anglicism, meaning, language contact.

Введение. Вопросы взаимного языкового влияния, в частности французского и других родственных и неродственных ему языков, привлекают внимание многих исследователей, о чем свидетельствует огромное количество работ, посвященных различным аспектам изучения проблем языковой контактологии. Разработка вопроса о функционировании языков за пределами среды своих носителей представляется очень перспективной: сам отбор единиц, заимствуемых языком-акцептором, свидетельствует не только о культурно-историческом статусе носителей данного языка, но и о культурно-исторической ситуации, переживаемой носителями языка-источника. В этой связи, интерес к

английскому языку как источнику заимствований во французский язык, во многом определяется политическим контекстом, который влияет на изменение статуса этого языка в мире в целом. На данном этапе назрела необходимость дополнить и в ряде аспектов изменить существующие представления о характере и месте английской лексики во французских словарях и ее роли в развитии современного французского языка.

Исследование данного направления потребовало привлечения нового языкового материала, расширения хронологических и тематических границ исследуемой заимствованной лексики, не представленной ранее в исследовательской литературе (англицизмы в сфере компьютерных технологий).

Основными источниками материала стали французские лексикографические издания, в частности *Dictionnaire des mots nouveaux* par Pierre Gilbert, 1971; *Dictionnaire étymologique de la langue française* par Oscar Bloch et Walther von Wartburg, II e édition, 1996; Larousse. *Dictionnaire Usuel 42500 mots*. Librairie Larousse, 1988; *Le dictionnaire de notre temps*. Hachette, 1989; *Le Trésor de la langue française informatisé*. (TLF). Version du 10/12/2002; *Nouveau dictionnaire étymologique et historique* par A. Dauzat, J. Dubois. H. Mitterand. Paris. 1981; публицистические тексты конца XX в., а также данные франкоязычных сайтов www.altavista.fr и www.paroles.net, полученные из Интернет-ресурсов.

История воздействия английского языка на словарный состав французского языка, по мнению М. Дебрэнн, так же стара, как и отношения между двумя народами, говорящими на этих языках [1, с. 43].

Совершенно естественно, что английский язык, язык соседней страны, с которой Франция связана исторически, оказывает на протяжении всей истории их двусторонних отношений определенное влияние на французский язык. Ж. Вандриес отмечал, что никогда или почти никогда не бывает, чтобы какой-либо говор длительно развивался без всякого внешнего влияния. Напротив, влияние соседних языков на данный язык часто играет важную роль в языковом развитии. «Соприкосновение языков является исторической необходимостью, и соприкосновение неизбежно влечет за собой взаимопроникновение» [4, с.135].

Проблемы языковых контактов, лингвистической интерференции и изучения заимствованных слов привлекали внимание многих ученых. Достаточно назвать таких известных отечественных и зарубежных лингвистов, как И.А. Бодуэн де Куртенэ, Р.А. Будагов, А.А. Белецкий, Л.Г. Веденина, В.В. Виноградов, В.Г. Гак, А.А. Реформатский, У. Вайнрайх, Ж. Вандриес, П. Гиро, А. Доза, А. Мартине, Э. Хауген, Г. Шухардт, посвятивших свои работы этим проблемам.

Мнения ученых не всегда совпадают и часто находятся в полном противоречии. Некоторые лингвисты полагают, что иноязычные заимствования расшатывают языковую систему. Они высказывают мнение о том, что проникновение большого количества слабо ассимилированных иностранных слов нарушает гармонию языка.

Однако среди другой группы исследователей превалирует мнение о том, что заимствования не только не мешают языку-реципиенту развиваться и совершенствоваться, но напротив, они способствуют этому процессу и ускоряют его. Заимствования представляют собой одно из основных явлений жизни языка.

Это международный обмен в области языков, вызываемый всей совокупностью отношений между народами.

Французский язык, как и всякий другой язык, находится в постоянном развитии. Он живет, значит он изменяется. Язык меняется соответственно с изменениями нравов и жизненных условий эпохи, испытывая влияние других языков. В своем развитии язык ищет всегда самые легкие и короткие пути, поэтому заимствования являются одним из важных источников пополнения словарного состава языка.

Французский язык включает заимствования из более чем шестидесяти языков мира. Большую лепту в развитие французского языка внесли языки романской группы. Однако из нероманских иноязычных элементов во французском словаре самое значительное место принадлежит английским словам [3, с. 156].

Процессы взаимодействия между языками, в данном случае между английским и французским, особенно ярко проявляются в области лексики. В условиях тесного экономического, политического и культурного взаимодействия между Францией и англоговорящими странами в различные исторические периоды из языка в язык проникало и продолжает проникать определенное количество иностранных слов. Заимствованная лексика отражает многовековую историю развития отношений между Францией и этими странами.

В процессе функционирования языка происходит с одной стороны пополнение словарного запаса, обновление языка, а с другой – постоянное самоочищение от всего неактуального, ненужного, засоряющего язык. Словарь – это непрерывный кругооборот приобретаемых и утрачиваемых слов [3, с. 158].

Английское влияние на французский язык начинается уже в XII веке. Однако до XVII века это влияние было очень незначительным, хоть и постоянным. Начиная с XVII века, а особенно в XVIII веке, процесс заимствования англицизмов в количественном отношении резко возрастает, особенно в XIX веке. Больше или меньше количество заимствованных слов объясняется исторически. Заимствование такого значительного количества англицизмов отражает историю развития связей двух государств, двух языков и двух культур. Начиная с XVII века, во Франции возрастает интерес к жизни английского общества, ко всему, что происходит в этой стране. Необходимое условие процесса заимствования – существование близких связей между двумя народами: экономических, литературных и социальных, способствует закреплению в словаре французского языка более чем 200 заимствований за период XVII-XVIII вв. Английские слова, пополнившие лексический фонд французского языка в этот период, отражают быт и особенности жизни английского общества.

Среди заимствований XVIII-XIX вв. встречаются уже не только английские заимствования. В этот период посредством английского языка во французский язык проникают английские заимствования американского происхождения, так называемые американизмы.

XX век вносит свои коррективы в процесс заимствования англицизмов. Начавшись после двух мировых войн, процесс заимствования англицизмов-американизмов усилился в 50-х годах и не ослабевает и в начале нового столетия.

Американизация французского языка на данном историческом отрезке, по мнению А. Доза, являлась следствием усилившегося влияния США в мировом сообществе. «Vivace dans tous les domaines, appuyée par l'hégémonie du dollar, le quasi-monopole scientifique de la langue anglaise et le prestige de l'américan way of life, la culture américaine a donné le ton au monde entier pour le meilleur et pour le pire, inondant les marchés de ses produits, propageant partout son idéologie et ses valeurs, étouffant en nombre de cas les cultures nationales» [2, с.234].

Анализ и сопоставление французских словарей второй половины XX века показывает, что количество англицизмов, заимствованных в этом временном отрезке, превышает данные ряда французских исследователей, указывавших на относительно небольшое их количество по сравнению с предыдущими периодами.

На основании сплошной выборки из лексикографических источников, можно утверждать, что во второй половине XX века во французский язык вошло около 1000 англицизмов. Несомненно, включение иноязычного слова в состав словарей, содержащих широкоупотребительную лексику французского языка, говорит о том, что применение данного слова в языке необходимо, его используют носители французского языка и оно является составной частью его структуры. Однако, в последние десятилетия XX века и в начале нынешнего, приток английских заимствований постоянно возрастает, а их удельный вес во французском языке значительно превышает их словарное количество. Это свидетельствует о том, что французские словари не успевают регистрировать все новые английские заимствования.

Непрерывность роста числа заимствований подтверждается и изучением языка французской прессы. Их приток в настоящее время осуществляется чрезвычайно быстрыми темпами. Язык французских газет ежедневно пополняется новыми заимствованиями, отражающими французскую действительность XXI века. Каждый номер «Le Monde» содержит от 5 до 22 англицизмов.

Социально-экономическое развитие Франции вносит свой вклад в изменение лексики французского языка. Следует отметить, что наиболее стремительно развивается профессиональный язык. Лексический состав сферы компьютерных технологий представляет огромный интерес для исследователей, так как влияние современных технологий на жизнь общества велика. Компьютерная техника и компьютерные технологии прочно вошли в человеческую жизнь. Они внесли в язык большое количество специальных терминов, большинство из которых заимствованы из английского языка.

Примером вышесказанного может послужить английское заимствование «cybersquatting», которое означает регистрацию доменных имён, содержащих торговую марку, принадлежащую другому лицу с целью их дальнейшей перепродажи или недобросовестного использования. Заимствование «folksonomy» – народная классификация, практика совместной категоризации информации (текстов, ссылок, фото, видео клипов и т. п.) посредством произвольно выбираемых меток, называемых тегами. Слово «freeware» происходит от англ. Free – «бесплатный» и software – «программное обеспечение») означает программное обеспечение, лицензионное соглашение

которого не требует каких-либо выплат правообладателю. «Workflow» – это графическое представление потока задач в процессе и связанных с ним подпроцессов, включая специфические работы, информационные зависимости и последовательность решений и работ.

В современном обществе возник термин «start-up». На примере сферы информационных технологий и интернет-проектов, «стартапами» называют новые компании, только появляющиеся или планируемые к созданию. Термин «plug-in» (от «plug in» – «подключать») значит независимо компилируемый программный модуль, динамически подключаемый к основной программе и предназначенный для расширения и использования её возможностей.

Так как английский язык является международным языком, то именно с его помощью появляется современное наименование тех или иных явлений. Данные наименования впоследствии становятся общепринятыми и проникают в лексику многих языков. Этот процесс подтверждается появлением множества аббревиаций. Например «RFID» (Radio Frequency Identification Devices) – способ автоматической идентификации объектов, в котором посредством радиосигналов считываются или записываются данные, хранящиеся в так называемых транспондерах, или RFID-метках. «ENISA» (European Network and Information Security Agency) – это Европейское агентство по сетевой и информационной безопасности, выступающее в роли консультанта и центра передовых технологии в сфере сетевой и информационной безопасности для стран-членов и институтов Евросоюза.

Следует отметить, что процесс заимствования происходит тогда, когда требуется упростить то или иное выражение. Например, французское словосочетание «esclave pour dettes» вытесняется англицизмом «addiction». В широком смысле – это зависимость, пагубная привычка, ощущаемая человеком навязчивая потребность в определённой деятельности. Так же среди заимствований в сфере компьютерной терминологии встречаются телескопные слова, например «adware» (от англ. «advertising supported software»), обозначающее программное обеспечение, содержащее рекламу. Заимствование «adware» обозначает вредоносное программное обеспечение, основной целью которого является показ рекламы во время работы компьютера. «Malvertising» произошло от слияния слов «malware» (вредоносные программы) и «advertising» (реклама), означает метод распространения вредоносного программного обеспечения через рекламные сети, не требующий взлома онлайн-ресурса. Слово «webcam» образуется от «web» – «сеть, паутина» и «cam» от «camera». Это малоразмерная цифровая видео- или фотокамера, способная в реальном времени фиксировать изображения, предназначенные для дальнейшей передачи по сети Интернет. Некоторые словари предполагают, что заимствование «widget» произошло от слияния «window» и «gadget» (буквально «оконное приспособление»), и означает элемент интерфейса, имеющий стандартный внешний вид и выполняющий стандартные действия.

Многие заимствования в сфере компьютерных технологий образуются при помощи префикса «e-» (от «electronic»). Например «e-learning» это – система электронного обучения, обучение при помощи информационных, электронных технологий. «E-book» – электронная книга, общее название группы

узкоспециализированных компактных планшетных компьютерных устройств, предназначенных для отображения текстовой информации, представленной в электронном виде.

Таким образом, наблюдая развитие французского языка на данном этапе, отмечая резкое увеличение численности англицизмов, зарегистрированных словарями современного французского языка, стремительность и настойчивость, с которой английские и американские инновации проникают во французский язык, можно уже сейчас утверждать, что процесс этот необратим, находится в постоянном развитии и претерпевает новые изменения. Влияние английского языка на французский является значительным, исторически обусловленным, носит постоянный характер, а на данном этапе развития имеет тенденцию к усилению.

Литература

1. Дебрэнн М. История французской лексики: Метод, материалы к спецкурсу. Новосибирск: НГУ, 1996. – 43 с.
2. Доза, А. История французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. – 472 с.
3. Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 142 – 161.
4. Крысин Л. П. Языковое заимствование как проблема диахронической социолингвистики // Диахроническая социолингвистика. М.: Наука, 1993. –С. 131-151.
5. Орешкина М. В. Языковые контакты и лексикографическая практика: словари заимствований // Историко-культурный аспект лексикографического описания русского языка / Под ред. Г. А. Богатовой. М.: Институт русского языка РАН, 1995. – С. 141 – 147.
6. Le dictionnaire de notre temps. Hachette, 1989.
7. Dictionnaire des mots nouveaux par Pierre Gilbert, 1971.
8. Larousse. Dictionnaire Usuel 42500 mots. Librairie Larousse, 1988.
9. Nouveau dictionnaire etymologique et historique par A. Dauzat, J. Dubois, H. Mitterand. Paris, 1981.
10. Richesses lexicales du français contemporain / Sous la direction de Charles Bernet et Pierre Rezeau. Centre National de la Recherche Scientifique. Paris, Klincksieck, 1995. 226 p.
11. Le Tresor de la langue française informatisé. (TLF). Version du 10/12/2002.
12. Walter, Henriette et Walter, Gerard. Dictionnaire des mots d'origine étrangère. Paris: Larousse, 1991. 413 p.

УДК 811.1'42

ИДИОМАТИКА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕВОДА

Лагоденко Дж.В.

доцент кафедры английского языка и методики преподавания,
кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
lagodenko@bsu.edu.ru

Лагоденко Ж.М.

доцент кафедры английского языка и методики преподавания,
кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
lagodenkoZh@bsu.edu.ru

Аннотация

Данная статья посвящена проблеме взаимовлияния лексикографии и практики перевода на примере перевода фразеологизмов, содержащих в своем составе культурно обусловленные

маркеры. Осложнение переводческого процесса в этой ситуации заключается в том, что ситуативные смыслы воспроизводятся недостаточно полно в лексикографических источниках, что приводит к существенным изменениям в информационной структуре текста. Различие в объеме и качестве коннотативной информации оригинала и перевода приводит к тому, что эмоциональные реакции получателей этих предложений будут несколько различаться.

Ключевые слова: двуязычные словари, толковые словари, тезаурус, культурные маркеры, адекватная передача смысла, межъязыковые эквиваленты, окказиональный перевод

IDIOMS IN LEXICOGRAPHICAL DISCOURSE IN THE CONTEXT OF TRANSLATION

Lagodenko J.V.

Associate Professor of Department of English Language and
Methods of Teaching, PhD in Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
lagodenko@bsu.edu.ru

Lagodenko J.M.

Associate Professor of Department of English Language and
Methods of Teaching, PhD in Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
lagodenkoZh@bsu.edu.ru

Abstract

The paper covers the problems of translation of idioms with ethnic specified markers. The process of translation in this case is complicated by incomplete reproduction of situational sense in lexicographical literature that causes changes in text informative structure. The distinction of capacity and quantity of connotative information of original and translated texts causes the difference of the emotional reaction of recipients.

Key words: bilingual dictionaries, thesaurus, cultural markers, an adequate transmission of sense, interlingual equivalents, occasional translation

Динамическая система эквивалентностей, базирующаяся на кросс-культурных исследованиях, фиксирует не только межъязыковые соответствия, но и межкультурные. Находясь на пересечении двух культур, переводчик зачастую нуждается в объективной информационной базе, отражающей сдвиги в области языкового сознания. Реализация конкретных переводческих стратегий дает возможность проследить глубинные процессы языкового сознания и увидеть связь переводческих решений с информационной структурой общества.

Фразеология составляет наиболее живую, яркую своеобразную часть словарного состава любого языка, которая обладает экспрессивной окраской и принадлежит к различным функциональным стилям. Даже стилистически нейтральные фразеологизмы отличаются национальным своеобразием и могут приобретать экспрессивное значение в контексте, возможности которого не в состоянии предусмотреть никакой словарь.

Проблемы перевода инокультурных маркеров наиболее полно представлены в культурно-этнической концепции перевода Ю. Найды. По его мнению, нет таких языков, которые сегментировали бы внеязыковой опыт идентично. Так, он считает, что любой источник информации (source) и любой

рецептор (receptor) информации сугубо индивидуальны, что определяется их жизненным опытом, и, следовательно, их понимание какого-либо сообщения будет различным [Найда, 1978: 124]. Однако это не делает коммуникацию невозможной. Просто в понимании одного и того же сообщения разными людьми не наблюдается эквивалентности.

Поскольку фразеология выделяется своими функциями в языке и речи, она требует особого подхода в процессе перевода. Основная трудность перевода таких единиц в том, что их нельзя передать эквивалентами, так как эквивалентность предполагает идентичность всех показателей, в том числе и национальной окраски, а это практически невозможно [Флорин, 1983: 167]. Национальный колорит фразеологических единиц может быть обусловлен: 1) специфически окрашенным компонентом (реалия, имя собственное – топоним, антропоним): *he will not set the Thames on fire* – он пороха не выдумает, он звезд с неба не хватает; *to be from Missouri* – быть скептиком; или 2) характером самой единицы, связанной тем или иным путем с национальными, часто бытовыми, историческими и другими особенностями народа: *to grin like a Cheshire cat* – улыбаться во весь рот.

Вместе с тем бывают случаи межъязыкового фразеологического параллелизма, когда в разных языках фразеологические единицы передаются с помощью эквивалентных лексических единиц. Такие соотношения возникают не только благодаря случаям перевода. Много тождественных фактов в жизни народа получает одинаковое переосмысление. Поэтому причины возникновения в разных языках похожих поговорок могут быть такими: 1) одинаковость или близость условий проживания народов; 2) языковое сходство и конструктивная близость родственных языков; 3) заимствование как результат культурно-исторического взаимодействия и общности языкового ареала; 4) наличие черт сходства духовной жизни, инвариантность элементов соответствующих форм общественного сознания; 5) сходство исторического опыта народов [Солодухо, 2008: 58].

Довольно часто поговорки подвергаются калькированию при переводе с одного языка на другой. Калькирование оригинальных форм приводит к наиболее качественным изменениям. Однако процесс калькирования имеет прогрессивный характер. При этом фразеологизмы и поговорки, которые калькируются, обогащают духовную жизнь народа, обогащают его язык.

Этот факт указывает на наличие интернациональной фразеологии, которая, несмотря на особенности варианта и инварианта каждой локальной культуры, имеет свои изоморфные черты. Изоморфные интернационализмы довольно продуктивны и функционально активны. Они могут пополнять интернациональный фразеологический фонд. Однако не всегда похожие по морфологическому строению фразеологизмы и поговорки имеют одинаковое лексическое значение.

Наличие фразеологии придает языку живость, красочность и гибкость. Фразеологические единицы, помимо определенного смыслового содержания, заключают в себе богатство экспрессивно-стилистических оттенков, поэтому задачей переводчика является не только передать на русский язык смысл

фразеологической единицы, но и донести до русского читателя ее образность и экспрессивность.

Большинство фразеологизмов русского языка может быть передано на английский язык с помощью фразеологических аналогов, под которыми в лингвистической литературе понимаются разноязычные ФЕ, допускающие различия не только в компонентном (лексемном) составе и структурно-грамматической организации, но и в эмотивном, экспрессивном и функционально-стилистическом компонентах коннотации при совпадении сигнификативно-денотативного компонента значения и субъективно-оценочного компонента коннотации.

Перевод таких ФЕ не вызывает трудностей, но рассматривать их надо не только как явление языка, но и речи. Например:

“... Will the Prez have the guts to fire the old man?” [Grisham: 98]

Хватит ли у президента решимости уволить старика?

Несмотря на то, что идиома ‘to have guts to do something’ дается в английских словарях с пометой ‘*informal*’ [см. Oxford Idiom Dictionary, 2006] данное выражение имеет тождественную дефиницию как в англоязычных, так и в русскоязычных словарях, а именно: ‘to have/ possess the courage (to do something)’ и ‘иметь мужество сделать или сказать что-то; хватить духа’, соответственно. Словарная статья данного фразеологизма в английском словаре – тезаурусе идиом представлена следующим образом:

have the guts (to do something) ‘(informal) to have the courage/ to have nerve to do something; to be brave/ bold enough to do something; (informal:) to have enough spunk/ backbone/ spirit to do something’

Как видно из вышеприведенного примера, наряду с нейтральными эквивалентами словарь дает трактовку фразеологизма и на разговорном уровне, хотя трудно согласиться с автором словаря с тем, что данные дефиниции отличаются друг от друга в стилистическом плане.

На наш взгляд, перевод данной идиомы не соответствует ни характеру говорящего, ни ситуации. Диалог происходит между агентом ФБР и журналистом, занимающимся расследованиями, в неформальной обстановке и разговорном стиле. Поэтому такой перевод, на наш взгляд, не совсем уместен, так как он выпадает из общего контекста. В русском языке имеется аналогичный по семантике фразеологизм, но антонимический по структуре – ‘*кишка тонка*’, имеющий насмешливую или презрительную коннотацию, которая, по сути, является ключевой в данном контексте. Как справедливо отмечает Я. И. Рецкер, «переводчик не всегда может полагаться на данные словарей, а сам должен разбираться в проблемах фразеологии» [Рецкер, 2004: 146].

Количество эквивалентов в русском и английском языках сравнительно невелико. Значительно чаще переводчику приходится использовать русскую ФЕ, аналогичную по смыслу английской, но основанной на ином образе. Иногда аналоги являются семантическими эквивалентами, например:

He had been the sun and the moon to her, along with their kids. [Oxford Idioms Dictionary, 2006: 87]

Он был для нее и царь и бог. Офелия жила только ради Теда. И ради детей.

А иногда, смена образа влечет за собой и смену коннотации:

She had been the glue that had kept the family together, despite countless traumas and near tragedies. [там же: 2]

Офелия была стержнем, на котором держалась вся семья.

«Склеивать» в данном контексте означает связующее звено между другими членами семьи, которые существовали обособленно друг от друга. В то время как «стержень» является не только символом основы, центральной части, вокруг которой все организуется, но также, что очень важно, олицетворяет собой лидерство.

Однако следует быть внимательным в выборе ФЕ, содержащей национальные реалии. Здесь также следует принимать во внимание речевые факторы. Так, калькирование позволяет передать текст оригинала почти без потерь в семантическом или стилистическом отношении. Но и здесь надо быть внимательным при передаче ФЕ с ярко выраженной национальной окраской. Так, в следующем примере переводчик, используя прием калькирования, весьма логично, на наш взгляд, предворяет перевод данной идиомы нейтральной лексемой, которая не оставляет для читателя возможность ее двойного прочтения:

“They got caught with their pants down, and ol’ Teddy’s still trying to catch up.” [Grisham: 83]

Их захватили врасплох, что называется, со спущенным штанами, и старик Тедди отчаянно пытается наверстать упущенное.

В следующем примере переводчик апеллирует к описательному переводу идиомы, смысл которой объясняется с помощью свободного сочетания:

I was a basket case. [Oxford Idioms Dictionary, 2006: 84]

Был как воздушный шарик, из которого выпустили воздух.

Этимологически данная идиома означает солдата с ампутированными конечностями, что наталкивает на предположение, что ее вторичное значение должно иметь в себе сему затруднительного положения, в котором может оказаться некто и выбраться из которого практически не представляется возможным.

Рассмотрим словарные статьи идиомы *a basket case* в русскоязычных и англоязычных словарях (в БАРФС А.В. Кунина данная идиома не представлена):

– 1. *эвф.* инвалид с ампутированными ногами и руками; тяжелораненый 2. *сл.* ненормальный псих 3. *сл.* немощь, слабость, изношенность (НБАРС);

– one that is in completely hopeless or useless condition; a person who is suffering from extreme nervous strain (The Free Dictionary);

– an insulting word for someone who is unable to do anything because they are too nervous or upset (The Macmillan English Dictionary For Advanced Learners);

– a total disaster/ wreck; a hopeless case; someone/ something completely ruined or beyond help (Thesaurus of English Idioms).

Анализ словарных статей вышеуказанных лексикографических источников позволяет сделать вывод, что перевод данной идиомы не передает полностью тот семантический радиус, которым она обладает в тексте языка источника, так как образ сдутого, обезжизненного шарика, введенный переводчиком, не передает той гаммы чувств, эмоций, а также крайнюю степень безысходности, которую

несет в себе его английский контекстуальный эквивалент. Отсюда, описательный перевод сохраняет общеязыковой смысл переводимого фразеологизма, но не воссоздает тех семантических и стилистических оттенков, которые появляются в оригинальном тексте. Поэтому во фразеологических словарях желательно иметь не только эквиваленты, но и толкование фразеологизма (или его этимологию), что позволит переводчику найти оптимальное решение для реализации своих профессиональных задач.

Сущность контекстуальных замен при переводе ФЕ заключается в том, что переводчик стремится найти такую русскую ФЕ, которая хотя и не соответствует по значению английскому фразеологизму, взятому отдельно, но с достаточной точностью передает его содержание в данном конкретном контексте.

Таким образом, переводчик при переводе ФЕ должен: 1) правильно идентифицировать ФЕ и не путать ее со свободным словосочетанием во избежание буквализмов и неточностей; 2) где это возможно, переводить, подбирать соответствующую русскую ФЕ; 3) учитывать контекст; 4) подбирать ФЕ, соответствующие друг другу по стилю; 5) учитывать речевые характеристики героев; 6) быть внимательным при переводе ФЕ, содержащих национальные реалии [Комиссаров, 2004: 238].

Наличие национальной окраски – характерный признак многих, в особенности образных фразеологических единиц, в том числе и нейтральных по стилю [Рецкер, 2004: 145]. Перевод данных единиц сводится, в первую очередь, к сохранению и передаче национальной маркированности. Если это не удастся, то перевод может осуществляться через нейтральный фразеологический аналог или лексический эквивалент. Безусловно, при таком переводе теряется национальный колорит фразеологизма, но сохраняется его семантика. Перевод с помощью калькирования или нахождения образного эквивалента в переводном языке малопродуктивны, так как и в том и другом случае не достигается адекватное восприятие переводной единицы.

Таким образом, вопрос адекватности перевода является центральным в деятельности профессионального переводчика. Очевидно, переводчику приходится осуществлять огромную работу, связанную с анализом информации, где важную роль играют лексикографические средства самого различного типа, которые не только помогают в работе переводчика, но и обеспечивают эту работу на должном качественном уровне. Все это позволяет говорить о лексикографии перевода как о средстве решения многих практических проблем перевода.

Литература

1. Большой англо-русский фразеологический словарь (БАРФС): Около 20 000 фразеологических единиц / А.В. Кунин. – 6-е изд., исправл. – М.: Живой язык, 2005.
2. Найда, Ю. К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной литературе. М.: Международные отношения, 1978. – С. 114-137.
3. Нелюбин, Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд. перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
4. Флорин, С. Муки переводческие. Практика перевода. – М.: ВШ, 1983. – 182 с.
5. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. – М.: ЭТС. – 2004. – 424 с.
6. Новый Большой англо-русский словарь (НБАРС): В 3 т. / Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна и Э.М. Медниковой. – 7-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 2002. – т. I. -832с.; т. II. – 828с.; т. III. – 823 с.
7. Рецкер, Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: «Р.Валент», 2004. – 240 с.
8. Солодухо, Э.М. Теория фразеологического сближения: На материале языков славянской, германской и романской групп. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 304 с.
9. Grisham, J. The Broker. – N.Y.: Dell Book. – 542 p.

10. Collins Cobuild Idioms Dictionary. – Glasgow: Harper Collins Publishers, 2007. – 496 p.
11. Nagy, G.L. Thesaurus of English Idioms. – Budapest: Tinta publishing House, 2006. – 1249 p.
12. Oxford Idioms Dictionary for Learners of English. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 468 p.
13. Steel, D. Bungalow 2. – N.Y.: Dell Book, 2008. – 413 p.
14. The Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Students Edition. Oxford: Macmillan, 2007. – 1748 p.

References

4. Bol'shoj anglo-russkij frazeologicheskij slovar' (BARFS): Okolo 20 000 frazeologicheskikh edinic / A.V. Kunin. – 6-e izd., ispravl. – M.: Zhivoj jazyk, 2005. – .
5. Najda, Ju. K nauke perevodit' // Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj literature. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1978. – S. 114-137.
6. Neljubin, L.L. Tolkovyj perevodovedcheskij slovar'. 3-e izd. pererab. M.: Flinta: Nauka, 2003. – 320 s.
7. Florin, S. Muki perevodcheskie. Praktika perevoda. – M.: VSh, 1983. – 182 s.
8. Komissarov, V.N. Sovremennoe perevodovedenie. Uchebnoe posobie. – M.: JeTS. – 2004. – 424 s.
9. Novyj Bol'shoj anglo-russkij slovar' (NBARS): V 3 t. / Pod obshh. ruk. Ju.D. Apresjana i Je.M. Mednikovoj. – 7-e izd., stereotip. – M.: Russkij jazyk, 2002. – t. I. -832s.; t. II. – 828s.; t. III. – 823 s.
8. Recker, Ja.I. Teorija perevoda i perevodcheskaja praktika. – M.: «R.Valent», 2004. – 240 s.
9. Soloduh, Je.M. Teorija frazeologicheskogo sblizhenija: Na materiale jazykov slavjanskoj, germanskoj i romanskoj grupp. – M.: Izdatel'stvo LKI, 2008. – 304 s.
10. Grisham, J. The Broker. – N.Y.: Dell Book. – 542 p.
11. Collins Cobuild Idioms Dictionary. – Glasgow: Harper Collins Publishers, 2007. – 496 p.
12. Nagy, G.L. Thesaurus of English Idioms. – Budapest: Tinta publishing House, 2006. – 1249 p.
13. Oxford Idioms Dictionary for Learners of English. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 468 p.
14. Steel, D. Bungalow 2. – N.Y.: Dell Book, 2008. – 413 p.
15. The Macmillan English Dictionary For Advanced Learners. International Students Edition. Oxford: Macmillan, 2007. – 1748 p.

УДК 811.13

ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ФРАНЦУЗСКИХ ДЕГУСТАТОРОВ И СОЗДАТЕЛЕЙ ПАРФЮМЕРНОЙ ПРОДУКЦИИ

Моисеева С.А.

профессор кафедры немецкого и французского языков,
доктор филологических наук, профессор
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
moisseeva@bsu.edu.ru

Котенёва И.А.

доцент кафедры немецкого и французского языков,
кандидат филологических наук
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
koteneva@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматривается корпус лексики французского языка, составляющий профессиональный словарь в сфере дегустации вин и парфюмерии. Рассматриваются лексико-семантические процессы, являющиеся основой создания данного корпуса словарей. Выявляются функциональные характеристики, которые определяют коммуникативную направленность выделенной тематической лексики.

Ключевые слова: профессионально-ориентированная лексика, термин, номинация, значение, метафора.

FEATURES OF TERMINOLOGICAL DICTIONARY OF THE FRENCH TASTERS AND CREATORS OF PERFUMES

Moisseeva S.A.

Professor of the Department of German and French Languages,
Doctor of Philology, Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
moisseeva@bsu.edu.ru

Koteneva I.A.

Associate Professor, Department of German and French languages,
PhD in Philology
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
koteneva@bsu.edu.ru

Abstract

The article deals with the body language of the French language, making professional vocabulary in wine tasting and perfumes. Discusses the lexical-semantic processes are the foundation of this body dictionaries. Identifies functional characteristics that define a communicative focus dedicated thematic vocabulary.

Key Words: professionally-oriented vocabulary, a term, nomination, meaning, metaphor.

Актуальность, яркость и объемность профессионально ориентированной лексики представляет собой благодатную почву для исследовательской работы, которой необходима исследовательская база – создание толкового словаря профессионально-ориентированной лексики. На сегодняшний день наряду с системностью лексики в статике все большее внимание в лексикологии и лексикографии привлекает динамическая, или речевая системность, которая рассматривает единицы языка в их отношениях к процессу общения. Следовательно, в основу исследования тематической лексики и описания лексического материала в словаре должны быть положены фундаментальные свойства языка – его системная организация и социальная функция (коммуникативная роль).

Объектом исследования данной работы является профессиональный язык дегустаторов и создателей парфюмерной продукции, как язык особый, еще не оформившийся окончательно, и обращенный к психо-физиологическим сферам человека. Словарь данной профессионально-ориентированной лексики находится в становлении и пока еще не может передать всех особенностей и оттенков того или иного ощущения вина или запаха, поскольку профессии, связанные с постоянной и целенаправленной игрой чувственными качествами, предоставляют нам примеры того, как трудно сделать выразимым в языке структурирование чувственного мира. Экспертное различение чувственных качеств строится по примеру прецедентного права, когда не универсальный закон, но решение предшественника в подобных обстоятельствах избирается, так сказать, большей посылкой рассуждения [Моисеева, 2009: 53].

Винный и ольфакторный словарь полон транспозиций и метафор, он не изобилует объективными определениями вкусовых и обонятельных ощущений. Главная трудность, с которой сталкивается профессиональный дегустатор –

невозможность передать на словах вкусовые и обонятельные впечатления, например, от вина: количество марок которого составляет десятки тысяч. Каждый год появляются новые сорта из винограда нового урожая, которые не могут повторить вкусо-ароматические качества вин предыдущих лет. Дегустатор оценивает вкус вина и производит его всестороннюю органолептическую оценку, анализ: определение его внешнего вида, вкуса и аромата с помощью зрения (анализ окраски и прозрачности напитка), обоняния, вкуса, осязания и даже слуха (оценка игристых вин). Вкус и аромат вина составляют его основу. Вкус вина многогранен. Чтобы удержать в памяти свои впечатления и ощущения, дегустатору приходится сочетать слова-образы с точными терминами. В Приходится констатировать, что в дегустационной терминологии наблюдается заметный разнобой, множество терминов ещё окончательно не кодифицированы, и их значение порой трактуется по-разному. В словаре дегустации можно выделить несколько глав, посвященных "телу" вина, его свойствам, "темпераменту" и, наконец, "вкусу" и "букету". *Тело вина 'le corps'*- это осязательное ощущение "плотности" вина во рту, зависящее, главным образом, от спиртовой крепости, от его консистенции и силы вкуса напитка. Например, "*vin fruité a de l'arôme, du corps*" [PR, 1967: 1243]. "Скелетом" вина является, в первую очередь, алкоголь – он придает вину характеризующий его «вес», в соответствии с этим дегустатор может дать вину определения: *водянистое 'aqueux', тощее 'maigre', лёгкое 'léger', среднетельное 'decorps moyen', полное 'plein', обильное 'ample', щедрое 'généreux', хмельное 'capiteux', тяжёлое 'lourd', спиртуозное 'alcoolique', крепкое 'chaud'*. Про вино, которое уже не способно проявить все свои качества, говорят, что у него *тело подурнело* или, что оно *утратило тело 'sans corps'*. Вино, когда его компоненты гармонично сочетаются, может быть *укомплектованным 'complet'* и *уравновешенным 'équilibré'*. Но если одна из субстанций явно довлеет над другими, или, наоборот, незаметна, вино считается *неуравновешенным 'déséquilibré'*.

В процессе знакомства с вином дегустатор может «пожевать» его *'mâcher le vin'*, чтобы лучше почувствовать и оценить его *плоть 'chair'*. Вино *мясистое 'charnu'*, дает ощущение полноты и гибкой текстуры и может быть охарактеризовано как *плотное*. Его противоположностью является *худое* или *тощее вино 'maigre'*, оно *водянистое* и обладает скудным вкусом и ароматом. Где есть *тело* вина, есть и его *душа*. В вине протекают настоящие жизненные процессы. Винное *тело* делают живым его главные компоненты – кислоты и сложные эфиры. При минимальном количестве сложных эфиров и кислот, вино *нервное 'nerveux'*, т.к. обладает сильной кислотностью, но вкус его приятен, при достаточном их количестве – *угловатое 'anguleux.'*, т.е. терпкое и жестковатое, а при их избытке, оно – *щедрое 'généreux'* или *благородное 'noble'*, а значит, обладающее самыми лучшими качествами. Вино, в котором слишком мало сложных эфиров и кислот, признается *лишенным нервов* или *нейтральным 'neutre'*.

Платье вина 'robe du vin' (его внешний вид и окраска) – одна из самых выразительных метафор в языке вина, это первый психофизиологический контакт, предваряющий последующие впечатления от вина. Платье вина может

быть чистым 'nette', сверкающим 'éclatante', светящимся 'lumineuse', переливчатым 'chatoyante', блестящим 'limpide', 'brillante', кристально прозрачным 'cristalline', интенсивным 'intense', легким 'légère', строгим 'stricte'. Его цвет бывает рубиновым 'rubis', соломенным 'jaune paille', канареечно-желтым 'jaune serin', золотистым 'jaune doré', красновато-коричневым с золотистым оттенком 'mordoré', янтарным 'ambré', коричневым 'rougebrun', гранатовым 'grenat'. Платье вина может не обещать ничего хорошего, и тогда – подозрительное, 'louche', неоткровенное 'fermé', оно чего-то не договаривает 'ilya du louche la-dedans' либо оно- мутное 'flou', тусклое 'trouble', пасмурное 'sombre', грязное 'sale', перегруженное 'chargé'. Если цвет у платья голубоватый или коричневый с металлическим оттенком, значит, вино заболело и считается сломанным 'cassé'. У каждого вина есть свой темперамент 'caractère'. Этот важный параметр – сугубо индивидуальная характеристика вина; от которого зависит его ценность и «личные качества», когда относят напиток к разряду вин превосходных 'superbe' или заурядных 'passable', породистых 'c'est du Chambertin' или обычных 'c'est du Surune', 'simple'. Вкус или "рот вина" 'bouche' – это комплекс ощущений, возникающих во рту во время дегустации, формируют летучие и нелетучие вещества, воздействующие на язык. К основным вкусовым признакам вина дегустаторы относят кислотность, сладость, спиртозность, терпкость и полноту. Вино с излишней кислотностью называется кислотным 'acide', с ее недостатком – плоским 'plat'. Оно может быть мягким 'souple', нежным 'tendre', благородным 'noble', свежим 'frais', колючим 'pointu', жестким 'dur'. Если в вине содержится мало спирта, оно малоспиртуозно или слабое 'faible', если много спирта, оно излишне спиртозно 'alcoolique'. Очень важной для оценки вкуса вина является его характеристика с точки зрения полноты. Полным 'plein' считается вино с большой долей экстракта, густое и плотное, содержащее значительное количество глицерина, дубильных и пектиновых веществ. По этому критерию вина подразделяют на пустые 'creux', бестелесные 'sans corps', легкие 'léger' и тонкие 'fin', полные 'plein' и экстрактивные 'extractif', маслянистые 'onctueux', густые 'dense' и тяжелые 'lourd'. Вина, оптимальные по полноте, часто характеризуют как бархатистые 'velouté', мягкие 'souple', круглые 'rond'. Параметр вина очень сложный с множеством симфонических вариаций, которым открывается список его поэтических и психологических характеристик, это его букет 'bouquet', совокупность и сочетание ароматических оттенков, развивающихся в напитке с выдержкой. Его формируют альдегиды, летучие эфиры и другие легко испаряющиеся вещества. Ярко выраженный гармоничный букет – отличительная черта качественных и выдержанных вин. Как правило, вину присущ не один какой-либо аромат, а их совокупность. Сложение ароматов вина – это искусство создания гармонии. Оценить букет означает проанализировать весь комплекс ощущений, вызванных совокупностью его ароматов. Описывая букет, французские дегустаторы применяют выразительнейший арсенал понятий и сравнений. Так, вино, у которого нет или уже нет букета, считается больным 'malade', изношенным 'usé' или усталым 'fatigué', про него скажут, что оно валится с ног, стареет 'le vin vieillit'. Если вино, напротив, предлагает дегустатору целый веер гармоничных запахов и

ароматов, то оно признается *многообещающим 'c'est un vin à attendre encore pour le voir à son apogée'*. Букет меняется вслед за вином, реагирующим на пространственно-временной факторы; букет – это *душа* вина, которая переживает все, что испытывает тело. Букет можно сравнить с постоянно развивающейся личностью, которая в своем развитии проходит все этапы от простого винного запаха в момент его рождения до *копченого* запаха *"fumé"*, свидетельствующего о его старении, когда многие из его ароматов уже исчезли, и у вина появляется странный запах, запах земли, сырости и дубильного вещества. Букет – вещь тонкая и хрупкая. Вот почему винодел и энолог прилагают столько усилий и знаний, проявляют столько заботы и любви с одной-единственной целью – чтобы вино сохранило прекрасный букет, а значит – душу.

Анализ показывает, что вербализация парфюмерной композиции также осуществляется как с использованием ольфакторной лексики, так и лексики, взятой из других семантических сфер. В качестве особой метафорической терминологии в парфюмерной индустрии используются наименования самого символически насыщенного искусства – музыки.

Так, запахи называются нотами (*notes*): *“Ce précieux parfum évoque le mystère et l'intensité des couchers de soleil flamboyants. C'est un parfum auquel la chaleur de la peau communique **une note** enivrante où se marient les bouquets et les arômes aussi différents que la rose, le jasmin, l'ambre et l'ylang-ylang”* “En avril un soir” – (Yves Rocher) [Le livre Vert de la Beauté, 1982].

Музыкальный термин аккорд (*accord*) в рекламе парфюмерной продукции является номинативной единицей объединяющей семантики. Музыкальную тематику в данном примере поддерживает также существительное *orchestration*: *“L'Eau du Soir de Sisley, luxueuse **orchestration** ultra-féminine, évoque pour l'occasion la luminosité écarlate de Noël. Le succès de cette célèbre eau de parfum est dû à son irresistible composition **d'un accord** floral satiné et joyeux sur un lit chypré.* [Le Figaro magazine, 2002: 23 nov.].

По аналогии с особенностями звучания запахи в составе композиции могут сравниваться с отзвуками: *“Mandarine est piquante, un brin impertinante. C'est une eau de toilette fraîche, fruitée et délicieuse. Son parfum possède des **résonances** subtiles, épiciègles, un peu coquettes...”* – “Mandarine” (Yves Rocher) [Le livre Vert de la Beauté, 1982].

В качестве особой метафоры в ольфакторной сфере при описании запаха выступает связь соматических компонентов с музыкальными. Часто структуру парфюмерного аромата художник ассоциирует во времени как аккорд, складывающийся одновременно из нескольких (обычно трех) нот:

- начальной (головной) – “les notes de tête”;
- средней (сердцевинной) – “les notes de cœur”;
- базовой (конечной, глубинной) – “les notes de fond”.

В этой аналогии во французском языке очевидна роль соматических наименований. Так, запахи начальной ноты, которые воспринимаются сразу же после открытия флакона, называются головой “tête”. Это наиболее летучие запахи, которые испаряются первыми и дают духам первоначальные запахи. Запахи этой ноты дают первоначальное, спонтанное впечатление о духах. Запахи

средней ноты составляют основу духов и сравниваются с сердцем “cœur”. Они являются “ядром” и по ним определяют тип запаха духов. Остаточный запах носит название “notes de fond” (нота фона или конечная нота). Она обеспечивает силу и стойкость запаха, ощущаясь в завершающей стадии испарения.

В следующем примере показано, что по аналогии с гармонизацией аккордов в музыке художник-парфюмер предполагает восприятие духов “Bulgari” в три этапа: “*Rehaussés d'agrumes en tête, de bouquets floraux en cœur, de noix et de musc en fond*” [Elle, 2005: 8 déc.]. В этом тексте духи репрезентируются подобно «фейерверку»: первыми представляют композицию запахи цитрусовых (*agrumes*) – это начальная нота композиции. Запах цитрусовых гармонично соединяется с сердцевинной нотой – цветочными запахами (*bouquets floraux*), которая естественно продолжает начальную, обогащая всю ольфакторную гамму. Наконец, запахи конечной, глубинной ноты – ореховый и мускусный (*de noix et de musc*), немного контрастируя с предыдущими, несколько необычно завершают “симфонию”. Несмотря на достаточно короткий текст, использование музыкальной тематики убедительно показывает действенность аромата: запах духов не обрушивается внезапно, а постепенно развивается, разворачивается во времени и держится не ослабевая.

Запахи могут описываться в терминах живописи. Так, в следующем примере существительное *nuance* ассоциирует запах с восприятием цвета в живописи, расширяя, тем самым, сферу концептуальных связей обонятельных ощущений: “*Dernière création de Thierry Mugler qui met en scène l'alliance captivante du patchouli et d'une rose fraîche. Une nuance florale parfaitement fidèle à l'esprit d'Angel*” – “La rose Angel” [Elle, 2005: 8 déc.]. Для описания цветочного запаха – одного из ингредиентов композиции, художнику-парфюмеру пришлось соединить в один “ассоциативный узел” ощущения, возникающие от восприятия цвета и запаха. Цветочный запах этой композиции сравнивается с оттенками цвета, создающими неповторимость красок. В данном контексте цветочный запах, несомненно, является изюминкой ольфакторной композиции.

Анализ показал, что для реализации “художественного замысла” французских дегустаторов и создателей парфюмерии является принцип аналогии, языковым выражением которого выступают языковые средства, метафорически перенесенные из других семантических сфер. Метафорические значения при этом используются для номинации ингредиентов вина или искусственно созданного запаха (*vin fruité a de l'arôme, du corps; un accord floral*), для их характеристики (*un parfum enivrant, le vin nerveux, généreux*), а также для описания их структуры (*les notes de tête, les notes de cœur, les notes de fond; le plein vin, le vin creux*).

Литература

1. Моисеева С.А. Особенности словаря французских дегустаторов. Когнітивно-прагматичні дослідження професійних дискурсів // Матеріали другої міжнародної наукової конференції. Харків, ХНУ: 21-22 березня 2009. – С. 53–56.
2. Elle, 2005: 8 décembre.
3. Le Figaro magazine, 2002: 23 novembre.
4. Le livre Vert de la Beauté, 1982.
5. PR. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / par P. Robert. – Paris: S.N.L., 1967. – 2172 p.

References

1. Moiseeva S.A. Osobennosti slovaria frantsuzskih degustatorov. Kognitivno-pragmatitchni dosligennia professinih discursive // Materiali drugoi migdunarodnoi naukovoi konferentsii. Kharkiv, HNU: 21-22brkznia 2009. – S. 53-56.
2. Elle, 2005: 8 décembre.
3. Le Figaro magazine, 2002: 23 novembre.
4. Le livre Vert de la Beauté, 1982.
5. PR. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / par P. Robert. – Paris: S.N.L., 1967. – 2172 p.

УДК 81`25`42

ДИСКУРС КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРМАТ РЕАЛЬНОСТИ

Огнева Е.А.

заведующий кафедрой иностранных языков, доктор филологических наук, доцент,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
ogneva@bsu.edu.ru

Куценко А.А.

ассистент кафедры иностранных языков, аспирант
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
kutsenko_a@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматриваются предпосылки формирования дискурса как лингвокультурологического формата реальности. Рассматривается два типа дискурса, литературный и кинематографический. Выявляется степень взаимосвязи кода культуры, экстралингвистических факторов и архитектоники дискурсивного формата знания. Исследуется лингвокультурный концепт как основной компонент архитектоники лингвокультурологически обусловленного дискурса. Выявляются особенности дискурсивной синергии в архитектонике литературного и кинематографического коммуникативных форматов.

Ключевые слова: дискурс, архитектоника, формат знания, лингвокультурный концепт.

DISCOURSE AS THE LINGUO-CULTURAL FORMAT OF REALITY

Ogneva E.A.,

Head of Foreign Languages Department,
Doctor of Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
ogneva@bsu.edu.ru

Kutsenko A.A.,

Assistant of Foreign Languages Department,
Post-graduate student,
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
kutsenko_a@bsu.edu.ru

Abstract

The paper deals with the prerequisites for discourse forming. The discourse is researched as the linguo-cultural format of reality. Two types of discourse are studied, as the literary discourse, as

the cinematograph discourse. The degree of correlation of cultural code, extra-lingual factors and the architectonics of discursive knowledge format is identified. The linguo-cultural concept as the basic component of linguo-cultural discourse is studied. The specificity of discursive synergy at the architectonics of the literary discourse and the cinematograph discourse are identified.

Keywords: discourse, architectonics, knowledge format, linguo-cultural concept.

Введение

Современный этап развития языкознания характеризуется пристальным вниманием отечественных и зарубежных учёных к изучению дискурса, к его типологизации, к выявлению специфики структурных компонентов различных типов дискурса. Несмотря на достигнутые за последние десятилетия научные результаты, тем не менее, по-прежнему остаётся нерешённым ряд задач, среди которых одной из основных является задача интерпретации и моделирования структуры различных типов дискурса.

Изучение дискурса с целью интерпретации и моделирования базируется на исследовании того или иного сегмента концептуальной основы языка, которая рассматривается “некоторая призма, базирующаяся на культурно-генетических основах индивидуального сознания, обладающая признаками коллективного (социокультурного) сознания” [Сулимов, 2006: 41-42]. Это определение, данное В.А. Сулимовым, коррелирует с проводимыми нами исследованиями в области дискурсологии, направленными на изучение двух типов дискурса, литературного и кинематографического.

Проводимые исследования основываются на классических и инновационных методах изучения специфики корреляции лингвокультурологических и лингвокогнитивных аспектов единой дискурсивной модели мира и её отдельных сегментов.

Цель работы: исследовать архитектуру дискурса как лингвокультурологического формата реальности и выявить особенности дискурсивной синергии в архитектонике литературного и кинематографического коммуникативных форматов.

Методология

Современные дискурсивные исследования представляют собой многовекторную комплексную систему целей и задач, решение которых основано на синергии классических и инновационных методов и приёмов научного познания.

Исследования дискурсивной синергии в архитектонике литературного и кинематографического коммуникативных форматов осуществляется на принципах когнитивно-дискурсивного анализа материала с привлечением инновационной методики когнитивно-герменевтического анализа смысловых единиц речи, в частности, единиц художественной речи и речи персонажей кинофильмов с целью выявления взаимосвязи между исследуемыми коммуникативными единицами с одной стороны и, с другой стороны, теми факторами, которые обусловили ситуативную востребованность единиц речи для реализации той или иной коммуникативной ситуации в лингвокультурологической модели мира.

Основная часть

Общеизвестно, что знание формируется и накапливается исключительно в процессе речемыслительной познавательной деятельности человека, тем не менее, разграничения требуют два понятия: процесс мышления и содержание мышления. Процессы и формы мышления носят общечеловеческий характер, тогда как содержание мышления, напротив, имеет национальный характер. Именно в содержании мышления отражены и психический склад, и духовный облик народа, особенности его быта, культуры и языка, что обеспечивает концептуальное осмысление категорий культуры. Известна формула Л. Витгенштейна: «границы моего языка определяют границы моего мира» [Wittgenstein 1969], что подчеркивает опосредованность реальности языком, который тем самым создает образ мира, в том числе, и формирует лингвокультурологическую модель мира, в которой важную роль играет процесс концептуализации мира и категоризации мира. Результаты этих двух процессов реализуются затем в различных типах дискурсов, поскольку, по мнению Е.С. Кубряковой, «язык выявляет и объективирует то, как увиден и понят мир человеческим разумом, как он преломлен и категоризован сознанием» [Кубрякова, 1999: 37-38].

Очевидно, что концептуальные структуры в лингвокультурологической модели мира определяют семантические структуры, и, в то же время, по мнению В.А. Сулимова, «испытывают воздействие семантической системы» [Сулимов, 2006: 41-42], что не может не оказывать влияния на архитектуру того или иного типа дискурса.

В проводимом нами исследовании дискурс рассматривается как «речемыслительное образование событийного характера в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и другими факторами» [Алефиренко, 2009: 248].

В результате длительного процесса концептуализации знаний в сознании человечества складывается образ мира/языковая картина мира, которая формирует семиотические рамки последующих изменений сознания этноса. Под языковой картиной мира, вслед за Е.С. Кубряковой, понимаем «сокровищницу всех знаний, понятий и форм мышления, убеждений и оценок» [Кубрякова, 1999: 8].

В языковой картине мира находит свое воплощение когнитивная функция языка, которая «складывается в сознании индивидуума под воздействием интеракции, точнее – интеракционного следа, остающегося в сознании в результате речевого взаимодействия» [Сулимов, 2006: 40], в том числе и лингвокультурологически обусловленного, поскольку язык и культура тесно связаны с помощью некоторого промежуточного образования, которое идеально реализуется в языке как значение и обеспечивает онтологическое единство языка и культуры. Примечательно, что «тип культуры обусловлен доминирующим типом коммуникации и соответственно доминирующим типом личности» [Карасик, 2013: 11], отраженным в архитектонике дискурса, как формате знания и реализации кода культуры. Под форматом знания, вслед за Н.Н. Болдыревым, «будем понимать определенную форму представления знания на мыслительном (концептуальном) или языковом уровнях» [Болдырев, 2009: 26].

В когнитивной лингвистике «код культуры» определяется как «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его. Ученые соотносят коды культуры с древнейшими архетипическими представлениями человека. Так, теория прототипов утверждает, что множество оппозиций зависит от сигнификативного содержания индивидуальных знаков [Geeraerts, 1993: 72-73].

Проводимые исследования показали, что практические, теоретические и культурные знания и опыт, то есть «код культуры» восстанавливается по средством семантического и концептуального анализа в виде языковой картины мира, которая, по мнению А.П. Бабушкина, рассматривается “в качестве проводника в процессе коммуникации личности с окружающей средой, что позволяет ей объективно отражать восприятие мира носителями той или иной культуры посредством «картирования» действительности человеческим сознанием” [Бабушкин, 2003: 12].

Содержание сознания личности, обусловленное, в том числе, и экстралингвистическими факторами, предопределяет структуру того или иного дискурса, поскольку, по мнению Л.М. Васильева, языковые знания представляют собой часть неязыковых знаний, а языковая картина мира как бы “вмонтирована” в когнитивную структуру, семантика является составной частью такой структуры [Васильев, 2000], то есть языковая картина мира основывается на специфических логико-языковых единицах – концептах, которые являются структурными компонентами “языка ментальных построений”, опосредующего связь мышления с естественным языком. Под концептом понимается “особым способом структурированное содержание акта сознания, воплощение в содержательной форме образа познаваемого предмета. Это своего рода энграмма (осадок в памяти) мысленно сформулированного образного содержания, коллективный архетип культуры” [Алефиренко, 2006: 7]. В термине концепт актуализируется его ментальная сущность, содержательная составляющая знака, обусловленное культурным опытом как отдельной личности, так и народа в целом.

Рассмотрение архитектоники номинативного поля отдельно взятого лингвокультурологического концепта того или иного ситуативного лингвокультурологически обусловленного дискурса, установление синергетических принципов его коррелиции с другими концептами в единой когнитивно-дискурсивной информативной канве того или иного национального языка основано, прежде всего, на полевом методе изучения материала с последующим выходом на интерпретативный уровень в рамках лингвокультурологической дискурсивной модели мира, что способствует глубинному познанию принципов формирования, сохранения и передачи дискурсивной синергии этой модели.

Очевидно, что когниция выступает в этой модели как основа формирования архитектоники дискурса. Под когницией понимаем «не сами знания, но процесс получения и использования «предзнаний» <...>, обслуживающих и сопровождающих восприятие и продуцирование как знаний, так и языковых выражений для этих знаний» [Демьянков 2005: 5].

Лингвокогнитивные исследования архитектоники дискурса как литературного [Огнева 2014], так и кинематографического [Куценко 2014]

показывают, что лингвокультурологические концепты могут вступить в конфликт с чуждыми для них концептами в рамках одной когнитивно-дискурсивной ситуации. Чаще всего это проявляется при “несовпадении ценностных компонентов соответствующих концептов” [Карасик, 2013: 19].

Исследование концепта как глобальной ментальной (мыслительной) единицы в ее национальной своеобразии направлены на определение места концепта в национальной концептосфере. Известно, что «лингвокультурный концепт – условная ментальная единица, направленная на комплексное изучение языка, сознания и культуры» [Карасик, Слышкин, 2001: 75-80]. Структура лингвокультурного концепта может быть рассмотрена в виде модели. Эта модель “трехкомпонентна и имеет ценностный, фактуальный и образный элементы. Ценностный и фактуальный элементы лингвокультурного концепта хранятся в сознании в вербальной форме и могут воспроизводиться в речи непосредственно, образный элемент невербален и поддается лишь описанию” [Огнева, 2011: 43].

Лингвокультурный концепт как один из основных элементов рассматриваемых нами двух типов дискурса многомерен и состоит из “трёх уровней: а) системный потенциал, т.е. совокупности средств апелляции к концепту, предлагаемых носителю языка, как накопленное культурой лингвистическое достояние, зафиксированное в лексикографии; б) субъектный потенциал, т.е. арсенала языковых средств, хранящихся в сознании индивида; в) уровень многомерного существования единого концепта в культурной и индивидуальной памяти, где он распадается на подконцепты” [Слышкин, 2004: 33-34].

Критерием разграничения лингвокультурных концептов является их принадлежность к сфере знания/сознания, которую они обслуживают, образуя содержательную основу этических, психологических, логических и религиозных терминов, обозначающих духовные ценности, которые, безусловно, могут быть “этнокультурно отмеченными как в границах одного языка, так и в границах межъязыковой научной парадигмы – стиля мышления” [Карасик, Слышкин, 2001: 75-80].

Проведённые исследования показывают, что “дискурс, концентрируясь вокруг некоторого опорного концепта, создаёт общий речемыслительный контекст” [Алефиренко, 2009: 248], в котором и реализуются все слои лингвокультурных концептов.

Так, например, проведённый когнитивно-дискурсивный анализ речи персонажей телесериала «Аббатство Даунтон» позволил сделать вывод о специфике дискурсивной канвы этого произведения, в котором «контрастное сочетание технических новинок и передававшихся из поколения в поколение традиций, являющиеся отличительной чертой и придающие особый колорит Эдвардианской эпохе, задают тот тон, то настроение, которое создавалось в данном сериале, основной целью в котором было воспроизведение быта знати и простых людей, живших сто лет тому назад» [Куценко 2014].

Результаты исследования

Исследование дискурса как лингвокультурологического формата действительности показывает, что культура и язык имеют как сходные, так и различные структурные черты. Несмотря на то, что язык и культура являются

различными семиотическими системами, культура структурно подобна языку. Смысловое пространство культуры, как и человеческое сознание, детерминируется в определенной степени границами этнического языка.

Связь между языком и культурой определяется онтологически, так как и язык и культура являются результатом творческой ментальной деятельности человека в его коммуникативном поле как совокупности знаков. Эта связь “язык↔культура” реализуется в лингвокультурологическом формате литературного и кинематографического типов дискурса как нелинейном лингвистическом формате представления и обмена знаниями.

Заключение

Язык является неотъемлемой и важнейшей частью национальной культуры, поэтому исследование и интерпретация относительно полной парадигмы лингвокультурных концептов базового уровня, играющих основную роль в процессе категоризации и концептуализации мира, воплощаемых в литературном и кинематографическом типах дискурсивного лингвокультурологического формата реальности.

Исследование архитектоники двух вышеуказанных типов дискурса, а именно, выявление специфики лингвокультурных концептов, являющихся основой изучаемых типов дискурса, вскрывает принципы корреляции различных компонентов в этих типах дискурсивных моделей, поскольку именно посредством процесса категоризации и концептуализации мира выстраивается коммуникативная модель, дискурсивный потенциал которой заключается в её синергии.

Синергия лингвокультурологических аспектов дискурса базируется на внутренней энергии отдельных языковых и речевых единиц, сопряжение которых в одном тематическом коммуникативном поле приводит к реализации ситуативно обусловленных прагматических целей, а в исследовательском поле, к формированию методологии исследования дискурсивной синергии современного лингвокультурологического формата реальности. Именно совокупность инновационных и классических подходов способствуют формированию целостной научной модели мира.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Язык, познание, культура: когнитивно-семиологическая синергетика слова: монография. Волгоград: Перемена, 2006. – 228 с.
2. Алефиренко, Н.Ф. «Живое слово»: проблемы функциональной лексикологии: монография. М. Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
3. Бабушкин, А.П. Картина мира и концептосфера языка // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы международного симпозиума, 22-24 мая 2003г. В 2 ч.. Ч.2 Тезисы докладов. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 12-13.
4. Болдырев, Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. / гл. ред. сер. Е.С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н.Н. Болдырев; Федеральное агентство по образованию, Рос. акад. наук, Учреждение Рос. акад. наук Ин-т языкознания РАН, ГОУВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина», Общерос. обществ. орг. «Рос. Ассоц. Лингвистов-когнитологов». М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С. 25-77.
5. Васильев, Л.М. Современная лингвистическая семантика в свете когнитивной теории языка / Л.М.Васильев // Germanica. Slavica. Turcica. – Уфа, 2000. – 249 с.
6. Демьянков, В.З. Когниция и понимание текста / В.З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. – С. 5-10.
7. Карасик, В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75-80.

8. Карасик, В.И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. – 320 с.
9. Кубрякова, Е.С. Языковое сознание и картина мира // Филология и культура: Мат-лы. межд. конф. Тамбов, 1999. – С. 13-16.
10. Куценко, А.А. Лингвистическая и экстралингвистическая специфика реалий быта Эдвардианской эпохи в телеформате исторического сериала // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3; URL: <http://www.science-education.ru/117-13775> (дата обращения: 02.07.2014).
11. Огнева, Е. Моделирование этнокогнитивной архитектоники литературных произведений: монография. Germany: LAP LAMBER Academic Publishing, 2011. – 294 с.
12. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурный концепт как системное образование / Г.Г. Слышкин // Вестник ВГУ, Серия “Лингвистика и межкультурная коммуникация”. 2004. № 1. – С. 29-34.
13. Сулимов, В.А. Когнитивное описание языка и его культурологическая интерпретация: когнитивные трансформации // Филологические науки №1, 2006. – С. 40-47.
14. Geeraerts, D. Cognitive semantics and the history of philosophical epistemology // Conceptualizations and mental processing in language. B.; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1993. – P. 53-79.
15. Ogneva, E.A. Cognitive-Discursive Paradigm as the Complex Research Program of Humanities. International Journal of Applied and Fundamental Research. 2014. № 2. URL: www.science-sd.com/457-24679 (07.12.2014).
16. Wittgenstein, L. The blue and brown books: Preliminary studies for the ‘Philosophical investigations’. O.: Blackwell, 1969.

References

1. Alefirenko, N.F. Jazyk, poznanie, kul'tura: kognitivno-semiologicheskaja sinergetika slova: monografija. Volgograd: Peremena, 2006. – 228 s.
2. Alefirenko, N.F. «Zhivoe slovo»: problemy funkcional'noj leksiko-logii: monografija. M. Flinta: Nauka, 2009. – 344 s.
3. Babushkin, A.P. Kartina mira i konceptosfera jazyka // Problemy ver-balizacii konceptov v semantike jazyka i teksta: Materialy mezhdunarod-nogo simpoziuma, 22-24 maja 2003g. V 2 ch.. Ch.2 Tezisy dokladov. – Volgo-grad: Peremena, 2003. – S. 12-13.
4. Boldyrev, N.N. Konceptual'naja osnova jazyka // Kognitivnye issledovanija jazyka. Vyp. IV. Konceptualizacija mira v jazyke: kollektiv. monogr. / gl. red. ser. E.S. Kubrjakova, otv. red. vyp. N.N. Boldyrev; Federal'noe agentstvo po obrazovaniju, Ros akad.nauk, Uchrezhdenie Ros. akad. nauk In-t jazykoznanija RAN, GOUVPO «Tamb. gos. un-t im. G.R. Derzhavina», Obshhe-ros. obshhestv. org. «Ros. Assoc. Lingvistov-kognitologov». M.: In-t jazykoznanija RAN; Tambov: Izdatel'skij dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2009b. – S. 25-77.
5. Vasil'ev, L.M. Sovremennaja lingvisticheskaja semantika v svete kognitivnoj teorii jazyka / L.M.Vasil'ev // Germanica. Slavica. Turkica. – Ufa, 2000. – 249 s.
6. Dem'jankov V.Z. Kognicija i ponimanie teksta / V.Z. Dem'jankov // Vopro-sy kognitivnoj lingvistiki. 2005. № 3. – S. 5-10.
7. Karasik, V.I. Lingvokul'turnyj koncept kak edinica issledovanija / V.I. Karasik, G.G. Slishkin // Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki: Sb. nauch. tr. / Pod red. I.A. Sternina. – Voronezh: VGU, 2001. – S. 75-80.
8. Karasik, V.I. Jazykovaja matrica kul'tury. M.: Gnozis, 2013. – 320 s.
9. Kubrjakova, E.S. Jazykovoje soznanie i kartina mira // Filologija i kul'tura: Mat-ly. mezhd. konf. Tambov, 1999. – S. 13-16.
10. Kutsenko, A.A. Lingvisticheskaja i jekstralingvisticheskaja specifika realij byta Jedvardianskoj jepohi v teleformate istoricheskogo seriala // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2014. № 3; URL: <http://www.science-education.ru/117-13775> (data obrashhenija: 02.07.2014).
11. Ogneva, E. Modelirovanie jetnokognitivnoj arhitektoniki literatur-nyh proizvedenij: monografija. Germany: LAP LAMBER Academic Publishing, 2011. – 294 s.
12. Slishkin, G.G. Lingvokul'turnyj koncept kak sistemnoe obrazovanie / G.G. Slishkin // Vestnik VGU, Serija “Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija”. 2004. № 1. – S. 29-34.
13. Sulimov, V.A. Kognitivnoe opisanie jazyka i ego kul'turologicheskaja interpretacija: kognitivnye transformacii // Filologicheskie nauki №1, 2006. – S. 40-47.
14. Geeraerts, D. Cognitive semantics and the history of philosophical epistemology // Conceptualizations and mental processing in language. B.; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1993. – P. 53-79.
15. Ogneva, E.A. Cognitive-Discursive Paradigm as the Complex Research Program of Humanities. International Journal of Applied and Fundamental Research. 2014. № 2. URL: www.science-sd.com/457-24679 (07.12.2014).
16. Wittgenstein, L. The blue and brown books: Preliminary studies for the ‘Philosophical investigations’. O.: Blackwell, 1969.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Пичугина К.И.

аспирант
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
rgf030709@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются основные характеристики понятия «словарная статья», а также особенности толкования крылатых слов и выражений. Кроме того, в статье раскрывается проблема выражения прагматического содержания в толкованиях идиоматических слов и выражений. Устанавливается, что наличие соответствующих исторических ссылок, раскрывающих этимологическую природу крылатизмов, оказывает положительный эффект в достижении прагматики словарной статьи, а также приводит к полному пониманию и адекватному восприятию идиоматических слов и высказываний.

Ключевые слова: словарная статья, крылатые слова и выражения, лексикографический дискурс, прагматический эффект.

PRAGMATIC CHARACTERISTICS OF A LEXICOLOGICAL DISCOURSE

Pichugina K.I.

Postgraduate Student
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
rgf030709@mail.ru

Abstract

This article deals with the basic characteristics of the “dictionary entry” definition, and special aspects of winged words and expressions interpretation. Besides, the present article studies the problem of expressing the pragmatic content in interpretation of idiomatic words and phrases. It states that the presence of the relevant historical references that reveal etymological nature of winged words and phrases produces a positive effect in achieving the pragmatics in dictionary entries, as well as leads to a full understanding and adequate perception of idiomatic words and phrases.

Key words: dictionary entry, winged words and phrases, lexicographic discourse, pragmatic effect.

В настоящее время в лингвистике все больше внимания уделяется первостепенности исследования устных и письменных образцов языковой коммуникации с точки зрения дискурс-анализа [Резунова, 2006].

В широком смысле под дискурсом понимается коммуникативное событие, которое протекает между говорящим и слушающим в ходе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте. Данное коммуникативное действие может быть речевым, письменным, обладать вербальными и невербальными элементами (например, разговор между начальником и подчиненным). В узком смысле под дискурсом понимается письменный или речевой вербальный результат коммуникативного действия. Иными словами, дискурс – это сложнейшее коммуникативное явление, которое включает в себя текст, а также экстралингвистические аспекты (знания об

окружающей действительности, цели адресата), которые являются необходимой составляющей для понимания текста. Таким образом, происходит разграничение двух понятий “дискурс” и “текст”, основное различие которых заключается в том, что дискурс – это актуально произнесенный текст, а “текст” – это абстрактное грамматическое структурное образование [Ван Дейк, 1998]. Итак, дискурс относится к речи актуального произнесенного действия, в то время как текст принадлежит системе языка, формальным лингвистическим знаниям [там же].

Толковый словарь содержит в себе множество микротекстов, основной целью которых является объяснение значений слов и выражений. Кроме наличия семантического значения, в толковом словаре можно также обнаружить и прагматические компоненты. Именно эта особенность, именуемая “металингвистической чертой”, словарной статьи позволяет рассматривать ее в рамках лексикографического дискурса. По мнению Н.Ю. Шведовой “словарная статья – это лингвистический жанр, информирующий не только о слове, но и о разных видах языковых окружений слов – контекстуальных, классных, деривационных, фразеологических, функциональных” [Шведова, 2005]. Словарная статья может включать различные этимологические, географические, исторические и другие справки. Наряду с этим существуют обязательные основные компоненты словарной статьи, а именно: заглавное слово, которому предоставляется дефиниция, определение или толкование значения слова и речение (пример использования данного слова или выражения). При этом, словарная статья представляет собой особый микротекст, в котором кроме семантического толкования слов и выражений содержится и индивидуальное авторское представление того или иного лексического образования. Однако, истинность и достоверность – это два основных требования, которые предъявляются к любой словарной статье.

Иллюстративный материал также играет большую роль в раскрытии значений слов и идиоматических выражений. Л.В. Щерба по этому поводу говорил: “Не мудрствуй лукаво, а давай как можно больше примеров” [Щерба, 1940].

Несмотря на кодифицированные нормы и шаблонный язык словаря, каждый автор вкладывает свое субъективное понимание слов и выражений, а также индивидуальное отношение к описываемому лексическому явлению. Содержание, объем, а также детальность словарной статьи находится в прямой зависимости от полноты знаний автора о том или ином явлении, от его социальных установок, “эмотивного осознания определяемого” [Резунова, 2006].

Ярким примером различия эмоциональных оттенков толкования служат крылатые слова и выражения, вызывающие у нас ассоциации с различным коннотативным значением. В качестве примера рассмотрим несколько интерпретаций крылатого выражения “to cross the Rubicon”. Толковый словарь идиом Л.Ф. Шитовой предлагает нам нейтральное определение данного крылатого выражения, словарная статья которой несет повествовательный характер и сопровождается подробными историческими фактами: Cross the Rubicon – Перейти Рубикон, т.е. принять бесповоротное решение. Рубикон, река на Апеннинском полуострове; до 42 г. до н.э. – граница между Италией и

римской провинцией Цизальпинская Галлия. В 49 г. до н.э. Юлий Цезарь из Галлии перешел с войском Рубикон, тем самым нарушив закон, и начал гражданскую войну. Словарь Макмиллана предлагает более эмоционально насыщенную интерпретацию данного крылатого выражения, избегая каких-либо конкретных исторических фактов (в американском варианте толкования): “Cross the Rubicon – to do something extreme that cannot later be changed and whose effects cannot be avoided, to behave in an uncontrolled way, go to extremes, rampage”. Британский вариант толкования данного выражения в словаре Макмиллана отличается большей лаконичностью от его объяснения, представленного в словаре русского лексикографа Л.Ф.Шитовой: “From an event in Roman history, when Julius Caesar led his soldiers back from France into northern Italy across the Rubicon River. This was an illegal act and showed that Caesar wanted to take power for himself”. Рассмотрим еще один пример различия в толковании на примере крылатого слова “serendipity”. Толковый словарь Л.Ф.Шитовой предлагает нам подробное объяснение этого крылатого слова, выходя за рамки семантического толкования как такового, дополняя словарную статью историческими фактами, и тем самым, оказывая большой прагматический эффект на читателя: “Serendipity – счастливая способность делать неожиданные открытия. Serendip – бывшее название острова Шри Ланка в Индийском океане. В 1754 г. Английский автор Хорас Уолпол (Horace Walpole) написал сказку “Три принца Серендипа”, герои которой постоянно делали неожиданные открытия. Человека, имеющего такую способность или талант, называют а serendipitist. Сейчас это слово часто употребляется в более широком смысле удачи, счастья или везения: “What serendipity!” Подобное толкование производит законченное, самодостаточное впечатление, как литературно-структурное единство. Словарь Макмиллана, в свою очередь, предлагает краткое семантическое толкование: “Serendipity – факт случайного нахождения приятных или полезных вещей (the fact of finding pleasant or useful things by chance)”. Подобная интерпретация не представляет каких-либо фоновых знаний и, тем самым, оказывает меньший прагматический эффект на читателя. Сравним еще две интерпретации известного крылатого выражения “Silicon Valley”. Толковый словарь Макмиллана предлагает довольно краткое, лаконичное объяснение данного крылатого сочетания, которое не выходит за рамки объяснения семантики крылатого выражения: “Silicon Valley – место в Калифорнии, США, где располагаются офисы большого количества компьютерных компаний (an area in California, US, where many computer companies have their offices)”. Для сравнения приведем дефиницию этого же крылатого выражения из Толкового словаря Л.Ф.Шитовой: “Silicon Valley – Силиконовая (с недавних пор – Кремниевая) Долина, образное выражение для обозначения мира компьютеров и высоких технологий. Долина занимает южную часть зоны залива Сан-Франциско (Северная Калифорния, США), где базируются многие крупнейшие в мире технологические корпорации. Ранее термин применялся к первым изобретателям и производителям кремниевых микросхем, но затем был перенесен на все высокотехнологичные фирмы, работающие в этом регионе. Сейчас используется в переносном смысле для обозначения всего американского хайтековского сектора экономики. Термин придумал некто Ральф

Верст, Калифорнийский предприниматель”. Данная словарная статья обладает большим прагматическим потенциалом за счет фонового контекста, наполненного географическими и историческими фактами. Рассмотрим еще одну словарную дефиницию, в разных интерпретациях которой заметна существенная разница в прагматической интенции словарных статей. Крылатое выражение “El Dorado” достаточно полно описывается в толковом словаре Л.Ф. Шитовой: “Эльдорадо; место, где легко делать деньги (теоретически или в воображении): America was believed by many emigrants to be El Dorado, the land of opportunity. El Dorado (“Позолоченный”) – так называли в XVI веке легендарного южно-американского вождя племени муисков, а впоследствии и его сказочно богатое королевство, предположительно находившееся в джунглях южной и центральной Америки”. В качестве дополнения к исчерпывающему толкованию значения этого крылатого выражения автор приводит и возможный контекст его употребления. Сравним прагматический потенциал толкования, предложенного в словаре Макмиллан: “El Dorado – воображаемое место, где люди могут найти много денег и ценных вещей” (an imaginary place where people can find a lot of money and valuable things). Существуют такие случаи, когда для полного понимания какой-либо идиомы необходим дополнительный фоновый контекст, в котором раскрывается этимология данного крылатого выражения. Иначе неадекватное восприятие оттенков значения некоторых крылатизмов может привести к неуместному их использованию в речи. Существуют такие случаи, при которых максимального прагматического эффекта в словарной статье можно достигнуть путем краткого семантического толкования, которое сопровождается уместным и точным иллюстрационным материалом. Примером этому служит крылатое выражение Empire City (“Имперский город”, Нью-Йорк. Л.Ф. Шитова). В некоторых случаях оказывается достаточным указать возможный семантический эквивалент тому или иному крылатому слову или выражению, что также является эффективным средством адекватного толкования афористического высказывания: “Enough to puzzle a Philadelphia lawyer – Сложное, запутанное дело; сам чёрт ногу сломит”. Автор уходит от дословного перевода данного крылатизма, ограничиваясь подбором актуального семантического эквивалента в русском языке (Толковый словарь Л.Ф. Шитовой).

При анализе корпуса афористических высказываний нам встретилось большое количество афоризмов, выражающие отрицательный, недружелюбный характер, в основе которых присутствует лексема Dutch, например: Do the Dutch (совершить самоубийство), double Dutch (неразборчивые слова, галиматья), Dutch auction (кошачий концерт, кто в лес, кто по дрова), Dutch bargain (сделка, выгодная лишь для одной стороны), Dutch comfort (слабое утешение), Dutch courage (храбрость по-голландски, т.е. храбрость во хмелю, пьяная удаль), Dutch feast (пир, на котором хозяин напивается первым), the Dutch have taken Holland! (Открыл Америку!- реакция на запоздавшую новость), Dutch hospitality (недружелюбие), go Dutch (каждый платит за себя), I’m a Dutchman (провалиться мне на этом самом месте, будь я проклят, если...), in Dutch (в тяжелом, трудном положении), talk to someone like a Dutch uncle (читать мораль), one’s old Dutch (старуха). Возникает вопрос, в чем причина подобной отрицательной коннотации

и почему лексема “Dutch” наделяется маркерами отрицательного значения. Причины, вероятно, вызваны англо-голландской конкуренцией на морях в XVIII веке, когда Голландская республика достигла значительных успехов во всех отраслях экономики (торговый оборот Голландии в то время в пять раз превосходил торговый оборот Англии). На наш взгляд, подобные исторические ссылки, раскрывающие этимологическое значение того или иного идиоматического выражения, крайне необходимы в словарных статьях для оказания максимального прагматического эффекта.

Эффективность толкового словаря зависит от корректно изложенного прагматического содержания словарной статьи, прочтение которой приводит к правильному и уместному употреблению лексических единиц в речи. В ходе нашего исследования мы увидели, что в современных толковых словарях активно используются различные стратегии семантизации значений, такие как иллюстративные стратегии, помещение слов и выражений в ситуативный контекст и др. Кроме того, мы убедились в том, что существуют такие идиоматические слова и высказывания, для понимания которых в словарной статье необходимо приводить дополнительные исторические, географические и другие справки, указывающие на этимологическое происхождение того или иного выражения, что, в свою очередь, максимально раскрывает прагматическое содержание крылатизмов.

Литература

1. Ван Дейк, Т.А. К определению дискурса, 1998 URL: <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/vandijk2.html> (дата обращения: 20.04.2015).
2. Ранделль, М., Фокс, Г. Macmillan English dictionary for advances learners – International student edition. Оксфорд, 2002. – 1692 с.
3. Резунова, М.В. Лексикографический дискурс русского, английского и немецкого языков // III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания. 2006. –Т.1. – С. 111-113.
4. Шведова, Н.Ю. Парадоксы словарной статьи // Русский язык. Избранные работы. 2005. – С.420-424.
5. Шитова, Л.Ф. Ехать в Тулу со своим самоваром: 350 географических идиом и не только. – СПб.: Антология, 2012. – 96 с.
6. Щерба, Л.В. Опыт общей теории лексикографии // ИАН ОЛЯ. 1940. – №3. – С.89-90.

References

1. Van Dejk, T.A. K opredeleniju diskursa, 1998 URL: <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/vandijk2.html> (accessed: April 20, 2015).
2. Randell', M., Foks, G. Macmillan English dictionary for advances learners – International student edition. Oxford, 2002. – 1692 s.
3. Rezunova, M.V. Leksikograficheskiy diskurs russkogo, anglijskogo i nemeckogo jazykov // III Mezhdunarodnye Bodujenovskie chteniya: I.A. Bodujen de Kurtenje i sovremennye problemy teoreticheskogo i prikladnogo jazykoznanija. 2006. –Т.1. – С. 111-113.
4. Shvedova, N.Ju. Paradoxy slovarnoj stat'i // Russkij jazyk. Izbrannye raboty. 2005. – S.420-424.
5. Shitova, L.F. Ehat' v Tulu so svoim samovarom: 350 geograficheskikh idiom i ne tol'ko. – SPb.: Antologija, 2012. – 96 s.
6. Shherba, L.V. Opyt obshhej teorii leksikografii // IAN OLYa. 1940. – №3. – S.89-90.

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛОВ ДЛЯ ЖЕНЩИН: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Чужикова Д.С.

аспирант

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

г. Белгород, Россия

chuzhikovadarya@gmail.com

Аннотация

Данная статья рассматривает тексты англоязычных глянцевого журналов для женщин, а также особенности языка журнальной лексики. Проводится лексикографический анализ наиболее часто употребляемых слов с целью выявления прагматического воздействия на читателя в условиях современного глобального общества.

Ключевые слова: масс медиа, глянцевого журнал, лексика, лексикографический анализ, прагматическое влияние.

LANGUAGE FEATURES OF GLOSSY MAGAZINES FOR WOMEN: LEXICOGRAPHIC ASPECT

Chuzhikova D.S.

Postgraduate Student

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia

chuzhikovadarya@gmail.com

Abstract

The paper studies the texts of English-language magazines for women and language features of the vocabulary. Lexicographic analysis of the most frequently used words provides to identify pragmatic impact on the reader in contemporary global society.

Key words: mass media, glossy magazine, media text, lexicographic analysis, pragmatic impact.

Современное общество чаще всего характеризуют как «информационное общество» или «глобальное общество». Именно поэтому средства массовой информации подлежат тщательному изучению многими учеными во всем мире. Тексты средств массовой информации оказывают мощное влияние на сознание человека. Именно в медиа сфере слово, приобретает невероятную силу воздействия. Появляясь в газете, в журнале, в сводках на радио или телевидении оно сразу же подхватывается аудиторией и вводится в оборот с новой силой. Так, слово из основной структурной единицы языка превращается в важнейшую единицу воздействия.

В настоящее время, тексты массовой информации играют большую роль в мировом информационном потоке, а английский язык и культура оказывают огромное влияние на мировой медиа ландшафт. Не сложно заметить, что количество англоязычных материалов значительно превосходит число подобных текстов на других языках. Большое количество изданий во всем мире берут за основу, а за частую попросту копируют, популярные англоязычные газеты и журналы. Стоит отметить, что заимствуется не только формат, но и содержание сообщения. Так, многие российские издания, в которых освещаются новинки мирового кино, популярной музыки, а также события в мире шоу-бизнес, делают

свои материалы о жизни зарубежных звезд, в основном “перекачивая” статьи из популярных англоязычных журналов типа “Hello”. Причем практиковавшаяся ранее ссылка “по материалам зарубежной прессы” сейчас чаще всего отсутствует [Добросклонская, 2008: 11].

Целью данной работы является проанализировать лексический состав женской периодической прессы, выявить наиболее популярные слова и оценить их влияние на читателя.

Сегодня, многие ученые такие как: Т.Г. Добросклонская, И.М.Кобозева, О.А. Ксензенко, С.М. Черменская все больше обращаются к анализу лексики масс медиа и их прагматического воздействия. На основании современных статистических данных был отобран практический материал данного исследования. Такие журналы как «Cosmopolitan», «Good House Keeping», «Women’s Health» являются самыми востребованными на рынке печатных изданий для женщин, а также имеют статус международных и выпускаются во многих странах мира. Можно предположить, что именно эти глянцевого издания могут оказывать наибольшее влияние на читателя.

В ходе изучения данной темы мы проводили лексический, лексикографический анализ, использовали такие методы исследования как количественно-статистический, качественный анализ.

Действительно, тексты массовой информации сегодня являются одной из самых распространенных форм бытования языка. Их способность отражать окружающую действительность, формировать идеологический фон и организовывать информационное пространство оказывает непосредственное влияние на состояние культурно-информационной среды. Будучи важнейшим компонентом современной культуры в ее “массовом” проявлении, медиа тексты не только передают динамику взаимоотношений языка и культуры, но мгновенно фиксируют любые изменения в движении языковой нормы [Добросклонская, 2008: 12].

Говоря о прессе для женщин С.М. Черменская, отмечает: «женские гляцевые журналы не столько удовлетворяют определенные потребности женщин, сколько формируют эти потребности» [Черменская, 2006: 16]. Таким образом, посредством языка, тексты масс медиа, не только предоставляют информацию о различных сферах жизни современной женщины (о моде, красоте, карьере, об отношениях мужчины и женщины, об обществе и др.), но и влияют на формирование картины мира современной женщины и ее образа в глазах общества.

Язык журнальной лексики, в частности, характеризуется повышенной эмоциональностью, которая достигается использованием

- эмоционально-экспрессивной и оценочной лексики (*peak hotness*),
- прилагательных в форме сравнительной и превосходной степени (*feel better, most chic season, hottest body*),
- окказионализмов (*makeup mixology*).

Также, очевидно наличие большого количества

- атрибутивных словосочетаний, например:
fearless style, flashy ascents, sexy beauty, hot & healthy food, all-out glam, amazing fashion and beauty, flirty top и др.

В ходе количественного анализа лексики, было установлено, что среди частей речи, на первом месте по частоте употребления находятся прилагательные, они встречаются чаще по сравнению с существительными и глаголами. Также в ходе исследования, стало очевидным наличие наиболее употребляемых слов, таких как: *hot, fun, sexy* и *beauty*.

Англоязычные словари выделяют следующие значения слова “hot”.

Так, Longman Dictionary of English Language & Culture определяет “hot” в прямом значении – что-либо горячее по температурной шкале:

1) “something that is hot has a high temperature – used about weather, places, food, drink, or objects” (*a hot day in July*).

Второе значение понимается как – острый вкус еды:

2) “food that tastes hot has a burning taste because it contains strong spices” (*a hot curry*).

Следующие же значения более подходят для перевода статей и заголовков глянцевого журналов:

3) популярный – “something or someone that is hot is very popular or fashionable, and everyone wants to use them, see them, buy them etc.” (*One of the hottest young directors in Hollywood*).

4) хорошего качества – “very good, especially in a way that is exciting” (*His new film is hot stuff* (=very good))

Следом идут неформальные значения слова:

5) сексуально привлекательный – (*informal*) “someone who is hot is very attractive sexually” (*he girls all think he's hot stuff*).

6) (*informal*) “a meeting with someone who you feel very attracted to sexually: (*a hot date*).

Cambridge International Dictionary of English в прямом значении дает практически те же толкования, однако расширяет значение слова:

1) causing disagreement “used to describe a subject that causes a lot of disagreement or discussion” (*Global warming has become a very hot issue.*)

2) new and exciting (*Hollywood's hottest new actress*).

3) most likely (*informal*) “an accurate piece of advice about who will win a race”

4) skillful (*informal*) “knowing a lot or skillful” (*I'm not too hot on Russian history.*)

5) sexy (*informal*) “sexually attractive, or feeling sexually excited” (*She's really hot!*)

И, наконец, Oxford Advanced Learner’s Dictionary предоставляет, на наш взгляд, наиболее полную картину семантических значений:

1) temperature – “having a high temperature; producing heat” (*It was the hottest July on record.*)

2) food with spices – “containing pepper and spices and producing a burning feeling in your mouth” (*hot spicy food*)

3) causing strong feelings – “involving a lot of activity, argument or strong feelings” (*Competition is getting hotter day by day.*)

4) dangerous – “difficult or dangerous to deal with and making you feel worried or uncomfortable” (*When things got too hot most journalists left the area*)

5) popular – (*informal*) “new, exciting and very popular “ (*This is one of the hottest clubs in town.*)

6) news – (*informal*) “fresh, very recent and usually exciting” (*I've got some hot gossip for you!*)

7) sexual excitement – (*informal*) “feeling or causing sexual excitement” (*You were as hot for me as I was for you.*)

Прилагательное “hot” употребляется в различных вариантах и сочетаниях, например:

Look hot tonight [Cosmopolitan USA, 2014: 90].

We like to imagine ourselves at our peak hotness in the summer [там же: 91].

Hot night out [там же: 91].

Hot & healthy food [там же: 178].

The hotness. (*раздел о звезде*) [там же: 48].

Look hot tonight. [Cosmopolitan USA, 2015: 78].

Cosmo hot list. Hot prices. Hot happenings. Hot stuff. [там же: 103].

Your recipe for a hot body [Women`s Health UK, 2015: 50].

Hot in a flash [там же: 25].

Основываясь на материале данных словарей, можно сделать вывод, о том, что в текстах женских журналов в основном используются неформальная лексика, которая помогает реципиенту легче воспринимать информацию в формате дружеской беседы, вызывает доверие, расположение читательниц. Примечательно, что практически ни одна страница журнала «Cosmopolitan» не обходится без слов *sexu* и *hot*. Словарные статьи одним из значений “hot” выделяют «сексуальную привлекательность», и именно в этом значении данное слово используется в женских журналах чаще всего. Кроме того, сочетания с данными лексемами отличаются самыми необычными комбинациями: *she is married to the hottest guy* (в статье о знаменитости), *relaxed, sexy life* (в советах по уборке в доме) или *sexu summer, hot summer sexu sport*.

Довольно часто встречается слово “beauty”.

Fun, fearless beauty [Cosmopolitan USA, 2014: 70].

Sexy beauty all night long [там же: 76].

We like to imagine ourselves at our peak hotness in the summer, but the potential for beauty fails is, well, huge [там же: 91].

Amazing fashion & beauty finds [Good House Keeping USA, 2015: 15].

В словарных статьях его значение трактуется практически одинаково. Beauty – “the quality of being pleasing, especially to look at, or someone or something that gives great pleasure, especially when you look at it” (Cambridge International Dictionary of English). Примечательно, что Longman Dictionary дает дополнительное значение beauty – woman “a woman who is very beautiful”, создавая акцент именно на женской красоте.

Прилагательное “fun” также часто можно встретить на страницах дамских журналов.

Fun, fearless style [Cosmopolitan USA, 2014: 55].

Fun, fearless beauty [там же: 56].

Fun and rewarding [Good House Keeping USA, 2015: 10].

Fun fitness [там же: 12].

Longman Dictionary определяет прилагательное “fun” следующим образом – “enjoyable and amusing” и в качестве существительного

1) for fun – “also just for the fun of it if you do something for fun, you do it because you enjoy it and not for any other reason”

2) fun – “behaviour that is not serious and shows happiness and enjoyment”.

Анализ языковых процессов на интерлингвистическом уровне позволяет также высказать предположение о том, что существует некая мода на определенные слова и выражения, распространяемая через средства массовой информации, и именно СМИ способствуют распространению нового, «модного» варианта употребления лексемы на другие лингвокультурные ареалы [Добросклонская, 2008: 12].

Так, слова *hot*, *sexy* и их производные, являются наиболее популярными, «модными» в женских журналах сегодня. Кроме того, появляясь на каждой странице, они формируют центральную установку для читателей, каким быть, как одеваться, какой образ жизни вести, непосредственно влияют на формирование жизненных целей и приоритетов. Механизм влияния женских журналов работает достаточно целенаправленно. С одной стороны, яркий, красивый иллюстративный материал и занимательные истории помогают современной женщине переключиться с повседневной суеты на что-то приятное (fun), красивое (beauty, sexy), или интересное (hot), однако с другой стороны, в ход вступает речевое воздействие, незаметно видоизменяя взгляды человека на происходящее, чаще навязывая «модный», «принятый» стиль жизни.

В заключении хотелось бы отметить, что средства массовой информации, обладая способностью накапливать и отражать события окружающей действительности, способны оказывать мощное влияние на формирование картины мира современного человека. В свою очередь, в условиях информационного, глобального общества механизм создания картины мира достаточно сильно зависит от средств массовой информации, и именно при помощи слова и языка в целом это влияние может быть осуществимо.

Литература

1. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М., 2008. – С. 8-12.
2. Кобозева, И. М. Лингвопрагматический аспект анализа языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие (под ред. Володиной М.Н.). – Часть 1. М.: Изд-во МГУ, 2003.
3. Чалдини, Р. Психология влияния. Убеждай, действуй, защищайся. – СПб.: Питер, 2010.
4. Черменская, С.М. Роль глянцевого журнала в формировании гендерных стереотипов современной женщины // Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2006. – №6. – С. 16-18.
5. Cambridge Advanced Learner Dictionary. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. URL: <http://dictionary.cambridge.org>.
6. Longman Dictionary of English Language and Culture. URL: <http://www.ldoceonline.com>.
7. Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com>.
8. Cosmopolitan USA – April 2015.
9. Cosmopolitan USA – July 2014.
10. Good House Keeping USA – March 2015.
11. Women's Health UK – April 2015.

References

1. Dobrosklonskaya, T.G. Medialingvistika: sistemnyi podhod k izuchniju yazika SMI: sovremennaya anglijskay media. Moscow, 2008. – P. 8-12.
2. Kobozeva, I.M. Lingvopragmaticheskij aspekt analiza yazika SMI // Yazik SMI kak object mezhdistsiplinarnogo issledovaniya: uchebnoe posobie (pod red. Volodinoj M.N.). – Chast' I. Moscow: Izd-vo MSU, 2003.
3. Cialdini, R.B. Psihologiya vliyaniya. Ubezhdai, vozdeistvui, zashchishchaisya. SPb: Piter, 2010.

4. Chermenskaya, S.M. Rol' glyantsevih zhurnalov v formirovanii gendernih stereotipov sovremennoi zhenshchiny // Bulletin of Moscow University. Ser. 10. Journalistics – 2006. – №6. – С. 16-18.
5. Cambridge Advanced Learner Dictionary. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. URL: <http://dictionary.cambridge.org>.
6. Longman Dictionary of English Language and Culture. URL: <http://www.ldoceonline.com>.
7. Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com>.
8. Cosmopolitan USA – April 2015.
9. Cosmopolitan USA – July 2014.
10. Good House Keeping USA – March 2015.
11. Women's Health UK – April 2015.

УДК 81

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ И ХАРАКТЕРЕ ДИСКУРСА КАК ЭЛЕМЕНТА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Щербинина Е.М.

ассистент кафедры немецкого и французского языков
факультет иностранных языков педагогического института
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
г. Белгород, Россия
shcherbinina_e@bsu.edu.ru

Аннотация

Данная статья рассматривает определение, структуру и функционирование понятия дискурса с позиций современной науки о языке. Сравняются и анализируются различные точки зрения по вопросу места дискурса в системе лингвистических и антропологических наук.

Ключевые слова: дискурс, текст, экстралингвистические факторы, семантика, когнитивный компонент.

ABOUT THE STRUCTURE AND CHARACTER OF DISCOURSE AS AN ELEMENT OF INTERDISCIPLINARY STUDY

Shcherbinina E.M.

assistant teacher of German and French languages department
Belgorod State Research University
Belgorod, Russia

Abstract

The article deals with identification, structure and functions of discourse in the modern language studies. Different points of view about the position of discourse in the system of linguistics and other anthropological studies are compared and analyzed.

Key words: discourse, text, extra linguistic factors, semantics, cognitive component

Особенностью современной науки о языке можно считать смещение перспективы исследования в сторону субъективности речевой деятельности. Центральным объектом исследования и анализа становится человек с его особенностями личностной, профессиональной или иной сферы деятельности. Язык, следуя за развитием человека, все более обретает динамическую природу, одной из важнейших функций которой считается коммуникативная функция. Коммуникация, общение, взаимодействие между индивидами осуществляется, как правило, в определенных ситуативных рамках, имеющих ряд общих семантических, структурных, типологических признаков. Следовательно, можно говорить о необходимости рассмотрения теории дискурса. Дискурс, по определению лингвиста Н.Д. Арутюновой, представляет собой связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными,

психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмов их создания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь». [Арутюнова, 2000: 137]. Дискурсивный анализ рассматривает языковую систему не как автономный механизм, направленный на осуществление коммуникации между индивидами, а как антропоцентрическую систему, имеющую динамическую природу и деятельностное предназначение.

Изучение природы дискурса не может происходить с однозначных позиций, учитывая его всеобъемлющий характер. Целесообразно рассматривать его и точки зрения социологии, и лингвистики, и когнитивистики. В зависимости от направленности анализа, на первый план может выходить как когнитивный компонент, так и лингвистический. Е.С. Кубрякова понимает под дискурсом «когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством» [Демьянков, 1982: 19]. М.Л. Макаров трактует дискурс, напротив, как «текст плюс ситуация», а текст – как «дискурс минус ситуация» [Макаров, 2003: 87]. Дискурс по определению В.И. Карасика есть «явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в сухом остатке общения, с другой стороны» [Карасикб 2002: 276].

Дискурс – это полигон для реализации концептов, концентрированной информации о каком-либо предмете или явлении. Информация структурируется и систематизируется, обретая специфическое языковое выражение. Таким образом, возникает дискурсионная система, имеющая свои лингвистические и сематические особенности. Структура дискурса выражается в последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т.п. [Демьянков, 1994: 7]. Следовательно, можно говорить о грамматической партитуре дискурса, включающей в себя грамматические элементы в сочетании с лексическим наполнением, образующие определенный хронотоп, системно функционирующий лишь в данном дискурсивном единстве. Внутри грамматического единства дискурса существует определенный подбор временных наречий, форм глагола, существительных с темпоральной семантикой. Эта функциональная характеристика дискурса также свидетельствует о его надтекстовой природе. Тематическая связанность, ситуативная обусловленность, динамичность в сочетании с социальной ориентированностью дискурса говорят о неоднозначности и многогранности данного явления, проанализировать которое достаточно сложно.

Как и всякая деятельность, речевое общение, в том числе и в рамках определенной дискурсивной тематики, имеет свои мотивы, выполняет определенные функции. Следовательно, подробно изучив механизмы функционирования языка, возможно прогнозировать развитие речевой ситуации, или, иными словами, дискурсивную направленность.

Если говорить о структуре дискурса как явления, то она проявляется в «последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т.п. Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформативная информация и «не-

события», т.е. а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников событий; г) информация, соотносящая дискурс с событиями [Демьянков, 1994: 7]. Определенных границ у данного явления нет, в отличие, например, от текста с его четкой структурой. Но оно тематически и ситуативно связано, т.к. функционирует в рамках конкретной коммуникативной ситуации, ориентировано на определенных реципиентов, зависит от взаимодействия принимающих участие сторон и динамично в плане развития рассматриваемой речевой ситуации. При условии переключения на иную тему можно говорить о смене дискурса.

Кроме того, можно говорить об определенном лексическом наполнении дискурса: лексика, описывающая политический, экономический, сельскохозяйственный, медицинский, интернет-дискурс. Таким образом, возникает необходимость применять к анализу дискурса похожие приемы, что и для анализа языка. Язык в современной научной интерпретации рассматривается неразрывно с человеком, которого, прежде всего характеризует его деятельность.

Тематикой нашего исследования являются лексические единицы сельскохозяйственного дискурса, описывающие такие процессы, как выращивание сельскохозяйственных животных, убой и переработка мяса и пр. Это особый пласт языка, функционирующий в определенной профессиональной среде, достаточно адаптированный под данную среду и однозначно понимаемый участниками профессионального взаимодействия. В сельскохозяйственном дискурсе, как и в ином специализированном типе дискурса, выделяется общенаучная, общетехническая, профильная и узкоспециальная терминология, в совокупности образующая когнитивно-вербальную основу данной научно-профессиональной коммуникации. В нашем случае также имеет место возникновение новых терминов, обозначающих предметы, возникающие вследствие нововведений в технологию переработки мясной продукции: *die Venervung* – жилкование, *das Abspitzen* – набрызгивание, *das Abschnitten* – жиловка.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь/ под редакцией Ярцевой В.Н. М.: Большая российская энциклопедия, 2000. с. 137.
2. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация [Текст]/ Т.А. ван Дейк. – М.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртене, 200. – 308 с.
3. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода [Текст]// Вопросы языкознания. – 1994. – №4. – М.: Всесоюзный центр переводов ГКНТ и АН СССР, 1982. – 288с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст]. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
5. Кубрякова Е.С. Виды пространства текста и дискурса / Кубрякова Е.С., Александрова О.В. // Категоризация мира: пространство и время. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 15-26.
6. Макаров М.Л. Основы теории дискурса [Текст]. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280с.

References:

1. Nina Arutjunova. Discourse // Linguistic dictionary/ under edition by Viktoria Jartseva. Moscow. Great Russian Encyclopedia. 2000. P. 137.
2. Teun Adrianus van Dijk. Language. Knowledge. Communication. Teun Adrianus van Dijk. Moscow. BGK named Jan Baudouin de Courtenay. 2000. 308 pages.
3. Valerij Demjankow. Cognitive science as a variety of interpreted approach. Language problems. – 1994. №4. Moscow. All-USSR centre of translation. GCNT and Academy of science of USSR. 1982. – 288 pages.
4. Vladimir Karasik. Language sphere: personality, concept, discourse. Volgograd. Peremena. 2002. – 477 pages.
5. Elena Kubrjakova. The arts of text space and discourse. / Elena Kubrjakova, Olga Aleksandrova // The categorization of the world: space and time. Moscow. Dialog – MGU, 1997. Pages 15-26.
6. Michail Makarov. The foundation of discourse theory. Moscow. ITDGK. “Gnosis”. 2003. – 280 pages.

УДК 811.111'37

**ИЗУЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ СЕМАНТИКИ АНГЛИЙСКИХ
ГЛАГОЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЖЕСТЫ,
В СОВРЕМЕННОЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ
ПОСРЕДСТВОМ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ И ТЕЗАУРУСА**

Голубева Ю.В.

доцент кафедры английского языка и методики преподавания,
кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
г. Белгород, Россия
golubeva@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматривается специфика семантики и функционирования глаголов и глагольных сочетаний, обозначающих жесты в современном английском языке. Подробно описывается процедура выделения исследуемой лексики по словарю-тезаурусу, даётся анализ словарных дефиниций по толковому словарю, описываются виды и функции глагольной лексики со значением жестикуляции в текстах современной художественной прозы. Проведённое исследование приводит к выводу о том, что семантика жестового глаголы определяется значением и сферой употребления соответствующего жеста, что подтверждает один из основных постулатов когнитивной лингвистики о необходимости привлечения экстралингвистических данных.

Ключевые слова: концепт, прототип, глаголы жеста, коммуникативные жесты, общие жесты, этикетные жесты, дейктические жесты.

**STUDYING OF SEMANTIC FEATURES
OF THE VERBS OF GESTURES IN MODERN COGNITOLOGY
BY MEANS OF EXPLANATORY DICTIONARY AND THESAURUS**

Golubeva J.V.

Associate Professor of Department of English Language and
Methods of Teaching, PhD in Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
golubeva@bsu.edu.ru

Abstract

In the article the specific character of semantics and functioning of verbs and the verbal combinations denoting gestures in modern English is considered.

The procedure of selection of the verbs under the study, using a thesaurus is in detail described, the analysis of definitions, using an explanatory dictionary is given, types and functions of verbs of gesture in modern fiction are described. The done research leads to the conclusion that the semantics of gesture verbs is defined by the meaning and the use of appropriating gestures that confirms one of the basic postulates of cognitive linguistics about the necessity of the use of extralinguistic information.

Key words: concept, prototype, verbs of gesture, communicative gestures, general gestures, eetiquette gestures, index gestures.

Данная работа выполнена в рамках когнитивного направления лингвистической науки. В центре внимания когнитивной лингвистики находятся

аспекты структуры и функционирования языка, связанные с усвоением, обработкой, организацией, хранением и использованием человеком знаний об окружающем мире. К числу важнейших принципов когнитивизма относится трактовка человека как субъекта действующего, активно воспринимающего информацию, руководствующегося в своей мыслительной деятельности определёнными схемами, программами, стратегиями. Всё это вместе и создаёт когнитивную науку, которая ставит своей целью проследить за тем, как осуществляются процессы восприятия, категоризации, классификации и осмысления мира. Важнейшим объектом когнитивной науки является язык. Большая доля информации о мире поступает к нам с помощью языка: из учебников, художественной и научной литературы, справочных пособий, языкового общения, изучения значения языковых единиц. Язык помогает нам обобщить всю информацию, поступающую по другим каналам: через зрение, слух, осязание, обоняние, а также знания, полученные в результате предметной деятельности и мыслительных операций. Он нужен для обмена концептами (мыслями) и их обсуждения в процессе общения. Одним из основных положений когнитивной лингвистики является её междисциплинарный характер, предполагающий необходимость учёта экстралингвистических данных при описании значения слов.

Объектом исследования данной работы являются глаголы и глагольные сочетания, обозначающие жесты. Описания жестов в художественной литературе способствуют адекватному восприятию читателем произносимых героями слов и служат художественным изобразительным средством. Для изучения значения данных лексических единиц нами будут привлечены данные семиотики и психологии, лежащие в основе значения глаголов и глагольных сочетаний, обозначающих жесты.

Понятие жеста трактуется учёными неоднозначно. Вслед за А.В. Дементьевым [Дементьев, 1985] под жестами мы понимаем коммуникативно значимые движения тела, головы, конечностей. Жест отличается от идентичного в физическом отношении самостоятельного движения тела наличием семиотического значения и обладает знаковым характером. Жест, как и всякий знак, имеет означающее и означаемое, связь между которыми носит в большинстве случаев конвенциональный (условный) характер. Так, движениями, а не жестами, являются, например, гримасы боли, смахивание крошек со стола и т.д. Все эти движения следует отличать от жестов, имеющих ту же биологическую природу, но при этом служащих для выражения некоторого нетривиального смысла. Интерпретация движения как жеста или физиологического движения входит в функцию адресата актуальной ситуации общения.

Семантика глагольной лексики, используемой для вербализации жестов, сложна тем, что номинации жестов берут на себя семантику реальных жестов. Главная особенность глаголов и глагольных сочетаний, обозначающих жесты, состоит в том, что они отражают не просто движения, но движения коммуникативно значимые. Подобно тому, как жест отличается от сходного в физическом отношении самостоятельного действия наличием семиотического значения, семантика глаголов жеста отличается от семантики

глаголов, обозначающих самостоятельные действия, наличием специфических, так называемых «символических» сем. Обратимся к словарю Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English [далее OALDCE]: bow – bend the head or body (as a sign of respect or as a greeting, or in submission, or to indicate assent). Shrug – lift (the shoulders) slightly (to show indifference, doubt, etc) [Hornby, 1974].

Анализ фактического материала и словарных дефиниций глагола gesture свидетельствует, что данный глагол фиксирует концепт «Жестикуляция» в своем лексическом значении в большей степени, чем другие жестовые глаголы и глагольные сочетания. Так, глагол gesture является прототипом лексической категории глаголов и глагольных сочетаний, обозначающих жестикуляцию, поскольку, являясь собирательным обозначением жестов, он передает в наиболее общей и нейтральной форме самые существенные, значимые, определяющие специфику процесса жестикуляции, признаки. В словаре Webster's School Dictionary [далее WSD] [WSD, 1986: 377] глаголу gesture дается следующая дефиниция: '1 to make a gesture, 2 to express or direct by a gesture'. Так, данная словарная дефиниция отсылает нас к дефиниции соответствующего существительного. Gesture – 'the use of motions of the limbs or body as a means of communication' [WSD, 1986: 377]. Согласно дефиниции, приведенной в OALDCE, gesture – 'movement of the hand or head to indicate or illustrate an idea, feeling' [Hornby, 1974: 364]. Как известно, ядром лексического значения слова является его сигнификат, представляющий собой совокупность существенных признаков, обозначаемых словом объектов. Толкования значений слов в толковых словарях как раз и репрезентируют эти признаки. Таким образом, значение жестикуляции составляют два основных признака: 1) движение тела, головы, конечностей; 2) семиотическое значение, закрепленное за этим движением. Активизировать фрейм «жестикуляция» только своим лексическим значением способны лишь глаголы и глагольные сочетания, содержащие в своей семантической структуре сему 'телодвижение', а также одну или несколько символических сем, то есть лексические единицы с системным значением жестикуляции. На функциональном уровне, благодаря введению в состав предложения-высказывания модификаторов смысла (жестовой природы обозначаемого глаголом действия), фрейм «жестикуляция» может быть активизирован глаголами других семантических групп и неустойчивыми глагольными сочетаниями. Определив основные составляющие значения жестикуляции, перейдем непосредственно к процедуре отбора лексических единиц, обозначающих жестикуляцию.

Глаголы и глагольные сочетания, обозначающие жестикуляцию, отбирались нами для анализа в тезаурусе Роже [Roget's International Thesaurus, 1978]. Поскольку жест рассматривается нами как знак, использующийся для обозначения каких либо абстрактных идей движениями тела, головы, конечностей, то мы обратились к статье Indication [Roget's International Thesaurus, 1978: 209-211] (Обозначение) параграфа Means of communicating ideas. В качестве одного из способов обозначения, доведения абстрактных идей до восприятия партнера по коммуникации автором словаря-тезауруса

рассматривается жестикуляция (*gesticulate*). Из списка, приведенного в словаре, нами были исключены глаголы и глагольные сочетания, обозначающие мимику и выражения лица, поскольку в нашем исследовании жесты и мимика различаются как нетождественные явления кинесической природы и номинаты мимики не рассматриваются. Также не включались в рассмотрение глаголы *imitate* и *pantomime*, как номинаты жестов, не являющихся эмблематическими. Таким образом, в списке остались следующие глаголы и глагольные сочетания: *gesture*, *gesticulate*, *motion*, *nod*, *nudge*, *elbow*, *shrug*, *wave*, *beck*, *beckon*, *point*, *sign*, *poke*, *thumb*, *saw the air*, *suit the action to the word*, *attract notice*, *jog*. Как свидетельствует приведенный список, в тезаурусе Роже семантическое поле глаголов жеста включает не только глаголы с системным значением жестикуляции и устойчивые глагольные сочетания, но и глаголы других семантических групп, а также некоторые неустойчивые глагольные сочетания, а именно: *point*, *sign*, *poke*, *thumb*, *saw the air*, *suit the action to the word*, *attract notice*, *jog*. Эти глаголы и глагольные сочетания могут обозначать жестикуляцию в определенном контексте при активизации фрейма «жестикуляция». Рассмотренные нами глаголы и глагольные сочетания являются, в большинстве своем, средствами обозначения указательных и общих жестов.

В соответствии с семиотической классификацией эмблематических жестов Г.Е. Крейдлина глаголы и глагольные сочетания с системным значением жестикуляции группируются нами на основе типа жеста [Крейдлин, 2001]. Наиболее многочисленным и разнообразным по составу является класс глаголов и глагольных сочетаний, обозначающих коммуникативные жесты, среди которых выделяются общие, этикетные, дейктические.

В то время как общие жесты используются для выражения самых разнообразных идей, этикетные жесты выражают вполне конкретные идеи вежливости, уважения, признательности. Поэтому из соответствующих статей тезауруса Роже 884. *Courtesy* [Roget's Thesaurus, 1978: 354-55], 920. *Respect* [там же: 369], 923. *Approbation* [там же: 370-371] нами были выбраны глаголы и устойчивые глагольные сочетания, обозначающие движения тела, головы, конечностей, с помощью которых могут быть переданы вышеупомянутые идеи. Получился следующий список: *hold out one's hand*, *wave*, *raise one's hat*, *uncap*, *uncover*, *shake hands*, *press or squeeze or wring or pump the hand*, *present arms*, *open one's arms*, *embrace*, *hug*; *kneel*, *bow*, *rise*, *take one's hat off to*, *applaud*, *give a hand*. Очевидно, что в данном списке фигурируют синонимичные номинации одной и той же жестовой кинемы, например: *raise one's hat*, *uncap*, *uncover*, *take one's hat off to*. Также присутствуют глагольные сочетания, описывающие отдельные элементы одной и той же жестовой кинемы, например: *shake hands*, *hold out one's hand*, *press or squeeze or wring or pump the hand* и т.п. Поэтому мы сочли целесообразным сузить список по принципу: один жест – одна номинация. Итак, нами будут рассмотрены следующие глаголы и глагольные сочетания английского языка, обозначающие этикетные жесты: *shake hands*, *hug*, *applaud*, *bow*, *kneel*, *take one's hat off*.

Поскольку симптоматические жесты обозначают эмоции, то из главы *Affections* [там же: 321-400] тезауруса Роже нами были выбраны все глаголы и глагольные сочетания, которые обозначают жесты, используемые для выражения

эмоций. В список были включены следующие глаголы: *applaud, wave, raise one's hat, shake hands, bow, kneel, tremble, shiver, shudder*. Первые семь глагольных лексем этого списка обозначают этикетные жесты, исполняемые для выражения той или иной эмоции преднамеренно и в строго фиксированных ситуациях общения. Они не будут подвергнуты анализу в параграфе, посвященном симптоматическим жестам. Оставшиеся в списке глаголы *tremble, shiver, shudder* являются средствами обозначения симптоматических жестов в их исходном употреблении. Получилось так, что все они взяты из словарной статьи тезауруса 854. *Fear.* и являются языковыми средствами обозначения жестов, передающих страх и нервозность.

Рассматриваемые глаголы и глагольные сочетания являются вербальными коррелятами жестов и идентифицируются как средства обозначения жестов только в контексте вербального общения людей. Так, практически все исследуемые глаголы и глагольные сочетания используются не только для обозначения жестов, но могут обозначать, к примеру, идентичные в физическом отношении самодостаточные действия. Соответствующий контекст позволяет разграничить обозначение жеста и движения тела идентичной физической природы.

Например: *She nodded, counting the swirls of colour on her swimsuit, still not looking up [Gibson, 1990].*

Многозначность жеста обуславливает присутствие более чем одной специфической 'символической' семы в структуре значения соответствующего глагола. Например: *nod – bow (the head) slightly and quickly as a sign of agreement or as a familiar greeting [Hornby, 1974].* Контекст позволяет уточнить, в каком из возможных символических значений глагол употреблён в том или ином случае.

Сравним примеры: 1) *It had taken months before he would even nod or say hello or acknowledge her presence [Witelaw, 1997] (a familiar greeting);* 2) *'You have known about me all the time?' she asked in amazement. George nodded. 'Yes, and every day I have loved you more' [Kennedy, 1998] (a sign of agreement).*

Следует подчеркнуть, что опора на контекст также необходима в связи с полисемией и омонимией языковых средств отображения жестов.

Сравним примеры: 1) *'Mornin' to yer', they said and I said 'Morning' back, and waved like Princess Anne [Sheringham, 1991] (выражение приветствия);* 2) *He waved good-bye to her [Lehane, 2002] (выражение прощания).*

Количество символических сем позволяет судить о степени очевидной выраженности значения жестикуляции в семантической структуре глагола или глагольного сочетания. Тот факт, что значение жестикуляции с разной степенью очевидной выраженности представлено в исследуемых глаголах, даёт возможность организации лексической категории жестовых глаголов и глагольных сочетаний согласно принятому в когнитивной лингвистике прототипическому подходу к организации категорий.

Литература

1. Дементьев, А.В. Семантико-функциональные аспекты кинематических речений в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук / А. В. Дементьев. – М., 1985. – 215 с.
2. Крейдлин, Г.Е. Кинесика / Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. // Словарь языка русских жестов. – М.; Вена, 2001. – С. 166-248.
3. Gibson, E. *Old Photographs* / E. Gibson. – Oxford: A Lion Paperback, 1990. – 349 p.

4. Hornby, A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S. Hornby. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1974. – 1055 p.
5. Kennedy, L. The inn on the marsh / L. Kennedy. – London: Futura Publications. A division of Macdonald & Co (Publishers) Ltd., 1998. – 347 p.
6. Lehane, D. Mystic River / D. Lehane. – N. Y.: Harper Torch, 2002. – 478 p.
7. Sheringham, S. Cuckoo in the nest / S. Sheringham. – London: New English Library, Hodder and Stoughton, 1991. – 424 p.
8. Roget's Thesaurus. – Longmans Green & Co.: Penguin Books, 1978. – 712 p.
9. Webster's School Dictionary. Merriam – Webster Inc., Publishers Springfield, Massachusetts, U.S.A. 1986. – 1167 p.
10. Witelaw, S. Sweet Seduction / S. Whitelaw. – London: Robinson Publishing Ltd., 1997. – 388 p.

References

1. Dement'ev, A.V. Semantiko-funkcional'nye aspekty kinematicheskikh rechenij v sovremennom anglijskom jazyke: dis. ... kand. filol. nauk / A. V. Dement'ev. – M., 1985. – 215 s.
2. Krejdlin, G.E. Kinesika / Grigor'eva S.A., Grigor'ev N.V., Krejdlin G. E. // Slovar' jazyka russkikh zhestov. – M.; Vena, 2001. – S. 166-248.
3. Gibson, E. Old Photographs / E. Gibson. – Oxford: A Lion Paperback, 1990. – 349 p.
4. Hornby, A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A. S. Hornby. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1974. – 1055 p.
5. Kennedy, L. The inn on the marsh / L. Kennedy. – London: Futura Publications. A division of Macdonald & Co (Publishers) Ltd., 1998. – 347 p.
6. Lehane, D. Mystic River / D. Lehane. – N. Y.: Harper Torch, 2002. – 478 p.
7. Sheringham, S. Cuckoo in the nest / S. Sheringham. – London : New English Library, Hodder and Stoughton, 1991. – 424 p.
8. Roget's Thesaurus. – Longmans Green & Co.: Penguin Books, 1978. – 712 p.
9. Webster's School Dictionary. Merriam – Webster Inc., Publishers Springfield, Massachusetts, U.S.A. 1986. – 1167 p.
10. Witelaw, S. Sweet Seduction / S. Whitelaw. – London: Robinson Publishing Ltd., 1997. – 388 p.

УДК 81

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖУЛИАНА БАРНСА)

Дехнич О.В.

доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации,
кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Россия
dekhnich@bsu.edu.ru

Ярыгина О.Н.

ассистент кафедры иностранных языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Россия
yarygina@bsu.edu.ru

Аннотация. Данное исследование посвящено особенностям перевода английских фразеологизмов на русский язык. Фактическим материалом послужили фразеологические единицы, использованные в произведении Джулиана Барнса «Англия, Англия», а также их переводы, выполненные русской переводчицей Светланой Силаковой. В ходе работы выявляются основные способы перевода и переводческие трансформации, полученные при передаче английских идиом на русский язык. Подчеркивается, что использование данных техник при передаче аутентичного текста на родной язык переводчика способствует

выявлению коммуникативного эффекта рассматриваемого языкового материала и его художественно-эстетического воздействия на читателя.

Ключевые слова: идиома, метафора, трансформация, фразеологическая единица, художественно-эстетическое воздействие, коммуникативная интенция.

SOME PECULIARITIES OF IDIOM TRANSLATION (BASED ON JULIAN BARNES'S NOVELS)

Dekhnich O.V.

Candidate of Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
dekhnich@bsu.edu.ru

Yarygina O.N.

Assistant Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
yarygina@bsu.edu.ru

Abstract. This study covers the main translation peculiarities and techniques of translating English phraseological units into the Russian language. The illustrations are taken from Julian Barnes's "England, England" and its Russian version translated by Svetlana Silakova. Prime ways of translating idioms, translational transformations used in the target language are identified and analysed here, with the literary significance of the translator's contribution to the target text being emphasised.

Key words: idiom, way of translation, transformation, metaphor, phraseological unit, author's communicative intention, translator's impact.

Как известно, перевод английских фразеологических единиц (идиом, фразеологизмов, фразем), особенно отличающихся эмоциональной насыщенностью, многозначностью, ярко выраженной национальной наполняемостью и стилистической разноплановостью, представляет значительные трудности.

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть и проанализировать основные способы перевода английских фразеологических единиц на русский язык, использованных в произведении одного из самых ярких представителей английского постмодернизма в литературе Джулиана Барнса «Англия, Англия», а также их русских переводов, сделанных переводчицей Светланой Силаковой.

В настоящей работе за основу принята точка зрения В. М. Мокиенко, который дефинирует фразеологизм следующим образом: «Фразеологизм – такое словосочетание слов, которое обладает относительной устойчивостью, экспрессивностью, целостным значением и воспроизводится в готовом виде. Как синонимы этого термина ... употребляются и наименования поговорка, идиома, образное выражение» [Мокиенко 2005: 4].

Преобразование фразеологического значения главным образом осуществляется путем переосмысления при вторичной номинации [Илюхина 2010: 140]. Одним из самых распространенных видов переосмысления является метафорическое переосмысление, при котором осуществляется перенос

наименования с одного предмета (области, явления) на другой предмет (область, явление) по их сходству (аналогии). В данной статье будут рассмотрены приемы перевода фразеологизмов, образованных именно посредством метафоризации.

По словам В. Н. Комиссарова, «основная задача художественного перевода заключается в порождении на ПЯ речевого произведения, способного оказывать художественно-эстетическое воздействие на ПР» [Комиссаров 1990: 95]. В связи с этим для переводов литературных произведений «типичны отклонения от максимально возможной смысловой точности с целью обеспечить художественность перевода» [Комиссаров 1990: 96].

Одним из приемов подобных отклонений может служить следующий пример:

The world is my oyster, but I am seeking in this instance not a pearl but that vital piece of grit [Barnes 2008: 44].

Мир – моя устрица, но в данный момент я ищу не жемчужину, а песчинку – песчинку, нужную мне как воздух [Барнс 2012: 29].

Как видно из отрывка, в языке оригинала автор употребляет шекспиризм *the world is one's oyster* – ‘человеку принадлежит весь мир, для человека все возможно’ [Кунин 1984: 841].

Ценность шекспировских выражений заключается в том, что «к числу фразеологизмов, обогативших английский язык, относятся произведения Шекспира, занимающие второе место после Библии» [Кунин 2005: 258], что говорит о высоком удельном весе национально-этнического компонента, который они в себе несут.

Так, в данном отрывке национально окрашенный фразеологизм был переведен с помощью использования способа калькированного перевода. Как утверждает В. Н. Комиссаров, сохранение прямого значения ФЕ важно не столько само по себе, сколько для сохранения образности [Комиссаров 1990: 153]. Усиление последней достигается переводчиком в рассматриваемом примере благодаря раскрытию внешнего контекста путем использования лексического повтора «песчинка» при переводе метафоры “*that vital piece of grit*” и добавлению сравнительного оборота «нужную как воздух», что, безусловно, усиливает эмоциональную оценочность всего предложения в целом.

В следующих двух отрывках внимание привлекает лексико-семантическая замена компонента ФЕ:

‘Oh’, said Susie into the phone, and then, with an inappropriate smile, ‘I’m afraid Woodie’s had to go home, Sir Jack. I think his back’s been playing up [Barnes 2008: 112].’

Ой, — произнесла Сюзи в трубку, а затем, с неуместной улыбкой, промолвила: — Боюсь, что Вуди был вынужден уйти домой, сэр Джек. Полагаю, у него разыгрался радикулит [Барнс 2012: 62].

Так, конкретизация лексического значения исходной единицы оригинала “*back*” в составе ФЕ “*play up*” («барахлить, работать с перебоями») происходит путем использования в переводе единицы ПЯ «радикулит».

К наиболее ярким примерам использования аналогового перевода ФЕ на ПЯ в произведении «Англия, Англия», на наш взгляд, можно отнести следующий отрывок:

Imperious when necessary, and always forthright, Sir Jack is not a man to be trifled with; he suffers neither fools nor busybodies. Yet his compassion runs deep [Barnes 2008: 30].

При необходимости властный, всегда прямолинейный, *сэр Джек не из тех, кому можно положить палец в рот*; он не терпит ни дураков, ни непрошенных советчиков. Но *он наделен великим даром милосердия* [Барнс 2012: 20].

В данном контексте при передаче английской ФЕ “*smb. is not one to be trifled with*” («палец в рот не клади») переводчик использует эквивалент, при котором происходит грамматическая переводческая трансформация, свойственная структуре русского предложения.

В английской ФЕ “*his compassion runs deep*”, подвергшейся структурно-семантической и лексической трансформации (*ср. ≈ Still waters run deep/В тихом омуте черти водятся*) происходит смена коннотативного фона в самом языке оригинала, – исчезает ирония, присущая ФЕ-инварианту. А за счет использования переводчиком способа описательного перевода и соответствующих лексических замен (“*deep*”- «великий», “*runs*”- «наделен») и приема добавлением лексического компонента «дар», автору удается достичь высокой художественности и усилить стилистическую окрашенность оригинала.

Подводя итоги анализа особенностей перевода рассмотренных английских ФЕ в произведении Джулиана Барнса, можно сделать вывод о том, что автору, Светлане Сиваковой особенно удаются приемы описательного, аналогового и калькированного переводов. Среди переводческих трансформаций для перевода ФЕ, с лежащей в основе метафоричностью значения, языка оригинала на русский язык наиболее характерны лексико-семантические и грамматические замены.

По нашему мнению, художественно-лингвистический труд автора перевода английских ФЕ в вышеуказанном произведении полностью соответствует содержанию коммуникативно-функциональной теории перевода [Швейцер 1988], в которой «переводчик выявляет на основе функциональных доминант исходного текста лежащую в его основе коммуникативную интенцию и, создавая конечный текст, стремится получить соответствующий этой интенции коммуникативный эффект» [Сдобников 2009: 23].

Литература

1. Барнс Д. Англия, Англия / Пер. С. В. Силакова. М.: Эксмо, 2012. – 312 с.
2. Илюхина И.А. Метафора и фразеологические единицы / И.А. Илюхина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № (5): в 2-х ч. Ч. I. С. 139-142.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
4. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / Лит. ред. М. Д. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. Яз., 1984. – 944 с.
5. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: Уч. пос. для ин-тов и фак. иностран. яз. – 3-е изд., стереотип. / А. В. Кунин. – Дубна: Феникс+, 2005. – 488 с.
6. Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии. 2-е изд., перераб. / В. М. Мокиенко. – СПб.: «Авалон», «Азбука-классика», 2005. – 256 с.
7. Сдобников В.В. Коммуникативно-функциональный подход к переводу в российском переводоведении / В. В. Сдобников // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. – № 2. – С. 19-30.
8. Швейцер А. Д. Языковые и внеязыковые аспекты перевода / А. Д. Швейцер // Методы сопоставительного изучения языков: Спб. ст. – М.: Наука, 1988. – С. 59-65.
9. Barnes J. England, England. London, Vintage, 2008. 266 p.

References

1. Barnes, J. *England, England* / Transl. by S. V. Silakova. Moscow: Eksmo, 2012. P. 312.
2. Barnes, J. *England, England*. London: Vintage, 2008. P. 266.
3. Piyukhina I.A. Metaphor and phraseological units // *Philology. Theory and practice*. Tambov: Charter, 2010. № (5) Part I. P. 139-142.
4. Komissarov, V. N. *Translation Theory (Linguistic Aspects): Coursebook for Institutions and Departments of Foreign Languages*. Moscow: Vysshaya shkola, 1990. P. 253.
5. Kunin, A.V. *English-Russian Phraseological Dictionary*. Moscow: Russkii yazyk, 1984. P. 945.
6. Kunin, A.V. *Course on Modern English Phraseology. Coursebook for Institutions and Departments of Foreign Languages*. Dubna: Feniks+, 2005. P. 225-227.
7. Mokienko, V.M. *Russian Phraseology Enigmas*. St. Petersburg: Avalon, Azbuka-klassika, 2005. P. 256.
8. Sdobnikov, V.V. Communicative-functional Approach to the Translation in Russian Translation Studies. *Herald of Moscow State University. Volume 19, Issue 2. Linguistics and Intercultural Communication (2009)*: Pp. 19-30.
9. Shveytser, A.D. *Linguistic and Extralinguistic Aspects of Translation. Methods of Contrastive Language Learning*: St. Petersburg. Moscow: Nauka, 1988. Pp. 59-65.

УДК 81

К ВОПРОСУ ОБ АРСЕНАЛЕ ДИСКУРСНЫХ СРЕДСТВ РОССИЙСКОГО УЧИТЕЛЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Каблучко А.О.

магистрант

Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Белгород, Россия

stacy1987@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена описанию и анализу особенностей и нюансов дискурса российского учителя французского языка. Подробно рассматриваются его основные аспекты, приводятся примеры речевых штампов и клише учителя, употребляемых педагогом в процессе его контакта с учениками. Автор опирается на данные, полученные им при посещении уроков французского языка и просмотре видеозаписей открытых уроков в социальных сетях. Наглядно показано влияние иноязычной культуры на речевое поведение российского педагога. Вместе с тем, автор статьи высказывает мнение, что традиции и нормы поведения, принятые в родной культуре, воспитываются в человеке с детства и не могут быть полностью вытеснены нормами страны изучаемого языка.

Ключевые слова: дискурс, речь, коммуникативное поведение, российский учитель, французский язык, ученик, клише, вокабуляр

ABOUT THE ARSENAL OF DISCURSIVE MEANS OF THE RUSSIAN TEACHERS OF FRENCH

Kabluchko A.O.

Belgorod National Research University

Belgorod, Russia

stacy1987@mail.ru

Abstract

The timeliness of this article is coming from insufficient information on pedagogical discourse and especially on verbal behavior of Russian teachers of foreign languages in Russian schools. The present article is concerned with discourse of Russian teachers of French. Its major aspects are clarified, examples of clichés used during communication with students are given here. The author

uses the data from visiting of French lessons and examination of videotaped open lessons in social network services. The influence of the foreign culture on the Russian teachers' verbal behavior is demonstrated. In addition to that the author gives her opinion that costumes and standards of behavior accepted in native country are cultivated from childhood and can't be completely replaced by standards accepted in country speaking studied language.

Keywords: discourse, speech, communicative behavior, the Russian teacher, French, student, cliché, vocabulary.

Педагогической дискурс продолжает привлекать внимание как отечественных [Будаев Э.В., Ипполитова Н.И., Карасик В.И., Кондратьева С.В., Ладыженская Т.Л., Леонтьев А.А., Михальская А.К., Седых А.П., Чудинов А.П., Щербинина Ю.В. и др.], так и зарубежных ученых [Газден К., Джон В., Култхард Р., Синклер Дж. и др.].

Большая часть работ российских лингвистов-исследователей педагогического дискурса посвящена участникам речевого общения и особенностям их взаимодействия [Зубарева 2001; Карасик 1999; Коротева 1999; Милованова 1998; Михальская 1998; Мурашов; Носар 2002; Токарева 2005]. Особое внимание уделяется их социально-коммуникативным характеристикам, а также стилям педагогического общения (демократический, авторитарный и либеральный) и типам речевого воздействия (социальные воздействия, волеизъявления, разъяснение и информирование, оценочные и эмоциональные речевые воздействия) [Коротева 1999].

В последнее время анализ педагогического дискурса был выделен в отдельную область дискурс-анализа. Одним из главных направлений в лингвистическом исследовании педагогического дискурса на данный момент является изучение коммуникативного поведения и речевого взаимодействия ученика и учителя.

Следует отметить, что в настоящее время в отечественной лингвистике нет достаточно подробного описания вербального взаимодействия учителя и ученика, речевого поведения учителя на уроке, мало изучены типы, жанры, категории педагогического дискурса.

В данной статье рассматривается дискурс российских учителей французского языка. Речь учителей французского языка включает в себя такие аспекты, как:

1. Установление контакта
2. Удержание внимания
3. Просьба о выполнении задания
4. Объяснение материала
5. Получение точного ответа
6. Совет

Рассмотрим каждую из позиций.

Установление контакта с учениками происходит в самом начале урока. Учитель произносит «*Bonjour, mes enfants! (Bonjour, mes élèves!) Asseyez-vous*» Так же установлению контакта способствуют такие контролирующие фразы, как «*Qui est de service aujourd'hui?*», «*Quelle date est-ce aujourd'hui ?*», «*Qui est absent aujourd'hui?*». Очень важным является установление контакта с каждым

учеником. Для этого учитель использует личное обращение «*Catherine, comment ça va?*». Такого рода вопрос помогает учителю не только расположить ученика к себе, но и составить общую картину настроения в классе.

Объяснение учителем темы урока и хода занятий тоже входит в организационную часть урока, для чего используются следующие слова, показывающие порядок действий: «*d'abord*», «*ensuite*», «*après*», «*enfin*», «*à la fin*»: «*Premièrement, c'est votre devoir, bien sûr, après, je vais vous proposer d'écouter un texte à la cassette, et ensuite, des mots nouveaux*»

В течение всего урока учитель должен удерживать внимание учеников. Для этого используются вводные слова *bon, alors*. Они обычно указывают на смену рода деятельности: «*Alors, répétons les phrases importantes pour notre sujet*». Так же привлечь внимание учеников помогают такие фразы, как «*Regardez le tableau!*» «*Écoutez-moi!*» Нередко во время урока учителю приходится налаживать дисциплину в классе. Это в основном происходит через замечания «*Silence!*», «*Arette!*», «*Chut!*» «*Attention! Moi, je suis là*», «*On se calme!*», «*Calmez-vous!*», «*Doucement!*», «*Cessez de bavarder!*».

При объяснении нового материала учитель также использует клише": присоединительные («*et*», «*en plus*»), объяснительные («*en fait*», «*car*», «*parce que*»), иллюстративные («*par exemple*», «*notamment*»), противопоставительные («*pourtant*»), причинно-следственные («*par conséquent*»)

Особое внимание стоит уделить выражению просьбы. Учителя французского часто используют в речи слово «Пожалуйста» даже при использовании повелительных конструкций «*Ouvrez vos cahiers, s'il vous plaît*», «*Répète, s'il te plaît*», «*Lisez, s'il vous plaît*». Для смягчения просьбы учитель может использовать форма совместного побуждения «*Écrivons une dictée*», «*Divisons-nous en deux équipes*», «*Écoutons ce texte*». Так же для этой цели на уроках французского используются вопросы, сослагательное наклонение или безличные предложения. В такого рода высказываниях снижается давление на учащихся, увеличивается степень вежливости. Просьба уже не является такой категоричной «*Voulez-vous faire un petit exercice?*», «*Je voudrais que vous lisiez cette information et exposiez votre point de vue*», «*On se lève*». Часто в речи учителя французского используют выражения, которые также подразумевают просьбу выполнения действия «*Encore une fois*», «*Tous ensemble*». Использование в речи таких конструкций, как «*Ramassez les copies (les cahiers)*», «*Maintenant passez-moi les feuilles*» помогает учителю продемонстрировать уважение, показать, что он не ставит личные интересы выше интересов учеников, признает их самостоятельность.

Учитель поддерживает контакт с классом на протяжении всего урока. Ему приходится стимулировать учеников на ответ. В этом ему помогают вопросительные выражения, такие, как «*Qui veut aller au tableau?*», «*Qui veut commencer?*», «*Que pouvez-vous ajouter?*». Словосочетания «*C'est assez*», «*Ça suffit*» используются при подробном, развернутом ответе ученика. Необходимо всегда контролировать ход выполнения заданий. Для этого учителя французского используют выражения типа «*Je vous donne 5 minutes*», «*Vous avez 3 minutes*», «*Plus vite!*», «*Dépêchez-vous*», «*Le temps presse*», «*Il vous reste 1 minute*». Для

контроля усвояемости материала могут быть использованы вопросы «*Tout est clair?*», «*C'est clair?*», «*Vous comprenez?*». Так же могут быть заданы вопросы, которые акцентируют внимание на изучаемом материале: «*Pouvez-vous expliquer l'emploi de temps?*», «*Quelle est l'idée principale du récit?*».

Выражение благодарности имеет национальную специфику и это также отражается на речи учителя французского языка. Самая распространенная форма выражения благодарности – слово «*Merci*». Также нередко можно услышать различные варианты, такие, как «*Merci beaucoup*», «*Grand merci*», «*Merci bien*».

Для согласия с ответом или мнением ученика учителя французского используют утвердительное слово «*Oui*» или наречие «*D'accord*», «*Exactement*», «*C'est juste*», «*Oui, c'est ça*». Если учитель несогласен с ответом, он скажет «*Non*», «*C'est pas ça*». «*Pas du tout*».

Российские учителя французского, как и их французские коллеги нечасто хвалят учеников и редко используют такие слова, как «*Parfait!*», «*Excellent*», «*Bravo*». Чаше можно услышать «*Très bien*», «*Mieux qu'avant*», «*Pas mal*». Крайне редко можно услышать развернутое предложение, в котором учитель показывает своё отношение к учащемуся и к ответу «*Tu parles très bien. Ta prononciation est super*», «*C'est une très bonne réponse*». «*Il faut travailler ferme*», «*Tu as lu assez mal. Il faut lire plus*».

Учителя французского стараются не давать советы ученику без его просьбы, поскольку это является вторжением в его личную жизнь. Наиболее распространенными формами выражения совета в педагогическом общении являются:

- сослагательное наклонение (*À ta place, je achèterais un dictionnaire*) – средства для смягчения воздействия на адресата (*je pense/je crois-* я думаю, *peut-être* –возможно).

Изучение речи российского учителя французского языка показывает, что она подвергается влиянию правил речевого поведения, сложившихся в стране преподаваемого языка. Она отличается эмоциональностью, вежливостью. Так же её характерными чертами являются личностная ориентированность по отношению к учащимся, уважение к каждому из них. Учитель не демонстрирует различие в положении между ним и учениками, он пытается его скрыть и оказать косвенное воздействие на детей. Это способствует сокращению дистанции между ним и учащимися, достижению взаимопонимания.

Российские учителя французского языка в основном применяют категоричные и однообразные средства похвалы и порицания. Это неэффективно, так как учащиеся не видят конкретные результаты их работы, что может снизить их интерес к изучению французского языка.

Вместе с тем речь учителя остается достаточно авторитарной. В ней высокочастотными являются замечания и побудительные выражения. Российский учитель французского языка строго следит за дисциплиной учеников, и большое внимание уделяет контролю учебной деятельности. Данное явление можно объяснить национальными особенностями коммуникации, принадлежностью к российской культуре, традициям. Ведь в каждой культуре существуют те или

иные нормы, которые оказывают воздействие практически на все области человеческого мышления и поведения, на характер восприятия, оценки и межличностные отношения. Так и в отношениях «ученик-учитель» в России есть свои особенности. В этих отношениях существует четкая иерархия. Ведь главной задачей российских школ по-прежнему остается тренировка интеллектуальных навыков учащихся [Седых 2013, 19].

Литература

1. Зубарева, Н. С. Коммуникативная неудача как проявление педагогического дискурса : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Н. С. Зубарева. – Челябинск, 2001. – 23 с.
2. Исакова, Л. О. Методика использования педагогического дискурса/ Л. О. Исакова, А. П. Липаев // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты) : междунар. науч.-практ. конф., Кострома, 17-19 марта 2006 г. – М. : ООО «Издательство «Эллипс», 2006. – С. 65-69.
3. Кан-Калик, В. А. Учителю о педагогическом общении: Книга для учителя / В. А. Кан-Калик // – М. : Просвещение, 1987. – 190 с.
4. Карасик, В. И. Характеристики педагогического дискурса /В. И. Карасик // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 1999. – С. 3-18.
5. Коротеева, О. В. Дефиниция в педагогическом дискурсе: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук : / О. В. Коротеева. – Волгоград, 1999. – 26 с.
6. Мальковская, Т. Н. Учитель – ученик / Т. Н. Мальковская. – М. :Знание, 1979. – 47 с.
7. Милованова, Ж. В. Контроль как жанр педагогического дискурса /Ж. В. Милованова // Языковая личность: вербальное поведение: сб. науч. тр.– Волгоград: Перемена, 1998. – С. 113- 121.
8. Михальская, А. К. Педагогическая риторика: история и теория /А. К. Михальская. – М.: Академия, 1998. – 432 с.
9. Мурашов, А. А. Речевое мастерство учителя (Педагогическая риторика) / А. А. Мурашов. – М.: Педагогическое общество России, 1999. – 394с.
10. Седых, А. П. Французская языковая личность. Когнитивный аспект: моногр. / А.П. Седых. – Белгород: ИД «Белгород», 2013. С. 17-21
11. Щербинина Ю.В. Педагогический дискурс: мыслить – говорить – действовать./Ю.В. Щербинина. – Москва: Флинта: Наука, 2010. 440 с.

References

1. Isakova L.O. A method of use of pedagogical discourse/ L. O. Isakov, Lipaev A. P. // Problems of the semantics of language units in the context of culture (linguistic and linguistic teaching aspects) : International research-to-practice conference Kostroma, 17-19 March 2006 – Moscow : Ellipse, 2006. – p. 65-69.
2. Kan-Kalik, V. A. For Teacher about pedagogical communication: teacher's book / V. A. Kan-Kalik // – Moscow : Prosveshenie, 1987. – p.190
3. Karasik, V. I. Characteristics of pedagogical discourse /V. I. Karasik // Linguistic personality: aspects of linguistics and linguodidactics: collection of scientific papers- Volgograd : Peremena, 1999. – p. 3-18
4. Koroteev, O. V. Definition in pedagogical discourse : abstract of a thesis for the degree of candidate of Philological Sciences / O. V. Koroteev. – Volgograd, 1999. – p.26
5. Malkovskaya, T. N. Teacher – student / T. N. Malkovskaya. – Moscow : Znanie, 1979. – p.47
6. Milovanova, J. V. Control as a genre of pedagogical discourse / J. V. Milovanova // Linguistic identity: verbal behaviour: collection of scientific papers.- Volgograd : Peremena, 1998. p. 113 – 121.
7. Michalski, A. K. Pedagogical rhetoric: history and theory /A. K. Michalski. – Moscow: Academy, 1998. – 432 p.
8. Murashov, A. A. Speech skills teacher (Pedagogical rhetoric) / A. A. Murashov. – Moscow: Pedagogical society of Russia, 1999. – 394p.
9. Sedykh, A. P. French linguistic personality. Cognitive aspect: monography / A. P. Sedykh. – Belgorod: publishing house "Belgorod", 2013 p. 17-21
10. Shcherbinina Y. V. Pedagogical discourse: think – talk – act./Y. V. Shcherbinina. – Moscow: Flinta: Nauka, 2010. -440 p.
11. Zubareva, N. S. communicative failure as a manifestation of pedagogical discourse : abstract of a thesis for the degree of candidate of Philological Sciences / N. S. Zubareva. – Chelyabinsk, 2001. – p.23.

СТАТУС ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С ИМЕНАМИ НАРИЦАТЕЛЬНЫМИ)

Мельникова Ю.Н.

кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия
awdejewa@mail.ru

Шигорева Е.С.

ассистент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия
villivinki@inbox.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению вопроса взаимоотношения онимов и апеллятивов. Многими исследователями признается отсутствие четкой границы между онимами и апеллятивами, о чем свидетельствует, в частности, факт происхождения имен собственных от имен нарицательных, наличие «промежуточных полуназваний», а также определенных типов имен собственных, обнаруживающих ряд сходств с именами нарицательными. Следствием тесной взаимосвязи онимов и апеллятивов являются взаимопереходы данных лексических классов. При этом наблюдается изменение лексического значения, которое характеризуется изменениями денотативной соотнесенности и модификацией грамматических характеристик.

Ключевые слова: имя собственное, имя нарицательное, апеллятив. апеллятивация, топоним.

STATUS OF PROPER NAMES IN THE LEXICAL SYSTEM (COMPARED WITH COMMON NAMES)

Melnikova Y.N.

Candidate of Philology, Associate Professor
The Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
awdejewa@mail.ru

Shigoreva E.S.

Assistant
The Belgorod State National Research University
, Belgorod, Russia
villivinki@inbox.ru

Abstract

The article is devoted to the question of the correlation between onyms and appellatives. Many researchers note the lack of a difference between onyms and appellatives, as indicated, particularly, by the fact that the proper name derived from common name, existence of “intermediate half-name”, and also some types of a proper name, which have resemblance with a common name. The intertransitions between onyms and appellatives are the consequence of there close correlation. At the same time there is change in lexical meaning, which is characterized by changes denotative correlation and modification of grammatical characteristics.

Keywords: proper name, common name, appellative, appellation, place name.

Апеллятивы (имена нарицательные, ИН) и онимы (имена собственные, ИС) составляют словарный состав языка. Они тесно связаны между собой.

В научной литературе представлены два мнения по поводу границ между этими двумя классами лексики: с одной стороны, граница между ИС и ИН постулируется как относительная, не абсолютная (А.А. Белецкий, Л.А. Булаховский, И.И. Ковалик, В.А. Никонов и мн.др.), с другой стороны, признается абсолютность границы между онимами и апеллятивами, т.к. никаких «промежуточных явлений между ИС и ИН не существует» (Ю.А. Карпенко). Мы придерживаемся первой точки зрения, признавая тесное взаимодействие ИН и ИС и происхождение последних в конечном итоге от апеллятивов, а также способность ИС обретать характер апеллятивов, т.е. «проницаемость» границ ИС и ИН. Согласно В.А. Никонову, на первых этапах формирования топонимии «не различали имен собственных и нарицательных» (подобно тому, как маленькие дети говорят «Мама», не осознавая, что остальные женщины также являются мамами: в данном случае слово «мама» выполняет функцию ИС): «Некогда каждое имя не было ни собственным, ни нарицательным, или, если мерить современной меркой, было и тем и другим. Различение их очень позднее» [Никонов, 1965: 28]. Как отмечает автор, «первоначально никто не устанавливал официальных названий – они возникали стихийно. Иногда название рождалось сразу, но чаще процесс становления названья протекал длительно. Еще и сейчас можно видеть следы этого или даже незавершенный процесс» [там же: 14]. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что первыми топонимами становились видовые нарицательные, которые означали географический объект – река (или даже вода), гора, пустыня [там же: 29]. Слова «город» и «ручей» могут использоваться в качестве ИС: в определенных ситуациях общения апеллятивы могут являться ситуативными синонимами ИС: когда жители пригорода Лейпцига, Берлина и т.д. говорят: «Мы поедем в город», то они имеют в виду определенный город, а именно Лейпциг, Берлин и т.д., аналогично жители деревни говорят о ручье, единственной реке в деревне, который всем хорошо известен и часто не имеет никакого другого обозначения: «Я пойду к ручью / на речку», не прибегая к особому ИС (во время колонизации германские поселенцы воспринимали эти слова как онимы и превращали их в названия, ИС, ср.: Riecke = «речка»). Реликты явления, когда недифференцированное наименование объекта воспринималось и как ИС, и как ИН, А.В. Суперанская усматривает в сказках, когда именами нарицательными (Волк, Крестьянин, Царь) обозначаются конкретные персонажи с индивидуальными характеристиками [Суперанская, 1985: 16]. Отмечая происхождение имен собственных от нарицательных в историческом аспекте, Х. Шмидт намечает основные этапы их развития: имя нарицательное → речевое имя собственное → ИС как сингулярный терм. В.А. Никонов говорит о «промежуточных стадиях «полуназваний» [Никонов, 1965: 20]. Такими полуназваниями являются выше названные нарицательные «город», «ручей», описательные конструкции («за мостиком справа у трех сосен», «от колодца второй дом с голубыми наличниками на окнах»), окказиональные названия, т.е. возникающие только для определенного случая («Холм, где пал верблюд», «Сидоровское поле» – поле, которое этой весной пахал тракторист Сидоров), а также специальные названия, употребляемые только определенными социальными группами, например, рыбаками, охотниками и т.д. [там же: 18-20].

Многие исследователи отмечают промежуточное состояние как в процессе становления отдельных ИС, так и промежуточное состояние определенных видов ИС, которые находятся между полярными точками: подлинными апеллятивами и подлинными онимами, например: этнонимы, эргонимы, фитонимы, зоонимы и т.д.

Микротопонимы, т.е. названия мелких объектов, с функциональной точки зрения всеми исследователями причисляются к классу ИС, однако, с формальной и семантической точки зрения характеризуются близостью к ИН: «обозначенья малых объектов в большинстве менее формализованы. Часто они еще только на пути к превращению в имя собственное: «у трех сосен», «за мельницей», и т.п. – пока лишь зародыши названий. Для них процесс топонимической формализации еще весь впереди и только немногие из них пройдут этот путь до конца. Это позволяет «подсмотреть» сам процесс стихийного образования названия» [Никонов, 1965: 47, 86].

Как отмечает В.А. Никонов, самым ярким примером близости топонимов к ИН являются предложные конструкции [там же: 47]. Данный факт подтверждается многочисленными примерами топонимов в форме предложных словосочетаний на ранних этапах развития немецкого топонимикона, которые впоследствии приобретают форму симплексов или композитов, при этом предлог в большинстве случаев утрачивается либо, реже, сливается с корнем.

На наш взгляд, данные факты убедительно доказывают тесную взаимосвязь ИС и ИН, которая обуславливает переход ИН в разряд ИС и наоборот.

ИС образуются в результате двух основных процессов: онимизации апеллятива и трансонимизации, когда ИС восходит к другому ониму. Исконным, основным способом образования ИС многими исследователями признается онимизация.

С формальной точки зрения онимизация может иметь две формы: переход апеллятива в оним без деривационного форманта: ср. *холм* > город *Холм*, *красное* > село *Красное*. Это так называемое семантическое словообразование, которое Е.С. Кубрякова и Н.В. Подольская не относят к подлинному словообразованию. По мнению А.В. Суперанской, в процессе онимизации происходит, прежде всего, изменение статуса лексемы: семантика апеллятива сохраняется, однако отступает на задний план. Кроме того происходят изменения на грамматическом, фонематическом, фонетическом и др. уровнях. В случае формальных изменений лексемы параллельно и взаимосвязанно идут два процесса: онимизация апеллятива с изменением номинативного статуса данной лексемы и применение различных способов словообразования, которые формально способствуют изменению этого статуса. В результате перехода апеллятивов в топонимы (имплицитно или эксплицитно) возникают топонимы первичного образования. ИН, став онимом, переходит в иной ряд и ведет себя иначе, чем то же слово, оставшееся ИН, – их судьбы различны [Никонов, 1965: 109-110].

Остановимся на основных характеристиках ИС и ИН, систематизируемых в современных исследованиях по ономастике:

1. ИС возникают на основе ИН, т.е. имя собственное – это вторичное название данного предмета, дополняющее и уточняющее первичное, нарицательное, и служащее для различения известных подобных предметов друг

от друга [Суперанская, 1985: 25]. Если тот или иной предмет имеет ИН, он отнюдь не обязательно имеет еще и ИС. Если же известно, что у данного предмета есть ИС, у него обязательно есть и нарицательное. ИС призвано служить именам нарицательным в качестве дополнителя и уточнителя, например писатель / доктор / токарь Иванов.

2. ИС не раскрывают никаких признаков, свойств предмета, которые обозначают: «Они (ИС) называют предмет, не приписывая ему никаких свойств» [J.S. Mill по: Бенкендорф, 1991: 14]. Ср. также: «...современные нам географические названия, как и другие имена собственные, не отражают никаких или почти никаких свойств именуемых объектов» [Суперанская, 1985: 23]. Цель ИС – называть, идентифицировать, а не давать характеристику. В данной связи уместно привести яркий пример В. Фляйшера: „Der Familienname ist in seiner Beziehung auf ein Einzelwesen, einen bestimmten Menschen, sprachlich völlig unmotiviert. Wer Löwe heißt, kann ein zaghaftes Mädchen sein, wer den Namen Schuster oder Bäcker trägt, kann den Beruf eines Lehrers oder Schlossers ausüben“ (Цит. по: [Кунаккужина, 2003: 15]). Данная особенность ИС признается большинством исследователей. Однако некоторые ИС могут иметь некоторое, косвенно «присутствующее» содержание: например, антропоним *Hans* – мужское имя, *Berlin* – город, столица Германии. В связи с этим следует отметить, что ИН в конкретных ситуациях, при первом восприятии, сообщают так же мало о свойствах предмета, как и ИС: чтобы говорить о свойствах конкретного объекта, нужно знать и сам объект [Габдуллина, 2003: 19].

3. Как явствует из вышесказанного, отличие ИС от ИН заключается также в том, что апеллятивы могут называть не только классы предметов, но и конкретные, единичные предметы: например, *береза* может употребляться в речи как название всего вида либо как название конкретного дерева. Напротив, фамилия *Дрозд* или *Дроздов* вызывает представление о конкретном человеке (из окружения говорящих) либо не вызывает представления о конкретном лице, сохраняя, однако, значение мужского рода. В отличие от ИН, даваемых классам объектов, ИС даются индивидуальным объектам, т.е. они всегда максимально конкретны. А.А. Реформатский говорит о **максимальной номинативности ИС** и о **максимальной понятийности ИН**. Ср. также мнение Е. Куриловича: «разнообразии употребления, свойственное нарицательным существительным, способным обозначать различные объекты, у имен собственных отсутствуют; имена собственные могут относиться лишь к одному определенному объекту» [ср. Габдуллина, 2003: 24-25]. Данное мнение разделяет А.В. Суперанская, отмечая, что ИС могут быть по-настоящему восприняты и поняты лишь в соотнесенности с теми субъектами или объектами, которые они называют. Для восприятия нарицательных имен такая строгая конкретизация не нужна. Речь идет об индивидуализирующей, идентифицирующей («индивидуализирующее-идентифицирующей» – К.А. Левковская) функции ИС [Бенкендорф, 1991: 14] и обобщающей функции ИН. А.Н. Беляев называет несколько степеней индивидуализации: имена, обозначающие строго один объект; имена, обозначающие группы объектов (групповые ИС); имена, вовсе не имеющие денотатов (рекомендательные списки), индивидуализирующие лишь потенциально [Беляев, 2001: 43].

Некоторые исследователи различную степень индивидуализации связывают с языковыми и речевыми характеристиками ИС. Согласно И.Ф. Габдуллиной, ИС максимально конкретны в речи, ибо всегда обозначают какой-то один специфический предмет, и чрезвычайно абстрактны в языке, ибо потенциально могут быть применены к любому из ряда объектов [Габдуллина, 2003: 20]. С другой стороны, индивидуализировать могут и апеллятивы: «человек, который выступил на собрании» [там же: 42].

4. ИС не связано непосредственно с понятием и не имеет на уровне языка четкой и однозначной коннотации [Беляев, 2001: 54]. Чем более чувствуется в ониме связь с понятием, тем ближе данное имя стоит к разряду нарицательных. ИИ обладают смыслом и вне контекста, в то время как ИС обладают смыслом только в определенном контексте (Еремия – по: [Беляев, 2001: 43]).

Наряду с подходом, отрицающим понятийность ИС, существуют мнения, согласно которым за ИС признается определенное понятийное содержание или некоторые понятийно-семантические признаки. Так, В.А. Никонов понимает под значением топонима «отношение не к самому обозначаемому объекту, но к его образу в нашем сознании. Это очень существенная разница. Связь между топонимом и объектом нельзя упрощенчески представлять как непосредственную, она сложна, опосредствованна» [Никонов, 1965: 57]. Л.М. Щетинин признает за ИС понятийное содержание, различая единичные и общие понятия: в языке ИС выражают общие понятия, а в речи – конкретные. О.К. Жданов подчеркивает, что главным значением ИС является значение единичности, однако обязательным является и наличие общего значения, т.к. они, как правило, соотносятся в языке с определенным классом предметов, явлений: Tom, Hans, Heinrich – мужские имена, Elke, Gisela – женские [Беляев, 2001: 55; Габдуллина, 2003: 20]. Как отмечает А.В. Суперанская, было бы неверным считать, что ИС не связаны с понятиями вообще. Онимы часто «отмежевываются» от понятий тех нарицательных, от которых они образованы. Но каждое ИС связано с родовым определяемым (город, река, мост и т.д.), без связи с понятием которого оно не может функционировать в речи. Связь с этим понятием у ИС опосредована через вещь, а у нарицательных – непосредственна. Принимая во внимание данную специфику ИС, мы соглашаемся с дефиницией онима, данной Г.П. Макушкиной: «Имя собственное – такой словесный знак, значение которого (понятийное в своей основе) категориально абстрактно с точки зрения принадлежности его к определенному разряду имен и индивидуально-конкретно в плане предметной отнесенности» (Цит. по: [Бенкендорф, 1991: 18]).

5. ИС в очень большой степени произвольны в присвоении: «Для собственных имен в целом характерна произвольность в наименованиях – они присваиваются произвольно одним человеком или коллективом» (Томильчик – по: [Габдуллина, 2003: 21]). Так, новорожденному мы вправе дать любое имя. Однако эта произвольность в некотором смысле ограничена: например, мы не можем назвать мальчика женским именем.

6. Помимо языкового и речевого значения, ИС обладает энциклопедическим значением. Согласно А.В. Суперанской, ИС во всей полноте своих характеристик представляет собой точку соприкосновения

лингвистического и экстралингвистического планов: специфика ИС состоит в том, «что, лингвистическое в своей основе, оно включает также этнографический, исторический, социологический, литературоведческий компоненты, которые помогают лингвисту выделить специфику именуемых объектов и традиции, связанные с их именованием» [Суперанская, 1973: 78, ср.: Бенкендорф, 1991: 16-17]. Значение его оказывается сложным комплексом, в котором сведения о слове переплетаются со сведениями об именуемом предмете. Лингвистическая часть значения включает и особые мотивы наименования, и специфику существования имен в языке, и его современное восприятие, и историю имени, и его этимологию. Экстралингвистическую часть значения составляют особые условия существования имени в обществе, а также культурно-исторические ассоциации, степень известности объекта и его имени [Беляев, 2001: 54]. Согласно В.И. Болотову, энциклопедическое значение состоит из общего и индивидуального. Общее значение объективно, индивидуальное – субъективно, т.к. зависит от социального положения индивида, его симпатий, вкуса и настроения в акте коммуникации. Энциклопедическое значение ИС стремится к индивидуальности. Чем выше степень индивидуальности, тем полнее раскрывается энциклопедическое значение данного ИС [там же: 57].

7. В лексическом плане ИС характеризуются неперевоодимостью с одного языка на другой и возможностью сознательного регулирования со стороны носителей языка [Никонов, 1965: 110].

8. Кроме того, следует отметить специфику ИС по формальным признакам, в частности, в употреблении артикля в зависимости от типа ИС (антропонимы, ойконимы, гидронимы, оронимы, космонимы и др.), в образовании множественного числа (ср.: *die Bocks, die Schusters, die Kleins* = ИС; *die Böcke, die Schuster, die Kleinen* = ИН). Различия наблюдаются также в парадигме склонения ИС и ИН [Никонов, 1965: 108]:

падеж	ИН	антропоним	топоним
именительный	Семенов дом	тов. Семенов	г. Семенов
творительный	семеновым домом	тов. Семеновым	г. Семеновом
предложный	о семеновом доме	о тов. Семенове	о г. Семенове

9. На морфологическом уровне особенность ИС заключается в использовании большого числа служебных морфем, употребляющихся преимущественно в ИС. Из большого количества словообразовательных формантов в ономастике используется малая часть, но исключительно настойчиво: некоторые форманты присущи исключительно ономастике [Никонов, 1965: 107]. Кроме того, в составе многих онимов зафиксированы корневые морфемы, лексическое значение которых в современном языке не прослеживается, и тем не менее они выделяются как самостоятельные морфемы, что не характерно для аппеллятивной лексики.

10. А.В. Суперанская отмечает специфику ИС и на фонологическом уровне. Так, ИС не обладают четким и строгим фонематическим составом, в отличие от ИН. Аппеллятивам присуще варьирование лишь одной фонемы. Для них не типично наличие вариантов фонематического состава. ИС, как представители международной лексики, способны заимствоваться из языка в язык, не меняя при

этом своего внешнего оформления. Заимствованное ИС приспосабливается в языке-приемнике к его нормам и правилам, получает фонологическое и морфологическое оформление. В случае заимствования имя нарицательное скорее укладывается в фонологическую «сетку» заимствующего языка, в то время как ИС дольше сохраняют свою индивидуальность [Никонов, 1965: 107, 109]. Значимость фонем у ИС ниже, чем у ИН.

11. Специфика ИС наблюдается и на фонетическом уровне, например, в ударении: в композитах – в отличие от апеллятивов, где ударение падает на первый слог – в онимах сильнее ударяется вторая часть составного слова, например: Heiligenkréuz (ИС) – Héiligenkreuz (апеллятив), аналогично Saar'brücken – 'Saarbrücken, Dreieichen'hain – 'Dreieichenhain, Neu'münster – 'Neumünster, Königs'brunn – 'Königsbrunn; топонимы Eschers'hausen, Baben'hausen, Barsing'hausen, Bund'hausen; Ander'münde; Baden'weiler; Bay'reuth; Berchtes'gaden; Blau'beuren [Беляев, 2001: 47].

12. Специфика ИС выражается также в орфографии, в частности, в их написании с заглавной буквы, она служит графическим и орфографическим сигналом ИС (*das gelbe Wasser* = ИН; *das Gelbe Wasser* = ИС). В орфографическом, как и в фонетическом, плане они могут варьировать в широком диапазоне, например: Чернышева – Чернышова; апеллятиву *Schmied* противопоставляются онимы *Schmitt, Schmidt, Schmid*; аналогично *Meier* (ИН) – *Meier, Meyer, Maier, Mayer* (антропонимы); *Bäcker* – *Bäcker, Becker, Bekker, Beker*. Топонимы также могут иметь несколько орфографических вариантов: *Frankfurt am Main, Frankfurt (Main), Frankfurt / Main, Frankfurt-Main, Frankfurtmain* [Кунаккужина, 2003: 24]. Некоторые ИС сохраняют древнюю форму: *Soest, Itzhoe, Grevenbroich, Rheydt, Thalstetten* и др., в то время как соответствующие апеллятивы развиваются согласно орфографической норме. Это свидетельствует о том, что орфография онимов не подчиняется общеязыковым нормам и правилам написания слов.

Выводом могут служить слова Р.З. Мурясова: «Имя собственное занимает особое положение в языке не только в лексическом отношении, оно характеризуется также орфографическими, морфологическими, грамматическими (морфологическими и синтаксическими), словообразовательными и стилистическими особенностями, отличающими его от имени нарицательного; имеется у имени собственного и межъязыковая особенность: не обязательная переводимость с одного языка на другой» (Цит. по: [Кунаккужина, 2003: 20]. Из всех специфических черт ИС, выявляемых на разных языковых уровнях, автор подчеркивает его семантическое своеобразие как основной фактор, определяющий его остальные лингвистические особенности.

Итак, ИС представляют собой особый класс слов в лексической системе языка, обладающий рядом специфических признаков: вторичный характер по отношению к ИН, единичность, однозначность, предметная соотнесенность, конкретность, произвольность, нейтральное значение, непереводаемость. «Особое положение ИС в языке можно сравнить с обособленным положением планет на своих орбитах. Если общую лексику сравнить с солнцем, вокруг которого вращаются планеты, то каждый тип специальной лексики (географические

названия, имена людей, научные термины) можно представить себе в виде своеобразных спутников, сопровождающих общий словарный состав. При этом каждый тип специальных слов находится на своей «орбите» и поэтому не сталкивается с другим» [Суперанская, 1985: 4]. Специфические свойства ИС позволяют говорить о стремлении онимов к обособлению в составе лексической системы от других именных классов лексем и выделении в самостоятельную и достаточно автономную онимическую подсистему [Беляев, 2001: 48]. Особенности этого класса слов необходимо учитывать на всех уровнях языкового анализа, как в плане содержания, так и в плане выражения.

Литература

1. Беляев А.Н. Семантика и структура немецких гидронимов: дис. ... канд. филол. наук, – Уфа, 2001. – 192 с.
2. Бенкендорф Г.Д. Имена собственные как терминологические элементы в статическом и динамическом аспектах (по материалам немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1991. – 166 с.
3. Габдуллина И.Ф. Переход имен собственных в имена нарицательные в английском, немецком и татарском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2003. – 347 с.
4. Кунаккужина Л.М. Топонимы в современном немецком языке (на материале немецкого и башкирского языков): дис. ... канд. филол. наук, – Уфа, 2003. – 168 с.
5. Никонов, В. А. Введение в топонимику. – М.: Наука, 1965. – 172 с.
6. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
7. Суперанская А.В. Что такое топонимика? – М.: Наука, 1985. – 176 с.

References

1. Belyaev A.N. Semantic and structure of German hydronyms: dis. ... Candidate of philological sciences, – Ufa, 2001. – 192 p.
2. Benkendorf G.D. Proper names as terminological elements in static and dynamic aspects (based on German language), dis. ... Candidate of philological sciences, – Kiev, 1991. – 166 p.
3. Gabdullina I.F. The transition of the proper names to the common names in English, German and Tatar languages: dis. ... Candidate of philological sciences, – Kazan, 2003. – 347 p.
4. Kunakkuzhina L.M. Toponyms in the modern German language (based on German and Bashkir languages): dis. ... Candidate of philological sciences, – Ufa, 2003. – 168 p.
5. Nikonov V.A. Introduction to Toponymy. – Moscow, Nauka, 1965. – 172 p.
6. Superanskaya A.V. The general theory of the proper name. – Moscow, Nauka, 1973. – 366 p.
7. Superanskaya A.V. What is toponymy? – Moscow, Nauka, 1985. – 176 p.

УДК 81

ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ НЕМЕЦКИХ СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ПЕРВЫМ КОМПОНЕНТОМ – ИМЕНЕМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ В РАННЕНОВОВЕРХНЕНЕМЕЦКИЙ ПЕРИОД

Найденова М.В.

кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия
naidenova@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматриваются немецкие сложные существительные, в составе которых в ранненововерхненемецкий период появляется соединительный элемент *-(e)s-*. Морфема *-(e)s-* как маркер родительного падежа единственного числа в именной парадигматике утрачивает своё формообразовательное значение в составе сложного слова и используется в качестве соединительного элемента – пограничного сигнала между корневыми морфемами.

Ключевые слова: сложное существительное, соединительный элемент, субстантивное словосложение, функциональный сдвиг.

CHANGES IN THE STRUCTURE OF GERMAN COMPOUND NOUNS WITH THE FIRST COMPONENT – NOUN IN THE EARLY-NEW-HIGH-GERMAN PERIOD

Naydenova M.V.

candidate of philological Sciences, assistant professor,
Belgorod state national research University
Belgorod, Russia
naydenova@bsu.edu.ru

Abstract

In this article are considered German compounds with connective morpheme *-(e)s-* which appears in their structure in early-new-high-german period. Morpheme *-(e)s-* as a marker of genitive case singular in the noun paradigmatic loses its form-building function in structure of a compound noun and is used as a connective element – border signal between root morphemes.

Key words: a compound noun, a connective element, the composition, a functional shift.

Несмотря на многие спорные предположения, относительно происхождения элементов, регулярно появляющихся на стыке сложных слов, время их интенсивного использования в этой роли прямо связано с редукцией древних соединительных гласных. Конец средневерхненемецкого (свн) периода знаменует собой начало вышеописанного процесса, который завершается только в конце ранневерхненемецкого (рвн) периода, вместе с завершением процесса формирования современных норм употребления артикля и процесса перестройки порядка слов в атрибутивной группе с родительным падежом [Павлов, 1958: 13].

В 16 веке получают широкое распространение сложения, первый компонент которых оканчивается морфемой *-(e)s-*. Композиты с такой структурой в отдельно взятых случаях встречались ещё в средневерхненемецкий период, однако массовое появление их в речи начинается только в рвн период. В свн период сложения этого структурного типа ещё не сформировались, имели место лишь отдельные случаи лексикализации синтаксических словосочетаний с препозитивным родительным падежом. Лишь в рвн период начинается широкое индивидуально-речевое использование сложных слов этого структурного типа. Наглядным доказательством вышесказанному служит проникновение элемента *-(e)s-* в композиты, которое удобно наблюдать, сравнивая формы средне- и ранневерхненемецких сложных слов с основой одного и того же существительного в роли первого компонента.

Соединения, зафиксированные словарём Лексера	Соединения, встречающиеся в художественной литературе 16 века
âbent-mærlîn fragm. 21	Abendsstund Bin. 73
bûr-man (29)	Baurs-man E. 401, Frm. 161
bischof-huot 283	Bischoffs-hut J. 235
bischof-stap	Bischofs-stap G. 26
engel-brôt	Engels-gsande Kind. 405
engel-kleit	Engels-schossen Kind. 404
engel-lant	Engels-herz G. 5

got-hûs 74 got-sun 75	gotz-hus Konr. v. Ammenhusen 39 Gottes-dienst Bin. 39
himmel-rîche MS.; himmel-straze MS. 2, 219; himmel-brôt GR. 407	Himels-tron Frm. 159 Himmels-brot Morc. 51 Himels-pflänzlein Kind.403
hunt-hûs 95 hunt-kelle 95	Hunds-fell F. 34 Hunds-tage F. 12
jâr-vrist 101 jâr-zît 101	jars-frist Ulr. v. Richental 45 Jahres-zeit Gr. 602
kint-meister 107 kint-spil 107	kindts-schuhe P. 84 kindts-schul P. 84
knëht-kint 111	Knechts-lon H. S. 1, 171
krieg-nôt 116 krieg-seil 116	Krieges-jar Frm. 24 Kriegs-mann H. S. 1, 51
man-gerihte 133 man-künne 133	mans-bild H. S. Com. 71 Mans-person Ehz. 197
münech-hof 2230 münech-lëben 145	Mönchs-kopf G. 11 Mönchs-gebett G. 26
summer-zît 217	summers-zyt Brant 80, 30
tage-liecht 224 tage-zît 224	Tages-licht Morc. 51 Tages-zeit
vater-heim 264	Vaters-haus Luther 1 Mos. 28, 2
wander-man 308	wanders-man Frm. 159
winter-korn 323 winter-zît 323	Winters-narrung p. T-b. Winerts-zeit
wolf-zan 326	wolfs-grube H. S. 1,299

Морфема -(e)s- как маркер родительного падежа единственного числа в именной парадигматике, оказавшись в составе сложного слова, частично утрачивает своё формообразовательное значение. Функции показателя категории падежа и числа отходят на второй план либо вообще могут быть элиминированы, на первый план выступают функции словообразовательные – функции соединительного элемента (СЭ). Это явление «перепрофилирования» можно наблюдать на примере следующих композитов:

1. Семантические отношения между компонентами таких соединений не вписываются в круг значений немецкого родительного падежа, сохраняя при этом соответствующее падежное оформление первого компонента [Павлов, 1973: 80; 1: 150]. Например:

Adels-sitz P. v. S. 266	дворянское поместье
Bluts-freund Ehz. 239	кровный родственник
geleits-brifflin Bin. 34	письмо, отправленное со специальным сопровождением
Handwerks-mann E. 172	ремесленник
Himmels-tron Frm. 159	небесный трон

Hunds-tage F. 12	жаркие летние дни в период с 24 июля по 23 августа, когда Солнце проходит созвездие Большого Пса
Kalbs-braten G. 4	жареная телятина
Kinds-hass Ehz. 313	ненависть к детям
Winters-narrung p. T-b.	питание в зимнее время
Wanders-man Frm. 159	путник

Тенденция к утрате первым компонентом грамматической категории числа наиболее ощутима в сложениях, где в первом компоненте заключено понятие множественности. Например:

Bischofs-versammlung Wilm. 524	собрание епископов
Freundes-kreis Henz. 57	круг друзей
Schiffs-verkehr Henz. 57	судоходство
Zwillings-paar Henz. 57	близнецы

2. Наиболее убедительным подтверждением нашему предположению служит проникновение -(e)s- в старые сложения, которые ранее (в двн и свн периоды) функционировали в языке без какого-либо соединительного элемента:

bûr-man (29)	Baurs-man E. 401, Frm. 161
blut-freund Luther Wilm. 524	Bluts-freund Wilm. 524
lîp-hërre 128	Leibs-herr Ehz. 208
münech-kappe 145	Mönchs-kappe Bin. 8
bischof-huot 283	Bischoffs-hut J. 235
bischof-stap	Bischofs-stap G. 26
himmel-tou; Himmel-brot Morc. 51	Himels-tau Bin. Einl. Himmels-brot Morc. 51
hunde-tac 95	Hunds-tage F. 12
hunger-nôt Gr. 604	hungers-not Gr. 604
engel-bote 555-556	Engels-botte G. 5
Leben-trost Schottel Wilm. 524	Lebens-trost
rat-herr Wim. 524	Rats-herr
Schiff-mann Schottel Wilm. 524	Schiffs-mann
summer-zît 217	summers-zyt Brant 80, 30
tage-liecht 224	Tages-licht Morc. 51
tage-zît 224	Tages-zeit
wander-man 308	wanders-man Frm. 159
wolf-milch 326	wolfs-milch Bin. Einl.
winter-zît MS. 2, 90	winters-zit Gr. 604

3. Использование морфемы -(e)s- не как маркера родительного падежа, а как формального признака сложного существительного с первым компонентом – именем существительным свидетельствует наличие у ряда ранненововерхненемецких соединений дублетных форм:

Bischof-stab Bin. 104	Bischofs-stab G. 26
Blutfreund Ehz. 212	Bluts-freund Ehz. 239

esel-ohr M. L. K. 68 esel-stall E. 154	esels-ohr L. D. L. 374 Esels-stall E. 7
essen-zeit M. L. K. 111	essens-zeit M. L. R-b. 48
honig-wabe Bin. 3	Honigs-wabe Bin.
Kalb-fleisch Ehz. 340	kalbs-fleisch Bin. 73
Land-knecht Ehz. 348	Lands-knecht L. d. L. 375
Schwein-spis H. S. 1, 302	schweins-spies H. S. 1, 302
storch-schnabel M. L. K. 61	Storchs-schnabel M. L. K. 61
Wirt-haus Bin. 83	Wirts-haus Bn. 83
Wind-mühle Frm.431	Winds-mühl G. 10

4. В 16 веке широкое распространение получают соединения, в качестве первых компонентов которых выступают сложные основы. Появление этого типа субстантивного словосложения приходится как раз на ранненововерхненемецкий период, однако частотность употребления таких сложных существительных в литературе и разговорной речи быстро возрастает. Появляясь в составе таких соединений, морфема *-(e)s-* приобретает отчётливо выраженный характер маркера композиционного шва, особого пограничного сигнала, облегчающего семантическое восприятие такой сложной конструкции. Данные языковые процессы хорошо проявляются при сравнении композитов с первыми компонентами – простой и сложной основами. Ср.:

Welt-mann Wilm. 531	Allerwelts-mann Morc. 53
Werk-zeug Wilm. 531	Handwerks-zeug Morc. 53 Handwerks-Mayd H. S. 1, 95
Hof-mauer Wilm. 531	Kirchhofs-maurer Morc. 53
Nacht-zeit Wilm. 531 Nacht-stunde Wilm. 531	Mitternachts-zeit Wilm. 531 Mitternachts-stunde Wilm. 531
Land-gericht Wilm. 531	Oberlands-gericht Wilm. 531
Rock-futter Wilm. 531	Unterlocks-futter Morc. 53

5. Процесс «конверсии» формообразовательных и словообразовательных функций морфемы *-(e)s-* в полной мере можно наблюдать в составе сложений, первый компонент которых – имя существительное женского рода. Распространение *-(e)s-* в структуре таких сложных слов свидетельствует об утрате этой морфемой функций показателя не только падежа и числа, но и грамматического рода [Павлов, 1958: 309]. Соединительный характер элемента *-(e)s-* в композиции, где в качестве определителя выступает существительное женского рода, признавали даже Я. Гримм и младограмматики, определяя его как «неорганическое» или «нефлективное» *-s-* [Grimm, 1878: 912; 7. Wilmanns, 1899: 532]. Однако упомянутые авторы не ставили процесс проникновения «неорганического» *-(e)s-* в композитах даже в хронологическую связь с процессами появления других неполносложных соединений в истории немецкого языка. Рассматриваемое явление вошло и закрепилось в языке именно в ранненововерхненемецкий период – период глобальных преобразований в сфере композитообразования. Постепенно сложные слова с такой структурой

становятся общеупотребительным и широко используемым приёмом в литературе и разговорной речи.

Хронологию появления элемента -s- в составе таких сложений подробно описывали многие языковеды, в частности Я. Гримм, В. Вильманнс, В. Хенцен.

Результаты собственных наблюдений и исследования немецких лингвистов мы поместили в таблицы, где в правой колонке приведены соединения с элементом -s- в своём составе, а в левой колонке перечислены соединения, которые в данный временной отрезок ещё не используют этот форматив. Следует отметить, что колебания в употреблении -s- в сложениях с первым компонентом-существительным женского рода наблюдались вплоть до 18 века [Павлов, 1958: 312].

В сложениях с первыми компонентами – существительными на -ion и -ung употребление элемента -s- начинает приобретать регулярный характер уже во второй половине 16-17 вв. Ср.:

aussönung-brief Sastraw 641	aussönungs-gelt Sastraw 641,642
confession-vorwanten Gr. 914	confessions-religion Gr. 914
religion-ceremonien Sastr. Gr. 914	religions-fried Besold Gr. 914
religion-sachen 321 Gr. 914	Religions-sachen Wilm. 531

В 17-18 века распространение получает элемент -s- в составе сложений, первые компоненты которых оканчиваются на -heit\keit, – schaft, -tät [Grimm, 1878: 915; Wilmanns, 1899: 531; Павлов, 1958: 127-128].

gesellschaft-leistung Gr. 913	Gesellschafts-genossen 258
Herrschaft-zeichen Павлов 127	Herrschafts-bestrei Wilm. 531
majestäts-brief Besold Gr. 913	majestäts-brief Gr. 913

Большая группа сложений, первыми компонентами которых являются простые существительные Acht, Hilfe, Liebe, Nadel, а так же производные и сложные существительные, оканчивающиеся на -t, обнаруживают колебания в употреблении -s- на протяжении 16-17 веков, однако к 18 веку форма с СЭ оказывается наиболее продуктивной. Ср.:

acht-erklärung Sastr. 2, 419	achts-erklärung Sastr. 2, 697
erbet-leute Wilm. 531	arbeits-leute Wilm. 531
fassnacht-spiel Sachs Gr. 915	fastnachts-larvenGötz v.Berl.1,319
Geburt-Stunde Grimmelsh.1.222	geburts-stund Pictorius Gr. 915
geschicht-klitterung F. Bin. 52	geschichts-freund Gr. 912
hochzeit-gedicht Fleming Gr. 915	Hochzeits-gedicht Gr. 912
hochzeit-tage H. von Zigl.178	Hochzeits-tag Павлов 128
Liebe-bücher Grimmelsh.1. 276	liebes-zeichen Philand. v. Sittew.
Liebe-händel Grimmelsh.1.280	liebes-worte Schafgotsch. 141
Nadel-spitze Павлов 128	Nadels-knopff Павлов 128
Vernunft-kunst Павлов 128	Vernunfts-Gründe Павлов 128

Таким образом, после редукции соединительных гласных композиционный шов в составе сложных слов в конце свн периода оказался без отчётливо выраженного грамматического маркера. Морфология ведёт активный поиск новых наиболее выразительных средств маркирования оппозиции в данной подсистеме. Для восстановления целостности парадигмы именного словосложения морфологии необходимо было выбрать новые морфологические

средства из уже имеющихся в языке, которые путём их символизации смогли бы стать новыми оппозиционными маркерами в данной микросистеме. Наличие морфологических опор в виде складывающейся новой системы склонения по родам и числам, способствовало выбору морфологией наряду с другими такого средства, как: морфема -(e)s, используемая в парадигматике как показатель генетива имён существительных. Данная морфема путём «конверсии» ее плана содержания была использована в качестве соединительной прокладки, пограничного сигнала, т. е. выполняла функции, которые ранее выполняли соединительные гласные. Под термином «конверсия» в данном контексте следует понимать процесс функционального сдвига: развитие нового словообразовательного значения у данной формообразовательной морфемы.

Литература

1. Жаворонкова Л. А. Сложные имена существительные в немецком языке второй половины XVI века: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л. А. Жаворонкова. – М., 1965. – 232 с.
2. Павлов В. М. Развитие определительного сложного существительного (с первым компонентом – существительным) в немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / В. М. Павлов. – Л., 1958. – 402 с.
3. Павлов В. М. Субстантивное словосложение в немецком языке: Дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04 / В. М. Павлов. – Л., 1973. – 428 с.
4. Grimm J. Deutsche Grammatik / J. Grimm. – Berlin: Harrwitz und Gossmann, 1878. – Th. 2. – 991 S.
5. Lexers M. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch / M. Lexers. – Leipzig : S. Hirzel Verlag, 1956. – Aufl. 28. – 343 S.
6. Paul H. Deutsche Grammatik / H. Paul – Halle (Salle) : Niemeyer-Verlag, 1957.
7. Wilmanns W. Deutsche Grammatik Gottisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch / W. Wilmanns. – Strassburg : Verlag von Karl J. Trübner, 1899. – 671 S – Bd. 5. – 142 S.

References

1. Zhavoronkova L.A. Complex nouns in the German language of the second half of the XVI century: Dis. ... Cand. Philology. Sciences: 10.02.04 / LA Zhavoronkova. – M., 1965. – 232 p.
2. Pavlov V.M. Development of complex attributive noun (with the first component – noun) in German: Dis. ... Cand. Phil. Sciences: 10.02.04 / V.M. Pavlov. – L., 1958. – 402 p.
3. Pavlov V.M. Substantive word composition in the German language: Dis. ... Doctor. Phil. Sciences: 10.02.04 / V.M. Pavlov. – L., 1973. – 428 p.
4. . Grimm J. German grammar / J. Grimm. – Berlin: Harrwitz and Goss man, 1878. – Th 2 – 991 p.
5. Lexer M. Middle High German Pocket Dictionary / M. Lexer. – Leipzig: S. Hirzel Verlag, 1956. – Ed 28 – 343 p.
6. Paul H. German grammar / Paul H. Hall (Salle): Niemeyer Verlag, 1957.
7. Wilmann W. German grammar Gottisch, Old, Middle and New High German / W. Wilmann. – Strasbourg: Verlag Karl J. Trübner, 1899. – 671 S – Vol 5 – 142 p.

УДК 81'373.47

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-НЕОЛОГИЗМОВ В СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Сапронова Е.А.

ассистент
кафедры английского языка и методики преподавания
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
г. Белгород, Россия
sakabula@rambler.ru

Аннотация

Статья рассматривает проблемы образования и функционирования интернет-неологизмов английского языка в диапазоне использования современных компьютерных технологий и общения в сети Интернет. Приведена классификация электронных диалектов

современного английского языка. Предоставлены данные словаря Concise Oxford Dictionary определяющие наличие неологизмов, созданных на основе компьютерного дискурса, в словарном составе английского языка.

Ключевые слова: неологизм, коммуникация, электронный язык, Интернет.

FEATURES OF FUNCTIONING OF THE INTERNET NEOLOGISMS IN THE VOCABULARY OF THE ENGLISH LANGUAGE

Sapronova E.A.

assistant of Department of English Language and Methods of Teaching
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
sakabula@rambler.ru

Abstract

The article considers the problem of the formation and operation of online English neologisms in the range of use of modern computer technologies and communication on the Internet. There is also a classification of electronic dialects of modern English. Provided data dictionary Concise Oxford Dictionary determine the presence of neologisms created by computer-based discourse in the vocabulary of the English language.

Key words: neologism, communication, electronic tongue, Internet.

Сегодня Интернет является неотъемлемой частью жизни каждого человека. Однако Сеть является не только средством общения, но и коммуникативной средой, которая включает в себя огромное разнообразие речевых практик, способов и форм коммуникации. Издатель американского словаря «Merriam-Webster» Джон Морс назвал Интернет важнейшим словом XXI века. Он отметил, что «ни одно другое понятие так быстро не становилось неотъемлемой частью человеческой жизни и не оказывало столь значимого влияния на развитие всего человечества» [Малова, 2004: 252].

Являясь самой динамичной частью языка, лексика является отражением тех явлений и процессов, которые преобладают в обществе в определённый момент времени. В связи с этим, стремительное распространение информации и экономия времени набора печатного текста в рамках интернет коммуникации привели к образованию неологизмов в словарном составе английского языка.

Наиболее продуктивной областью наименования для неологизмов, представленных в Concise Oxford Dictionary 2011 года, стал именно Интернет. Этой области наименования принадлежат 33 лексические единицы. Сюда вошли слова badware, cyberbulling, digital immigrant, e – banking, follower, friend, facepalm, glamping, twiterrati, vlog etc. Подобный результат легко объясняется популярностью сети интернет и её непрерывной динамикой. Ежедневно в сети появляются сотни новых сайтов и социальных сетей. Самые популярные из них способствуют появлению неологизмов и закреплению новых значений за хорошо известными словами.

Так, в частности, в социальной сети Facebook, в качестве второго значения для слова friend, словарь даёт следующее определение: кто – то находящийся в списке друзей или контактов в социальной сети. А социальная сеть Twitter,

способствовала лексикализации слов: *follower* – кто – то следящий за обновлениями друзей или организаций в социальных сетях; *twittersphere* – сообщение, сделанное в социальной сети Twitter, доступное для всеобщего обсуждения; *twitterati* – постоянный пользователь данной социальной сети [Малова, 2004: 253].

На данный момент неологизмы не просто присутствуют в языке повседневного общения, но и составляют большую часть самого процесса общения в рамках сети Интернет.

Для определения английского как нового электронного языка используются различные термины: *e-language*, *netlingo*, *e-talk*, *geekspeak*, *netspeak*, *weblish* и т. д., а коммуникативное пространство его функционирования называют компьютерно-опосредованной коммуникацией или *Computer-mediated Conversation (CMC)*. Следует заметить, что этот термин обозначает и функциональную разновидность языка, и особую коммуникативную среду. Любой электронный язык, по сути, является системой неологизмов, используемых в определенной ситуации речевого общения. Рассмотрим, чем различаются эти языки.

Язык Сети имеет название – **Weblish** (от англ. *Web* – «паутина» и *English* – «английский язык»). Этот язык стал обязательной деталью «новой» человеческой культуры, порожденной сетевым общением. Это специфический язык. На *Weblish* пишется основная масса онлайн-сообщений. В языке достаточно много сокращений и аббревиатур. Также *Weblish* называют веб-диалектом английского или веблийским языком. Это наименование можно считать наиболее общим для всех языков, циркулирующих в Сети [Hourihan, 2002].

Digispeak (от *digit* – знак, цифра + *speak*) – цифровой язык, диджиспик – это язык онлайн-общения, в котором вместо общепринятых фраз широко используются акронимы. Именно этот язык является прародителем всех интернет-языков. Цифровой язык зародился в 70-е г. г. прошлого века, в то время, когда только начал использоваться Интернет, и у программистов разных фирм появилась возможность работать вместе [Hourihan, 2002].

Сейчас *Digispeak* является самой популярной формой виртуального общения, им пользуются многие люди, даже за пределами виртуальной реальности. Примерами *Digispeak* могут служить следующие акронимы:

FIFO (First In, First Out) – «первым пришел – первым обслужен». В программировании существует понятие «очередь» – структура данных, из которой элементы выбираются в том же порядке, в каком они туда поступают.

FOAF (Friend Of A Friend) – «друг моего друга».

IITYWISWYBMAD – *If I tell you what it says, will you buy me a drink?*

IWLSHIBAMF – *I was laughing so hard I broke all my furniture*

KISS – *Keep it simple, stupid!*

ROTFLASTC – *Rolling on the floor laughing and scaring the cat!* [McCarthy, 2003: 200].

Leet – распространившийся в Интернете стиль употребления английского языка. Название происходит от «*Elite*» – элита, элитный. Основные особенности *Leet*: замена латинских букв на похожие цифры и символы,

имитация и пародия на ошибки, характерные для быстрого набора текста, имитация жаргона хакеров и геймеров, добавление различных суффиксов к словам. Язык используется в основном в письменной форме, некоторые слова не имеют определенного произношения [Hourihan, 2002].

Leet был создан для того, чтобы обходить стороной запреты и языковые фильтры, разработанные в системах виртуального общения, а также, чтобы администратор не понял о чем идет речь и не закрыл данную тему. Статус «Elite» давал возможность скачивать секретные материалы и статьи подозрительного содержания (например, как приготовить бомбу в домашних условиях). На языке Leet слово хакер будет выглядеть так: *hax0r*, а *l4m3r* – это ламер, бестолковый пользователь. Буквы в этом языке заменяются похожими на их написание комбинациями символов. Например, букву «м» можно записать любым из следующих обозначений:

М: //., ^^, |v|, [V], {V}, |V|, ^\, (u), []V[], (V)

A few minutz l8r I bumpd in2 Karla walkng akros the west lawn. She walkz rEly kwikly & she'z so smal, like a litl kid.

It wuz so odd 4 both uv us, C-ng Ech uthr outside the otmeel walz + oysr karpetng uv the ofiss. We stopd & s@ on the lawn + talkd 4 a wile. We shared a fElng uv konspiraC by not B-ng inside helpng with the shippng dedline. [McCarthy, 2003: 128].

4. **Lolcat** – сравнительно молодой язык. Название произошло от аббревиатуры *LOL* (*Laughing Out Loud*) – «умираю от смеха» и *cat* – «кот». Коммуникативные единицы языка – смешные фотографии кота или кошки (или любого другого животного), подписанные каким-либо текстом юмористического характера. Часто подпись содержит грубые грамматические и орфографические ошибки. Примерный аналог слова «*hoomin*» в русском языке – «*чилавег*». Этот вариант языка тоже весьма популярен в Интернете.

5. «Компьютерный» английский, или язык компьютерщиков – **Geekonics** – содержит акронимы и модные слова и фразы людей, чья жизнь без компьютера просто невысказана. Технический язык *Geekonics* имеет и другое название – *geek-speak*. Такое сочетание слов «*geek*» + «*phonics*» появилось после того, как отдел среднего образования г. Окленд (Новая Зеландия) признал английский язык чернокожих американцев, или *Ebonics*, самостоятельным языком [там же: 52].

Примером *Geekonics* может служить следующее предложение:

This new soft has some really kewl fi4s. (This new software has some really cool features) – *У этой новой проги есть о4 клевые фи4и.* (У этой новой программы очень крутые возможности) [там же: 54].

6. Еще одна разновидность сетевого языка – **Imglsh**. Это эволюционировавший секретный язык написания мгновенных сообщений. Множество аббревиатур, акронимов и сокращений позволяют ИМ-пользователям обмениваться предложениями, состоящими всего из 3-5 букв, и держать родителей и начальство в полном неведении [Hourihan, 2002].

Imglsh «впитал» в себя аббревиатуры, акронимы и сокращения других языков и даже добавил к ним свои.

Несколько примеров использования *Imglsh*:

DETI – Don't Even Think It – «даже не думай об этом»;

WANA – We Are Not Alone – «Мы не одни»;

TNX 1.0E6/XE6 – Thanks – «Спасибо миллион раз». Акроним пришел из Digispeak. 1.0E6 – это 1×10^6 в компьютерной форме [McCarthy, 2003: 129].

Основываясь на материале из Concise Oxford Dictionary и пользуясь методом сплошной выборки было отобрано 123 неологизма, внесённых в данный словарь в 2011 году. Анализируя данный материал по принадлежности к частям речи обнаружено, что среди отобранных неологизмов преобладают существительные – 110 лексических единиц: denialist, follower, noob; затем следуют прилагательные – 9: nekkid, kewl; глаголы – 6 : to unfollow, to retweet; аббревиатуры – 4: TMI, NSFW, BOLO; и междометия – 3: boo – yah, woot [Concise Oxford English Dictionary, 2011].

Среди представленных неологизмов преобладают лексические с выраженной номинативной функцией, а представленные глаголы в большей степени субстантивированы, например: to Hollywoodize, to overparent, to upcycle. Как утверждают специалисты и ученые, диалект Weblish выделился под влиянием неуклонного роста популярности Интернета в последние годы. Примечательное свойство данного языка – его интернациональность. Отдельные фразы и выражения мгновенно впитываются другими мировыми языками и становятся общепонятными. Из этого следует вывод, новообразования в современном английском языке в большей степени пополняются за счет появления новых денотатов и заимствований из других языков.

В новое издание Оксфордского словаря включены новые слова, характеризующие современную киберкультуру. А британское маркетинговое агентство «Fourth Room» признает существование веблийского диалекта английского языка.

В формировании облика современного английского языка, именно неологизмам принадлежит ведущая роль. В особенностях формирования новой лексики отражаются не только языковые, но и глобальные процессы. Массовое появление новых денотатов и заимствований не только свидетельствует о высоком темпе развития современного общества, но и о повсеместном стремлении к интеграции. И в английском, как одном из мировых языков, наиболее четко отражены эти общемировые тенденции.

Литература

1. Малова, М.А. Функции жаргона и просторечия в непринужденной письменной речи: на материале писем в сети Fidonet / Социальные варианты языка – III: Материалы межд. науч. конф. 22-23 апреля 2004 г. – Нижний Новгород: НГЛУ, 2004. – С. 252-255.
2. McCarthy, Michael. English Vocabulary in Use/Michael Mc Carthy.- Cambridge University Press, 2003. – 316 p.
3. Concise Oxford English Dictionary. UK: Oxford University press Oxford, 2011.
4. Hourihan, M. What We Are Doing When We Blog. 2002. URL: <http://www.oreillynet.com/pub/a/javascript/2002/06/13/megnut.html> (дата обращения 22.03.2015).

References

1. Malova, M.A. Funkcii zhargona i prostorechija v neprinuzhdennoj pis'mennoj rechi: na materiale pisem v seti Fidonet / Social'nye varianty jazyka – III: Materialy mezhd. nauch. konf. 22-23 aprelja 2004 g. – Nizhnij Novgorod: NGLU, 2004. – S. 252-255.
2. McCarthy, Michael. English Vocabulary in Use/Michael Mc Carthy.- Cambridge University Press, 2003. – 316 p.

3. Concise Oxford English Dictionary. UK: Oxford University press Oxford, 2011.

4. Hourihan, M. What We Are Doing When We Blog. 2002.

URL: <http://www.oreillynet.com/pub/a/javascript/2002/06/13/megnut.html> (accessed: March 22, 2015).

УДК 811.13

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СПОРТИВНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Седых А.П.

заведующий кафедрой немецкого и французского языков,
доктор филологических наук, профессор
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
sedykh@bsu.edu.ru

Сосоенко С.С.

аспирант
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия

Аннотация

В статье рассматривается корпус спортивной фразеологии французского языка, являющийся частью общефранцузского языкового континуума. Выявляются функциональные характеристики, которые определяют коммуникативную направленность выделенной тематической лексики.

Ключевые слова: фразеология, лингвокультура, профессионально-ориентированная лексика, термин, номинация, значение, метафора.

SOME FEATURES OF SPORTS PHRASEOLOGY OF FRENCH LINGUISTIC CULTURE

Sedykh A.P.

Head of German and French Department,
Doctor of Philology, Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
sedykh@bsu.edu.ru

Sossoenko S.S.

postgraduate student
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia

Abstract

The article discusses the sports phraseology of the French language. The functional characteristics are identified that define a communicative thematic of sport vocabulary.

Key Words: phraseology, linguistic culture, professionally-oriented vocabulary, term, nomination, meaning, metaphor.

В последние десятилетия во Франции занятия спортом приобретают всёвозрастающую популярность. Жители французской республики считают, что спорт является носителем важных ценностей и школой жизни. Институт

мониторинга средств массовой информации провёл опрос среди жителей Франции по поводу значимости спорта. Результаты были следующие: большинство французов проголосовало за занятия спортом ради удовольствия (*plaisir*) и хорошего самочувствия (*bien-être*) [URL: http://mediascopie.fr/media/LMD_sport-4P.pdf].

Французы часто используют в обыденной речи терминологию и фразеологию, заимствованную из наиболее популярных для Франции видов спорта: футбола, тенниса, дзюдо, петанка, баскетбола, конного спорта, велосипедного спорта, регби, горных лыж, гольфа и парусного спорта [URL: <http://www.point-fort.com/index.php?2011/04/06/436-les-sports-preferes-des-francais>]: *Une chèvre* = mauvais footballeur [URL: <http://www.linternaute.com>]; *Jeter l'éponge* = L'entraîneur décide d'abandonner et pour le signaler jette l'éponge sur le ring; *Lécher le bitume* = Chuter sur la route [SS].

Так, преподаватель одного из французских лицеев, описывая школьную действительность, широко использует велосипедную терминологию: «*Une classe, c'est comme un peloton. Une attribution de notes, c'est une course cycliste. Il y a la tête, l'échappée, les flèches. Puis vient le gros des troupes, dont les membres ont du mal à se distinguer, à se départager. Ils se suivent et se ressemblent, la roue collée à la roue, essayant de se coiffer au poteau. Enfin c'est la queue de groupe, les traîneurs, les isolés, qui n'ont pas su rattraper leur retard parce qu'ils ne pédalent pas assez vite*» [URL: <http://profstory.blogspot.ru/2010/01/une-metaphore-sportive.html>].

В рассматриваемых высказываниях осуществляется «спортивная» концептуализация информации о школьной реальности. Анализ спортивных номинаций свидетельствует о том, что они вербализуют ключевую сему «велосипедная гонка». Выбор таких номинативных единиц указывает на установление ассоциативных и коннотативных связей между спортивными терминами и понятийным полем «школьная жизнь». Прагматическая доминанта данного текста ориентируется на своего основного реципиента – школьника, который лучше воспринимает нужную информацию в концептуализированном виде, образно фиксируя её в собственном сознании.

Журналисты неспортивных изданий также нередко употребляют спортивную терминологию и высказывания, связанные со спортом: «*L'actualité aime la métaphore sportive et nous offre souvent d'étonnantes confrontations. Quelques heures avant que les millionnaires du ballon rond ne s'affrontent dans un duel qui tint en haleine le peuple des supporters, la France a frôlé un record: celui du nombre de chômeurs. Et elle l'a manqué de peu. Juste une partie (malheureusement) remise. Contraints par la crise à jouer les Cassandre, tous les analystes économiques le disent: ce sera pour le mois prochain. Plus vite, plus haut, plus fort...*» [URL: <http://www.vosgesmatin.fr>].

Исследуемый материал демонстрирует наличие в семантике словосочетаний (*millionnaires du ballon rond, un record du nombre de chômeurs, plus vite, plus haut, plus fort*) ключевой семы «высокие гонорары спортсменов» на фоне периферийной семы «безработица», что отражает современные реалии спортивной и около спортивной жизни. Коннотативный формат высказываний связан с понятийным полем «кризис». Прагматический эффект основывается на ироничном сочетании близко стоящих словосочетаний *record du nombre de*

chômeurs (рекордное число безработных) и олимпийского девиза *plus vite, plus haut, plus fort* (быстрее, выше, сильнее).

В деловом дискурсе французов также отмечается частое использование спортивной терминологии. Рассмотрим следующие примеры спортивных аналогий в бизнес-коммуникации:

Avoir une cible (*стрельба*) = *Le business plan est presque devenu un incontournable à la création d'entreprise. Si le créateur ne souhaite pas forcément en établir un, il peut néanmoins être demandé par les partenaires de la future société (banque, propriétaire des locaux, organismes prêteurs...). Quel est la cible d'un business plan? Évaluer la cible et monter son business plan* [URL: <http://www.essonne.cci.fr>].

Anticiper (*спорт.* упреждать противника; предвидеть манёвр противника) = *Concurrents potentiels: les identifier et anticiper leur stratégie* [URL: <http://pros.madmagz.com/fr/concurrents-potentiels-les-identifier-des-et-anticiper-leur-strategie>].

Se préparer mentalement (*спорт. псих.* готовить себя психологически) = *Entreprendre un voyage d'affaire en Chine n'est pas une panacée, mais il faut aussi s'y préparer mentalement et culturellement* [URL: <http://www.marketing-chine.com/conseils-business-en-chine/preparer-un-business-trip-en-chine>].

Être scotché (*лыж.* не иметь возможность двигаться, изнемогать) = (1. être très impressionné 2. être coincé) = *3M: un directeur scotché par ses salariés* [URL: <http://www.bastamag.net/article508.html>].

Avoir une stratégie (*спорт.* иметь определённую стратегию) = *Il reste ensuite à déterminer quelle stratégie ces entrants potentiels sont susceptibles d'adopter* [URL: <http://pros.madmagz.com/fr/concurrents-potentiels-les-identifier-des-et-anticiper-leur-strategie>].

Garder son énergie (*альп.*) (беречь энергоресурсы организма) = *Conserver son énergie dans la durée <...> En tant que manager ou dirigeant, vous relevez des défis quotidiens: management de vos collaborateurs, atteinte des objectifs, gestion de crises <...> Pour cela, vous avez besoin d'énergie: celle qui vous permet d'entreprendre, de travailler avec les autres, de vous différencier, de mener à bien vos projets, de donner du sens, de réussir ...* (Сохранять энергию на длительное время <...> Будучи менеджером или директором, вы каждый день принимаете вызов: управление сотрудниками, достижение целей предприятия, выход из кризисных ситуаций <...> Для этого вам необходимы энергоресурсы, которые позволят вам вести предпринимательскую деятельность, работать с персоналом, стать лидером, доводить до конца ваши проекты, придавать смысл вашей деятельности, быть успешным) [URL: <http://www.comundi.fr/formation/120978/slow-management---conserver-son-energie-dans-la-duree.html>].

Следующие выражения из различных видов спорта вошли в активный лексикон среднестатистического француза:

Lâcher les baskets (à quelqu'un) = *laisser quelqu'un tranquille* (отвязаться от кого-либо, оставить в покое = *Lâche-moi les baskets deux secondes!* = *Elle [Marie] me suit comme un petit chien, pas de risque qu'elle me lâche les baskets.* (C. Giudicelli,

Station balnéaire.) – Мари ходит за мной как собачонка, нечего надеяться, что она оставит меня в покое) [АВВУУ];

Fumer la pipe = Gagner sans forcer, Pédaler avec une facilité déconcertante;

Flinguer ses adversaires = Lâcher tous les concurrents et gagner la course en solitaire (*le professeur Daffé est un fin mobilisateur qui sait flinguer ses adversaires*);

Allumer les phares, saler la soupe, charger la mule, faire sauter la soupape, faire exploser la chaudière, se faire une fléchette = Se doper;

Bouffer la feuille = Rater un but vraiment facile;

Sucer la roue = L'expression qui s'applique à un coureur dont l'objectif est de surveiller de près et marquer un adversaire, selon les circonstances de course, sans jamais prendre de relais. Cette situation permet de limiter les efforts en restant dans le sillage, avant d'éventuellement en tirer profit au moment opportun [URL : <http://www.cyclisme-mag.com/L-expression-de-la-semaine/Articles/L-expression-de-la-semaine-Sucer-la-roue-8377/>];

Marquer à la culotte = Cette expression date du XXe siècle, elle est issue du milieu sportif. Lorsque l'on marque un joueur en sport d'équipe, on le surveille, on l'empêche d'agir. Pour cela, il faut le suivre de très près au point d'avoir les yeux collés à la culotte, ici le short [URL : <http://www.linternaute.com/expression/>].

Следует отметить относительно активную роль спортивных французских кафе в формировании спортивного национального дискурса. Это, прежде всего региональный феномен, отражающий диалектальные параметры спортивного дискурса, о чём говорят сами названия спорт-кафе: «*Café des sports de Midi Libre*»; «*Restaurant & Bar sport Rouen*»; «*Café Sport Orléans*»; «*Café Sport Colmar*».

Таким образом, рассмотренный языковой материал свидетельствует о том, что спортивное арго, профессиональная и обыденная коммуникация находятся в процессе постоянного взаимодействия. Это явление национальной лингвокультуры отмечается и французскими исследователями: *Le sport a généré un langage propre, imagé, inventif, parfois corrosif. Un langage qui s'est répandu bien au-delà des vestiaires et des terrains* (Спорт создал свой собственный язык, образный, изобретательный, иногда едкий. Язык, который распространился далеко за пределами раздевалок и спортивных площадок) [Blanchet 2012, 7].

Терминология популярных видов спорта выступает источником обогащения общезыкового арсенала французской лингвокультуры. Спортивную лексику активно употребляют представители различных профессий: преподаватели, публицисты, деловые люди. Наряду с терминологией из других областей человеческой активности, обыденная коммуникация французов отличается повышенным вниманием к спортивной фразеологии, особенно в периоды спортивных всемирных событий, таких как олимпиады и чемпионаты мира, особенно если они проходят во Франции.

Литература

1. Blanchet B., Lesay J-D. Le Dico du parler sport. – P: Ed. Fetjaine, 2012. – 624 p.

НЕМЕЦКИЙ ГЛАГОЛ *ANZIEHEN*: СЛОВАРНЫЕ ДЕФИНИЦИИ И РЕЧЕВЫЕ ПРАКТИКИ

Сергей В.Н.

кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой иностранных языков
Учреждения образования
«Мозырский государственный педагогический университет
имени И.П. Шамякина», г. Мозырь (Республика Беларусь),
+375295374820
sergej_conf@mai.ru

Слова, повторяемые десятки раз в повседневной речи, становятся привычными, конкретными по смыслу, т.е. однозначными в данном конкретном речевом контексте. В тексте же семантика слова взаимодействует с коммуникативным замыслом автора: лексемы различных частей речи проявляют готовность к неожиданной синонимизации, переносным употреблением, они начинают сопровождаться эстетическими оттенками – особыми приращениями смысла [Новиков, 1982: 47]. Таким образом, номинативные единицы превращаются в сигналы, воздействующие на адресата речи, который может находиться в любой коммуникативной ситуации и в любой сфере гуманитарной деятельности.

Изучение словарного запаса безлимитно и безвременно. Со временем содержание понятий, номинируемых словами языка, дополняется, обогащается, трансформируется и порой изменяется коренным образом. Одно и то же слово в разных сферах гуманитарной деятельности имеет совершенно разное смысловое наполнение. Иногда невозможно подсчитать дефиниции того или иного понятия, зафиксированные в многочисленных словарях. Появляются новые сферы человеческой деятельности, и одно и то же понятие адаптируется к ним.

В данной работе проанализируем словарные дефиниции немецкого глагола *anziehen* в русском языке, представленные в различных словарях и дискурсивных практиках по различным отраслям. Так, «Большой немецко-русский словарь» даёт следующие дефиниции глагола *anziehen*:

1. навевать, – натягивать (*одежду*); одевать (*кого-л.*).
2. натягивать; затягивать; подтягивать (тж. тех.);
die Zügel anziehen – натягивать поводья;
die Bremse anziehen – тормозить (*ручным тормозом*);
eine Schraube anziehen – завинчивать {подтягивать} винт.
3. притягивать (тж. физ., тех.); впитывать, вбирать, приобретать;
der Kaffee hat den Geschmack von Seife angezogen – кофе отдаёт мылом.
4. привлекать, интересоваться; пленять.
5. высок. уст. приводить, цитировать; ссылаться (на что-л.);
ein Beispiel {eine Quelle} anziehen – приводить пример {источник}, ссылаться на пример {на источник}.

II vi

1. (тж. разг. *angezogen kommen** (s)) приближаться, надвигаться.

2. подниматься, расти (б. ч. о ценах);
die Preise ziehen an – цены растут;
Weizen zieht an – пшеница повышается в цене.
 3. тянуть; трогать с места (о транспортных средствах);
die Pferde ziehen nicht an – лошади не берут {не трогают с места}.
 4. спорт. увеличить скорость, повысить темп (бега).
 5. делать первый ход (шахматы).
- III sich anziehen одеваться.

В других словарях даются в целом сходные наборы значений, однако полного их тождества не наблюдается. Данный глагол представлен также в специальных словарях в значениях, закреплённых за соответствующими сферами деятельности (техника, нефтедобыча, химическая промышленность, экономика и др.). Приведём некоторые примеры:

ABBYY Lingvo

(<http://www.lingvo-online.ru/ru/Translate/ru-de/anziehen>)

anziehen

- 1) надевать, натягивать;
 - 2) одевать (кого-л) – (в быту);
 - 3) впитывать, вбирать (напр. аромат, влагу – о продуктах);
 - 4) притягивать, привлекать (о привлекательных вещах);
 - 5) затыгивать; натягивать (напр. поводья или канат);
 - 6) подтягивать, завинчивать (напр. винты);
 - 7) устарев цитировать; ссылаться (на кого-л, что-л).
2. vi
- 1) начинать движение, трогаться (напр. о поезде);
 - 2) фин,- эк расти (о ценах);
 - 3) увеличивать скорость, наращивать темп;
- sich anziehen одеваться.

Немецко-русский политехнический словарь:

(http://polytechnic_de_ru.academic.ru/)

Anziehen

n

- 1) притягивание; втягивание (*напр. сердечника реле*), притяжение;
- 2) затыжка, затыгивание, завинчивание (*напр. гайки*);
- 3) машиностр. первый переход (глубокой) вытягики;
- 4) натягивание, надевание;
- 5) выбиание (*слабины каната*);
- 6) трогание (с места);
- 7) начало схватывания (*раствора*).

Немецко-русский словарь по общей лексике:

(www.classes.ru/all-german/dictionary-german-russian-universal.htm)

Anziehen

anziehen.wav *n -s*

- 1) *см.* anziehen;
- 2) одевание;
- j-m beim Anziehen helfen — помогать кому-л. Одеваться;
- 3) ком. рост, повышение (*цен, курсов*);
- 4) спорт. подтягивание;
- 5) стр. схватывание (*цементного раствора*).

Немецко-русский нефтегазовый словарь:

(<http://www.classes.ru/all-german/dictionary-german-russian-oil.htm>)

Anziehen

Anziehen n

- 1) затяжка;
 - 2) завинчивание (резьбовых соединений)
- Anziehen des Bohrgestänges
 - Anziehen einer Tiefpumpe

Немецко-русский химический словарь:

(www.classes.ru/all-german/dictionary-german-russian-chem.htm)

Anziehen n

поверхностная сушка, затягивание (*степень высыхания лакокрасочных плёнок*)

Немецко-русский экономический словарь:

(<http://www.lingvo-online.ru/ru/LingvoDictionaries/Details?dictionary=Economics+%28De-Ru%29>)

Anziehen n

рост, повышение (*напр. цен*)

Словари АБВУ Lingvo (Ru-De) дают тематические толкования немецкого глагола *anziehen* по разным сферам функционирования:

завинчивать	Все тематики – Наука и техника
затягивать	Все тематики – Производство
надевать	Все тематики – Наука и техника
надеть	Все тематики
повысить	Гуманитарная деятельность
повышение	Экономика
подвинтить	Все тематики
подтягивать	Все тематики – Строительство

Очевидно, что далеко не все сферы деятельности человека покрываются данными дефинициями.

Приведем несколько примеров из текстов (примеры взяты с лингвистического портала АБВУ Lingvo-Online, дающего перевод слов, устойчивых выражений, предложений с примерами их употребления: <http://www.lingvo-online.ru>):

Wichtig ist es die einst mühsam rekrutierten Mitarbeiter zu halten, um beim ersten <i>Anziehen</i> der Konjunktur gleich starten zu können.	Предприятию важно сохранить специалистов, на поиск которых ушло не мало усилий, чтобы, как только начнет улучшаться конъюнктура, сразу же стартовать в полную силу.
Deine Hochzeit muß ausgerichtet werden, etwas zum <i>Anziehen</i> brauchst du auch.	И свадьбу тебе надо играть, придется тоже надо...
Da die Spannung rechts wie links völlig gleichsein mußte, schlug man, während des <i>Anziehens</i> der Spannerven, abwechselnd auf den rechten und den linken Spannbolzen, bis beide einen gleichen Klang gaben.	Для того чтобы напряжение было равным с обеих сторон, канаты стягивали, ударяя по ним поочередно справа и слева до тех пор, пока обе стороны не издавали одинакового звука.
Erst dann durfte sie sich wieder <i>anziehen</i> und zum Daijin gehen.	Лишь после этого позволили одеться и пропустили к дайdzину.
Er stand auf und wollte sein Hemd <i>anziehen</i> .	Он встал, хотел накинуть рубашку.
Es ist ein egoistisches Anliegen, ich weiß es, und ob die Aufgabe dich <i>anziehen</i> könnte, weiß ich nicht.	Это эгоистическая просьба, я знаю, и по душе ли тебе такая задача, мне неизвестно.
Ich sehe, daß die Mädchen sich <i>anziehen</i> .	Я вижу, что девицы одеваются.

Итак, количество реально существующих значений анализируемого глагола (как, разумеется, и множества иных лексических единиц, в первую очередь актуальных, имеющих тенденцию к развитию новых значений), очевидно, не ограничивается приводимыми дефинициями в существующих словарях. Поэтому одна из основных задач и перспектив лексикографических исследований – максимальный и оперативный учёт реально существующих коммуникативных практик, чему в современных условиях может способствовать привлечение интернет-ресурсов.

Литература

1. Новиков, Л.А. Искусство слова / Л.А. Новиков. – М.: Педагогика, 1982. – 128 с.

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ФРАЗЕОЛОГИИ

Гэ Цзиншэнь

аспирант

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

г. Белгород, Россия

1064216@bsu.edu.ru

Аннотация

Настоящая статья посвящена описанию антропоцентризма как современного научного направления. Данная тенденция базируется на учете человеческого фактора в языке как приоритетной основы интерпретации лингвистических фактов. Предполагается, что изучение семантики той или иной языковой единицы, в том числе и фразеологической, ее интерпретация, возможны при учете особенностей восприятия, концептуализации, трансляции в язык знаний лингвокультурного сообщества о том или ином объекте реальной действительности. Это особенно касается исследований, выполняемых на материале китайского языка. Дело в том, что последний ввиду своей аутентичности особенно связан с историей, традицией народа. Эти знания передаются посредством языковых единиц от поколения к поколению. Особенно очевидно данное обстоятельство проявляет себя во фразеологических единицах китайского языка, интерпретация которых невозможна без знания истории и культуры китайского народа. Последнее свидетельствует в пользу учета человеческого фактора в лингвистическом анализе.

Ключевые слова: фразеология, антропоцентризм, китайский язык, вербальная коммуникация, культурное наследие, лингвокультура.

ANTHROPOCENTRISM OF CONTEMPORARY STUDIES OF PHRASEOLOGY

Gje Czinshjen

Postgraduate Student

Belgorod State National Research University (NRU "BelSU")

Belgorod, Russia

1064216@bsu.edu.ru

Abstract

This article is devoted to the description of anthropocentrism as a modern scientific field. This trend is based on the idea of the existence of the human factor in a language as a prior factor taken into consideration while interpretation of linguistic facts. It is expected that the study of the semantics of a particular linguistic unit, including phraseology, its interpretation is possible taking into account the peculiarities of perception, conceptualization, translation of linguocultural community's knowledge of about a particular object of reality into the language. This applies particularly to research carried out on the material of the Chinese language. The fact is that the latter is authentic and especially connected with the history, traditions of the people. This knowledge is transmitted through language units from generation to generation. Particularly evident this fact manifests itself in phraseological units of the Chinese language, the interpretation of which is impossible without knowledge of the history and culture of the Chinese people. The latter profiles the human factors in linguistic analysis.

Key Words: phraseology, anthropocentrism, the Chinese language, verbal communication, cultural heritage, lingvoculture.

Современное стремление социума к интеграции и глобализации является очередным планомерным этапом его эволюции и выражается в необходимости развития и модификации релевантных способов вербальной и невербальной коммуникации во всех сферах деятельности человека. При этом нельзя не отметить, что язык выступает в качестве организма, зеркально отражающего уровень развития общества, хранящего и накапливающего историческое и культурное наследие человечества. Одновременно язык выступает главным инструментом когниции, средством получения и обмена информацией. Иными словами, использование языка в качестве средства коммуникативной и познавательной деятельности предопределяет успешность развития социума [Мечковская, 2004].

Кроме того, нельзя не отметить тот факт, что две перечисленные функции гораздо более распространены и заключаются в том, что язык служит не только передаче мысли об уже познанном объекте действительности, но и в формировании самой этой мысли. Соответственно, язык выступает в качестве посредника мысли, выделяя те объекты действительности, которым уже есть номинанты.

Таким образом, материализуя мысль и осуществляя информационный обмен, язык выступает в качестве инструмента когниции, организует знания об окружающем нас мире, структурирует их, закрепляет в сознании, обогащает их, передает модальность коммуникантов, ословливая суждения и отношение к объектам действительности [Багана, 2008].

Многогранность языка позволяет ученым определять его как сложнейших элемент современной реальности, однако точное определение этому феномену затруднено. Тем не менее, наиболее традиционной дефиницией и одной из самых емких по содержанию является определение его в качестве одной из семиотических систем, служащих основным средством коммуникации социума, инструментом развития мышления, трансляции сведений культурно-исторических традиций и т.п. [Ахманова, 2007:530]. По-мнению Г.В. Колшанского, язык выступает как уникальный объект науки «в том смысле слова, что он насквозь субъективен как атрибут человека» [Колшанский, 1975:14].

Как отмечает С.Г. Тер-Минасова, язык способствует становлению и эволюции личности, национального характера и объединяет социум [Тер-Минасова, 2004]. Идентичная идея постулируется в произведении Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова «Язык и культура», в которой отмечается: «Человек не рождается ни русским, ни немцем, ни японцем и т.д., а становится им в результате пребывания в соответствующей национальной общности людей. Воспитание ребенка проходит через воздействие национальной культуры, носителями которой являются окружающие люди» [Верещагин, Костомаров, 1990: 25].

Первый значительный прорыв в области антропоцентрической лингвистики совершил Э. Бенвенист, который видел язык в качестве составляющей самого человека на том основании, что язык не существует без человека, владеющего им, развивающего его. Последнее особенно очевидно в продуцируемом дискурсе, который всегда отражает ход человеческой мысли. Соответственно, «в мире

существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком. И язык, таким образом, входит в само определение человека» [Бенвенист, 1974: 293]. Это дословно означает, что язык лежит в диапазоне естественного восприятия человека. Он не пересекает границ этого восприятия ни со стороны плана выражения, ни со стороны плана содержания. Последнее в современной лингвистике возводят в ранг основного антропоцентрического принципа.

Принцип антропоцентризма стал полноправным элементом работ современных ученых Н.Ф. Алефиренко, Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Р.А. Будагова, А. Вежбицкой, Е.С. Кубряковой, В.А. Масловой и др. Он возводится в ранг основных методологических принципов, что, по мнению многих ученых, сводится к поиску роли объекта для человека, его жизнедеятельности с учетом перспектив его использования для конечной цели, определенной самим человеком [Кубрякова, 1995; Рахилина, 2000; Николаева, 2000]. Таким образом, человек посредством языка отражает окружающую его действительность, меняет мир вокруг себя, и транслирует эти знания в язык как семиотическую систему.

Исследование, предпринимаемое нами, базируется именно на основном антропоцентрическом принципе или принципе человеческого участия в языке, отправной точкой которого является принцип лингвистической интуиции носителей языка, его важной задачей является «описание свойств тех сущностей и явлений, которые эта интуиция в языке усматривает» [Паршин, 2003:1]. Таким образом, учитывая специфику настоящего исследования, которое направлено на изучение фразеологического фонда китайского языка (преимущественно, фразеологизмов-соматизмов с компонентом «голова»), мы рассматриваем объект исследования с позиций антропоцентризма, принимаем во внимание особенности культурного наследия, самобытности китайского народа.

В китайском языке как в одном из самых древнейших и сложнейших языков в мире, например, существует масса аутентичных фразеологических единиц весьма непохожих на фразеологизмы любых других иностранных языков. Это обстоятельство связано с тем, что история самого китайского языка насчитывает около пяти тысячелетий своей эволюции. Соотносясь с группой тибетских языков по своему морфо-функциональному строению, сам язык неповторим по своему характеру и особенностям, что преимущественно отражается на лексико-грамматическом уровне, а также графике, иероглифике. Что же касается фразеологии китайского языка – это несомненно яркая иллюстрация национальной культуры, самобытности, истории, мудрости народа. Основой китайских фразеологизмов являются явления, факты, события, случаи, коррелирующие с жизнью китайцев. И если изучающий язык или переводчик не владеют знаниями об историческом подтексте устойчивого словосочетания, это приводит к неправильному пониманию значения выражения, нарушает процесс восприятия целостной картины его семантики. Регулярно китайские фразеологизмы содержат реалии, доступные пониманию только носителей языка и воспринимаемые иностранцами.

Например, фразеологизм, дословно переводимый как «прядь волос на виске» не имеет прямого эквивалента ни в одном языке мира. Это обусловлено чисто китайской традицией отращивать или оставлять при стрижке волосы

определенной длины на височной области как способ самоидентификации как китайской нации в целом. Другой фразеологизм, переводимый как «еда без мяса не страшнее жилища без бамбука» эксплицирует понятие, сходное русскому «Хлеб – всему голова» и подразумевает невозможность жизни без бамбука, который служит для китайцев и едой, и жилищем, и одеждой, и кровом, и бумагой, и обувью.

Также необходимо отметить, что фразеологизмы китайского языка весьма специфичны в отношении проявления способов образного переосмысления фактов действительности, типологических особенностей языка, при этом они зачастую также способны выражать понятия, знакомые носителям других языков.

В качестве последних мы определяем устойчивые словосочетания современного китайского языка, отвечающие критериям расчлененности (заключается в способности составляющих функционировать самостоятельно), количественности (выражается в количественном составе фразеологизма), композиционной идентичности (структурное сходство любого фразеологизма и словосочетания), идиоматичности (семантическая слитность компонентов, обуславливающая их новое спаянное значение, невозможное для каждого компонента в отдельности), устойчивости (выражается в определенной доле инвариативности), воспроизводимости в готовом виде (семантической нерасчлененности в употреблении, редкой вариативностью в речи), коммуникативной направленностью (выражается в прагматическом потенциале), номинативностью (способность фразеологизма называть предмет или явление, давать им характеристики с учетом семантической спаянности значения), экспрессивностью (мощный прагматический потенциал фразеологизма)

Все вышеперечисленные характеристики фразеологизмов выявлены с учетом антропоцентрического фактора. Отобранные на основании этих факторов фразеологические единицы исследуются с учетом культурного наследия, без отрыва от изучения картин мира, сложившихся у разных народов, представителей разных культур. Данное обстоятельство дает возможность полноценно исследовать фразеологизмы с учетом столь актуального антропоцентрического фактора и получить наиболее объективные результаты.

Литература

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-ое, стер. / О.С. Ахманова. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
2. Багана, Ж. Сложные прилагательные как средство формирования оценочного характера человеческого познания // Ж. Багана // Научная мысль Кавказа. – Ростов-на-Дону: Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы ЮФУ, 2008. – С. 128-130.
3. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
4. Верещагин, Е.М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного – 4-е изд., перераб. и доп. / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М., 1990. – 246 с.
5. Гумбольдт, В. фон. О возникновении грамматических форм и их влиянии на развитие идей / В. фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М., 2000 – С. 329.
6. Колшанский, Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1975. – 70 с.
7. Кубрякова, Е.С. Лексикализация грамматики: пути и последствия / Е.С. Кубрякова // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность. – М.: Институт русского языка РАН, 1995. – С. 16-24.
8. Мечковская, Н. Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура. Серия: Высшее профессиональное образование / Н. Б. Мечковская. – Академия, 2004. – 432 с.
9. Николаева, Т.М. От звука к тексту / Т.М. Николаева – М.: Языки русской культуры, 2000. – 680 с.

10. Паршин, П.Б. Об оппозиции системоцентричности и антропоцентричности применительно к политической лингвистике / П.Б. Паршин // tsmi@mgimo.ru.

11. Рахилина, Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина – М.: Русские словари, 2000 – 416 с.

12. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.

References

1. Akhmanova, O.S. Dictionary of Linguistic Terms. Ed. Fourth, sr. / OS Akhmanova. – М.: KomKniga, 2007. – 576 p.

2. Bagana, J. Compound Adjectives As Means Of Formation Evaluation Nature of Human Cognition // J. Bagan // Scientific Thought Of Caucasus. – Rostov-on-Don: Publishing North Caucasus Scientific Center of Higher School SFU, 2008. – S. 128-130.

3. Benveniste, E. General Linguistics / E. Benveniste. – М.: Progress, 1974. – 447 p.

4. Vereshchagin, E.M. Language And Culture: Country Study In Teaching Russian As A Foreign Language – 4th ed., Rev. and add. / E.M. Vereshchagin, V.G. Kostomarov. – М., 1990. – 246 p.

5. Humboldt, W. von. On The Formation Of Grammatical Forms And Their Influence On The Development Of Ideas / W. Von Humboldt // Selected Works on Linguistics. – М., 2000 – S. 329.

6. Kolshansky, G.V. The Ratio Of Subjective And Objective Factors In Language / G.V. Kolshansky. – М.: Nauka, 1975. – 70 p.

7. Kubryakova, E.S. Grammar Lexicalization: Ways And Consequences / E.S. Kubryakova // Language As A System. Language As A Text. Language As An Ability. – М.: Institute of Russian Academy of Sciences, 1995. – P. 16-24.

8. Mechkovskaya, N.B. Semiotics. The Language. The Nature. The Culture. Series: Higher Education / N.B. Mechkovskaya. – The Academy, 2004. – 432 p.

9. Nikolaev, T.M. From the sound to the text / TM Nikolaev – М.: Languages Russian Culture, 2000. – 680 p.

10. Parshin, P.B. On Opposition Of System and Antropocentrism In Relation To Political Linguistics / PB Parshin // tsmi@mgimo.ru.

11. Rachel E. Cognitive Analysis Of Subject Names: Semantics And Compatibility / E.V. Rachel – М.: Russian Dictionaries, 2000 – 416 p.

12. Ter-Minasova, S.G. Language and Intercultural Communication / S.G. Ter-Minasova. – М.: MGU, 2004. – 352 p.

Научное издание

ЛЕКСИКОГРАФИЯ
И КОММУНИКАЦИЯ – 2015

Материалы I Международной научной конференции

г. Белгород, 23 – 24 апреля 2015 г.

Оригинал-макет *Н.А. Гапоненко*

Подписано в печать 05.05.2015. Формат 60×84/16
Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 12,32. Заказ 139
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИД «Белгород» НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85